С. И. ЗАХАРЦЕВ

В.П. САЛЬНИКОВ

**ФИЛОСОФИЯ
И
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА**

С. И. ЗАХАРЦЕВ
В.П. САЛЬНИКОВ

ФИЛОСОФИЯ
И
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Рецензенты:

Президент Ассоциации философии права Санкт-Петербурга,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Э.В. Кузнецов

доктор философских наук, профессор

Д.В. Масленников

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный работник культуры РСФСР,
доктор юридических наук, профессор,

И. Ф. Покровский

Захарцев С. И., Сальников В.П.

Философия и юридическая наука.

Книга посвящена рассмотрению отдельных актуальных проблем философии, философии права, теории права и юридической науки. В ней обсуждается проблема монизма-плюрализма в философии, критикуется философия постпозитивизма и постмодернизма, предлагается вернуться к диалектике как универсальной всеобщей методологической основе научного познания.

На базе диалектики в книге рассматривается право. В ней исследуются предмет философии права, онтология и гносеология права, методология и содержание права, правосознание и его деформация, проблемы юридической науки и пути их решения, правовой прогресс и др. Обосновывается и разрабатывается теория компрехендного права. Выдвигаются новые идеи и предложения.

Особое внимание обращается на новые вызовы человечеству в виде незащищенности от информационного насилия и распространения биомедицинских экспериментов.

Монография адресуется научным работникам в области философии и философии права, юристам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами философии и права.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. ФИЛОСОФИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- § 1. Проблема монизма-плюрализма в философии*
- § 2. Роль личности в методологии и роль судьбы исследователя в формировании методологии и мировоззрения*
- § 3. Кратко о философии науки*
- § 4. Философия и глобальные проблемы человечества*
- § 5. Убыстрение темпа жизни как новая философская проблема*

Глава 2. ПРАВО: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

- § 1. Предмет философии права*
- § 2. Проблема происхождения права*
- § 3. Комплексная теория права*
- § 4. Вопросы методологии права*
- § 5. Правовой прогресс*

Глава 3. ОТДЕЛЬНЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

- § 1. Интегральная юриспруденция*
- § 2. Разумность и бессмысленность права*
- § 3. Экстрасенсы и право*
- § 4. Взаимосвязь права и экономики*
- § 5. Суд присяжных*
- § 6. Отрицательное право и развратно-негативное право*
- § 7. Конвергенция в праве*

Глава 4. НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

- § 1. Биомедицинские эксперименты над человеком как философско-правовая проблема*
- § 2. Информационное пространство как угроза человеку и его правам*

Глава 5. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ДЕФОРМАЦИЯ

- § 1. Правосознание*
- § 2. Правовой нигилизм в России*
- § 3. Профессиональная деформация правосознания*

Глава 6. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- § 1. Общие проблемы научных работ по юриспруденции*
- § 2. Этические проблемы в юридической науке*
- § 3. Основные науковедческие проблемы юридической науки*
- § 4. Проблемы юридического образования на современном этапе*

§ 5. Основные проблемы современной юридической практики

ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Представленная монография продолжает цикл наших работ по философии и философии права.

Право немыслимо без философии. Из философии исходят понятия права, правового бытия, государства, юстиции. Большинство философов, начиная с античности, в своих работах обязательно так или иначе касались вопросов права, правового регулирования общественных отношений, законности. Достаточно сказать, что у истоков господствующей в современной России теории естественных прав человека стояли философы Б. Спиноза и Д. Локк. Ранее, в СССР, руководящей была другая философия, в соответствии с которой право имело совсем другое содержание: по В.И. Ленину право понималось как воля господствующего класса, возведенная в закон.

При этом надо признать, что до сих пор философы, как и юристы, даже к более-менее общему пониманию права не пришли. На это тоже оказывает влияние философия – уже современная философия со свойственным ей индетерминизмом.

Поэтому данное философско-правовое исследование мы начали с рассмотрения актуальных проблем философии. И уже на основе сформулированных выводов обратились непосредственно к праву и философии права.

Кроме того, в книге значительное место уделено вопросам современной юридической науки и практике, современному юридическому образованию. Предложены пути решения имеющихся проблем.

Работая над монографией, мы провели в России и за рубежом ряд социологических исследований о праве, правовом прогрессе, правосознании и его деформации. Результаты исследований, думаем, будут небезынтересны специалистам.

Выражаем признательность известным ученым Э.В. Кузнецову, Д.В. Масленникову и И.Ф. Покровскому за внимание к нашей работе и ее положительную оценку.

Наши предыдущие книги и статьи вызвали у научной общественности заметный интерес. Об этом в том числе свидетельствует то, что мы – авторы книги - входим в десятку наиболее цитируемых в России юристов.

Часть книг и статей переведены на иностранные языки ближнего и дальнего зарубежья, где получили позитивные отклики. Мировое научное сообщество особенно выделяет монографию по философии права, переведенную на английский язык и изданную в Кембридже (Великобритания)¹.

Надеемся, что представленная книга также вызовет интерес у специалистов по философии и философии права, юристов-практиков, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется проблемами философии и права.

С.И. Захарцев
В.П. Сальников

¹ *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.*

ГЛАВА 1

ФИЛОСОФИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

§ 1. Проблема монизма-плюрализма в философии

Отношение многих жителей России к США и европейским странам внутренне противоречиво. Это противоречие связано с тем, что традиционно названные страны воспринимаются как враги России, покушающиеся на ее целостность, независимость, богатства. Однако одновременно большинство наших соотечественников искренне верят, что западные страны более развиты экономически, технически, социально и научно. Иными словами, России до Запада еще далеко. Лозунг: «Догоним и перегоним Америку!» – знают все жители России с детства. Причем сам по себе лозунг совершенно бессмысленный, ибо совсем не ясно в чем догоним, по каким показателям, где, а главное зачем?

Тем не менее, указанные противоречия обуславливают попытки перенятия Россией западной культуры, ценностей, образования, технических достижений, опыта. Такие процессы периодически затрагивают практически все сферы жизнедеятельности, искусства, науки.

В конце XX века указанные процессы непосредственно затронули и философию. Западная и советская философия всегда имели существенные различия. Назовем некоторые из них. Советская философская школа строилась в основном на материалистической платформе. В западной философии имелись самые различные переплетения идеализма, позитивизма, анархизма, утопизма и пр. Отечественная философия была направлена на достижение истины. Западные философы ориентировались больше на невозможность познания истины, но при этом имели большую направленность на человека, познание его и его поступков. Отечественная философия имела монотеоретический характер, а западная пропагандировала

плюрализм. Указанные отличия стали базовыми для самых разных направлений мировой философии XX века, большинство из которых самым интересным образом переплелись в философии науки.

Говоря объективно, и западные, и советские философы в XX веке достигли больших высот. Подготовлено немало работ, оставивших заметный след в философской мысли человечества. При этом советские специалисты исходили из того, что мир познаваем. Указанный посыл, основанный на диалектическом методе познания, был основой советской философской мысли. Западные мыслители, в отличие от диалектического монизма, творили при плюрализме идей.

В настоящее время российским философам доступны практически все иностранные труды. Одновременно и западные ученые могут в полном объеме ознакомиться с достижениями советской научной школы.

Что получилось в итоге? Идеи, выдвинутые западными учеными, оказались востребованными в России. Вместе с тем, поглощения и нивелирования трудов советских мыслителей с отказом от прежних установок, вопреки ожиданиям некоторых западных ученых, не произошло. Напротив, обострилась философская проблема соотношения монизма и плюрализма как конкурирующих философских идей. Об этой проблеме писали и мы в работах по философии права.¹

В 2010 году в Санкт-Петербурге прошли традиционные философские чтения. Среди опубликованных статей философов нам очень понравилась работа В.П. Огородникова, посвященная названному вопросу.² Солидаризуясь с В.П. Огородниковым, с учетом того, что для содержания данной книги проблема монизма-плюрализма в философии имеет особое значение, остановимся на ней более подробно.

¹ Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 146-152; Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права. М., 2014; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

² Огородников В.П. Монизм и плюрализм как конкурирующие идеи в философии науки // Философия науки: перспективы развития. СПб., 2010. С. 160-164.

Как известно, плюрализм (от лат. *pluralis* – множественный) – философская точка зрения, согласно которой действительность состоит из многих самостоятельных сущностей, не образующих абсолютного единства. Плюрализмом является атомизм (понимаемый в абсолютном смысле) и монадология. Считается, что термин «плюрализм» ведет свое происхождение от Х. Вольфа. Современная западная философия, отклоняющая всякий монизм, плюралистична в своей основе. Она признает множество самостоятельных, часто отдельных существований, детерминированных сущностей и «слоев бытия»¹.

Монизм (от греч. *monas* –единственность) представляет собой учение о всеединстве. Х. Вольф называл монистами прежде всего тех, кто признает только одну основную субстанцию.² Как пишет В.П. Огородников, монизм утверждает, что многообразие начал, причин, оснований всякого развития представляет собой системный синтез, в котором системообразующим центром является одно такое основание, причина и т.п.³

Идеи плюрализма стали очень популярными в западной философии в XX веке. Став общей идеологией субъективно-идеалистических философских школ (структурализм, экзистенциализм, герменевтика и др.) они в итоге логично объединились в философии постмодернизма.

Мировоззренческо-методологическими основаниями плюрализма являются:

- индетерминизм – отрицание определенности, учение о наличии состояний и событий, для которых причина отсутствует или не может быть указана. Иначе говоря – абсолютизация случайности;
- номинализм– абсолютизация единичного;
- аномологизм – отрицание причинных закономерностей, связей.

¹ *Философский энциклопедический словарь*. М., 2003. С. 345-346

² *Философский энциклопедический словарь*. М., 2003. С. 274.

³ *Огородников В.П.* Монизм и плюрализм как конкурирующие идеи в философии науки // *Философия науки: перспективы развития*. СПб., 2010. С. 160.

В.П. Огородников абсолютно верно пишет о том, что применение указанных постулатов к различным предметным областям дает следующие разновидности плюрализма:

- онтологический плюрализм – постулирование независимости, несубординированности множества субстратных и субстанциональных начал объективного мира.

- гносеологический плюрализм – отрицание существования объективности в истине, попытка обосновать равноправность, «равноистинность» различных, даже противоположных точек зрения на один и тот же момент действительности.

- методологический плюрализм – попытка обосновать равноправность любых методов познания.

- социологический плюрализм – идея равноправия, рядоположенности различных факторов социального развития.

- аксиологический плюрализм – постулирование равноправия критериев оценки человеческих ценностей, вплоть до утверждения плюральности самих этих ценностей.

- логический плюрализм – принципиальное отсутствие какой-либо наиболее адекватной миру системы логики.

- политический плюрализм – использует основные концепции социологического плюрализма для обоснования идеи плюральности различных политических доктрин и процесса их практического воплощения (реальности политических действий).

В практической плоскости указанные постулаты приводят: к политической дезориентации; к «примирению» науки и мистики; к отождествлению монизма с политическим и идеологическим тоталитаризмом, а плюрализма, соответственно, - с демократией; к обоснованию равноправия различных опытов: житейского, научного, мистического как равно ценностных – «праксиологический» плюрализм; к оправданию индивидуализма и эгоизма в общественной жизни и практике; к

оправданию идеи равноправия истин относительно одного и того же явления – «гносеологический» плюрализм; к отрицанию диалектической методологии – «методологический» плюрализм и т.д.¹

Мы остановимся на онтологическом, гносеологическом и методологическом плюрализме. Такой выбор обусловлен тем, что онтологический плюрализм лежит в основе любого из других плюрализмов. Противостояние гносеологического и методологического плюрализмов и монизма нас интересуют в первую очередь с точки зрения философии права.

Онтологический плюрализм, как отмечает В.П. Огородников, несовместим с данными современного естествознания. Факты, получаемые современной наукой, свидетельствуют – материальный мир во всех его проявлениях, на любом уровне организации – физическом, химическом, биологическом и социальном – монистичен. Нет ни одной системы, которая не представляла бы субординированное и координированное единство элементов. Постулируемое плюрализмом отсутствие субординации между элементами означает отсутствие связи между ними, то есть отсутствие системы.²

Среди этого справедливого вывода особенно важно упоминание о социальном монизме. Дело в том, что длительное время в философской литературе ощущалось некое негласное противопоставление естественных и гуманитарных (социальных) наук. Причем высказывались мнения, что если материальный мир (или даже так – мир изучаемый естественными науками) упорядочен, то социальное бытие, социальное общество совсем непознаваемо, плюралистично в изучении, равновесно с т.з. познания и т.д.

Однако социальное бытие также подчинено законам и также жестко субординировано. Надо признать, что во все времена существования человека и человечества, общество никогда не было полностью плюралистично и полностью равно. Этого не было не только в

¹ Огородников В.П. Монизм и плюрализм как конкурирующие идеи в философии науки // Философия науки: перспективы развития. СПб., 2010. С. 161.

² Огородников В.П. С. 162.

рабовладельческом строе, но и сейчас. В социалистической системе существовала командно-административная система, привилегии для отдельных граждан. При формально декларируемом равенстве, фактически его не имелось. В капиталистическом мире равенство даже не подразумевается. Люди не равны в экономических правах, поскольку имеют разные экономические возможности, разный социальный статус. Вопрос о том, возможно ли «идеальное общество» с абсолютно равными правами и возможностями дискуссионен. Но логично предположить, что нет. Такой вывод неизбежно следует из того, что даже если искусственно создать равные права и возможности, то кто-то возможностями воспользоваться захочет, кто-то не захочет, а кто-то не сможет. В результате вскоре у людей будут разные возможности, что приведет уже к разным правам, разным условиям жизни.

В обществе внутри рамок государства не бывает несколько равноправных и равновесных центров принятия решений. В России, попытавшейся в 1990-е годы обобщить в Конституции Российской Федерации весь передовой опыт либерализма всего мира, все равно при принципе разделения властей четко установлено, что, когда и в каком объеме может делать каждая из ветвей власти. В результате, с учетом ментальности, появилась президентская республика, где последнее (и главное) слово остается за президентом. Такая же четкая субординированность и организованность есть в каждом развитом государстве (про неразвитые даже не говорим). Вплоть до того, что хочешь выйти на демонстрацию и высказать публично свое мнение – пожалуйста, но перед этим надо: согласовать у властей время и место демонстрации, объявить количество участников полиции, согласовать лозунги, чтобы не содержали призывов к насилию, нацизму, фашизму, принять меры по обеспечению безопасности участников демонстрации и т.д., и т.п. При невыполнении этих условий – административная или уголовная ответственность со стороны властей. Поэтому недаром говорится, что демократия в первую очередь – это жесткое

и жестокое соблюдение закона и только в десятую очередь – свобода слова и образа жизни. Такая свобода дозволена только до момента, пока это не касается другого человека и тем более первых лиц общества и их интересов. Бывая за рубежом, невольно подумалось о том, что советским людям напрасно запрещали бывать в капиталистических странах, знакомиться с их бытом, бытием в глобальном и житейском смыслах этого слова. Если погрузиться в быт жителей европейских стран, то легко можно увидеть, что он весьма скромен (уже по сравнению с современной Россией), экономичен, строго очерчен рамками в виде законов и структурирован. При этом бросается в глаза экономическая разница между большинством населения и небольшой прослойкой элиты (экономической, политической, духовной), фактически определяющей жизнь в стране.

Весьма наивно ставить знаки равенства между плюрализмом мнений и западной демократией, что иногда, к сожалению, делают даже ученые. При плюрализме надо обязательно учитывать, что такие мнения могут быть: незаконные (например, призывы к насилию, к фашизму), недостоверные, умышленно ложные, неэтичные и безнравственные. В западной демократии плюрализм мнений имеет строго очерченные рамки и строгую ответственность за выход из рамок.

Иными словами надо признать очевидный факт, что общество – неравновесная система.

Концепция плюрализма по определению связана с метафизической интерпретацией процесса детерминации. Плюрализм основывается на суждении о практически бесконечном количестве качественно однотипных, одинаковых детерминант всякого события, подразумевающихся «равноправными». Это дает возможность прийти к выводу о неопределенности всех процессов, невозможности до конца познать причину того или иного события.

Такой подход, как верно заметили исследователи, фактически тождественен индетерминизму и является мировоззренческой и

методологической основой субъективного идеализма. Плюрализм детерминизма скрывает в себе индетерминизм и субъективный идеализм, поскольку предоставляет возможность произвольно выбрать позицию, с которой всякие конкретные отношения могут быть представлены недетерминированными. Известно, что подобный прием используется позитивизмом (вплоть до постпозитивизма) в обосновании агностицизма¹.

Подобный вывод фактически означает плюральность мировоззрения. Если отказываются от единой всеохватывающей концепции детерминизма, то соответственно не может быть и единой мировоззренческой концепции. И в этой плюральности можно дойти до абсурда и откровенной неразумности, выдвигать несуразные доктрины и идеи, обосновывать мистику, случайности и пр. И при этом все подобные описания будут считаться равноценными, поскольку от ведущих и ведомых отказываются.

Конечно, все это идет в разрез с наукой, научными требованиями, к которым мы привыкли. Задачей любой науки является нахождение закономерного, выявление его сути. Незаконмерное, абсолютно случайное непознаваемо, ибо познать мы можем только повторяющееся, воспроизводящееся общее. Познать – значит понять, дойти до чувственно-единичного, конкретно образного отражения предмета, до абстрактного существенно-общего в определенном классе предметов – до понятия.² Значимость понятий в логике мышления доказывать, думается, не нужно.

Здесь важно точно и четко различать, что имеется в виду. Речь идет не о том, что в науке невозможны разные мнения, разные точки зрения. Наоборот, как известно, истина подчас устанавливается в споре. Речь идет о подрыве самого подхода к формам и законам мышления. Не о том, что наблюдать, научно выявить и точно сформулировать закономерность. А о том, что, как считают некоторые философы, выявлять закономерности – пустой труд, поскольку истинных знаний они не дают и закономерностями по сути не

¹ Огородников В.П. Монизм и плюрализм как конкурирующие идеи в философии науки... С. 163.

² Там же.

являются. Речь о плюрализме в данном случае идет также как об абсолютизации единичного и фактически ненужности аргументации полученных выводов (ведь наука – это и анархия, и индивидуальная логика). Именно эти случаи имели в виду и пытались доказать К. Поппер, П. Фейербенд, Т. Кун, другие представители постпозитивизма и постмодернизма.

Их философию и ее ошибочность, сущность которой состоит в отходе от общепринятых науковедческих основ, надо точно понимать и оценивать. Не все российские философы, как нам кажется, смогли разобраться в данной проблеме. Например, Р.А. Зобов пишет: «Как и в классической, в неклассической науке ряд человеческих качеств оставался за пределами рассмотрения. На этом фоне возрастает интерес ко всякого рода «абсурдным идеям», т.е. к соображениям, которые явно не укладываются в рамки классической теории, но зачастую дают результаты, позволяющие по-новому посмотреть на те или иные проблемы. Повышенный интерес к абсурдным идеям в неклассической науке способствовал расширению сознания ученого. Отказ от тех или иных стереотипов воспринимался уже гораздо легче, чем в рамках классической науки».¹ Далее, встав на позиции К. Поппера, Р.А. Зобов пишет, что законы, лежащие в основе конкретных наук, являются ограниченными. Любое положение научно постольку, поскольку оно является опровержимым (принцип фальсифицируемости). Значит, - делает вывод названный специалист, - все законы сосуществуют наряду друг с другом и никакому из них нельзя отдавать предпочтения.²

Высказывать названные Р.А. Зобовым «абсурдные идеи», не укладывающиеся в представляемую нами современную научную картину мира может любой. *Вопрос не в идеях, а в их проверке и оценке именно научным способом.* Идеи С.П. Королева о запуске человека в космос многим в тот период казались большими фантазиями. Более того, объявлению о

¹ Зобов Р.А. Философия науки и проблема человека // Философия науки: перспективы развития (методология прикладной науки). СПб., 2013. С. 158.

² Там же: С. 159.

первом полете человека в космос первоначально поверили даже не все физики – настолько невозможной в принципе казалось эта идея. И действительно, чем шире думает ученый, не стесняясь выходить за рамки известной картины мира, тем нередко продуктивнее его творчество. Но – это надо помнить и понимать! – идеи и мысли ученого должны проверяться и реализовываться научным путем: строгим с точки зрения используемых методов познания, логичным, с возможностью проверки другими учеными. Именно здесь есть принципиальное отличие монизма от плюрализма, который допускает что для проверки идей методы познания могут применяться какие угодно, проверять их не обязательно и не всегда возможно, так как истина все равно не постижима (или у каждого исследователя своя).

Из такой философии нам приходилось видеть опубликованные в наукообразном изложении рассуждения о том, что Юрий Гагарин был инопланетянином и он вовсе не погиб, а «вернулся к себе». В качестве проверки таких абсурдных (уже без кавычек) идей приводилась аргументация о многомерности пространств, цивилизаций и пр.

Поэтому очень важно не разрушать науку, подходы к науке, принципы построения научных знаний. И помнить слова А. Эйнштейна, что наука направлена на познание мира, служит Истине, получению истинных знаний. На это нацелены ее методы познания, которые в связи с изложенным могут считаться научными. Так, собственно, думает значительная часть ученых.

Здесь возникает вопрос: а возможен ли монизм в философии? Исторический опыт убедительно показал, что нет, невозможен. Философы очень разные, очень субъективно смотрят на бытие. Недаром, любой учебник по философии принято начинать с подробного рассмотрения истории философии. Подлинно философские идеи и воззрения вечны, они подчас в несколько видоизмененном виде возвращаются человечеству, развиваются, не забываются. Исторический опыт человечества скопил уже немало

подобных идей. Монизма в философской мысли не может быть хотя бы из-за вечного противостояния идеализма и материализма.

Однако монизм возможен и необходим в философии науки и науке, достижения которой убедительно свидетельствуют о монистичности мира. Еще раз подчеркнем, что монизм вовсе не означает невозможности разных и противоположных идей. Разные, порой противоположные и даже абсурдные идеи нужны. Но монизм предполагает их строго научную оценку, которая делается, естественно, на основе монистичной научной методологии.

Тем самым проводится четкая граница между наукой и ненаукой. Философы (или люди, пытающиеся ими быть) могут выдвигать любые идеи, вплоть до того, что Земля плоская, держится на трех слонах или скоро налетит на Земную ось. Такие рассуждения – их право. Но проверять подобные идеи надо через строго выверенную научную методологию, которая по определению должна быть монистична. Иначе, при плюрализме научных методологий и подходов, можно прийти к выводу о правильности указанных рассуждений.

Мы специально привели очевидные примеры. Но ведь они объективно были в истории размышлений о мире, бытии и месте в нем человека.

Сейчас при плюрализме идей навязывается и плюрализм научных методологий. При этом, что важно (!), они взаимовыгодны друг другу. Так тезис об априорной невозможности познания мира содержит в себе практически любую философию, практически любую методологию и гносеологию, либо вообще их отсутствие. Ведь признание непознаваемости мира по большому счету делает методологию и эпистемологию бессмысленными. С таких позиций они не нужны науке, так как в итоге все равно ничего не смогут привнести. Но такой подход дает полную свободу отдельным философам для творчества. И всем – как философам, так и поддержавшим их ученым, - хорошо. Только подобные усилия, увы, непродуктивны. Ведь их вывод станет примерно таким: да, мы ничего не познали. А дальше выдвигаются оригинальные идеи о ненужности

гносеологии. Этим, в частности, «прославился» Р. Рорти. Он обосновывал, что эпистемология – есть наследственная болезнь европейской философии. От указанного американского философа досталось и науке, и истине. Р. Рорти, как известно, считал претензии науки на истинные, достоверные знания неоправданными. При этом, согласно Р. Рорти, истина — это скорее «то, во что для нас лучше верить», нежели «точное изображение реальности»¹. Существует мнение и оно, похоже, достаточно объективно о том, что для пропаганды лозунга о "смерти эпистемологии" Р. Рорти сделал столько, сколько не сделал ни один другой мыслитель второй половины XX века.

Но насколько такая позиция продуктивна с точки зрения собственной жизни, собственной научной работы? Стоит ли заниматься научной работой, чтобы стремиться доказать, что эта работа, по большому счету ни к чему не приведет? Может быть все-таки лучше пытаться доказать, что работа очень нужна для познания мира и жизни, стремиться к этому и не обижаться на науку, даже если в итоге мечты не реализуются? Именно поэтому мы уверены, что интерес к постпозитивизму и постмодернизму пропадет, а философы и ученые вновь будут считать возможным и необходимым получение именно истинных сведений.

Таким образом, в философии науки, как и самой науке, нужно стремление к познанию мира, направленность на Истину, полноту и объективность знаний. Эта цель может быть достигнута при монизме методологии познания.

Но каком монизме? Таким монизмом может выступать диалектика, диалектический метод познания.

Многие годы в СССР диалектический метод считался всеобщим универсальным научным методом. За истекший период, используя

¹ См. работы *Р. Рорти*: *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, 1979; *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis, 1982; *Philosophy in History*. Cambridge, 1985; *Contingency, irony, and solidarity*. Cambridge, 1989; *Philosophy and Social Hope*. New York, 2000.

названный метод в качестве основного, советская наука (и это объективно) совершила значительный рывок в развитии. Достижения советских ученых в области физики, химии, математики, космонавтики и т.д. можно не перечислять. Динамично развивались и гуманитарные дисциплины, в том числе право. Причем подход к диалектике как всеобщему научному методу удовлетворял абсолютно всех.

Распад СССР и последовавшие за этим кардинальные преобразования как ни странно значительно коснулись методологии. Так, метод диалектики был подвергнут обструкции, появились заявления, что универсального и всеобщего метода в философии не имеется. Некоторые пошли еще дальше и заявили, что названный метод фактически представляет собой путь в тупик. А отдельные специалисты пришли к парадоксальному выводу, что подлинно философской мысли в СССР вообще не было.

В результате российские философы оказались разделены на несколько групп. Первая группа планомерно продолжает отстаивать диалектический метод как всеобщий метод науки¹, другая группа предлагает рассматривать его наравне с другими общенаучными методами², наконец, третья в силу разных причин старается низложить значение диалектики для науки³.

Изложенное требует кратко возвратиться к содержанию диалектики, заново оценить ее значение. По философии Гегеля, под диалектикой понималось использование в науке закономерности, заключенной в природе мышления, и в то же время саму эту закономерность. По мнению Гегеля, диалектика — движение, лежащее в основе всего как подлинно духовная действительность, и в то же время — движение человеческого мышления, которое в спекулятивном плане участвует в этом движении абсолютно и всеобъемлюще. Все движения протекают по «разумным» законам диалектики. Закон движущегося мышления есть также закон движущегося

¹ Напр., Рузавин Г. И. Методология научного познания. М., 2009. С. 8.

² Об этом см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 266.

³ См., напр.: Садовский В.Н. Карл Поппер, Гегелевская диалектика и формальная логика // Вопросы философии. 1995. №1. С. 139-148.

мира.¹ Такое понимание диалектики стало базой для формулирования и обоснования различных диалектических направлений (в том числе и марксистско-ленинской диалектики).

Одним из основных предметов изучения диалектики является развитие. Диалектика — философское учение о наиболее общих закономерностях развития природы, общества, мышления и познания.

Развитие, в свою очередь, невозможно представить без динамики, движения, изменения. Такие изменения носят не единичный характер, а комплексны и системны. Системность изменений подразумевает изменение качества, поэтому развитие характеризуется прежде всего качественными изменениями.

Эти качественные изменения не беспорядочны. Они происходят в системе и потому подразумевают наличие взаимозависимости между предыдущими и последующими изменениями, их преемственность. В связи с этим формулируется обоснованный вывод о существовании направленности в преобразованиях и, соответственно, в развитии. При этом развитие с философской точки зрения, с учетом системных качественных изменений и направленности, есть процесс необратимый. Необратимость изменений понимается как появление качественно новых возможностей, не существовавших ранее.

Таким образом, в общем исходном смысле развитие - это направленные, необратимые качественные изменения системы.

При необходимости учесть специфику диалектической концепции развития, приведенное определение может быть расширено путем указания на внутренний механизм развития, связанный с внутренними противоречиями. В таком случае развитие — это направленные, необратимые качественные изменения, обусловленные противоречиями системы.²

¹ *Философский энциклопедический словарь*. С. 134–135.

² *Алексеев П. В., Панин А. В. Философия*. М., 2005. С. 434.

Поскольку развитие в широком понимании является одной из основ диалектики, что такое диалектика для науки? Видимо, всё.

Развитие научного знания предполагает постоянное изменение, движение, динамику знаний. В диалектическом развитии раскрываются такие обязательные свойства научного знания, как предметность, определенность, точность, системность, логичность, проверяемость, теоретическая и эмпирическая обоснованность, практическая полезность. Совокупность этих свойств определяет и гарантирует объективность научного знания. Именно диалектика является методом, жизненно необходимым для любой науки.

Приведем известную цитату Гегеля: «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном смысле сохраняется в своем инобытии, всеобщее – в своем обособлении, в суждении и реальности; на какой ступени дальнейшего определения поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»¹.

Без развития наука мертва. Без постоянной реализации основанных на диалектике функций познания, объяснения, эвристики, прогноза и практической реализации любая теория прекратит свое существование. Сначала она остановится в развитии, вскоре наметится ее заметное отставание от жизненных потребностей, а затем она уйдет в небытие. Правда, объективное (опять же диалектическое) мировое развитие знаний может

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М., 1937. Т. 5. С. 34.

заставить вернуться к забытой теории, но этот процесс весьма трудоемок и затратен.

В настоящее время известно немало общенаучных методов. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что в их применении присутствует диалектика. Даже если взять такой обязательный метод науки, как системный подход, то и здесь четко прослеживаются изменение и развитие. Система не константна. Она развивается и изменяется как минимум в двух направлениях. Первое направление — расчленение на более мелкие подсистемы, определенная витиеватость системы; второе направление — противоположное, заключающееся в укрупнении подсистем, слиянии их, включении частей в целое. Иначе говоря, система тоже динамична в своем развитии и требует познания именно с точки зрения диалектики. На этот метод мы умышленно обратили внимание потому, что в ряде учебных и диссертационных работ по юридическим наукам, его пытались превозносить как «универсальный» и «базовый» для других научных методов.

Кроме принципа развития, в диалектике принято выделять принцип материального единства мира и принцип всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений.

Принцип материального единства мира подразумевает, что весь имеющийся реальный мир упорядочен, представляет собой систему, а не хаотичную массу. Этот принцип выражается в том числе и в реальном существовании различных форм движения материи, включая социальную форму, характеризующую человека и общество, их взаимодействие. В развитии и материальном единстве мира важное место занимает взаимосвязь. Диалектика опирается на идею всеобщей связи, которая, в свою очередь, подразумевает взаимную обусловленность явлений. Связь есть отношение, а основой всякого отношения выступает взаимодействие. Отсюда и проистекает идея взаимообусловленности как необходимое дополнение к идее всеобщей связи, вместе же они выражают тот факт, что в мире, в реальном бытии нет ни одного явления, которое так или иначе не было бы

связано с другим явлением.¹ Например, социально-экономические преобразования, наблюдавшиеся в России в конце XX века, привели к изменению отношений к собственности физических и юридических лиц. Вследствие таких изменений был восстановлен институт частной собственности. Изменение одного объекта или явления неизбежно влечет изменения в другом объекте. Восстановление частной собственности в праве, с одной стороны, предопределило ликвидацию колхозного права, с другой стороны, потребовало серьезных изменений в других отраслях права. В экономике: привело к внедрению новых экономических моделей и, соответственно, неизбежный отказ от старых правил ведения экономики. В политике восстановление в России частной собственности привело к усилению роли российских концернов в мировой политике, что повлекло изменение расклада политических сил и т.д., и т.п.

Как известно, основными законами диалектики являются:

- закон единства и борьбы противоположностей;
- закон взаимного перехода количественных и качественных изменений;
- закон отрицания отрицания.

Закон единства и борьбы противоположностей указывает на сосуществование разных сил и тенденций, причем эти силы одновременно находятся в единстве и противоречии друг другу. Иначе говоря, диалектика связывает развитие во всех областях реального мира с противоречиями, свойственными любому явлению, процессу, объекту. Диалектические противоречия носят внутренний характер; в постоянном конкурирующем взаимодействии движущих сил явления изменяются и, соответственно, развиваются.² Внутреннее единство и противоречия связей внутри науки, их

¹ *Философия* / Под ред. В. П. Сальникова. СПб., 1999. С. 302.

² Внутренние диалектические (так называемые «жизненные») противоречия следует отличать от формально-логических противоречий. Формально-логические противоречия имеют место в том числе тогда, когда об одном и том же объекте (или предмете), в одно и то же время, в одном и том же смысле высказываются противоположные суждения и умозаключения. Например, в 2009 г. высказывалось мнение об искоренении коррупции в

постоянное осмысление, конкуренция мнений в конечном счете обуславливают научное развитие. В этом смысле указанный закон является методологической основой для других научных законов.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений произведен от закона единства и борьбы противоположностей и в общем виде может быть сформулирован так: количественные изменения того или иного объекта, явления, постепенно накапливаясь, умножаясь, на определенном этапе приводят к изменению качества этого объекта. Объективно наблюдавшийся в XX в. интерес к атомной физике, осуществление множества исследований по данной тематике, постепенно привел к качественному улучшению знаний. Названный закон в равной степени распространяется как на другие науки, так и на научные методы.

Сущность закона отрицания отрицания в том, что он рассматривает развитие в виде сменяющих друг друга уровней (ступеней, качеств), связанных между собой таким образом, что каждый последующий уровень развития является отрицанием предыдущего.

Основными диалектическими категориями являются: целое и часть, отдельное и общее, действительность и возможность, структура и элементы, теоретическое и практическое, содержание и форма, цель и средство, причина и следствие и др. Например, потребность регулирования конкретных общественных отношений выступает причиной издания правовой нормы. Издание же нормы является следствием необходимости регулирования названных отношений. Или: конкретное деяние лица выступает причиной применения правовой нормы. Применение нормы, как и закрепленные в ней последствия, являются следствием деяния лица.

органах внутренних дел, и практически одновременно говорилось об увеличении числа фактов проявления коррупции среди работников МВД. В данном случае речь идет не о диалектических противоречиях внутри системы, а о нарушении формальной логики, т. е. о логическом противоречии, искажении истины. С точки зрения логики очевидно, что истинной может быть только одна из указанных мыслей. Формально-логических противоречий философские науки требуют не допускать.

Очень точно по поводу современной ситуации в науке в части диалектики сказал академик В.С. Степин, на мнение которого многим ученым следует обратить внимание: «В начале 90-х гг., после распада СССР, появились оценочные суждения, согласно которым в нашей философии не было достижений, что она была оторвана от мировой философской мысли и все надо начинать с нуля. Такого рода суждения можно встретить даже в философских учебниках и энциклопедических словарях того времени. Они были чисто идеологическим феноменом, возникшим в русле огульной критики мировоззрения советской эпохи. То, что в советскую эпоху считалось позитивным, автоматически объявлялось негативным, знак “плюс” заменялся на знак “минус”. Но подобные утверждения, впрочем, не требующие сколько-нибудь серьезной мыслительной работы, не выдерживают критики при обращении к реальным фактам. Показательно, что известный американский историк науки, профессор Массачусетского технологического института (Бостон) Лорен Грэхэм свое фундаментальное исследование исторического развития философии науки в СССР завершил обобщающим выводом о том, что данная область исследований в стране является “впечатляющим интеллектуальным достижением” и “по универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли”¹».²

Диалектика являлась и является универсальным научным методом не потому, что она была идеологически выгодна конкретному руководству, а по объективным причинам. Почему-то «забывается», что многие известные дореволюционные философы тоже опирались на диалектику как на универсальный научный метод. Например, Б.Н. Чичерин задолго до создания СССР писал о том, что без диалектики нет философии.

Да, в СССР диалектика действительно была господствующей философской теорией как в науке, так и в преподавании. Другие

¹ Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 415.

² Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2008. С. 85.

философские концепции рассматривались критично-односторонне и не всегда полно. Так, конечно, не должно быть. Однако сие вовсе не умаляет значение диалектики. Дополняя абсолютно точное высказывание В.С. Степина, с грустью приходится констатировать, что значительные достижения советской философской мысли, в том числе касающиеся диалектики, к сожалению недостаточно востребованы в настоящее время. Это, увы, обедняет современную науку.

Методология, как известно, не терпит давления со стороны и направлена на получение так называемых деперсонифицированных и интерсубъективных научных знаний. Методы, которые она изучает, нацелены на фиксацию объективных знаний, без примесей субъективного, личностного фактора, и уже тем более – без примеси идеологии. По справедливому мнению Т. Г. Лешкевич, современная методология — наиболее стойкая, сопротивляющаяся изменениям сфера, направленная на изучение методов научного познания и способов организации деятельности.¹

Здесь, кроме того, важно понимать, что даже при критическом подходе именно к марксистско-ленинской диалектике не следует отвергать диалектику вообще либо преуменьшать ее огромное значение. При этом следует учитывать, что диалектический метод также развивается и изменяется, поэтому подходы к его содержанию не могут быть догматическими. В этом вновь находит выражение принцип диалектики как постоянного развития и изменения.

П.В. Алексеев и А.В. Панин в этом контексте написали, что наряду с политизированной или идеологизированной моделью диалектики (которая отражена в трудах В.И. Ленина и И.В. Сталина), в рамках диалектического материализма возможна иная модель диалектики – гуманистическо-диалектическая. В ней могут быть непротиворечиво соединены принципы материализма, диалектики и гуманистичности, а сама диалектика может

¹ Лешкевич Т. Г. Философия науки. М., 2005. С. 107.

раскрыть свою многогранность применительно к природе, социуму и духовному миру человека¹.

Указанные ученые неоднократно писали интересные работы о диалектике. Но по их признанию, публикации последних лет помогло им увидеть в диалектическом материализме разные, а в политическом плане – противоположные, направления и более четко чем ранее определиться на позициях действительно более всесторонней диалектики.

Поддерживая такую идею в целом, мы еще раз обращаем внимание на то, что диалектика вовсе не исключает и противоположных суждений. Но важно их научно проверять. Иными словами, свобода мнений не должна разрушать единую методологию познания, универсальную для всех.²

При таких обстоятельствах, оценивая с позиции настоящего времени диалектический метод познания, мы приходим к выводу, что он еще долго будет оставаться всеобщим, универсальным методом (методологической основой) для философии, философии науки и других дисциплин, в том числе философии права.

Все-таки мы удивительные люди, у нас поразительное государство. Сейчас уже всем – и в России, и на Западе, - стало очевидно, что советская система среднего и высшего образования была одной из лучших, если не лучшей в мире. Она приносила свои плоды, воспитывала выдающихся ученых, которые не просто не уступали западным, но и по многим позициям их превосходили. Сейчас система образования реформирована, в результате чего мы сами добровольно отходим от тех идей и достижений, которые у нас были. В то время как западные ученые советско-российские достижения науки с удовольствием воспринимают, ими пользуются и достигают успехов.

¹ *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. С. 446.

² *В.Г. Буданов*, описывая современное состояние философии науки и синергетику, назвал увиденное им философский театр (См.: Буданов В.Г. Методология синергетики: принципы, технологии // Философия науки: перспективы развития (методология прикладной науки). СПб., 2013. С. 47). Нам хотелось бы, чтобы различные измышления не превратили философию в театр абсурда.

Так происходит практически во всех сферах научной деятельности, в том числе в юриспруденции. Например, известный американский юрист Г. Берман на базе обобщения трех конкурирующих, по его мнению, школ права (правового позитивизма, теории естественного права и исторической школы права) предложил создать интегрированную юриспруденцию.¹ Но показательно, как подметил И.Ю. Козлихин, другое: ученики Г. Бермана главную его заслугу видят не в том, что он предложил «соединить три конкурирующие школы», а в диалектическом методе исследования истории права. «Интеграция трех основных школ – это только один из моментов интегральной юриспруденции Бермана; кроме этого и даже более важно, предлагается примиряющий их диалектический метод», - утверждается в одной из статей сборника, посвященного творчеству Г. Бермана. Здесь же приводится еще один пример применения диалектического метода для получения цельного, т.е. интегрального видения права². То есть, то от чего пытаемся отказаться мы, почему-то активно используется в мире.

Этот пример показывает и другое. Многократно предпринимаемые современными философами права попытки создать некую интегральную³ теорию права, в которой объединить лучшее из других концепций права (правового позитивизма, естественного права и исторической концепции) на самом деле означает попытки создания устраивающей всех единой теории права. Но если такое объединение удастся, то значит интегральная теория права будет принята и признана почти всеми специалистами. А соответственно, это влечет монизм в философии права. Ученым, предлагающим другие теории и концепции о праве, придется сверять свои предложения с интегральной теорией. Но самое интересное, что такой монизм уже не пугает нынешних сторонников плюрализма научных взглядов

¹ См.: *Берман Г.* Вера и закон: примирение прав и религии. М., 1999. С. 341-363.

² Цит. по: *Козлихин И.Ю.* Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // *Философия права в России: история и современность: мат-лы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца.* М., 2009. С. 251.

³ В ряде источников – интеграционную.

и методологий. То есть, имеющийся в настоящее время плюрализм правовых теорий и концепций свою роль не оправдал.

Иными словами. Для науки всегда должен быть какой-то ориентир, точка отсчета, черта – от которой начинаются сравнения и измерения. Ориентир, принимаемый всеми для начала своих исследований и оценки полученных результатов. Если его не будет, то плюрализм быстро перерастает в субъективизм и антинаучность.

Такой вывод еще раз показывает, что вся природа и люди как часть живой природы всегда стремятся к упорядоченности, определенности. Отрывая нас от диалектики и фактически не предлагая ничего взамен, ученые сами становятся заложниками такой ситуации, поскольку даже при совершении открытия или крупного научного достижения его трудно обосновать и даже описать.

Диалектика подразумевает возможность познания мира и, соответственно, находящихся в нем явлений и процессов. Причем положения диалектики, в том числе в части познания, достаточно подробно, аргументированно разработаны и апробированы. Этим, в том числе, она позитивно отличается от множества других философских теорий.

Как известно, дискуссии о том, познаваем или не познаваем мир, длятся, наверное, столько же, сколько существует философия. Например, в западной философии сейчас достаточно распространена точка зрения о невозможности полного (абсолютного) познания мира. По мнению сторонников таких взглядов, познаваемость отвергается как ограниченностью научного познания, так и бесконечной многомерностью, разноплановостью объекта познания. Стала расхожей, например, точка зрения автора концепции «конструктивного эмпиризма» Б. ван Фраассена о том, что ни одна теория не является абсолютно верифицируемой, полностью определяемой эмпирическими фактами. Р. Рорти пошел еще дальше и предложил фактически отказаться от гносеологии.

Вместе с тем, встать на точку зрения о том, что мир не познаваем достаточно просто. С таким подходом можно выдвигать любые идеи, отрицать очевидное и даже усомниться в собственном существовании. Что, естественно, можно «доказать»: ведь, мы в общем-то воспринимаем факт своего существования субъективно (и, иронизируя - а факт ли это?). Но насколько продуктивен такой подход? И насколько он честен к жизни вообще и науке – в частности? Как уже отмечалось, стоять на позиции агностицизма или утопизма, как минимум, не продуктивно даже по отношению к собственной жизни.

А диалектика в настоящий момент представляется не просто универсальным, но и наиболее ценным методом познания мира. Конечно, познание идет медленнее, чем бы нам хотелось. Тем не менее, движение вперед есть.

Одним из перспективных путей дальнейшего совершенствования диалектики как универсального метода нам видится в сближении на ее базе философских концепций России и Запада, а в дальнейшем - и Востока. Сейчас активно происходит конвергенция России и Запада. Объединение усилий ученых выльется в увеличение количества философских работ, а затем, согласно диалектическому закону количественно-качественных изменений, перерастет в фундаментальные труды, не подверженные идеологизации и конъюнктуре. Тогда же аналогичные процессы по объединению на базе диалектики философских школ начнутся между Россией и Востоком.

В заключение позволим себе ряд предположений. Мы считаем, что, конечно, философия не преодолеет проблему монизма-плюрализма. Она, как верная спутница философских изысканий, будет долго находиться рядом. Однако объективное течение жизни, бытия, дальнейшие научные открытия, заставят в основном ориентироваться на монизм, который мы связываем с диалектикой, как наиболее четкой и разработанной методологией. Диалектический метод познания будет являться методологической основой и

в философии науки. Нам представляется, что увлечение постпозитивизмом, постмодернизмом, как и большинством подобных учений, относительно быстро закончится. Люди в целом, а ученые особенно, всегда стремились и стремятся к познанию мира - истинному познанию, знаниям.

§ 2. Роль личности в методологии и роль судьбы исследователя в формировании методологии и мировоззрения

Изучение постпозитивистской философии, которую некоторые исследователи считают «современной», «новой», «значимой» и т.д., заставили задуматься о ее истоках. Речь даже идет не о происхождении постпозитивистских идей как таковых, а о том, почему ученые, философы «вдруг» пытаются отказаться от имеющихся знаний и достижений, все перевернуть, заново истолковать, причем в свете невозможности познания, убедить в правоте «новых» толкований? В чем причина появления таких радикальных взглядов?

Думается, что в основе таких процессов могут быть либо открытия науки (объективные причины отказа от предыдущих знаний, опыта), либо кардинальные изменения в личности (субъективные, психические перемены), заставляющие ученого смотреть на все «по иному».

Так в средневековье было с философом Абеляром, скорректировавшим свою философию. То же происходило с Кантом, вставшем на втором отрезке жизни на принципиально другие позиции. Есть и более поздние примеры.

Мы акцентируем внимание на личностных причинах формирования подобной философии. При этом остановимся на двух ярких представителях постпозитивистской философии, сформулировавших наиболее радикальные идеи: П. Фейерабенде и К. Поппере. Кратко рассмотрим их биографии и суждения о науке.

Известно, что П. Фейерабенд мечтал стать известным вокалистом и ученым. Однако судьба распорядилась иначе. П. Фейерабенд родился в Вене в 1924 году в бедной семье. В 1943 году П. Фейерабенд в возрасте девятнадцати лет поступил в офицерскую школу, закончил ее лейтенантом и в составе немецко-фашистских войск был направлен воевать против Советского Союза. В войне против наших отцов и дедов, находясь на оккупированной территории России, видимо, отличился мужеством и

жестокостью, подтверждением чему являются орден «Железный крест» и другие поощрения командования.¹ Однако в том же 1943 году был тяжело ранен, стал до конца жизни инвалидом, не мог без боли двигаться, ходил на костылях. В 1945 году, судя по всему, прятался от советских войск, поскольку его как фашистского офицера и орденосца по законам военного времени вполне могли расстрелять. Эмигрировал за границу, длительное время жил вдали от своей Родины - в США.

Стать ученым, самому проводить опыты, мешали поздно полученное соответствующее образование, тяжелая болезнь и жизнь, искалеченная войной. Совершить открытий в науке он не смог.

На фоне таких встрясок формируется его своеобразное мировоззрение на философию и науку, заключающийся в научном плюрализме, переходящем в научный анархизм. По Фейерабенду плюрализм должен господствовать не только в политике, но и науке.² В соответствии с идеями плюрализма и анархизма Фейерабенд писал, что развитие науки предстает как хаотичное нагромождение произвольно написанных теорий, не имеющих под собой реальных объяснений. Соответственно, развитие знаний предполагает пролиферацию конкурирующих теорий, взаимная критика которых стимулирует познание. При этом успех какой-либо теории связан не с объективными данными, а с умением конкретного автора теории «организовать» его. При этом, по мнению Фейерабенда, ученый, добивающийся признания и господства своих идей вправе прибегать к пропаганде, психологической обработке, идеологическим приемам и т.д.

Фейерабенд отстаивал идею равноправности любых методов познания. Он писал, что анархизм является отличным лекарством для философии

¹ В Википедии и ряде других публикаций отражено мнение, что Фейерабенд якобы не хотел идти на войну, был против войны и т.д. Однако мы более склонны верить другим источникам, а также тому, что переоценка ценностей у людей нередко происходит уже после того, как с ними случаются трагедии.

Кстати, глубоких раскаяний за свои деяния на войне перед советскими гражданами в книгах Фейерабенда мы не нашли.

² См., напр.: *Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания.* М., 2007; *Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки.* М., 1986.

познания и науки, то есть для тех, кто склонен ограничивать себя одним универсальным методом познания. По мнению этого ученого, философия не может успешно описать науку в целом, как не может она и разработать метод отделения научных трудов от других сущностей - мифов. Он утверждал, что единых жестких критериев научности нет. А если их нет, то вполне логично предположить связь научных фактов с ненаучными. Иными словами: наука, философия, религия и даже магия – все они хороши для познания, все обладают самостоятельной ценностью.

Дальше – больше. Фейерабенд выдвигает принцип контриндукции, ориентирующий исследователя на формулирование теорий, несовместимых ни с хорошо обоснованными фактами, ни с традицией.

Как пишут исследователи творчества этого ученого, по убеждению Фейерабенда, по своим характеристикам наука выступает мифом XX столетия, однако отличается гораздо большей агрессивностью в отношении иных форм культурного творчества, нежели любая идеология прошлого. Пафос научного убеждения соединен сегодня с силой государства, обеспечивающего обильное финансирование научных разработок, что неизбежно ущемляет интересы альтернативных способов освоения действительности. При этом, выступая основой государственной политики образования, наука изначально закрепляет нужный ей способ мировосприятия, формируя снисходительное отношение к несовпадающим с ее стандартами моделям мира. Подобные привилегии научного дискурса, по мнению Фейерабенда, должны быть отменены как не согласующиеся с принципами демократии и гуманизма. Наука должна быть отделена от государства, также как отделены от него миф, искусство, народная медицина и т.п. Согласно его убеждению, «наука оказывается гораздо ближе к мифу, чем это готова признать научная философия. Это одна из многих форм мышления, выработанных человеком, и не обязательно лучшая из всех. Она шумна, криклива, нескромна, однако ее врожденное превосходство по отношению к другим формам очевидно только для тех, кто заранее

приготовился решать в пользу некоторой идеологии, или для тех, кто принимает ее не задумываясь даже о ее возможностях и границах».¹

Таких продолжений в философии Фейерабенда очень много.

В плане критики коротко, но емко отметим, что указанный философ не уделял внимания устойчивым тенденциям развития науки, а ведь они существуют, недооценил принцип развития, а он также имеет место быть. Наконец, если вставать на его точку зрения, то вполне логично отменить любое образование (оно ведь основывается на научном, а не мифическом или народном познании). Собственно такую нелюбовь Фейерабенда к образованию и образованным можно объяснить тем, что высшее образование он получал с тяжелыми физическими болями, немощным, униженным побежденным офицером. Наверняка это тяготило столь амбициозного человека, каким, судя по всему, был Фейерабэнд. Открытий в науке, о которых мечтал, он не сделал.

Теперь возьмем биографию К. Поппера (1902-1994). Поппер родился в Вене в достаточно обеспеченной профессорской семье, мечтал стать выдающимся физиком и математиком, окончил по специальности университет, получил диплом преподавателя математики и физики в гимназии, работал по специальности, защитился и получил ученую степень, работал над открытиями в указанных науках.

Однако помешали обстоятельства. А именно: усиление антисемитизма в Австрии. Поппер не стал защищать свою Родину, идеалы справедливости, бороться с фашизмом и нацизмом, а эмигрировал (или, может быть, бежал?) в Новую Зеландию. В Новой Зеландии Поппер длительное время был «на вторых ролях» и не имел возможности проводить фундаментальные исследования по физике и математике. Или, возможно, сделать важные открытия в физике и математике ему просто не удалось.

Под влиянием указанных обстоятельств формируется философия этого ученого, которую развил и доформулировал уже находясь в Англии.

¹ Современная западная философия / Под ред. Т.Г. Румянцевой. Мн., 2008. С. 756.

Парадигмой его философских идей стал вывод о том, что наука способна к реальным открытиям (не без этого), однако истину наука, увы, не постигает. Рост знаний достигается в процессе рациональной дискуссии, в которой обязательно присутствует критика имеющегося знания – отсюда название философского направления «критический рационализм».

Поппер считал, что ни одна теория не может быть подтверждена окончательно, поэтому каждая теория по определению носит гипотетический характер. Иными словами, теорию образуют и подтверждают не законы, а правдоподобные утверждения.

В противовес принципу верифицируемости Поппер обосновал принцип фальсифицируемости (принципиальной опровержимости любого утверждения). Этот принцип помог философу трактовать процесс познания как часть общей теории эволюции. Научные гипотезы и теории проходят своеобразный «естественный отбор» путем критики и попыток опровержения. Побеждают более обоснованные и менее противоречивые теории. Правда, по Попперу, побеждают они только до того времени, пока не найдется более непротиворечивая, последовательная теория. Отсюда наука представляет собой совокупность исторически изменчивых представлений о мире, которые корректируются методом проб и ошибок.

Поппер принципиально отрицал историцизм Гегеля, Маркса и историю как науку. По мнению Поппера, единой истории человечества нет, а есть лишь бессистемное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, - и среди них история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой истории, но... это оскорбительно для любой серьезной концепции развития человечества. История политической власти, как мыслил философ, есть ни что иное как история международных преступлений и массовых убийств (включая, правда, некоторые попытки их пресечения).¹

¹ Современная западная философия / Под ред. Т.Г. Румянцевой. С. 562.

Значимыми в философии Поппера являются и мысли о том, что люди не могут «сотворить небеса на земле», поэтому надо отказаться от поиска чудодейственной формулы, которая прекратит наше развращенное человеческое общество в идеальное сообщество.

Кратко критически посмотрев на философию Поппера, отметим. Сведение Поппером роста научных знаний к конкуренции теорий, наблюдений не вполне справедливо, так как игнорируется представление об истине, в том числе истинности элементарных вещей (истинности факта жизни, человеческого дыхания, бытия в целом и пр.). Кроме того, выявление фактов, не описанных теорией, не означает необходимости полностью отказываться от теории. Механика Ньютона, несмотря на наличие большого числа противоречащих ей фактов, по-прежнему активно и успешно используется учеными. Определение В.И. Ленина, что «право – есть воля господствующего класса, возведенная в закон», хотя и не полностью устраивает ученых, но все равно признается как одна из граней права. Помимо этого, кроме гипотез, фактов и наблюдений есть еще множество экономических, технических, политических и других факторов, также сильно влияющих на рост научного знания.

Важное и совершенно справедливое замечание по философии Поппера сделали исследователи творчества указанного философа. Они отмечают, что идеи книги К. Поппера ... во многом совпадали с установками тогдашней политической и идеологической элиты США. Рассуждения Поппера вызвали возмущение даже у чистых историков философии, которые занимались исключительно анализом интеллектуальных систем прошлого. В конечном счете, была опубликована коллективная статья, в которой раскрывается дилетантский характер представления Поппера об обсуждаемых вещах. В частности, философия Г. Гегеля излагалась Поппером по старому популярному учебнику без обращения к оригинальным текстам.¹ Но вот вопрос: мог ли политический эмигрант, приехавший в Англию, занять

¹ Современная западная философия / Под ред. Т.Г. Румянцевой. С. 563.

позицию, отличающуюся от официальной идеологии? Конечно, нет. Иначе – отправка назад, на «вторые роли» в Новую Зеландию.

В контексте биографий можно рассмотреть множество философов XX века, отрицающих истину, знания, науку, исповедующих всеобщий плюрализм и т.д. Практически все они, во-первых, сильно страдали от объективно имевшихся в XX веке войн и катаклизмов, во-вторых, в этих катаклизмах не всегда достойно себя вели (мы имеем в виду служение фашизму, бегство из Отечества и т.п.), в-третьих, в своем большинстве не сделали знаковых научных открытий, к которым несомненно стремились.

В части второго пункта хотим обратить внимание, что наиболее известные советско-российские философы права – Д.А. Керимов и С.С. Алексеев, - будучи ровесниками Фейерабенда и моложе Поппера, не эмигрировали из страны и не ждали пока война закончится, а честно воевали против фашизма на передовой, награждены орденами и медалями.

Теперь хочется, для сравнения, рассмотреть биографии трех других ученых XX века, например, А. Эйнштейна, Р. Оппенгеймера, С.П. Королева.

Выбор именно этих ученых не случаен. Во-первых, указанные люди тоже мечтали стать известными учеными. Во-вторых, труды этих ученых имеют философский характер. Так, А. Эйнштейн является известным философом, Р. Оппенгеймер посвятил ряд работ философским размышлениям о мире и борьбе за мир, необходимости жесткого международного контроля над фундаментальными научными исследованиями и гонкой вооружений. С.П. Королев, казалось бы, философом никогда не был и философских книг не написал. Однако направленность его работ в физике на познание мира, Космоса, Вселенной несомненно позволяют относить его и к философам, если так можно выразиться к философам-практикам. Идеи С.П. Королева, воплощенные им же в жизнь, об освоении космоса, полете человека в космос, «лунная программа» и т.д. убедительно свидетельствуют, что был философом и в науке, и по духу. В-третьих, указанные люди тоже имеют очень сложную

судьбу. А. Эйнштейн вынужденно эмигрировал из Германии в США. Р. Оппенгеймер был отстранен от научной деятельности за симпатии к коммунистической партии и деятельность по борьбе за мир и нераспространение атомного оружия. С.П. Королев в 1930-е годы был незаконно арестован и приговорен к десяти годам тюрьмы.

Однако А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер и С.П. Королев не только мечтали стать известными физиками, но и стали ими, навечно прославив свои имена. Они никогда не разочаровывались в науке, а напротив, именно в ней видели будущее, путь к добру, справедливости, к познанию истины и мира.

Как философ Эйнштейн посвятил часть работ жесткой критике позитивизма и постпозитивизма. Известна его цитата: без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира, не может бы быть никакой науки.

Его всем известные работы и результаты, равно как и также всем известные труды Р. Оппенгеймера и С.П. Королева убедительно показывают, что мир, бытие вовсе не плюралистично. А отдельные элементы бытия вовсе не равноправны между собой, а взаимозависимы и жестко структурированы. Без жесткой взаимозависимости, структурированности и воздействий друг на друга не возможен ядерный взрыв, управляемое горение топлива, выведение корабля на орбиту и т.д., и т.п.

Обид на науку у указанных ученых, в отличие от К. Поппера, П.Фейерабенда и других, никогда не было. Выдвинем не бесспорную, но на наш взгляд, весьма правдоподобную гипотезу о том, что именно отсутствие личных открытий в конкретных науках привело отдельных философов к столь категоричным выводам об отсутствии истинности в научных знаниях, научном анархизме. Такое, если позволите, своеобразное «мщение» науке за личные неудачи. Мы практически уверены в том, что если бы названными и другими философами были совершены реальные достижения в конкретных

науках (физике, математике, биологии и т.д.), то вряд ли бы им захотелось их объявлять неистинными, анархичными, антилогичными и пр.

Известно выражение, что бытие определяет сознание. На сознание влияют успехи и неудачи, события и потрясения, жизненные витки и переломы и т.д. Все это, несомненно, отражается на творчестве человека.

Мы давно руководствуемся многократно проверенным нами посылом, что корни поведения и убеждений человека надо искать в истории его жизни, причем в значительной мере - в детстве и юношестве. Уточним: мы, конечно, не абсолютизируем биографический фактор, однако считаем, что биография оказывает сильнейшее влияние на творчество человека и тем более на его философию. Так, собственно, считаем не только мы.

Наука лишится всяческого смысла, если не будет добиваться истины, стремиться к истине, желать правды. Именно установлением истины определяется особый статус научных знаний. Без получения правдивых (истинных) сведений невозможно добиться справедливых и правильных решений. Это особенно актуально для правовых дисциплин. Ведь все люди желают справедливого отношения к себе, стремятся к справедливости, которую в свою очередь возможно достичь только обладая правдивыми истинными знаниями.

Это опять же показывает важность определенности в науке и жизни, важность диалектического метода познания.

У философов постпозитивизма и постмодернизма мы, правда, не исключаем и другого мотива. Западный мир любит известность. И именно там крайне радикальные взгляды, утверждения и поступки нередко придают известность, популярность, а также – как следствие – определенный доход. Там же - на Западе – придумали различные измерения известности, рейтинги, индексы, в том числе индекс цитирования научных трудов. Человек наукообразно напишет какую-нибудь несуразность (например, что настоящим философом нельзя стать не посидев в тюрьме) и его будут критиковать, ругать - а значит и цитировать! - многие специалисты. Отсюда

возможны: известность, интерес к творчеству, определенный достаток. В России ранее такое было практически невозможно.

Созвучную мысль высказывали и другие специалисты. Например пишут, что работа Фейерабенда «Против метода» стала заметным скандалом в постпозитивистской философии и методологии науки, что в какой-то мере оправдало возлагаемые на нее надежды автора. Сочинение изначально было ориентировано на некий эпатаж общественного мнения, обеспечивающий шумный успех и заставляющий прислушиваться к высказанной позиции.¹

В завершение следует сказать, что работы П. Фейерабенда, К. Поппера несмотря на критику заслуживают внимания. Они оставили след в философии и разнообразили философскую мысль. Своими очень спорными выводами П. Фейерабенд и К. Поппер, как ни парадоксально, стимулировали философское творчество и интерес к нему. Иной вопрос: стоит ли опираться на выводы названных ученых?

Изучать мифы, мистику и пр. вполне возможно. Их изучение вполне может дать интересные результаты. Однако такие исследования нужно проводить научными методами, а не путем привлечения других экстрасенсов, знахарей, шаманов и т.д.

А количество именно научных исследований обязательно перерастет в качество: в новые научные знания и результаты.

¹ Современная западная философия...С. 756.

§ 3. Кратко о философии науки

Изложенное в двух предыдущих параграфах требует высказаться о нашем видении философии науки, ее задачах и содержании.

Мы согласны с В.С. Степиным в том, что в XX веке философия науки превратилась в специализированную область исследований, требующую не только собственно философских и логических знаний, но и умения ориентироваться в специальном научном материале. Как пишет названный специалист, философия науки развивается вместе с самой наукой. Она выступает своего рода самосознанием науки. Тесная связь философии и науки прослеживается на протяжении всей истории. В древности, когда наука только зарождалась, философия включала в свой состав отдельные научные знания. С отпочкованием от философии конкретных наук возникает новый тип их взаимоотношений. С одной стороны – философия, опираясь на достижения науки, развивает свои идеи, принципы и категориальный аппарат, а с другой – она активно влияет в качестве мировоззренческо-методологической основы на процессы фундаментальных научных открытий, их интерпретацию и включение в культуру.¹

В общем виде философия науки – раздел философии, изучающий понятие, границы и методологию науки. Философия науки как направление западной и отечественной философии представлена множеством оригинальных концепций, предлагающих ту или иную модель развития науки и эпистемологии.²

В советской философии науки существовала направленность на познание в первую очередь естественных и точных наук. Гуманитарным наукам внимания уделялось значительно меньше. Более того, высказывались суждения о принципиальных и непреодолимых различиях между естественными и гуманитарными науками. Сейчас такая позиция

¹ *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. С. 11-12.

² *Нестеров А.И., Пекарский П.Н.* О методологичности в философии науки // *Философия науки: перспективы развития.* СПб., 2010. С. 16.

справедливо пересмотрена. Философия науки несомненно должна изучать и исследовать знания всех наук - и естественных, и гуманитарных – не делая приоритета в чью-то пользу.

Как написал по этому поводу В.С. Степин, необходимо отдавать себе отчет в том, что познание в социально-гуманитарных науках, с одной стороны, и науках о природе, с другой, имеет не только специфические, но и общие черты именно потому, что это научное познание. Их различие коренится в специфике предметной области. В социально-гуманитарных науках предмет включает в себя человека, его сознание и часто выступает как текст, имеющий человеческий смысл. Фиксация такого предмета и его изучение требуют особых методов и познавательных процедур. Однако при всей сложности предмета социально-гуманитарных наук установка на объективное его изучение и поиск законов и закономерностей являются обязательными характеристиками научного подхода... Философско-методологический анализ науки независимо от того, ориентирован ли он на естествознание или на социально-гуманитарные науки, сам принадлежит к сфере социально-исторического познания. Кроме того, необходимо учитывать, что жесткая демаркация между науками о природе и науками о духе имела свои основания для науки в XIX в., но она во многом утрачивает силу применительно к науке последней трети XX в... В естествознании наших дней все большую роль начинают играть исследования сложных развивающихся систем, которые обладают «синергетическими характеристиками» и включают в качестве своих компонентов человека и его деятельность. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное познание и гуманитарное познание, стирая жесткие границы между ними.¹

Мы присоединяемся к В.С. Степину и некоторым другим исследователям в том, что в рамках философии науки правомерно ставить вопрос о возможности расширения самого понятия «научное познание», не

¹ *Степин В.С.* Философия науки. С. 9-11.

абсолютизируя естественнонаучную установку как единственно верную. По этому поводу В.Н. Михайловский задает вопрос - «Может ли быть история и философия науки одинаковой для всех?» - и сам отвечает: «Очевидно может, если есть наука как таковая».¹

На основе изложенного, мы тоже относим себя к сторонникам «универсального» научного познания, включающего общее рассмотрение как естественнонаучных, так и гуманитарных наук. Именно такой мы видим философию науки.

Однако нашу позицию разделяют не все ученые. В.Н. Михайловский приводит пример, что имевшееся ранее доминирование естественнонаучной методологии обусловило существенные трудности «онаучивания» дисциплин гуманитарной сферы. Например, история. Хотя достижения истории как науки широко известны, тем не менее, реальная основа ее успехов остается сомнительной для многих представителей естественнонаучного знания. Точка зрения, что история есть не более чем простое собрание фактов и мнений при отсутствии четкой теоретической структуры и общепринятой методологии исследования остается широко распространенной. Возможность эпистемологического равенства истории с точными научными дисциплинами серьезно не рассматривается. Однако сами историки считают, что теоретизирование им присуще, но оно не столь формализовано как в физике или подобных дисциплинах... Однако философия науки должна учитывать, что научная картина мира, если она носит целостный характер должна включать человека.²

Приведенный В.Н. Михайловским пример характерен не только для исторических наук, но и для педагогических наук, социологических наук, юридических наук. В естественнонаучной среде по-прежнему расхожим является выражение о подразделении наук на естественные и соответственно «противоестественные» (гуманитарные). Такие высказывания уже давно под

¹ Михайловский В.Н. Философия науки в университетском образовании // Философия науки: перспективы развития. СПб., 2010. С. 21.

² Там же: С. 22-23.

собой никаких оснований не имеют, однако все равно используются, в том числе некоторыми преподавателями во время занятий.

Вместе с тем, существуют и обратные примеры. Так, обратил внимание В.С. Степин, при всей сложности предмета социально-гуманитарных наук установка на его объективное изучение и поиск законов и закономерностей является обязательными характеристиками научного подхода. Это обстоятельство не всегда принимается во внимание сторонниками «абсолютной специфики» социально-гуманитарного знания. Его противопоставление естественным наукам производится подчас некорректно. Социально-гуманитарное знание трактуется предельно расширительно: в него включают философские эссе, публицистику, художественную критику, художественную литературу и т.п. Но корректная постановка проблемы должна быть иной. Она требует четкого различения понятий «социально-гуманитарное знание» и «научное социально-гуманитарное знание». Первое включает в себя результаты научного исследования, но не сводится к ним, поскольку предполагает иные, вненаучные формы творчества. Второе же ограничивается только рамками научного исследования, которое в данном случае имеет, разумеется, свою специфику. Конечно, само это исследование не изолировано от иных сфер культуры, взаимодействует с ними, но это не основание для отождествления науки с иными, хотя и близко соприкасающимися с ней формами человеческого творчества.¹

Несмотря на это, следует полностью согласиться с А.Э. Назировым в том, что традиционно происходит разделение на философию гуманитарных и естественных наук, в то время как в современных условиях важно рассматривать науку в качестве целостного феномена духовной культуры.²

А.Э. Назиров в гуманитарных науках, по аналогии с естественными, выделяет уровни фундаментальных и прикладных исследований, а также уровень разработок (гуманитарных технологий). Место последних пока в

¹ Степин В.С. Философия науки. С. 9-10.

² Назиров А.Э. Задачи научного межвузовского круглого стола «Философия науки: перспективы развития» // Философия науки: перспективы развития. СПб., 2010. С. 5.

значительной степени занимают религиозные, оккультно-духовные, медитативные, экстрасенсорные и народно-медицинские практики. Однако мы не можем согласиться с этим ученым в том, что в Западной Европе в последние десятилетия люди чаще обращаются не к психоаналитикам, а к философам, способным наделять их жизнь более долговременными, чем психоаналитики, смыслами.¹ Откуда А.Э. Назиров получил такие сведения, он не указывает.

Для проверки указанного утверждения мы провели исследование общественного мнения в германских, чешских и итальянских машиностроительных концернах. Такой выбор был сделан исходя из того, что в машиностроительные концерны как правило поступает на работу достаточно образованная прослойка населения, которая казалось бы может пойти к философам. Было опрошено по одной тысяче человек в каждой стране. Кроме того, аналогичное исследование проведены в США. Мы получили результаты, полностью противоречащие сведениям О.Э. Назирова. Так, в указанной среде наиболее распространенными являются обращения к религиозным деятелям (в каждой стране около половины опрошенных) и к экстрасенсам (примерно десятая часть опрошенных). Обращения к философам в указанной среде в названных странах единичны, то есть вообще не распространены. В связи с этим хочется узнать, на основании чего А.Э. Назиров сделал такие выводы.

Для вскрытия философской сущности науки и научного знания, как уже отмечалось, мы приветствуем использование диалектики. Философия науки с ее помощью пытается найти закономерности науки, научного мышления, закономерный ход становления и смены концепций.

А.И. Нестеров и П.Н. Пекарский справедливо указывают, что философия науки своим поиском должна обнаружить скрытую логику развития научного знания. Выявление логики развития науки означает уяснение закономерности научного прогресса, его движущих сил, причин и

¹ Там же: С. 7.

исторической обусловленности. Однако затем названные ученые пишут, что современное видение этой проблемы существенно отличается от того, которое господствовало до середины прошлого столетия. Прежде полагали, что в науке идет непрерывное приращение научного знания, постоянное накопление новых научных открытий и все более точных теорий, создающее в итоге кумулятивный эффект на разных направлениях познания природы. Ныне логика развития науки представляется иной: она развивается не только путем непрерывного накопления новых фактов и идей – шаг за шагом, но и через фундаментальные теоретические сдвиги. В один прекрасный момент они заставляют ученых перекраивать привычную общую картину мира и перестраивать свою деятельность на базе принципиально иных мировоззренческих установок. Логику неспешной эволюции науки (шаг за шагом) сменила логика научных революций и катастрофичности.¹

Указанное категоричное мнение, на наш взгляд требует уточнений. В диалектике существует всем известный закон отрицания отрицания. Указанный закон рассматривает развитие, в том числе научное развитие, в виде сменяющих друг друга уровней (ступеней, качеств), связанных между собой таким образом, что каждый последующий уровень является отрицанием предыдущего. Поднятие на новый уровень развития подразумевает научное открытие и отрицание предыдущего знания. Этот процесс не прерывался и не изменялся. Диалектика подразумевает постоянное и обязательное развитие, которое происходит в том числе путем смены предыдущих знаний на новые.

Если А.И. Нестеров и П.Н. Пекарский имеют ввиду теорию научных революций Т. Куна и его последователей, то надо помнить, что она многократно и справедливо критиковалась.² Не повторяя критику и

¹ *Нестеров А.И., Пекарский П.Н. О методологичности в философии науки // Философия науки: перспективы развития. СПб., 2010. С. 17.*

² Среди критиков нам особенно понравились размышления об указанной теории Куна известного физика, лауреата Нобелевской премии *В.Л. Гинзбурга*. Указанный ученый предельно конкретно показал, что Кун при размышлениях о «современной науке» пользовался старым материалом, не учитывал современных достижений науки, допускал

признавая заслуги Т. Куна, надо констатировать, что он также не допускал получение наукой истинных знаний.

Как уже отмечалось, мы исходим из необходимости постижения и возможности достижения наукой объективной истины. Любой ученый, - пишет В.С. Степин, - принимает в качестве одной из основных установок научной деятельности поиск истины, воспринимая истину как высшую ценность науки. Эта установка воплощается в целом ряде идеалов и нормативов научного познания, выражающих его специфику: в определенных идеалах организации знания (например, требовании логичной непротиворечивости теории и ее опытной подтверждаемости), в поиске объяснения явлений, исходя из законов и принципов, выражающих сущностные связи исследуемых объектов и т.п.¹

Такая позиция позволяет указать критерии научного знания. Принято считать, что система научных знаний должна отвечать критериям определенности, воспроизводимости, выводимости, проверяемости разными субъектами, непротиворечивости, полноты, логической согласованности, простоты и т.д.

Научное знание, как пишет В.Б. Марков, всегда считалось раскрытием сути бытия, устойчивых и неизменных законов и поэтому было носителем свойств истинности, а также всеобщности, необходимости и общезначимости. В отличие от мнений, которые являются предвзятыми, теория - незаинтересованное созерцание сущности, она направлена на постижение сути бытия, а не на инструментальное знание, обобщающее практический опыт. Для Аристотеля образцом знания является не столько жизненная мудрость, сколько наука, которую он определяет как систему всеобщего и доказательного знания, опирающуюся на небольшое число общезначимых утверждений – аксиом. Истина у Аристотеля оказывается

антиисторические высказывания, на которых строил теорию. См.: *Гинзбург В.Л.* О физике и астрофизике: Статьи и выступления. 2-е изд. М., 1992. С. 185-207. Отметим, что В.Л. Гинзбург до кончины базировался на диалектике как основном научном методе познания.

¹ *Степин В.С.* Философия науки. С. 116.

свойством знания и характеризуется как соответствие того, о чем говорится в высказывании, объективному положению дел.¹

Данная книга по нашей задумке в большей мере посвящена философии права. Отрадно, что специалисты по философии права активно включились в обсуждение проблемы выработки критериев и стандартов научных знаний в области юриспруденции². Мы поддерживаем высказанное И.Л. Честновым мнение о том, что критерии научности юриспруденции (юридической теории) не могут отличаться от критериев научности как таковых. С этой аксиомой согласится любой теоретик права, даже радикальный сторонник нормативизма и самодостаточности, автономности системы права³.

Этот тезис важен еще и потому, что он четко показывает приоритет философии науки над другими философско-специализированными науками (философией права, философией экономики и т.д.). Миссия философии науки связана с науковедением, решением вопроса «что есть наука», выработкой единых критериев того, что относить к науке, а что нет. Философия науки является своеобразным базисом для других наук. Мы полностью поддерживаем принимавших в семинарах и чтениях философов права в признании истинности критерием научного знания: «Истинность (адекватность, обоснованность, достоверность, целостность, недвусмысленность) исследовательского восприятия в процессе описания и объяснения права как воплощения законной справедливости»⁴.

Правда, надо сказать, что правоведы настолько увлеклись ужесточением научных стандартов и критериев, что среди них указали: «Осознанный отказ от использования без необходимости жаргонного «птичьего языка» и

¹ Марков Б.В. Структурно-функциональный и коммуникативный подходы к анализу научного знания // Философия науки: перспективы развития (методология прикладной науки). СПб., 2013. С. 61.

² См.: Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М., 2011.

³ Честнов И.Л. Постклассические критерии научности юридической теории // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. М., 2011. С. 62.

⁴ Графский В.Г. Точку ставить рано: вместо заключения // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. М., 2011. С. 159.

обаятельных метафор для формулирования и обсуждения новейших научных проблем».

Такой научный стандарт, во-первых, не понятен и, во-вторых, субъективен. С точки зрения «отказа от обаятельных метафор» получается, что предлагается отказаться в том числе от известных философских красивых изречений Сократа, Платона, Аристотеля и т.д. Почему их глубочайшие изречения, изложенные простым и доступным языком, являются не научными? Они навредят юриспруденции и ее пониманию? Вряд ли. Но с другой стороны, там же оговаривается исключение из стандарта: «отказ от использования без необходимости». Однако в юридических исследованиях не мало субъективизма. Исследователь без труда обоснует эту самую «необходимость». В итоге получается, что такой стандарт, напротив, фактически разрешает использование жаргона и «птичьего языка». Наконец, сам термин «птичий язык» едва ли можно назвать научным и юридическим.

Однако в целом труд правоведов мы поддерживаем. По нашему убеждению философия науки может, будет и должна развиваться не только «сверху вниз» (от философов к наукам), но и «снизу вверх» - от специалистов конкретных наук к философам.

§ 4. Философия и глобальные проблемы человечества

В 2020 году закончится одна пятая часть XXI века. Подводя краткий итог этому временному отрезку можно уверенно сказать о том, что как сложится для мира XXI век еще ничего не известно. То есть, глобальные проблемы бытия и выживания, накопленные человечеством за предыдущие годы и века, продолжают оставаться крайне актуальными.

Так, сохраняется угроза ядерной войны и ядерного оружия. Имевшее место в XX веке противостояние между СССР и США привело в XXI веке к расширению стран, имеющему ядерное оружие. Сокращение количества стран, имеющих такое оружие, не ожидается. Одновременно к XXI веку утихли все разговоры о сокращении ракетно-ядерных сил. Напротив, многие страны откровенно декларируют то, что проводят испытания новых систем вооружения – более мощных и эффективных. При этом к поводам для возможного ядерного конфликта может добавиться уже многими забытый – война за веру.

Применяемые новые технологии вовсе не сняли, а напротив, усилили возможность техногенной катастрофы, в том числе с ядерными и военными объектами. В начале века затонула атомная подводная лодка «Курск» с ядерным оружием на борту и атомным реактором. Затем вскоре затонула еще одна российская атомная подводная лодка. Всего на дне мирового океана покоятся уже шесть подводных лодок с атомными реакторами (четыре советско-российских и две американских). Вскоре мы также увидели разрушительную и губительную атомную катастрофу в Японии (Фукусима). Она наглядно показала, что весь мир, включая высокотехнологичных японцев, вовсе не застрахован и никак не защищен от техногенных аварий. Задумайтесь, сколько атомных объектов на территории США, России, Китая, других стран? Сколько военных производств с не только ядерным, но и химическим, бактериологическим, прочим оружием массового поражения

находится в мире? И в любой момент техногенная катастрофа может произойти.

Как известно, такие аварии как с Фукусимой не проходят бесследно. Они значительно ухудшают и без того отвратительную экологическую обстановку на планете. Экологическая безопасность является очередной глобальной не решенной проблемой перед человечеством. То есть все глобальные проблемы человечества взаимосвязаны между собой. Экология, как уже давно доказано специалистами, губительно влияет на здоровье, приводит к новым заболеваниям. Помимо этого, известными фактами являются сокращение озонового слоя Земли, проблема с питьевой водой, чистым воздухом, натуральной пищей. Есть обоснованные мнения, что основной причиной новой мировой войны станет борьба за питьевую воду.

С экологической проблемой взаимосвязан вопрос исчерпания энергоресурсов.

Отдельной проблемой является перенаселение планеты и его дальнейший прирост. Ученые спорят относительно оптимальной численности населения на планете Земля. Например утверждается, что максимальная численность людей не должна превышать одного миллиарда человек. Сейчас население Земли составляет уже более 7 миллиардов человек. По прогнозам к 2025 году людей будет уже более 8 миллиардов. Перенаселение опять же ставит вопросы: чем людям дышать, что есть и пить, чем согреваться.

Новыми глобальными угрозами жизни на Земле в XXI веке стали терроризм и наркотизм. Век начался с террористических актов в США (были взорваны небоскребы). Одновременно в России были террористические проявления на Кавказе. Угрозы терроризма не избежали и другие страны. Равно как и угрозы наркотиков, заполонивших всю земную цивилизацию.

Но указанные глобальные проблемы – это внешняя сторона нависших над человечеством угроз. Есть и внутренние, содержание которых не менее опасно. К таким относится угроза продолжающихся биомедицинских

экспериментов и опытов (клонирование, пересадка органов, в том числе мозга и т.д.). Другой угрозой является наблюдающееся информационное насилие над человеком. По-прежнему проводятся опыты по манипуляции сознанием. К отдельным угрозам относится все чаще встречающиеся нарушение прав человека, связанное с тотальным контролем за его перемещением и общением.

Между человеком как индивидом и человечеством как совокупности людей на планете Земля находятся общности людей, как правило, объединенные в государства. Надо сказать, что сами государства на современном этапе переживают кризисные процессы. Речь в данном случае идет не о войнах между ними (что опасно, но уже упоминалось), а о принципиальном подходе к самому государству, его правах и возможностях. Например, проблема социального государства. Сейчас многие развитые европейские страны страдают от притока мигрантов из так называемых неразвитых стран. Жители неразвитых стран получают сносные пособия по безработице, им оказывается помощь и т.д. – все это за счет работающего, в основном коренного населения страны. Титульное население фактически содержит этих мигрантов. При этом многие мигранты не просто не желают работать, но и даже перенимать культуру и принятый порядок поведения в стране. О том, нужны ли толерантность, равноправие и всеобщие социальные гарантии уже открыто говорят в Европе. Поднят вопрос об установлении пределов толерантности и всеобщих социальных гарантий. Хорошим примером сказанному является успех книги немецкого политика Т. Саррацина «Германия: самоликвидация»¹, имеющей националистический характер. Только в Германии было раскуплено более 1 200 000 экземпляров данной книги, что более чем огромно для современного в общем-то не очень читающего населения. Кризис социальных государств уже начался. А вот куда кризис приведет, что станет с разрушающимися государствами и их

¹ См.: Саррацин Т. Германия: Самоликвидация: пер. с нем. М. 2013.

гражданами, не будет ли нового витка нацизма – вопрос и одновременно реальная угроза существования людей.

Вот такие глобальные проблемы (угрозы) стоят перед человечеством в XXI веке. Под глобальностью в данном случае мы понимаем то, что они:

1. смертельно опасны;
2. губительны для всего человечества независимо от точки Земного шара;
3. нерешаемы силами одного государства (одной нации).

Возможны как минимум две классификации таких проблем. Первая позволяет разделять проблемы по мере осведомленности о них человечества:

- а). Уже известные человечеству проблемы;
- б). Неизвестные проблемы, которые в свою очередь тоже можно разграничить на угрозы, которые можно предположить исходя из современных реалий и пока совсем неизвестные угрозы (например, угроза наркотизма стала рассматриваться как глобальная проблема человечества относительно недавно, хотя наркотические препараты были известны достаточно давно).

Другая классификация глобальных проблем проведена по другому основанию. Предлагается делить проблемы на два уровня:

1. зависящие от человека и человечества;
2. независящие от человека и человечества.

К первому уровню относятся уже перечисленные проблемы. Ко второму мы отнесли:

- силы Космоса;
- силы Природы.

Несомненно, что человечество и Земля как планета – часть космической системы. Отрицать это, думается, бессмысленно. Равно как бессмысленно отрицать и то, что об указанной системе мы очень мало знаем. И весьма наивно думать, что от этой космической системы мы не зависим. Зависимость от космоса подразумевает и невозможность защиты от него.

Например, человечество ничего не может противопоставить столкновению с крупным метеоритом, способным разрушить Землю, разрушению атмосферы, затуханию Солнца и т.д. Метеорит, упавший в 2013 году на Челябинск, при падении выделил энергию равную примерно двадцати взрывам атомной бомбы в Хиросиме. Надо признать, что планета Земля и жизнь на ней по определению и всегда уязвима от космических сил.

Силы Природы также совершенно не изучены человечеством. Мы, достигнув казалось бы крупнейших открытий в физике, химии, биологии, других науках, до сих пор не умеем предсказывать наводнения, землетрясения, другие природные катаклизмы. Опыт XXI века опять же показал, насколько человечество беззащитно от природы. Достаточно вспомнить, что в конце 2004 года в Таиланде цунами мгновенно уничтожил более 200 тысяч человек. На самом деле силы природы и ее возможности вовсе не изучены. А фактически эти силы всегда представляют угрозу для человечества.

Вместе с тем, космические силы и силы природы Землю пока не разрушают. Это, во-первых, внушает оптимизм, а во-вторых подразумевает особую роль Земли в космическом пространстве.

Однако Землю и цивилизацию может изнутри разрушить сам человек.

И здесь возникает вопрос: что предпринимает философия как «наука наук» по разрешению указанных нависших проблем, могущих уничтожить цивилизацию? Полагаем, что если что-то и предпринимается, то этих усилий явно не достаточно. С таким выводом, думаем, согласятся все.

Причины неудачных попыток по разрешению названных вопросов связаны и с тем, что философы в настоящее время утратили авторитет и общественное влияние. С таким выводом, вероятно, тоже многие согласятся. О причинах понижения авторитета и статуса философов мы будем рассуждать отдельно. Но данная причина все-таки скорее субъективна и во многом связана с главной причиной: с тем, что философам для разрешения этих проблем по большому счету нечего предложить.

В сумме: грядет кризис бытия, возникла проблема существования бытия как такового. И такой кризис перекликается с наблюдающимся кризисом в современной философии. Ведь для философии сейчас, пожалуй, нет более актуальной проблемы, чем проблемы выживаемости человечества в будущем или, как можно сказать, проблемы будущего бытия.

Комментируя сложившуюся ситуацию в науке надо сказать следующее.

Во-первых, надо признать ошибочным путь, что разрешением глобальных проблемы человечества занимаются профильные специалисты отдельных наук (физики, химики, врачи и т.д.), не объединяя свои усилия. Например, проблема ядерного оружия – это проблема не только физиков, но и других ученых (историков, политологов, экономистов, экологов, врачей и пр.). Комплексно проблему, как правило, не решают. Отсутствие комплексного подхода влияет и на качество таких научных работ. В частности, плохо и однобоко прогнозируются последствия того, если какой-либо из рисков для человечества все-таки реализуется. Надо не только четко понимать опасность имеющейся проблемы, но и видеть, что произойдет при ее прорыве, исходя из чего предлагать конкретный план действий.

В подтверждение наших слов приведем пример. В апреле 1986 года произошла авария на Чернобыльской АЭС. Представления о том, что произошло и конкретного плана действий по ликвидации последствий ученые не имели. Действия по ликвидации угроз предпринимались спонтанно. В марте 2011 г. в японской Фукусиме произошла авария на АЭС. Однако как и двадцать пять лет назад (!) японские ученые тоже не были готовы к аварии. А действия по ликвидации аварии также носили спонтанный, не всегда продуманный характер.

Во-вторых, надо признать ошибочным путь снятия указанных проблем через возможности права, правового регулирования, правовых запретов. Мало кто из философов и философов права задумывался о возможностях права и пределах его возможностей. Надо признать, что право вовсе не

всемогуще¹. Нормы права систематически игнорируются государствами, когда это им выгодно. Ярким примером является США и действия этой страны в Югославии, Иране и т.д. Мы живем в многополярном мире, где каждая из сильных стран, обладающая ядерным оружием, фактически может делать все что угодно со странами так называемого «третьего мира». Другие сильные страны такую политику могут поддерживать или осуждать, но сделать ничего не смогут (опять же для недопущения возможной ядерной войны и, как следствие, катастрофы). Право теоретически может стать эффективным регулятором мира на Земле только в случае однополярного мира. В этом случае господствующая страна может установить жесткие нормы, которые будут обязательны для всех. Однако однополярный мир возможен только в случае поглощения одним государством всех остальных. Сейчас это невозможно даже потому, что немало стран имеет ядерное оружие. Так США практически поглотило СССР, но появилась сильная Россия, по-прежнему имеющая современное вооружение, людские и территориальные ресурсы, экономический потенциал. При этом в противоборстве с СССР США упустило из виду взлет Китая, Индии, мусульманства. И надо признать, что хотя сильные страны сообщают и принимают направленные на сохранение мира нормы международного права, но сами же их при необходимости и нарушают. По нашему убеждению, нормы права могут эффективно работать только в том случае, когда контроль за их исполнением находится в одних руках. Поэтому нормы международного права в части предотвращения глобальных проблем скорее носят декларативный характер.

Надо сказать, что весьма часто бывает, когда люди, не зная что делать, пытаются решить вопрос через то, чего не знают, обращаются в не знакомые им сферы жизнедеятельности. Многие физики, химики, экономисты и другие ученые, являясь в своей массе законопослушными людьми, искренне

¹ Об этом см.: *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. *В.П. Сальникова*. М., 2014.

думают, что путем права можно решить все вопросы. Это вовсе не так. Право не всесильно и не безгранично в своих возможностях.

Нам ситуация видится так. Для разрешения глобальных проблем не хватает их общего осознания, может быть глубины осознания. Сейчас во всех государствах политические режимы имеют элементы демократии, то есть власти народа, населения. Когда население по-настоящему поймет, осознает ужас последствий, то либо народ заставит власть делать конкретные шаги по разрешению проблем, либо в государствах к власти придут пацифисты и гуманисты.

Кроме того, должно быть обязательное преподавание глобальных проблем в средних и высших учебных заведениях. Собственно, именно в школе при формировании личности у человека закладывается отношение к миру и своему месту в мире. К сожалению, в школах стоящие перед человечеством глобальные проблемы практически не преподаются, а если и преподаются, то как правило извращенно. Так, гордость за свою страну смешивается с силой и всемогуществом страны. В Англии, например, пропагандируется борьба за национальные интересы этого королевства во всем мире.

Помимо этого, важно и привлечение общественного мнения к глобальным проблемам человечества во всем мире. Этого тоже не происходит. Если в каком-либо из государств вопросы экологии, войны, аварий поднимаются, то другие страны их не пропагандируют и не анализируют. Все упирается опять же в нескольких ученых конкретной узкой специальности, в рамках которой они разрозненно пытаются что-то разрешить.

При этом достаточно физиков, биологов и других ученых считают, что Земля и человечество прошли так называемую точку возврата и движутся к гибели. Явное перенаселение планеты в сочетании с развитием и эскалацией ядерного и другого оружия массового поражения, экологической загрязненностью, продолжающимся разрушением озонового слоя и другими

проблемами позволяет считать такой вывод обоснованным. И здесь важно понимать, что для разрушения планеты и ликвидации жизни достаточно реализации любой из имеющихся проблем.

Такое развитие событий мы считаем вполне возможным и реальным. Признаемся, несмотря на наши предложения по разрешению проблем, мы не сильно верим в то, что человечество и руководство государств внезапно поумнеют, осознают и разом предпримут все необходимые шаги для минимизации рисков возможной катастрофы.

Однако указанный вывод позволяет нам взглянуть на ситуацию как бы с другой стороны. Ведь накопленный людьми опыт и известные исторические факты позволяют сказать, что человечество выживало всегда – при любых катастрофах и катаклизмах.

Примеров этому множество. В случае появления неизлечимых болезней резко увеличивалась смертность, сокращалось население (до приемлемого уровня), а далее изобреталась необходимая вакцина. При использовании смертоносного оружия и войн опять же сокращалось население, затем войны прекращались и изобреталось антиоружие, позволяющее сдерживать противника.

При перенаселении городов в средние века наступал голод, это вызывало смертность, сокращение жителей до приемлемого уровня, - и опять жизнь.

Указанные вещи звучат, несомненно, очень цинично. Но о них тоже надо думать. Ведь перенаселение, дефицит продовольствия и сырья, а также нехватку энергоресурсов можно рассматривать порознь как самостоятельные глобальные проблемы, а можно и вместе как проблемы, вытекающие одна из другой. Нехватка продовольствия и энергоресурсов рано или поздно неизбежно приведут к голоду и массовому вымиранию людей. Вымирание будет продолжаться до тех пределов, пока люди вновь смогут прокормиться, согреться и жить дальше.

Или разрушение озонового слоя и экологическая проблема приведут к появлению первоначально неизлечимых болезней и массовой смертности.

Далее восстановится озоновый слой, леса, а также будет изобретена и нужная вакцина от болезни.

При этом, судя по всему, человечество не возможно уничтожить одномоментно везде. Даже если предположить атомную войну, то страны, имеющие это смертоносное оружие скорее всего уничтожат друг друга, что даст возможность развиваться Австралии, Новой Зеландии, Земле Франца Иосифа, малым океанским островам. Откуда вновь, уже может быть с нуля, пойдет развитие человечества.

Изложенное дало возможность выдвинуть **гипотезу катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле**. Ее сущность в том, что человечество своими действиями достигает определенного рубежа, после которого оно не в состоянии в полном составе находиться на планете. В результате достижения рубежа происходят катастрофы или катаклизмы, затрагивающие (умертвляющие) абсолютно большую часть населения планеты. После чего оставшиеся в живых после катаклизмов люди начинают новую жизнь. Эта жизнь, вполне вероятно, начнется практически с нуля, так как во время катастроф несомненно теряется значительный багаж накопленных человечеством знаний, достижений, пропадает жизненный опыт. Но решаются проблемы с перенаселением, восстанавливается экология, энергоресурсы и т.д. Далее человечество развивается, достигает перенаселения, нарушает экологию, изобретает смертоносные виды вооружений, воюет, в процессе своей деятельности достигает нового рубежа, происходит катаклизм и затем - новый виток жизни, очищенный от многих изобретенных технологий, опыта, знаний.

В подтверждение правомочности выдвижения этой гипотезы можно сказать, что несмотря на накопленный массив знаний, ученые так и не смогли прийти к выводу о том, откуда образовалось бытие и человечество на планете Земля. Утверждается, например, что нашей Земле много миллионов лет. Источники мы умышленно не приводим по той причине, что, во-первых, они все противоречивы, а во-вторых, тоже являются гипотезами. Если исходить

из того, что Земля сформировалась за миллионы, если не десятки миллионов лет, в результате случайных воздействий сил природы и космоса, то возникает логичный вопрос о человеческом населении этой Земли? Вполне резонно предположить, что это население было и возможно было неоднократно.

Исходить из того, что мир создан Господом Богом наверное не вполне верно, поскольку на момент появления Иисуса Христа бытие на Земле очевидно уже имелось. Господь - Иисус Христос, если исходить из веры, сильно изменил мир и бытие. Но мир и бытие на планете Земля уже несомненно существовали. И вполне возможно то, что пришествие и воскресение Христа как раз является одним из витков жизни человечества.

При этом ученые по-прежнему находят непонятные и неизвестные предметы, которые не в состоянии объяснить и даже назвать возраст. Есть специалисты, которые предполагают у обнаруженных ими предметов внеземное происхождение. Но может быть – это земные предметы из существовавших на Земле ранее, но уже уничтоженных цивилизаций?

И здесь важно задаться вопросом: кто уничтожал эти цивилизации? Нам приходит только один ответ: человек уничтожал себя сам.

Надо объективно признать, что человечество постоянно всю свою жизнь занимается уничтожением друг друга. В каждом столетии постоянно происходит как минимум две страшнейших войны, значительно сокращающие население планеты. Опыт убедительно показывает, что человечество, сформировавшееся в государства, не может долго созидать. Оно стремится к разрушению, убийству и самоликвидации. Братские народы России и Украины, вместе пережившие страшную Великую Отечественную войну и находившиеся длительное время в составе одного государства, в начале 2014 года стали выяснять отношения и убивать друг друга.

Суждение о том, что человечество становится или когда-то будет добрее, мудрее, умнее себя не оправдывает. Исторический опыт убедительно показывает, что человеку и человечеству помимо добродетелей свойственны

зависть, алчность, агрессия. Вспоминается великий русский мыслитель Л. Толстой, говоривший, что войн не будет тогда, когда в человека вместо крови зальют воду.

Увы, самоуничтожение есть свойство человечества. Почему не предположить, что таких самоликвидаций было несколько?

Суждения о том, что какой-либо из глобальных рисков человеческого существования реализуется, иногда встречаются в философской литературе. В.С. Степин пишет, что по-видимому, в 3-м тысячелетии по христианскому летосчислению человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизованного прогресса. Некоторые философы и футурологи сравнивают современные процессы с изменениями, которые пережило человечество при переходе от каменного к железному веку. Эта точка зрения имеет глубокие основания, если учесть, что решения глобальных проблем предполагают коренную трансформацию ранее принятых стратегий человеческой жизнедеятельности. Необходимы пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека.¹

Такая точка зрения более оптимистична чем наша, хотя тоже аккуратно указывает на неизбежность катаклизмов.

Гипотезу катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле мы выдвинули на обсуждение в 2015 году. Эта гипотеза вызвала значительный интерес как в науке России, так и за ее пределами, в том числе в Великобритании. Например, материалы о данной гипотезе переведены на английский язык², изданы в Великобритании, откуда поступили интересные и положительные отклики.

¹ Степин В.С. Философия науки. С. 104.

² Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Мы специально разместили наши тезисы о будущем бытия перед рассмотрением философии права. По нашему убеждению, путь снятия нависших перед человечеством проблем с помощью возможностей права ошибочен или, по меньшей мере, не полон. Право вовсе не всемогуще и представляет собой сложное социальное явление, рассмотрению которого будут посвящены другие главы.

§ 5. Убыстрение темпа жизни как новая философская проблема

В одном из православных монастырей столетия существует традиция: раз в год в Рождество ставить свечу, которая горела ровно один календарный год: день в день. Такая удивительная традиция, относящаяся, несомненно, к Божьему чуду. Из года в год традиция соблюдалась, а свеча, изготовленная по неизменным веками способам, по-прежнему сгорала ровно за год.

Однако последнее пятнадцатилетие свеча стала сгорать быстрее календарного года. Монахи обосновали этот факт так: человеческая жизнь стала идти значительно быстрее!

Но что значит: человеческая жизнь стала идти быстрее? Ведь календарный год не меняется. В нем как и раньше 365 суток, а в сутках 24 часа. Время как физическая величина измеряется также как и прежде. Не изменился и процесс летоисчисления.

Монахи, как мы полагаем, имели в виду то, что значительно убыстрился темп жизни. Он стал не просто быстрее, а значительно быстрее того темпа, который установлен мирозданием для людей. Человечество стало быстрее жить.

Определение сущности темпа жизни относится к вопросам философии. Как понять: человек и человечество в целом стали жить быстрее? На этот вопрос напрашивается ответ: за жизнь каждого человека стало происходить больше событий, чем было раньше, а также человек стал получать значительно больше информации и знаний, чем было раньше.

Отчего так произошло?

Наши измышления позволили выделить некоторые моменты, убыстряющие, на наш взгляд, жизненный процесс.

- доступность информации. Еще недавно надо было приложить усилия, чтобы, например, прочитать о стране, в которую вы хотите посетить. Или узнать о необходимом лекарстве, событии, человеке. Теперь у каждого человека в кармане есть несколько телефонов, компьютеров, других

устройств, позволяющих получать информацию фактически в любой точке земного шара. Появились специальные поисковые системы, в которых имеются достаточно полные ответы, наверное, на все жизненно важные вопросы человека. Для получения ответа на практически любой вопрос уже не надо идти в библиотеку, иметь под рукой несколько словарей, карт или советчиков. Данный факт позволяет расширять сферу интересов человека, усиливает интерес к жизни, побуждает посмотреть (узнать, пощупать, купить и т.д.) все больше предметов и вещей, побывать во многих государствах и местностях, составить свое впечатление и представление.

- распространение информации. Широта и почти вседозволенность распространения информации тесно переплетаются с ее доступностью. Действительно, доступность к информации имеет большое значение. Не менее важно, чтобы информация быстро, молниеносно распространялась. Еще недавно о событиях в городе проживания его население могло не узнать или узнавало с большим опозданием. Появление ежедневных утренних газет значительно увеличило не только доступность, но и именно быстроту распространения информации. О новостях все желающие стали узнавать утром следующего дня. Появление утренних газет изменило темп жизни горожан. Изобретение и активное внедрение в нашу жизнь телевидения и радио быстроту распространения информации умножило в десятки раз. Появление Интернета еще более увеличило распространенность информации, которую в ряде случаев стало возможно получать в режиме реального времени.

- развитие средств связи. Помните, что совсем недавно люди писали друг другу письма. Чтобы написать и отправить в XIX веке письмо нужен был определенный достаток (для покупки перьев, бумаги, чернил, конверта, почтовых принадлежностей и т.д.). Кроме того, требовалось образование и время. В XX веке человечество стало значительно грамотнее, написать и отправить письмо не составляло труда, но процесс написания все равно занимал много времени. Правда, время стала экономить телефонная связь. В

настоящее время изобретено несколько способов связи, позволяющих в любой момент, без ощутимых затрат, независимо от образования, средств и других причин связываться с любым человеком в любой точке планеты. Средства связи опять же определяют как доступность, так и быстроту распространения информации.

- развитие средств перемещения. Указанный тезис также не нуждается в каких-либо доказательствах. Сейчас человек относительно легко может добраться практически до любой обитаемой точки земного шара. Разумеется, это не идет ни в какое сравнение с тем, что еще век назад к путешествию, например, в Крым или из Петербурга в Москву готовились год, а затем полмесяца ехали.

Благодаря совокупности указанных причин произошла значительная экономия времени. Это время люди стали тратить на себя (свою работу, заботы, удовлетворение интересов или развлечения). То есть люди стали реально больше успевать, получать с меньшими затратами больше информации, значительно расширили географию своих перемещений. Отсюда можно сделать вывод, что сокращение временных затрат в сочетании с увеличением информированности являются одними из главных показателей увеличения темпа жизни. Эти показатели позволяют человеку в течение жизни гораздо больше успевать: увидеть, услышать познать, оценить и т.д.

Еще одним показателем, разумеется, является значительное увеличение образованности человека. Объем знаний любого (как высокообразованного, так и необразованного) человека стал заметно больше, чем у предыдущих поколений. Образование и образованность заметно влияют на кругозор современного человека и широту его интересов.

Образование и образованность определяют психическое отношение человека к происходящему, формируют его стремление к прогрессу и развитию. В философии прогресс в самом общем смысле обычно понимается как развитие от низшего к высшему (от латинского *Progressus* – движение вперед, успех). То, на что обратили внимание мы, нередко связывают с

техническим прогрессом, объективно наблюдавшимся в XX и XXI веках. Такие рассуждения не лишены смысла, но на наш взгляд несколько поверхностны. Появившиеся технические возможности быстрого получения и передачи информации в основном служат для удовлетворения человеком жизненных потребностей, относящихся к его внутреннему миру. Посмотрите, сколько людей с помощью Интернета слушают музыку, читают книги, смотрят фильмы, объясняются в любви, получают именно духовные, а вовсе не технические знания. Иной вопрос, конечно, в качественной составляющей музыки, фильмов, книг и даже чувств. Но все равно, давайте признаем, что еще каких-нибудь сорок лет назад молодой человек не смог бы физически просмотреть столько фильмов и прослушать столько музыки, сколько сможет и реально слушает с помощью, например, Интернета. Количество, разумеется, перерастет в качество, вкусы изменятся, а возможность получать дополнительные крупницы культуры и искусства останутся.

Таким образом, в общем виде темп жизни определяется изменением временных затрат человека в жизненных процессах в сочетании с изменением информированности человека, его образованности и психическим отношением к происходящему.

Темп жизни относится, конечно же, к философским понятиям. Ни одна наука не сможет более точно и полно охарактеризовать его, максимально наполнить названное понятие содержанием.

Разумеется, темп жизни неразрывно связан с таким понятием как время. Наверное, с нами согласятся и в том, что время является не только физической величиной, но и философским понятием. Причем как философская и физическая величина время недостаточно изучено. Оно гораздо глубже известных физических формул по определению времени через скорость, расстояние и т.п. Можно ли говорить о времени как о некоторой константе? Может ли оно начать двигаться медленнее или быстрее, причем не только по нашим возрастным ощущениям? Или когда мы

говорим, что время стало идти быстрее, «начало лететь» и т.д. – мы имеем в виду только изменившийся темп нашей жизни?

Человек, как известно, не может управлять временем. Но может ли он управлять своим темпом жизни? Думается, очень частично. Человек, как социальное существо непроизвольно воспринимает окружающие его события и факторы, изменяющие темп жизни. Он не может быть вне них. Если, банально, оплату необходимых в жизни услуг и бытовых вопросов принимают через Интернет, то человек рано или поздно научится с ним работать. И поймет, что с помощью Интернета удобнее, быстрее, менее затратно по времени, а высвободившееся таким образом время можно потратить на другие дела. И другие дела опять же «подскажет» Интернет, а человек непроизвольно воспримет находящуюся там информацию, будет находиться в информационном круговороте и станет получать всевозможные сведения о событиях в мире и обществе.

Событий из различных сфер бытия, с которыми через Интернет и средства массовой непроизвольно будет ознакомлен человек, станет много. И многие из них (будь то войны, катастрофы, заболевания или, напротив, открытия, новые музыкальные произведения, книги, фильмы и т.д.) обязательно и ежедневно будут оцениваться человеком.

Мобильные средства связи и Интернет сейчас активно используют даже люди, стремящиеся к уединению, в том числе монахи. Они по электронным средствам связи общаются между собой, делятся наблюдениями и также невольно вовлечены в калейдоскоп событий.

Но это касается человека как индивидуума. А ведь у него есть семья, друзья, потребность в образовании и работе и пр. Достаточно сказать, что во многих учреждениях и организациях мира в том числе России уже введен только электронный документооборот, без бумажных документов. И потребность в легком получении широкого круга информации соответствует пожеланиям человека.

Надо признать, что человек - информационное существо и стремление к новой информации, новым знаниям есть свойства его психической деятельности. Данный тезис мы неоднократно обосновывали в наших работах.¹

И весь указанный поток информации обязательно влияет как на сознание человека, так и на темп его жизнедеятельности. Поэтому человек, являясь социальным существом, членом общества и гражданином государства, конечно, не в полной мере может управлять темпом своей жизни. При этом обществом создано немало профессий, при которых темп жизни от человека вообще мало зависит. К таким профессиям, например, относятся военнослужащие, врачи, журналисты-информационщики.

И здесь обратим внимание на то, что с человека, естественно, по-другому стали спрашивать. Начальники, организации, общество, государства ориентируются на то, что конкретный человек может сейчас, а не даже сто лет назад. Государство и общество требуют, чтобы человек был более образован, подталкивают к тому, чтобы человек больше успевал.

В этой связи интересен вопрос: а как влияет и влияет ли на темп человеческой жизни право? Приведенные выше примеры убедительно показывают, что правовые нормы могут оказывать значительное влияние на темп жизни. Так, правовой статус военнослужащего во многом определяет темп его жизни. Или врачи дают клятву Гиппократова об обязательном оказании помощи больным, а нарушение этой клятвы влечет уголовную ответственность. Рабочий день работника уголовного розыска ненормирован

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. *Философия. Философия права. Юридическая наука.* М., 2015; Захарцев С.И. *Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* 2015. №4-5. С. 9-23; Захарцев С.И. *Право и истина // Мир политики и социологии.* 2012. № 9. С. 146-152; Захарцев С.И., Сальников В.П. *О гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте глобальных угроз человечеству // Мир политики и социологии.* 2016. №5. С. 174-183; Захарцев С. И., Сальников В.П. *Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики.* 2015. № 8. С. 11-19.

потому, что он зависит от внезапности и частоты совершения преступлений – а выезжать на место совершения преступления он обязан.

Право может регулировать темп жизни и в совершенно безобидных случаях. Так, в России (в отличие от достаточно большого количества стран) допускается получения среднего и высшего образования экстерном, то есть быстрее, чем бы это произошло в обычном процессе получения образования. Иногда в профессиях допускается в виде исключения сокращенные курсы. И здесь можно усмотреть зависимость темпа жизни от права.

Вместе с тем, данные примеры могут свидетельствовать и об обратном. Именно высокий (убыстренный) темп человеческой жизни заставляет принимать правовые нормы по его дальнейшему ускорению, в частности по более быстрому получению образования, специальности.

Поэтому темп человеческой жизни и право можно признать в определенной степени взаимозависимыми.

Здесь важно отметить, что к XXI веку темп жизни изменился, разумеется, не только у законопослушных людей, но и у преступников. Средства связи стали позволять быстрее планировать преступления, расширить границы преступной деятельности, рынки сбыта нажитого преступным путем имущества и т.д. Это опять же побуждает издание правовых, в том числе международно-правовых актов в сфере борьбы с преступностью, защиты от терроризма и др.

Эти размышления заставляют задуматься над тем, что наблюдаемое убыстрение темпа человеческой жизни в определенной степени убыстряет и развитие государств. Государство вынуждено реагировать на такие убыстрения не только правовыми нормами, что уже было сказано. Убыстрение темпа заставляет государство увеличить затраты на образование, медицину, транспортные услуги, средства связи и пр. То есть, темп жизни в определенной степени определяет темп развития государства. В свою очередь, и темп развития государства также в достаточной степени

определяет быстроту темпа жизни его граждан. Иными словами, опять взаимоотношенность и взаимозависимость.

И здесь мы подходим к важному философскому вопросу: что дает человеку убыстрение темпа жизни? Каковы плюсы и минусы этого процесса? Наконец, полезно или вредно увеличение темпа жизни для здоровья, в том числе для психического?

Указанные вопросы требуют глубокой философской и всесторонней научной проработки. Мы приглашаем специалистов к дискуссии по поднятым проблемам, и нам думается, что такая дискуссия будет очень любопытной и познавательной для философии и других наук.

ГЛАВА 2

ПРАВО: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

§ 1. Предмет философии права

По вопросу о том, что такое философия права и какой ее предмет, ученые к единому мнению не пришли. Предлагаются весьма разные подходы. Обозначим для примера некоторые из них.

По мнению Д.А. Керимова, философия права, будучи одним из основных направлений общей теории права, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии и логики правового бытия, обслуживающих как саму общую теорию права, так и весь комплекс отраслевых юридических наук¹.

С.С. Алексеев считал, что философия права – это наука о праве в жизни людей, в человеческом бытии. По его мнению, философия права предстает как научная дисциплина, которая призвана дать мировоззренческое объяснение права, его смысла и предназначения, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей². Как писал автор, решающее значение в философии права имеет ее «мировоззренческий стержень» - мировоззренческое понимание права, постижение смысла права, выраженных в нем ценностей³. В какой-то степени о том же сказал Ю.В. Тихонравов, давший предмету философии права очень короткое определение – учение о смысле права⁴.

О.Г. Данильян и С.И. Максимов пишут, что философия права в первую очередь занимается выявлением смысла права, а также обоснованием

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 83.

² Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 2.

³ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. М., 1999. С. 395.

⁴ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М. 1997. С. 46.

понимания этого смысла. При этом, по их мнению, предмет философии права – внеюридические (предельные) основания права¹.

В.С. Нерсесянц предоставил несколько иное определение: предмет философии права – это право как сущность и право как явление в их различии, соотношении (совпадении или несовпадении) и искомом единстве. Этот же предмет ученый далее выразил чуть иначе – право и закон в их различии, соотношении и искомом единстве².

Г.И. Иконникова и В.П. Ляшенко, напротив, полагают, что философия права исследует право не только как сущность и явление в их различиях и соотношении (совпадении или несовпадении) и искомом единстве, а прежде всего, ее интересуют наиболее общие принципы правовой реальности и ее познания³.

Г.Ф. Пухта писал, что положительное правоведение занимается существующим уже правом, а философское – тем, которое должно быть⁴.

Ю.Г. Ершов полагает, что философию права следует рассматривать как науку о познавательных и социальных основах права⁵.

В.П. Малахов пишет о том, что предметом философии права является его сущность⁶. Хотя в более развернутом определении, данном в этой же работе, он определяет философию права несколько по иному: философия права – совокупность базовых методологических допущений, которые только и делают возможным понимание права, содержательное саморазвертывание правосознания, непосредственное становление и воспроизводство правовой жизни⁷.

¹ См.: Философия права / Под ред. О.Г. Данильяна. Харьков., 2009. С. 8.

² Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 2.

³ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. М., 2013. С. 16-17.

⁴ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. О науке права // История философии права. СПб., 1998. С. 377.

⁵ Ершов Ю.Г. Философия права. Екатеринбург. 1995. С. 9-10.

⁶ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008. С. 28.

⁷ Там же: С. 10.

Наконец, О.Э. Лейст вообще пришел к выводу, что философия права – «не наука, а идеология, стремящаяся опереться на научное основание и обоснование»¹.

Определения других философов права тоже различны.

Более того, по-прежнему существует и два подхода к изучению философии права. Как отмечал С.С. Алексеев, данная научная дисциплина строится в двух науковедческих плоскостях (уровнях):

- в качестве исконно философской дисциплины, рассматривающей право под углом зрения определенной универсальной философской системы или историко-философских разработок;

- в качестве интегрированной философско-правовой области знаний, когда на основе определенной суммы философских идей осуществляется научная проработка правового материала².

Так исторически сложилось, что философы права – «выходцы из недр философии», - традиционно базировались и базируются на первом научном подходе.

Философы права, имеющие юридическое образование, напротив, отдают предпочтение второму научному подходу и включают философию права в систему юридических наук. Отсюда и предмет философии права определяется с учетом того, что философия права – юридическая наука, часть общей теории права и пр.

Мы, как и практически все юристы, первоначально тоже придерживались второго подхода. Но чем больше мы заключали философию права в скобки правоведения, общей теории права, тем настойчивее и увереннее философия права из них выходила, ставя вопросы, которые юриспруденция не в состоянии объять.

Это заставило нас заново осмыслить философию и философию права, оценить состояние философии права с позиций современного дня.

¹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 264-265.

² Алексеев С.С. Философия права. С. 2.

Как известно, философия – это особый способ постижения и освоения мира. Как мировоззрение, система знаний, она формирует целостное и ценностное представление о мире и о месте в нем человека. Принято считать и это справедливо, что философия выходит за рамки конкретных наук. Более того, именно из недр философии «родились» технические и гуманитарные науки, в том числе правоведение. Философия дала толчок для формирования правовых наук и определила их направление. Основой для такого развития стали размышления философов о праве. Начиная с античности, все философы без исключения в своих работах касались права, рассматривали его либо непосредственно, либо подразумевали как важную составляющую построения мира и общества. Так зарождалось самостоятельное направление в философии – философия права.

Это направление, надо признать, никогда не было основным – философией традиционно рассматривались глобальные проблемы бытия, познания, мира. А право незримо (или зримо) присутствовало среди таких проблем как важный способ регулирования общественных отношений. Объективно: философия породила правовые науки и никак не наоборот. И закономерно, что именно философы сформировали и обосновали к XIX веку философию права как направление в философии, а в дальнейшем – научную дисциплину, предназначенную для формирования мировоззрения о праве, философского осмысления права, уяснения методологии права.

В.С. Степин фундаментально исследовал этот вопрос и отметил, что с середины XIX века в философии начинают формироваться новые подходы. Возникает критическое отношение к классическому идеалу последней и абсолютно истинной философской системы. Философия осознает себя как развивающаяся система знаний, которая, подобно науке, не заканчивается ни на одном этапе своего развития достижением окончательной и всеобъемлющей картины мироздания. Одновременно философия в этот период все больше начинает обращать внимание на специфику познания и знания не только в науке, но и в других областях культуры – искусстве,

морали, политическом и правовом сознании, обыденном мышлении, религиозном опыте и т.п. Проверая свои построения путем их постоянного соотнесения с реальным развитием различных сфер культуры, отдельные области философского знания начинают обретать относительную самостоятельность. Они конституируются в качестве специальных философских дисциплин (онтология, теория познания, этика, эстетика, философия права, философия науки и т.п.)¹.

Таким образом, философия права является связующей научной дисциплиной между философией и юридическими науками, но отнюдь не относится к последним.

Философия права не входит в общую теория права, а обозначает ей направления познания права, методологию права и формулирует подходы и фундаментальные проблемы права, ищет пути их решения. Тогда получается, что в предмет философии права входят основополагающие вопросы правового бытия, сущности права, методологии познания права, ценностей права, осознания права, логики права, места человека в правовых отношениях.

Здесь появляется осязаемое разграничение предмета философии права и общей теории права, поскольку в ведение философии права входит осмысление глобальных фундаментальных проблем права и указание методологических установок, ориентиров для теории права.

Собственно, предназначения отдельных философских направлений как раз в том, чтобы стать своеобразными «мостиками», ориентирами для теоретических наук всех отраслей знаний (от экономической и математической теории до теории права). Философия права выступает тем самым «мостиком», связующим звеном между «чистой» философией и теорией государства и права как основой для всей юридической отрасли знаний.

¹ *Степин В.С.* Философия науки. С. 13-14.

Обстоятельства, в связи с которыми философия права несколько утратила свое значение для юридических наук, просты и понятны. Философы, как мы уже отмечали, считали рассмотрение проблем права не главным направлением философии, не уделяли ему должного внимания. Инициативу перехватили юристы, ставшие, что естественно, рассматривать философию права в первую очередь с юридических позиций. С этого момента философская составляющая стала заметно ослабевать. А сама философия права стала больше походить на один из сегментов теории государства и права.

Однако подход по отнесению философии права к общей теории права в настоящее время не вполне приемлем.

Во-первых, при таком подходе возникает проблема разграничения предметов теории государства и права и философии права. Предпринятые попытки разграничения лишь усилили субъективизм в теории государства и права. Системных попыток «поднять глаза к небесам» и вывести философию права из чисто юридических дисциплин делалось явно не достаточно.

При этом, **второе**, важно осознать, что философия не терпит ограничений пределами одной науки. Размещение философии права в юридических науках подразумевает ограничение этой дисциплины рамками общеправовой теории. То есть, речь начинает идти не о философии, а о философствовании в пределах юридических наук. В этом смысле философия права теряет свое подлинно философское предназначение.

Г.Ф. Шершеневич, критикуя философов, писал о том, что они рассматривают право, не вдаваясь в конкретику правовых реалий¹. Во многом это действительно так. Но ведь перед философами права стоят другие, более глобальные вопросы, требующие философского осмысления. Например: право и научно-технический прогресс (право должно способствовать, умеренно регулировать, а где-то и препятствовать такому

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 15-16. Указанная мысль в том или ином виде неоднократно повторялась в его других работах. См., напр.: История философии права. М., 1907. Переиздана: СПб, 1999. С. 20-21.

прогрессу, скажем, в части биомедицинских опытов над человеком); право и истина (должно ли право стремиться устанавливать объективную истину, получать подлинные знания либо достаточно юридической истины); взаимодействие права и вненаучных знаний; право и внеземная цивилизация; проблема формирования единой мировой правовой системы путем конвергенции норм и пр. И само собой: философское осмысление соотношения права и свободы, права и справедливости, права и равенства, правовых ценностей, правового прогресса и др. Кроме того, именно философия права может объективно оценить состояние юридической науки и юридических работ.

Изучение же философией права содержания конкретных правовых норм и реалий осуществляется при необходимости, для решения указанных выше и других глобальных задач.

Кроме того, замечание Г.Ф. Шершеневича относится к началу XX века, т.е. к тому времени, когда философия права еще не стала междисциплинарной наукой, только начала формулирование науковедческих основ и не была в должной мере «вооружена» юридическими знаниями.

Третье. Отдельные юристы, даже подготавливая работу по философии права, не любят и не желают выходить за рамки юриспруденции. То есть, подлинно философские и философско-правовые проблемы стремятся рассмотреть строго в пределах правовых дисциплин, не углубляясь, а подчас и не погружаясь в философию. Это само собой сильно обедняет и «обрезает» исследование. А иногда написанное и вовсе нельзя отнести к философии права, поскольку работа написана по теории государства и права, истории государства и права, истории политических и правовых учений, но не по философии права. В этом случае философия становится некими закрытыми воротами, прикрываясь которыми можно писать фактически что угодно. Но, увы, это путь не в сторону познания.

У ведущих философов России, судя по всему, есть стремление подключиться к проблемам философии права. Это заметно хотя бы по

выступлениям на «Круглом столе Конституционного суда Российской Федерации», в котором приняли участие академики В.С. Степин, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский¹. Названными учеными перед юристами были поставлены вопросы, имеющие несомненно философско-правовой характер: право и информационное насилие в мире, право и частная собственность, право и эксперименты над человеком и человечеством и др. Активно ли включится юридическое сообщество в осмысление этих проблем? Но чем больше оно будет в них погружаться, тем очевиднее станет то, что поставленные вопросы носят не столько правовой, сколько философско-правовой и философский характер. Это опять же подтверждает наш вывод о том, что философия права в условной иерархии знаний должна размещаться над общей теорией права, а не внутри этой теории. Изучение философии права внутри юридических наук не верно.

В современных юридических словарях состояние философии права отражено достаточно объективно. Так, в словарях под редакцией А.Я. Сухарева и А.Б. Барихина указывается, что философия права – наука о наиболее общих теоретико-мировоззренческих проблемах правоведения и государствоведения. Длительное время выступала как составная часть философских систем. В современном обществе, как написано далее, философия права – по преимуществу составная часть широко развивающейся юридической науки; нередко термин «философия права» употребляется как синоним общей теории (общего учения) о праве. Однако с конца XIX века философия права чаще понимается более узко, как автономная дисциплина, отличная от теории и социологии права, призванная изучать не само действующее право, а идеальные духовные начала, лежащие в основе права.

¹ См.: Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солонина. М., 2010. С. 11-27, 90-93.

Основным понятием понимаемой таким образом философии права становится «идея права»¹.

Такое отражение современного состояния весьма четко показывает, что философия права в XX и XXI веке все более отдаляется от философии. Идеальные духовные начала несомненно надо изучать, однако нельзя сводить философию права к изучению только этих вопросов. В праве значительно больше глобальных проблем, оценить которые может именно и только философия. Собственно поэтому мировоззренческие глобальные проблемы и именуются философскими. В этом смысле О.Э. Лейст верно заметил, что философия права не обязательно критикует действующее право и не всегда противопоставляет ему идеальное право, которое еще не существует. Философия права всегда ставила и ставит цель не только оценки действующего права, но и постижения природы и смысла права вообще².

Если предмет философии права урезать только до «идеальных духовных начал права», тогда не совсем ясно, для чего названную науку называть именно «философией» права. Такой узкой и именно юридической дисциплине можно предложить другое более конкретное наименование. И не употреблять философию всуе.

С какой целью мы вводим сами себя в заблуждение, полагая, что «идеальные духовные начала права» и есть философия права? Очевидно, что она в таком истолковании мировоззренческое и методологическое понимание права даст в очень усеченном виде, а говоря точнее – не даст.

Здесь опять же важен подход. «Идею права» в неокантианском, неогегельянском или ином истолковании изучать с философских и философско-правовых позиций можно и нужно. Это рассмотрение будет давать импульс развития общей теории права, указывать ей дорогу к познанию. При этом, что важно, познание неокантианства, неогегельянства и

¹ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2003. С. 737-738; Барихин А.Б. Большой энциклопедический словарь. М., 2005. С. 671.

² Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 272-273.

других течений будет осуществляться с философских позиций, комплексно, объективно, широко, с учетом всех философских знаний. Но такое возможно в случае нахождения философии права над общей теорией права. В противном случае (если считать философию права юридической наукой) указанные подходы и течения будут изучаться только в пределах юридических наук, то есть не полно. И тогда подобная научная работа превратится из философии в фикцию, поскольку трудно быть сторонником, например, неогегельянства без комплексного изучения трудов Гегеля, его сторонников и противников, работ других философов, философской критики. Если же исследователь попытается обратиться к подлинно философской мысли, то он очевидно значительно выйдет за предмет юридических наук. В связи с этим, философию права нельзя рассматривать как часть общей теории права, то есть ограничивать ее предмет рамками юридических наук.

Поэтому в целом можно согласиться с исследователями в том, что философия права отличается от общей теории права не только более высокой степенью абстрактности философских понятий и категорий, но и выходом за пределы юридической проблематики¹. В принципе о том же сказал и В.П. Малахов, по мнению которого философия права и юридические науки существуют на основе взаимодополнения, как инь и янь в китайской философии: их нельзя смешивать, но бесполезно и разъединять... Вне связи с философией права общеправовая теория поневоле рано или поздно вырождается в догматику, в совокупность отвердевших конвенциональных утверждений и понятий, превращающихся в форму, приспособленную для «влияния» в нее самого разнообразного содержания.²

Важен и другой вопрос, связанный с взаимодействием и взаимопроникновением наук. Сможет ли философия права, не углубляясь в

¹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 264.

² Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины // Философия права в России: из опыта XX века / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 215-216.

философию, повышать потенциал общей теории права? Видимо, нет, ибо откуда в таком случае философии права питаться идеями?

Это, конечно, вовсе не означает, что философия права должна стать уделом исключительно философов. Об этом Г.А. Гаджиев верно заметил: «Не стоит думать, что философские размышления – монополия профессиональных философов и что занятие философией юристов, экономистов, литераторов – недопустимое интеллектуальное браконьерство»¹. Однако на практике мы чаще видим обратное: юристы неохотно привлекают философов для постижения философских проблем права, декларируя при этом, что философия права – это юридическая дисциплина и «вотчина» юристов, а не философов.

В-четвертых, в научной дисциплине, одной из составляющей которой является философия, она по определению должна доминировать, играть заглавную роль. В противном случае эта дисциплина перестанет быть философией.

Все подобные дисциплины (философия экономики, философия истории, философия медицины, философия права и др.) создаются на философской базе. Порядок их формирования таков. Философия выступает общим по отношению к конкретной науке (частному). Вначале внутри философии выделяется направление, относящееся к конкретной науке. Одновременно в науке формируются вопросы, выходящие за ее предмет и требующие философского осмысления и разрешения. Дальнейшая интеграция этого философского направления и науки приводит к образованию новой научной дисциплины. Но в такой конструкции частное (знание из конкретной науки) не может довлеть над общим (философией). Рассматривать философию с позиции, например, экономики или с позиции права не логично и не верно. Должно быть наоборот.

¹ Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 6.

Всегда ли происходит подобная интеграция? Опыт показывает, что не всегда. В ряде естественных и гуманитарных наук она не происходила. Одной из причин является то, что не все, например, естественные науки нуждаются в подобных интеграциях. Философских проблем (или проблем, требующих философского уровня осмысления) в подобных науках относительно немного. Потребности формирования самостоятельных направлений в философии не возникает.

Отсюда ясно, что для образования таких научных дисциплин как философия экономики, философия медицины, философия права и других у соответственно экономики, права должна быть потребность в них, должно быть стремление дотянуться «подняться» до философских знаний. Такие науки стремятся в философию. Стремятся, чтобы с ее помощью разрешить свои научные проблемы, но, конечно, не для того, чтобы оценить саму философию с позиции экономики, медицины или права. Поэтому ключевое слово в названных дисциплинах несомненно за философией.

Таким образом, философия права является междисциплинарной наукой. Подобные научные дисциплины мы предлагали называть **философско-специализированными**.¹ Такое название и такой подход часть специалистов восприняла положительно, часть критично.

Если понимания приоритета философии нет, отсутствует потребность в философах, то для чего формировать философско-специализированную научную дисциплину? Возникающие проблемы можно пробовать решать в пределах конкретных наук. Однако ученые, готовые заниматься философией права без философов, как ни странно встречаются. Но философия ли это будет? Вот ведь в чем вопрос?

Правда, чуть отвлечемся, словами «право», «правоведение», «юриспруденция» прикрываться тоже любят. В подтверждение наших слов приведем пример. В свое время мы ознакомились с одним учебным пособием

¹ Захарцев С.И. Философия права: Некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. 2012. № 7. С. 122-131; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 56.

по юридической психологии. В нем отмечалось, что юридическая психология это психологическая наука и материал в пособии подается в первую очередь с психологической точки зрения. Пособие было интересным и содержательным, наполнено психологическими темами и размышлениями. По ознакомлению у нас возник лишь один вопрос: для чего в названии пособия фигурировало слово «юридическая»? Это слово было там явно лишним, так как содержание пособия имело явную психологическую направленность. Слова «юридический», «правоведение» мелькали лишь во введении и заключении. Непосредственно в основной части работы мы обнаружили всего два примера, связанных с юридической практикой. И при этом в заключении делался вывод о том, что знания психологии очень важны и должны активно использоваться в юриспруденции. С таким выводом мы, конечно, не спорим. Но ведь надо признать, что данная работа была написана по психологии, а юриспруденция с учетом современной популярности юридических знаний выступала своего рода ширмой, завесой, давала пособию более привлекательное название. Кстати, это не единственный пример. Нам встречалось учебное пособие, посвященное логике, но для юристов. Его содержание представляло собой добротное учебное пособие исключительно по логике.

Возникает вопрос: не схожую ли ситуацию только по отношению к философии мы подчас наблюдаем в философии права, когда готовятся чисто юридические работы, в которых периодически вкрапливается завлекающее и манящее слово «философия»?

В-пятых, размещение философии права внутри общей теории права не могло не повлиять на точность определения предмета исследуемой дисциплины. Философия имеет мировоззренческое и методологическое предназначение. Если базироваться на философии, то очевидно, что предмет философии права обязательно должен сочетать в себе и мировоззренческую, и методологическую составляющую.

Современные российские философы права нередко отталкивались не от философии, а от права. Возможно поэтому в их рассуждениях, как правило, делался акцент только на одну из составляющих предмета. Например, С.С. Алексеев и В.С. Нерсисянц писали об исследуемой науке главным образом с точки зрения мировоззрения¹. Такой подход, естественно, не являлся полным, почему и справедливо критиковался Д.А. Керимовым и другими специалистами². Попыток объединить мировоззренческую и методологическую позицию предпринималось явно не достаточно.

Таким образом, философия права занимает место между философией и юридическими науками. Условно-схематично это выглядит так:

Возьмем за основу то, что философия разрабатывает фундаментальные проблемы онтологии, гносеологии, аксиологии, антропологии, логики, этики, праксиологии, сознания. В этом случае предметом изучения философии

¹ Например, С.С. Алексеев писал, что решающее значение в философии права имеет ее «мировоззренческий стержень». См.: Право: азбука – теория – философия. С. 395.

² Керимов Д.А. Методология права. С. 14-15.

права должны быть соответственно основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания.

Наша позиция с точки зрения определения составляющих предмета философии права не столь оригинальна. Дискуссии о том, что из названного включать или, напротив, исключить из предмета ведутся уже длительный период. Наш подход выражен в стремлении приблизить философию права к философии, поднять ее над общей теорией права, а не рассматривать внутри юридических наук. А главное: рассматривать философию права как самостоятельную философско-специализированную науку.

С радостью отмечаем, что в юридической среде появляются специалисты, рассматривающие философию права больше с философских, а не юридических позиций. К таким, например, относится известный немецкий юрист Р. Алекси. Интересен и комментарий С.И. Максимова по поводу работ этого ученого. С.И. Максимов пишет, что Р. Алекси: «Трудно упрекнуть в какой-либо предвзятости, как это часто бывает у нас, когда профессора философии настаивают на философском характере философии права, а профессора права – на юридическом. Р. Алекси – юрист, наряду с лекциями по философии права он также читает лекции по проблемам публичного права. Поэтому не будем спешить обвинять его в измене корпоративным интересам...»¹.

Надо сказать, что и сам С.И. Максимов, будучи известным юристом, рассматривает правовую реальность в первую очередь с философских позиций².

О необходимости объединения усилий философов и юристов именно под философским крылом говорит В.Д. Зорькин. Реалии времени, - как считает ученый, - подталкивают к тому, «чтобы философы говорили о праве,

¹ Максимов С.И. Философия права как проблема философии права // Философия права: сучасні інтерпретації: Вибрані праці: статті, аналітичні огляди, переклади. Харків, 2012. С. 17.

² См.: Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.

а юристы слушали философов и понимали, что право состоит не просто из собрания законов, - иначе достаточно одной законодательной реформы, а огромные библиотеки, если даже здесь доверху стеллажи поставить, отправляются в макулатуру. Не нужно замыкаться в узких рамках, необходим широкий взгляд на юриспруденцию, завещанный выдающимися российскими мыслителями нам – тем, кто занимается интеллектуальным трудом, будь то практическая работа юриста, или преподавание, или академическая деятельность. И главный импульс, мне кажется, все же должны задать философы»¹.

Попытки рассмотрения предмета философии права внутри юриспруденции постоянно сталкиваются с противоречиями. Например, не все ученые включают в предмет философии права онтологию права. На самом деле, что как не философия изучает онтологию? Можно ли философские размышления об онтологии права, например Гегеля, не относить к философии права?²

Вызывало спор, на наш взгляд необоснованный, включение в предмет философии права правовой логики. Хотя очевидно, что логика – философская наука, поэтому препятствий для изучения логики права в рамках предмета философии права не имеется.

Многие не достаточно внимания уделяют вопросам человеческого сознания, осознания человеком права, правосознания, поэтому, видимо, даже не задумаются о необходимости включения этих вопросов в предмет философии права. В.П. Малахов высказал верную мысль о том, что у многих отечественных правоведов правосознание совершенно выпадает из поля зрения; оно представлено лишь имплицитно, в своем содержании³.

¹ Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. Издание Московско-Петербургского философского клуба. М., 2010. С. 43-44.

² Одной из последних и весьма интересных философско-правовых книг, посвященных онтологии права, стала монография Г.А. Гаджиева. См.: Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

³ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. С. 10.

Не все специалисты почему-то включают в предмет философии права этику права. Право по своей сущности должно находиться на страже добра. Проблема добра и зла является центральной проблемой этики. Учения о добре и зле, нравственности и безнравственности, морали, добродетели, справедливости, счастье и долге традиционно изучаются этикой как философской дисциплиной, но имеют важнейшее значение для философии права.¹ Этический взгляд позволяет оценивать право не только, например, с гносеологических позиций, но и нравственной, что особо важно для осмысления правового бытия. В правовом бытии, кстати, было достаточно примеров, когда то, что столетия назад считалось нравственным, стало безнравственным, а то и преступным. И наоборот.

Этика как наука о высшем благе человека, о добре, выступает своеобразным методологическим ориентиром для познания права. То есть, познание происходит не ради самого познания, а в конкретном направлении.

Именно этические ценности лежат в основе всех правовых концепций. И в этом смысле правовая этика осуществляет поиск идей, принципов, основ, регулирующих поведение человека, направляющих его поступки, устанавливающих критерии добра. Здесь же рассматриваются и основные проблемы применения таких моральных идей, принципов, основ в конкретных ситуациях, связанных с моральным выбором. Процесс познания правового бытия без этики обедняет сам себя, теряет цели и ориентиры. Поэтому несомненно, что этика права входит в предмет изучения философии права.

Таким образом, философия права – философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, прaksiологии права, правосознания. Наш подход подробно исследовался

¹ Об этике см: Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М., 1987; Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998.

на проводимых нами (С.И. Захарцевым и В.П. Сальниковым – ред.) ежегодных международных философско-правовых чтениях.

Не бесспорное суждение высказал В.С. Нерсисянц. Вначале он говорил, что в научном профиле и дисциплинарной принадлежности философия права имеет несколько аспектов. Если речь идет о философии права в целом, то очевидно, что мы имеем дело с междисциплинарной наукой, объединяющей те или иные начала, как минимум, двух дисциплин – юридической науки и философии. Этот междисциплинарный компонент является общим для всех версий философии права, независимо от того, разработаны ли они как отдельная юридическая или философская наука¹.

С тезисом В.С. Нерсисянца о том, что философия права является междисциплинарной наукой следует согласиться². Однако далее В.С. Нерсисянц пишет: «Когда же встает вопрос о дисциплинарной принадлежности к юриспруденции или философии тех или иных конкретных вариантов философии права, то по существу речь идет о **концептуальном различии** (выделено нами – С.З., В.С.) юридического и философских подходов к основной проблеме (подразумевающей и охватывающей и все остальные, более частные проблемы) любой философии права: «Что такое право?»»³

То есть, если развивать мысль В.С. Нерсисянца дальше, то фактически получается, что у нас две разные научные дисциплины: философия права в философском подходе и философия права в юридическом подходе. Однако, как мы понимаем, это не так.

Напротив, сила и мощь философии права как раз заключается в ее двугранности, междисциплинарности. Сфера ее познания находится на стыке

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. С. 17.

² Алексеев С.С. верно написал: философско-правовой, интегрированный уровень научных знаний о праве выражен в формировании и развитии особой самостоятельной научной дисциплины, охватывающей как философию (по своим основам), так и правоведение (по своему основному содержанию). См.: Алексеев С.С. Философия права. С. 3.

³ Нерсисянц В.С. Философия права. С. 17.

двух отраслей знаний философии и права. Такие научные пересечения в XIX и XX столетиях открыли широкий пласт для познания окружающего нас бытия. Никто не растаскивает по разным углам философию экономики, философию культуры, молекулярную микробиологию, физическую химию и т.д. и т.п. Если мы говорим о том, что философия права изучается юристами и философами с разных сторон, то тогда следует признать, что науки «философия права» в настоящий момент вообще нет: ее или физически нет либо она находится в стадии формирования. А есть отдельные направления в философии, интересующиеся правом. И кроме них есть отдельные теоретики права, рассматривающие в праве в том числе основы философии.

Но такое мнение, судя по всему, не верно. Философия права есть и существует именно как междисциплинарная наука.

Приведенное суждение В.С. Нерсисянца, на наш взгляд, как раз и связано с неточным определением предмета науки философия права. Если говорить о предмете философии права только с позиции правоведения, что сейчас встречается достаточно часто, то мы действительно получим исключительно юридическую науку, причем несколько оторванную от философии. И такой отрыв будет прогрессировать. Что мы еще можем получить? Философия права в таком виде будет все более «погружаться» в юридические частности и нюансы, отходить от высокого – философского – осмысления правового бытия.

И попытки «зажать» философию права юридическими рамками, увы, встречаются. Например Ю.Г. Ершов написал о том, что философию права «мало интересуют умозрительные конструкции, оторванные от реальных правовых процессов и явлений»¹. Из этого Ю.Г. Ершов сделал вывод, что философия права в этом смысле как бы «вырастает» на фундаменте всего юридического знания². Но ведь такая точка зрения совершенно не выдерживает критики. Во-первых, это не так с исторической точки зрения:

¹ См.: *Алексеев С.С.* Философия права. С. 4.

² *Ершов Ю.Г.* Философия права. С. 9.

философия права «выросла» из философии, а не из юридических знаний. А, во-вторых (главное), наверное, трудно оспорить то, что именно философия является основой других наук, в том числе юридических. Соответственно, именно на базе (или, если хотите, фундаменте) философии получают юридические знания, изучается правовое бытие. И никак не наоборот.

Уже сейчас, - при юридическом подходе, - многие теоретики права, обозначая разницу между теорией государства и права и философией права, не находят четких и убедительных границ. Да при указанном подходе их и трудно найти. В.С. Нерсисянц пишет, что основной проблемой философии права является вопрос: что такое право? Но если говорить о юридических науках, то познанием того, что такое право, как раз занимается теория государства и права.

Отсюда вывод о том, что философию права нельзя превращать в чисто юридическую дисциплину. Предмет философии права шире, чем у юридических наук. При отрыве от философских знаний философия права как юридическая дисциплина нужна не будет - ее заменят теория государства и права и, частично, социология права и некоторые другие юридические науки. В таком виде пропадет ее смысл и перед философией. Философия не будет обогащаться от юридических знаний.

При этом, естественно, не должно быть и отрыва философии права от права. Научная сила и значимость философии права как раз в ее междисциплинарности, взаимозависимости, взаимном обогащении знаний.

Вместе с тем, В.С. Нерсисянц подходы к изучению философии права на философский и юридический, судя по всему, дифференцировал достаточно жестко. Так, он писал, что *в философии права как особой философской дисциплине* познавательный интерес и исследовательское внимание сосредоточены главным образом на философской стороне дела, на демонстрации познавательных возможностей и эвристического потенциала определенной философской концепции права. Существенное значение при этом придается содержательной конкретизации соответствующей концепции

применительно к особенностям данного объекта (права), его осмыслению, объяснению и освоению в понятийном языке данной концепции, в русле ее методологии и аксиологии. В *концепциях же философии права, разработанных с позиции юриспруденции*, при всех их различиях, как правило, доминируют правовые мотивы, направления и ориентиры исследования. Его философский профиль здесь не задан философией, а обусловлен потребностями самой правовой сферы в философском осмыслении. Отсюда и преимущественный интерес к таким проблемам как смысл, место и значение права и юриспруденции в контексте философского мировоззрения, в системе философского учения о мире, человеке, формах и нормах социальной жизни, о путях и методах познания, о системе ценностей и т.д.¹

Как видим, вновь фактически речь идет не о единой науке, созданной на базе интеграции знаний, а о дисциплинах, имеющих совершенно различные предметные области. В единой науке столь ощутимая разница в предметах и подходах быть не может. То есть подспудно опять речь ведется о разных науках, четко разделенных между собой.

Иначе говоря, при таком подходе В.С. Нерсисянца получается, что никакой интеграции знаний между философией и юриспруденцией не было. Соответственно, не создана предметная область изучения философии права, не разработана ее методология. Значит, утверждать о том, что наука философия права существует, как минимум, преждевременно. Однако такой вывод противоречит объективной реальности и, кстати, самим же выводам В.С. Нерсисянца, который всегда писал, что указанная наука есть.

Мы считаем, что надо отказаться от классификации философии права на философию права «как особую философскую дисциплину» и философию права «как юридическую науку». Эта классификация с научной точки зрения, как видно, является не точной и регрессивной. Она напоминает известный

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. С. 18.

анекдот о переименовании Российских железных дорог в Министерство под названием «туда» и Министерство «обратно».

Говоря другими словами, могут быть самые различные подходы к предмету философии права. Они могут обосновываться со своих позиций философами, юристами, социологами, психологами, политологами, другими специалистами. Но эти подходы, концепции должны быть в рамках только одной научной дисциплины – философии права. А делить научную дисциплину, науку на части в зависимости от направления мыслей ученых нельзя. Так, нельзя и нелепо говорить о том, что есть особая психологическая наука теории государства и права (например, основанная на взглядах Л.И. Петражицкого), особая социологическая наука теории государства и права и т.д. Речь должна идти о разных подходах, концепциях внутри единой научной дисциплины. Собственно, теорию государства и права на разные науки никто не делит. Однако философию права подчас пытаются разделить на две разные научные дисциплины: «философскую философию права» и «юридическую философию права». Что, конечно, не верно.

Философия права действительно возникла в недрах философии. Далее произошло накопление знаний о праве, как философских, так и юридических. Такое накопление, что естественно привело к диффузии знаний, переосмыслению предмета и в конечном счете образованию новой науки – философии права. Философия права, как и любая отпочковывающаяся от целого отрасль знаний, определенное время «боролась» за свою самостоятельность, разрабатывала свои науковедческие основы, получала общее признание в философской и юридической среде. В настоящее время – это признанная междисциплинарная самостоятельная наука, образованная в результате интеграции знаний философии и юриспруденции о праве и правовом бытии.

Философия «как мать всех наук» тем самым выполнила свою миссию перед Наукой, «породив» новую важную научную дисциплину. Такой исторический эволюционный процесс типичен в научной жизни.

В итоге следует признать, что философия права является междисциплинарной наукой и именно в таком виде ее необходимо воспринимать. Если из нее исключим либо неоценим любой из компонентов, данная наука перестанет существовать. Опасаться междисциплинарных наук совершенно не нужно. В настоящее время большинство серьезных научных открытий как раз связаны с интеграцией и диффузией научных знаний, даже казалось бы, несовместимых. Но если в физике, химии, медицине, биологии и др. они возможны, то почему они не возможны в праве?

Надо сказать, что не все специалисты принимают предложенный нами подход к предмету философии права. Юристам особенно не нравится «размещение» философии права не внутри юридических наук, а над ними. В качестве критического замечания обычно называется уже не раз затрагиваемый вопрос о том, что такой подход может повлечь отдаление философии права от права. С данным замечанием мы совершенно не согласны. Философия права уже состоялась как междисциплинарная наука. Она уже содержит в себе багаж как чисто философских, так и юридических знаний, необходимых для осуществления своей научной миссии. Поэтому на современном этапе уже нельзя говорить о том, что при установлении философии права «над» юриспруденцией, в философии права будут рассматриваться проблемы, не соответствующие правовым реалиям.

Равно как не верно спекулировать высказываниями о том, что философия права при таком подходе не будет опускаться до рассмотрения конкретных правовых норм и вопросов. Напротив, предложенный нами подход позволяет в рамках философии права не только «рассуждать о высоком», но и разбирать конкретные правовые нормы, необходимость рассмотрения которых будет связана с решением стоящих перед философией права задач. При анализе философских вопросов, связанных, например, с правом и справедливостью, правом и истиной, рассмотрение конкретных норм по установлению истины в процессуальном праве необходимо. Да и

вообще, в праве достаточно вопросов, подлежащих философскому осмыслению.

Здесь уместно привести высказывание Д.А. Керимова о том, что ведущая методологическая роль философии права в системе юридических наук вовсе не исключает, а вполне допускает разработку отраслевыми юридическими науками методологических проблем, которые нередко достигают не только общетеоретического, но и философско-правового уровня (например, проблемы вины и ответственности в гражданском и уголовном праве)... Иначе говоря, философия права использует добытые отраслевыми юридическими науками знания для дальнейшего, более всестороннего и глубокого познания правовой действительности и перспектив ее совершенствования¹. Добавим, что по нашему мнению философские направления произвольно формируются и сформированы и в других отраслевых юридических науках. В частности, философской проблемой является сущность частной собственности, особенно в контексте советского периода и современности. Развивается философия оперативно-розыскной деятельности с вопросом широты и пределов полномочий спецслужб (казалось бы удивительно, но в ряде развитых зарубежных странах спецслужбы в ходе оперативно-розыскной деятельности открыто допускают убийства неугодных государству лиц, в том числе за пределами своих государств, не говоря уже о других нарушающих права человека действиях).² Думаем, что к философско-правовым относится проблема заключения однополых браков в семейном праве. А к философским проблемам уголовного и гражданского права мы бы добавили реабилитацию.³ Полагаем, что можно привести и другие примеры.

¹ Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М., 2007. С. 34.

² Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2012; Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2017.

³ Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве: возникновение, развитие, понятие, перспективы / Под ред. В.И. Рохлина. СПб., 2007.

Некоторые критики-юристы задают вопрос: если философия права – междисциплинарная наука, то где – на философском или на юридическом факультете – она должна изучаться? При этом говорится, что правовое направление не самое главное для «чистой» философии, значит преподавать философию права надо на юридическом факультете среди юридических дисциплин, после чего опять же делаются попытки обосновать вывод, что и философия права – юридическая наука.

В таком выводе много субъективизма и недостаточно логики. Изучать философию права надо и на философских, и на юридических факультетах. При этом естественно, что философия права больше изучается на юридических факультетах. Это обусловлено тем, что ее создание и предназначение заключается в философском обслуживании общей теории права и других юридических наук. Философия права является главной связующей между юриспруденцией и философией. Однако из этого вовсе не следует, что философия права – юридическая наука и часть общей теории права. Ведь философия тоже не юридическая наука, хотя и подробно изучается на юридических факультетах.

Среди ученых-юристов, много занимающихся проблемой соотношения философии права и общеправовой теории, следует выделить В.П. Малахова. Он, как и мы, размещает философию права «над» общеправовой теорией, но сильно снижает предназначение последней.

Так, В.П. Малахов пишет, что «философия права нужна юридической науке не для внедрения в нее познавательной “ткани” суждений, *не для ее идейного насыщения* (выделено нами – С.З., В.С.). Принципиально важно, чтобы она реализовала функцию методологии критической теории. Речь, конечно, не о самокритике или критике юридической науки извне, а о придании теории способности самостоятельно критически подходить к реальности, выступающей предметной областью теории. *Пока общеправовая теория в сущности лишена этой способности, отсутствие которой и*

восполняет философия права»¹ (выделено нами – С.З., В.С.). Почему В.П. Малахов так негативно смотрит на общеправовую теорию и на способности теоретиков права критически оценивать правовую реальность совершенно не ясно!

Далее названный ученый отмечает, что «философия права призвана не объяснять реальность или право (это способна сделать наука), а заниматься вопросом, как изменить реальность и право в соответствии с соображениями и принципами разума».² Одним словом, по мнению В.П. Малахова, общая теория права и ее теоретики в рамках общей теории права задуматься и высказать идеи о том, как изменить реальность и право в соответствии с «соображениями и принципами разума» не в состоянии.

В других размышлениях В.П. Малахова в отношении науки тоже присутствует определенный субъективизм. Например, он пишет: «Научный взгляд на общество и человека формирует только их эмпирический образ, картину, сотканную из явлений, *тогда как их смысловой слой остается за пределами внимания. Он лишь домысливается, но уже по наукообразным, наукоподобным, псевдонаучным каналам*»³ (выделено нами – С.З., В.С.). Иными словами, этот ученый отрицает научные теоретические знания!? Но ведь наука состоит не только из эмпирических, но и теоретических знаний, в задачу которых именно и входит объяснение смысла явлений, процессов, действий (или как выразился В.П. Малахов «их смысловой слой»). Существует множество теоретических методов познания, которые как раз и являются научными, а отнюдь не наукообразными, наукоподобными и псевдонаучными! Нам подумалось, что уважаемый автор просто описался, но он четко и последовательно продолжил свою мысль: «Философский взгляд на мир – взгляд, домысленный с помощью идей. Свободное от познания поле становится полем фантазий, интеллектуальных игр, эстетизированного

¹ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 214.

² Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 215.

³ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 215.

творчества».¹ То есть, он отрицает в науке и научном познании новые идеи (в том числе кажущиеся на первый взгляд фантастическими), интеллектуальные упражнения, эстетику знаний, творчество?!

Мы, конечно, такую точку зрения не разделяем. Научная работа – это в первую и главную очередь творческая работа, связанная с теоретизированием, абстракцией, выдвижением новых (порой абсурдных) идей, постоянных размышлений. И если В.П. Малахов считает, что в юридических науках никто не думает о праве, поэтому-то и нужна философия права, то это ошибочное умозаключение.

Как нам кажется, единственно возможным объяснением таких мыслей В.П. Малахова может быть то, что этот ученый пытается весьма жестко сузить-сузить предмет общей теории права, чтобы все рассуждения о праве уже относились не к теории права, а к философии.

Мы не позитивно восприняли и некоторые другие рассуждения В.П. Малахова. Например, он пишет, что «сегодня право в его бытии, а не существовании редко становится предметом философствования, с одной стороны, вследствие утраты современными отечественными правоведами философской образованности, которая в дореволюционный период была, как известно, сама собой разумеющейся, а с другой стороны, вследствие юридической необразованности профессиональных философов, обусловленной прежде всего сверхспециализированностью юриспруденции, понятной теперь только самим юристам».² В таких мыслях нам видится неуважение как к современным философам, так и современным юристам. Да, по философии права философы сейчас пишут не часто, но не из-за необразованности, а потому, что для философии философия именно права не является приоритетным направлением. По той же причине по философии права не часто пишут юристы. Кроме того, далеко не всех хороших специалистов манит философия. Но из-за отсутствия тяги к написанию работ

¹ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 215.

² Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 212.

по философии права вовсе нельзя подозревать как философов, так и юристов в необразованности.

Кроме того, очень некорректно звучит фраза, что, мол, раньше, в дореволюционный период, правоведы были отлично философски образованы. Да по-разному они были образованы, в том числе в плане философских знаний! Были и отличники, и двоечники. Были и выдающиеся ученые, чьи работы дошли до наших дней, и средненькие специалисты, не оставившие яркий след. Отдельным россиянам свойственно поклонение дореволюционному периоду как якобы справедливому, правовому, законопослушному, в котором якобы жили исключительно образованные и интеллигентные люди. Причем такое поклонение наблюдалось даже во время Великой Отечественной войны. Его очень хорошо подметил писатель К.М. Симонов в романе «Живые и мертвые». Он привел монолог генерала об одном из командующих фронтом. Генерал в частности говорил, что командующего считают интеллигентным человеком, но не потому, что он руководил сложнейшей военной операцией, не потому что он – образованный, культурный и талантливый человек, а потому, что он в царское время был аж прапорщиком.

Мы совершенно не согласны с мнением В.П. Малахова о философии права как учебной дисциплине. Он пишет - ни больше, ни меньше так: «Философия права с большим трудом и с помощью неизбежных упрощений, а нередко и *вульгаризаций* (выделено нами – С.З., В.С.) может выступать учебной дисциплиной и чаще всего является по сути только историей философии права, механически соединенной с переложением на неюридический язык проблем общеправовой теории и отраслевых юридических наук»¹.

По нашему мнению, напротив, философия права – это учебная дисциплина.

¹ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины... С. 209.

Интересно, что сам В.П. Малахов не так давно подготовил содержательное учебное пособие по философии права. В нем так и написано: «Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям “юриспруденция” и “философия”».¹ Более того, как сказано на титульном листе, оно было допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция». Интересно, для чего же автор готовил это весьма интересное пособие, если отрицательно относится к философии права как учебной дисциплине? И насколько опять же допустимо слово «вульгаризация» по отношению как учебной дисциплине, так и к ее преподавателям?

В заключение еще раз повторим сформулированный нами подход: философия права – это философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания.

¹ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008.

§ 2. Проблема происхождения права

Вопрос происхождения права всегда являлся одним из ключевых в юриспруденции. Мы хотим тезисно представить на суд специалистов наши размышления по этому поводу.

Не вызывает сомнений то, что право произошло раньше государства, которое по своей сущности представляет организованное сообщество людей. То есть, исторически вначале появился человек, люди, а затем уже государства. С тем, что человек по отношению к государству первичен согласны все ученые, независимо от того, какой концепции происхождения жизни на Земле (эволюционной, божественной или иных) они придерживаются.

Но в какой момент рядом с человеком появляется право?

Очевидно, что необходимость в праве возникает всегда, когда людей как минимум двое, то есть когда возникает некое общество. Сознание этих человек в данном случае требует установления каких-либо общеобязательных правил поведения, определения «кто старший», чье мнение более приоритетно и т.д. Любое, даже самое маленькое общество, нуждается в порядке, в организации, в нем возникают определенные правоотношения, то есть появляется право. Иначе говоря, как только на Земле рядом оказалось два человека, между ними появились правоотношения, то есть возникло право.

Однако если человек один – он все равно стремится к порядку и устанавливает его для себя сам. Человек сам регулирует свое поведение, распорядок дня, делает в удобном для себя виде отметки о его соблюдении. Именно установленный для себя внутренний порядок подсказывает ему, когда работать, когда отдохнуть, что и в какой последовательности делать. То есть фактически устанавливает сам себе право. Право в виде законов ему не нужно. Но в виде регулятора его поведения право у него уже есть и это право основано на законах природы и на природе самого человека.

Этот вывод подтверждают отшельники, осознанно решившие жить вне людей. По их признанию, находясь в полном одиночестве они все равно устанавливали для себя правовые нормы, создавали правила поведения по которым жили и более того, устанавливали сами себе ответственность за их нарушения. Например, как рассказал нам один из отшельников, одной из форм наказания за нарушения собственного поведения он избрал дополнительное стояние на коленях в течение определенного времени. В истории Православия зафиксировано много примеров, когда тот или иной человек добровольно отказывался жить в обществе с людьми и самостоятельно, но по велению разума, все равно устанавливал себе правовые нормы. Например, как известно, нормы права, ужесточающие собственное поведение, сам для себя устанавливал известный русский святой преподобный Серафим Саровский.

Иными словами, с момента своего зарождения на Земле человек осознанно стремился к праву, оно ему было необходимо для выживания. Эту необходимость ему подсказывало его сознание. Таким образом, сознанию человека свойственно стремление к порядку в жизни. Более того, видимо в сознании человека заложено жить по правилам, по установленному порядку, то есть по праву. Сознание показывает и подсказывает, что по-другому человек не выживет.

Как известно, любой человек создан из двух оболочек: внешней (осязаемой) и внутренней (неосязаемой, духовной). Сознание руководит и внешней, и внутренней оболочками. Оно управляет телом. Но сознание развивает и внутренний мир, требует стремления к знаниям, интеллектуальности. И через сознание любой человек понимает, что он не может, будучи один, выжить без установленных для себя правил. И тем более не сможет прожить среди таких же людей без установленных правил поведения.

Конечно, у первобытных людей право носило откровенно примитивный характер, но важно, что оно возникало с человеком. Тогда же

возникало осознание человеком права на свободу мысли, чувств, уважение собственного достоинства. Поэтому следует признать, что право «рождается» вместе с человеком.

Появление других людей кристаллизовали указанные права. Кроме того, появилось уважение к рождению человека, свободе слова, которой несомненно были наделены первобытные люди, самоуважение и потребность защиты своих прав.

Указанные права свойственны человеку с рождения. Таким образом, по нашему мнению, право было в каждом первобытном человеке, право «рождается» вместе с человеком. И именно отсюда, как мы думаем, берут начало естественные права человека.

Следует обратить внимание на то, что нормы права характерны для всех земных существ. У каждого вида животных есть понимание своих прав и обязанностей! Таким образом, у них есть право. Наблюдение за любыми животными эту теорию полностью подтверждает. Жизнь животного мира тоже упорядочена.

Надо сказать, что практически все специалисты, изучающие естественные права человека, отмечают наличие у каждого человека указанных прав. Но при этом деликатно обходят вопрос о том, откуда они возникают? Ведь этими правами не наделяет кто-то со стороны по собственному усмотрению. Они имеются именно у каждого, причем с рождения.

Часто применяемое выражение, что естественные права человека свойственны природе самого человека, если так можно выразиться, достаточно «избито» и не конкретно. Оно, с одной стороны, как бы всех устраивает своей отсылкой на некую природу человека. Но, с другой стороны, если вдуматься, ничего не объясняет. И мало у кого из юристов возникло желание разобраться в том, что есть эта «природа», на которую все любят ссылаться?

Одним из немногих, кто пытался в данном вопросе разобраться, был известный русский философ Б.Н. Чичерин. Он написал, что естественные права – это система общих юридических норм, вытекающих из человеческого разума. Вместе с тем, под разумом Б.Н. Чичерин понимал существующее где-то вовне «верховное определяющее начало как в субъективном, так и объективном мире, как в сознании, так и бессознательном», некий «закон всякого бытия».¹

Надо исходить из того, что право не материально. И если оно рождается с человеком, то оно должно изначально закладываться в его психику. Именно там, вместе с самим человеком рождается и право. И в этом смысле следует согласиться с Л.И. Петражицким, обосновывавшим, что право изначально присутствует в психике человека. Он писал, что право есть явление не внешнего, материального мира, как, например, камень, дерево, а явление духовного мира, психическое явление, явление нашей души.²

Иной вопрос в том, где в психике человека «располагается» право? Л.И. Петражицкий считал, что право – это эмоции и полагал, что открыл в психике человека особые правовые эмоции.

Но разве право это эмоция? Как известно, эмоция с латинского «*emoveo*» означает «потрясаю, волную». Отсюда в самом общем смысле эмоция – это волнительное, возбужденное состояние, связанное с оценкой значимости для индивида действующих на него явлений, факторов или событий. Эмоции выражаются в первую очередь в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения актуальных потребностей или ожиданий человека.³

Право и эмоция – понятия разные. Право, как и любое другое явление, несомненно может вызвать у человека определенные эмоции (например,

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. М, 2010. С. 94.

² Петражицкий Л.И. теория и политика права. Избранные труды / Науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб, 2010. С.251.

³ По признанию психологов, эмоции как и многие другие психические явления, пока слабо изучены и понимаются разными авторами по-разному. Общепринятого понятия эмоций не имеется.

отрицательные, положительные). Но это лишь подчеркивает различие между ними.

Нам думается, что право есть часть сознания человека. Право находится в сознании каждого человека, рождается и развивается вместе с ним. Любой человек рождается с сознанием. И именно в сознании каждого есть правовая составляющая, своеобразные правовой раздел сознания, ответственный за его поведение в природе и обществе. Именно через сознание у человека появляется потребность в праве, и даже, как мы считаем и видим, стремление к праву. Стремление к праву, по нашему мнению, является одним из законов человеческой психики.

Сознание, судя по всему, выступает истоком естественных прав человека. Как и само сознание, эти права неотчуждаемы: право на свободу мысли, совести, вероисповедания, перемещения и т. д. Потребность в правах заложена в самом человеке, в его сознании как высшей форме психической деятельности человека. Задача бытия, социума в таком случае состоит в обеспечении человека нормальным здоровым сознанием.

В 1980-х годах Е.П. Велиховым, В.П. Зинченко и В.А. Лекторским высказывалось мнение, поддержанное Д.А. Керимовым, что философия до последнего времени ограничивалась общими рассуждениями по поводу сознания (соотношение бытия и сознания), а психология в последнее десятилетие забыла о существовании проблемы сознания¹.

Сейчас интерес к сознанию заметно возрос. В.А. Лекторский по этому поводу сказал, что сознание, которое на протяжении столетий считалось неоспоримой областью философского анализа, стало предметом исследования в рамках различных специальных наук. Эти вопросы не новы. Но сегодня они возникают уже в новом контексте и требуют новых ответов,

¹См: Керимов Д.А. Методология права. С. 380; Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. №11 С.10.

учитывающих то, что сделано в области исследования сознания специальными дисциплинами.¹

Однако до сих пор полностью ясного ответа на вопрос о том, что такое сознание не получено. В общем смысле сущность сознания четко и понятно изложили М.С. Строгович и Д.А. Керимов. Как они пишут, сознание обычно определяется как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое знание. Сознание – есть высшая форма психической деятельности человека, подчиняющая, регулирующая и контролирующая все другие явления психической жизни.

Понятие сознания есть понятие психологическое, это явление психической жизни людей. Сознание выражается прежде всего в понимании, в осмыслении определенных факторов и положений, затем – в постановке определенных целей и подыскании средств для достижения этих целей. Деятельность разума – вот что характеризует сознание как доминирующее явление психики человека². При этом важно подчеркнуть, что сознание не сводится к деятельности по отражению объективной реальности. Оно заключается и в мыслительной деятельности, направленной на изменение этой объективной реальности, желании улучшить бытие.

Деятельность человека подчинена его сознанию. И именно в нем – в сознании – заложена необходимость права для жизни.

Таким образом, тезисно:

- право родилось раньше государства;
- право родилось вместе с первым человеком;
- в психике, а точнее, в сознании каждого человека заложена потребность в праве.
- стремление к праву – есть закон человеческой психики.

¹ Цит. по: Канаев И.А. Проблемы сознания в междисциплинарной перспективе (обзор научной конференции) // Вопросы философии. 2012 № 10 С. 171-175.

² Керимов Д.А. Методология права. С. 384; Строгович М.С. Избранные труды. Т. I. М., 1990. С. 53-54.

- естественные права человека берут свое начало из психики, а точнее опять же, из сознания человека.

Как мы написали, государства родились позднее человека. Образование государств повлекло развитие позитивного права, нормативизма. С образованием государств получили бурное развитие юридические науки, образовалось несколько научных школ, подходов. Эти школы стали конкурировать между собой. Именно конкуренция усилила противоречия между направлениями права так, что сейчас их трудно воссоединить. Споры о происхождении права подчас достигают жесткой конфронтации. Хотя, на наш взгляд, подобные споры бесплодны и непродуктивны (что доказано временем).

А главное, дискутируя о происхождении права, большинство специалистов строго придерживаются только какой-либо одной версии его зарождения, абсолютизируют ее, спорят с оппонентами и почему-то не допускают мысли, что происхождений права может быть несколько. Оно вместе с тем может быть связано и с естеством человека, и с волей государства. **Мы считаем, что на разных этапах существования на Земле человечества право в разном виде зарождалось неоднократно.** Как минимум рождение права происходило трижды. Первый: с появлением на Земле человека и его сознания, в котором заложено стремление к праву. Второй: с появлением первого государства и рождением в нем права – уже другого, позитивного, нормативного, жесткого. Третий: с зарождением обычаев, получивших со временем и с учетом ментальности, культуры, развития отдельных обществ, статуса правовых обычаев и норм права.

По этому поводу хорошо высказался Л.И. Петражицкий. Он написал, что мы имеем картину все возрастающего множества конкурирующих теорий, из которых каждая возводит какой-либо особый фактор или элемент человеческой жизни «в основу» всей общественной жизни и ее истории, всех общественных процессов. Одни утверждают, что основой всего в человеческом обществе, фактором определяющим все прочие явления

являются условия производства материальных благ, производительные силы и орудия производства; другие все сводят к подражанию со стороны членов общества более выдающимся и проявляющим личное творчество индивидам; третьи все сводят к столкновению и покорению одних племен и иных общественных групп другими; четвертые считают решающими борьбу за существование и естественный отбор; пятые корень всего видят в свойствах расы; шестые – в физико-географических условиях жизни данного общества и пр. и пр. Ошибочность подобных концепций, по мнению Л.И. Петражицкого, определяется абсолютизацией этого единственного принципа, отбрасыванием других факторов. «При этом, - как считает ученый, - если бы смысл этих и т.п. теорий состоял только в утверждении что такой-то, облюбованный данной теорией, фактор имеет свою, такую-то область действия и долю значения в общественной жизни и ее истории, то все или многие из таких теорий могли бы быть истинными»¹.

Возвращаясь к государству подчеркнем, что в данном случае не так важно что под ним понимается. А важно то, что появление государства тоже «породило» право, но уже в другом, чем в сознании человека, виде. В виде общеобязательных нормативных установок, соблюдение которых обеспечивается опять же государством.

«Рождение» права государством имело множество всем известных причин. Это и необходимость регулирования общественных отношений между людьми, и необходимость удержания власти, собственности, богатства, и необходимость регламентации естественных прав человека. При этом позитивное право должно было выступить и выступило противовесом желаниям отдельно взятого человека. Ведь будем объективны, в сознании любого человека рождаются как положительные, добрые мысли, так и отрицательные (плохие и бесчестные), которые тем не менее иногда тоже хочется реализовать. Даже естественные права для каждого человека

¹ См: *Петражицкий Л.И.* Теория и политика права. Избранные труды. С. 439-440.

О том, что при изучении происхождения или сущности права не надо абсолютизировать какой-либо фактор, не раз писали и мы.

различны. Кто-то считает естественным и необходимым для себя просто право на жизнь и свободу, но есть и те, кто считает естественным для своей жизни право быть свободным за счет других, право эксплуатации других, получения от других прибыли для своего свободного существования. Именно благодаря государству и позитивному праву удалось сформулировать и очертить примерный перечень прав человека, признаваемых естественными и необходимыми для всех. И значение позитивного права для жизни человека не менее велико.

Таким образом, и ученые, считающие, что право произошло от природы самого человека, и специалисты, считающие, что право произошло от государства, правы.

При этом надо признать, что хотя юснатуралистический и позитивистский подходы объединяются единым термином «право», свести их под единый знаменатель весьма трудно даже потому, что на самом деле речь идет о разных понятиях. Разных по происхождению, по сущности, по способу использования, хотя и именуемыми одинаково – правом.

Надо сказать, что сейчас среди позитивистов практически нет ученых, отрицающих естественные права человека. Равно как среди юснатуралистов практически нет тех, кто жестко задвигает роль государства на вторые роли. Но при этом создать единую и всех устраивающую концепцию не удастся. Одна из пока не преодоленных причин – фактическая разница между понятиями права. Давайте задумаемся. Естественные права человека происходят только от сознания. Позитивизм же во многом исходит от государства. Могут ли естественные права человека взяться от веления государства? Нет. Государство не может заставить быть свободными. Оно может создать условия для реализации свободы и равенства. Может, конечно, и не создавать, но государство все равно не сможет отменить свободу мысли, вероисповедания, совести и даже слова¹. Таким образом,

¹ Удерживать несвободу слова какое-то время под угрозой жестких репрессий государство может. Но отменить не получится.

естественные права человека не могут исходить от государства, они могут исходить лишь от сущности самого человека, от его сознания. Позитивизм, напротив, в значительной степени исходит от государства. От сознания тоже, но приоритет за государством. И воля государства, выраженная в законах, человеку (его сознанию) нравится далеко не всегда.

Здесь надо отметить, что в современной России декларирован приоритет естественных прав человека. В этом, конечно, присутствует определенный идеализм и романтизм, ибо на практике установленные государством нормы могут ограничить некоторые естественные права человека, включая право на жизнь. Кроме того, в жизни объективно существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека: Отечество, Вера, защита ценой себя жизнью близких и пр.

Представляется, что в современном смысле нельзя говорить о приоритете той или иной концепции. В историческом смысле – да: право образовалось раньше государства, естественные права человека раньше нормативизма. Думается, что сейчас проблему лучше трактовать так. Право исходит от природы человека, от его сознания. Для сознания право является составляющей и имеет огромное значение. Здесь речь идет об упорядочении жизни, бытия, воспринимаемом сознанием. Но право исходит не только от сознания, но и от государства. На практике, право исходящее от государства зависит от экономики государства, политики государства, культуры государства, обычаев в государстве. И все изложенное оказывает влияние на естественные права человека, вплоть до ограничений некоторых прав. В свою очередь, и естественные права человека оказывают на государство и исходящее от него право воздействие. Однако естественные права не могут оказать кардинальное воздействие на экономику государства и на сложившийся менталитет.

Кроме того, право зарождается и на основе существующих в обществе обычаев, получивших с течением времени статус правовых. *При этом мы не отрицаем, помимо названных, и ряд других концепций происхождения права.*

В связи с изложенным, как уже говорилось, считаем более полезным и правильным рассматривать право как сложное многоаспектное социальное явление. Такой подход позволит не пытаться «скрестить ежа и ужа», что подчас наблюдается в научных работах, а комплексно и полно оценить право.

В этом параграфе мы неоднократно упомянули имя известного юриста Л.И. Петражицкого, исходя из чего и с учетом наших психологических размышлений, может создаться впечатление, что мы являемся сторонниками его теории. Вместе с тем, сторонниками концепции Л.И. Петражицкого мы вовсе не являемся.

Если кратко, мы признаем, что психологическая теория Л. И. Петражицкого значительно обогатило юриспруденцию и философию права, а ее автор является одним из серьезнейших мыслителей. Мы согласны, что право зарождается в психике человека, но, во-первых, не только в психике, а во-вторых, не как особая правовая эмоция, а в сознании. Мы полностью поддерживаем этого ученого в том, что нельзя абсолютизировать какой-либо один фактор бытия как универсального средства познания всего, то что называется «на все случаи жизни». Однако с сожалением констатируем, что сам Л.И. Петражицкий, вопреки сказанному, абсолютизировал для познания права психологию. Так, право по Л.И. Петражицкому – это реальное психическое явление особого рода, с природой которого можно познакомиться непосредственно и достоверно в нашей душе, то есть путем наблюдения, сравнения, анализа, наших же собственных состояний в движении. Подразделяя право на интуитивное и позитивное, а также на официальное и неофициальное он пишет, что все эти виды лишь разновидности единого психологического понятия права как императивно-атрибутивных переживаний, но различного психологического состава. Государственная и общественная власть, по его мнению, на самом деле не воля и не сила, а эмоциональная проекция, эмоциональный фантазм, нечто не реальное и т. д.

С указанными рассуждениями мы, по понятным причинам не согласны. Не поддерживаем вычленение им более 15 видов положительного права (в том числе право изречений религиозно-этических авторитетов, право юридических пословиц, право односторонних обещаний монарха) и другие подобные измышления¹.

Тем не менее, в отношении трудов Л.И. Петражицкого добавим еще два позитивных соображения. Первое: к сожалению в XX веке вообще и в российской правовой науке в частности создано не много концепций, теорий (пусть даже спорных), имеющих мировую известность и объективно вызывающих большой интерес. Теория Л.И. Петражицкого востребована. Второе (о чем немногие знают): как преподаватель, общественный деятель и видный юрист Л.И. Петражицкий внес большой вклад в решение проблемы равноправия между мужчинами и женщинами в России. И в том, что сейчас среди российских юристов много женщин, заслуга указанного специалиста очень велика².

В сумме: мы согласны с В.С. Нерсисянцем, что оригинальные творческие усилия Л.И. Петражицкого оказали заметное влияние на развитие отечественных философии, теории, психологии и социологии права³.

В завершении параграфа повторим выводы. Согласно нашей концепции, на разных этапах человеческого существования право в различном виде зарождалось как минимум трижды. Первый: с появлением на Земле человека и его сознания, в котором заложено стремление к праву, необходимость

¹ См.: Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. С. 380-560.

² Завершая работу (одну из первых в России) о необходимости равноправия мужчин и женщин Л.И. Петражицкий писал: «Выскажем пожелание и надежду, что во всяком случае со временем наши будущие коллеги обижаемого теперь пола, ученые-юристы и практики – женщины обратят особое внимание, с одной стороны на изучение обычного права и связанных с ним чувств, представлений и волевых движений как своеобразной, но могучей и недружелюбной для них психической силы (для успеха борьбы надо знать противника и его свойства), с другой стороны, на науку политики права как на средство привести в движении дружественные силы не только путем воодушевленных резолюций, петиций и т.п., но и путем серьезной и истинно-научной, глубоко обоснованной системы аргументации. См.: *Петражицкий Л.И.* Теория и политика права. Избранные труды. С. 243.

³ Нерсисянц В.С. Философия права. С. 710

права. Второй: с появлением первого государства и рождением исходящего от него позитивного права. Третий: с зарождением обычаев, получивших со временем и с учетом ментальности, культуры, развития отдельных обществ, статуса правовых обычаев и норм права.

Конечно, представленная нами теория происхождения права не более чем научное предположение, хотя, на наш взгляд, достаточно обоснованное или по крайней мере имеющее право на существование. Впрочем надо понимать, что любая теория о происхождении права не может быть признана истинной до тех пор, пока наука не ответит на вопросы о происхождении жизни и человечества. Ответов на эти вопросы в настоящий момент нет. Много сторонников божественного происхождения человека, жизни, бытия и всего, что с ними связано. Немало сторонников эволюционного происхождения жизни. Сейчас развиваются теории о внеземном (космическом, внеземном) рождении человечества и т.д. В ту или иную концепции сейчас можно только верить.

Но пока мы не будем точно знать правду об указанных главных вопросах, ответить на частные – например, как произошло право? – точно не получится. Ответов на эти вопросы мы ждем.

Вместе с тем, хочется верить, что размышления по таким вопросам медленно приближают нас к разгадкам, помогая либо подтвердить гипотезы либо, напротив, четко их опровергнуть, что на самом деле тоже прибавляет знаний.

В заключении с сожалением хочется сказать, что в последнее время в российской юриспруденции вопросам происхождения права уделяется явно не достаточно внимания. Будем надеяться, что данный параграф подтолкнет ученых к дискуссии по этому столь интересному вопросу.

§ 3. Комплексная теория права

Что такое право? За тысячелетия существования человека единого и устраивающего всех определения разработано не было.

Право нам видится большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня.

То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства.

Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта. Поэтому выскажем предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно *сейчас* о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей,

главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой **компренхенный подход**¹ к изучению права в данном случае является наиболее подходящим.

Для указанного познания права нужна философия. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом развития научных знаний о мире и бытии. Думается, что в философском плане значительное количество правовых исследований, хотя и имеющих глобальные цели, фактически представляют собой работу у подножия пирамиды. И наивно полагать, что «дистанцию огромного размера» мы преодолеем быстро. Причем подчас вместо подъема к знаниям работа ведется «по кругу». Например, более столетия назад Н.М. Коркунов подвел убедительный итог попыткам создания так называемой энциклопедии права. Он, в частности, написал: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалось невозможным»². Вместе с тем, спустя столетие, к названной идее предлагают вернуться заново.

Другой характерный пример. В настоящее время встречаются попытки объединить в интегральную теорию права теории естественного и позитивного права. Но ведь право – не только эти две теории. Значит конструкция в таком виде обречена на провал. Философски подняться над проблемой и оценить, что объединение только указанных теорий будет совершенно не полным – получается не у всех.

Философских оценок требует современное отношение юридической науки к праву. Так, в настоящее время отчетливо наблюдается, что о феномене «право» многие специалисты стали писать «возвышенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом – это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в

¹ От латинского: *Comprehen* – всеохватываемость, *Comprehendo* – всеохватывающий.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. СПб. 2004. С. 33-34. См. также: Экимов А. И. Коркунов / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 1983.

правовых нормах) – это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения – неправо́вый закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д. То есть, право, особенно в последнее время, стало идеализироваться.

Такой подход стал настолько распространенным в студенческой среде, что преподаватели ряда отраслевых дисциплин сетуют, что в вузах, в которых студентам внушается мысль о различии и противоречиях права и закона, крайне затруднительно приохотить будущих правоведов изучать кодексы и другой законодательный материал, так как многие студенты убеждены, что почти все это не является правом¹.

Важно понять, что если будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы реформаторских законов приводят к массовому обнищанию населения, ущемлению потребностей в образовании и здравоохранении – то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. Вместе с тем, применяемое популярное словосочетание «неправо́вый закон» выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право – это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право – это свобода, справедливость, равенство и ни как иначе. Например, В.С. Нерсисянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей.²

Но такое понимание права односторонне, а значит не объективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. При некритичном исследовании истинных знаний не получишь.

Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до

¹ Лейст О.Э. Сущность права. С. 312.

² См.: Нерсисянц В.С. Философия права. С. 1.

гипертрофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, концепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Явный перегиб в одну сторону дает перенасыщение проблемой, в результате чего срывается «эффект маятника». В результате даже самые светлые и здравые идеи, приобретая гипертрофированную форму, подвергаются уже огульной критике, на длительный срок предаются забвению и вытесняются другими концепциями, которые на поверку оказываются тоже не без изъянов.

Помимо того, философы права почему-то не всегда учитывают рефлексию философии. На протяжении всей истории развития человечества для философии было характерно постоянное переформулирование своих основных проблем. Одна концепция, вроде бы достаточно обоснованная, неизбежно сменяется другой, принципиально от нее отличающейся. Если специалисты, скажем, видят перспективы естественно-правовой теории как господствующей теории права в России на длительное время, то к данной теории тем более надо подходить более критично, осмысленно. Не только подчеркивать положительные характеристики этой теории, но и видеть определенные упущения, сложности применения с учетом сложившейся в России ментальности, правосознания и правовой культуры.

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и естественно. Противопоставлять Бога праву либо дополнять Бога правом нелепо и бессмысленно.

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно не верно сводить до формы свободы, равенства и справедливости. Право значительно

многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории. Причем точно определить указанные философские категории – сложный философский вопрос.

Право – это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления – культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать, а другой – подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества – справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике, некультурной культуре и т.д.

Здесь следует сказать, что мы не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять односторонне, выгораживая право как явление от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы? Тем более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные в 1990-х годах и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признало и руководство страны. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокости казалось бы вряд ли уместается в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, то есть именно правовой характер. Сейчас всем очевидно, что если бы не удержали Ленинград, то количество убитых было бы в разы больше и вопрос победы над фашизмом оставался бы открытым. Надо сказать, что в истории человечества накопилось немало именно правовых норм, содержащих насилие и жестокость.

Как верно по этому поводу написал В.З. Лившиц, для одних и тех же групп людей тот или иной закон олицетворяет равенство и справедливость, он правовой, а для других групп – нет. Поэтому общего и однозначного критерия отличия правового закона от неправового не существует. При этом один и тот же закон может быть правовым и неправовым на разных этапах развития общества¹.

В связи с этим, концепция правовых и неправовых законов не может стать ориентиром для государственных органов и должностных лиц, применяющих право. Иными словами, данная концепция представляет собой некую умозрительную конструкцию, которая не может быть реализована при применении права. Здесь, на данном этапе в очередной раз ярко высвечивается вопрос именно научной, диалектической проверки идей и конструкций.

Глубокое исследование проблемы «правовых-неправовых» законов проведено О.Э. Лейстом. По его абсолютно справедливому мнению, серьезным препятствием на пути становления содержательных философских направлений изучения права в последние годы стала концепция, которая еще недавно называлась ее сторонниками «историко-материалистическая концепция различия и соотношения права и закона», а теперь переименована им в «либертарную». Закону, принятому государством, эта концепция

¹ Об этом см: *Лившиц В.З.* Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992.

противопоставляет право, сущность которого усматривается в свободе, равенстве и справедливости. На этом основано понятие «неправовой закон», не соответствующий представлениям о свободе, равенстве и справедливости. Исходя из такой концепции в многовековой истории человечества вообще трудно найти «правовые законы». Если считать право воплощением свободы, равенства, справедливости, то история права начинается только с XVII-XVIII вв., а все предыдущее право (Законы Хаммурапи, Законы Ману, римское рабовладельческое право, все право Средних веков, в России – Русская правда, все Судебники и Уложения и т.п.) не должно считаться правом. Получается, что «либертарная концепция» как бы упразднила большую часть истории права. Отдавая должное теоретической смелости и последовательности основателя этой концепции В.С. Нерсисянца¹, отметим, что недавно он упразднил и большую часть истории государства. Государство, по его мнению, конституируется только на основе «правовых законов», а все остальное, что до сих пор в истории считалось государством, было различными видами деспотизма, принципиально отличающимися от государства².

Но дальше – больше. Как продолжил О.Э. Лейст свою мысль, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения сторонников критикуемой концепции начисто выпало противоположное соотношение – хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения – ст. 59 Конституции Российской Федерации о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения

¹ См. *Нерсисянц В.С.* Теория государства и права. М., 2001. С. 28-30, 46-49 и след.

² *Лейст О.Э.* Сущность права. С. 307-308.

порядка его осуществления. Сторонники различения права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения.

Кроме того, - как точно подметил, О.Э. Лейст, - из поля зрения сторонников различения права и закона начисто выпал также процесс реализации того и другого, ибо, по их мнению, право – идеи свободы, равенства и справедливости, а закон – тексты, которые могут этим идеям противоречить. Однако истории известны неплохие по литературному оформлению законы, тексты которых возвещают свободу, равенство и справедливость для того, чтобы замаскировать бесправие, террор, нарушение элементарных прав и свобод человека. Такова была Конституция СССР 1936 года, демократические положения которой носили декларативный характер и являлись формой пропаганды в годы массовых репрессий. Была ли, по мнению сторонников либертарной идеи, эта Конституция «правовым законом»?¹

Полностью соглашаясь с названным ученым, хочется добавить один пример, ярко характеризующий однобокость и неточность подхода «к праву как к определению хорошему явлению по отношению к плохому закону».

Конституцией Российской Федерации человек, его права определены как высшая ценность для Российского государства. Для реализации такого права изданы неплохие по содержанию законы. Казалось бы все верно? Действительно, к законам по большому счету претензий нет – все они соответствуют Конституции Российской Федерации, исполняют ее посыл о том, что права человека есть высшая ценность.

Однако возникает вопрос, а верно ли само право о том, что человек и его права являются именно высшей ценностью? Что выше прав конкретного

¹ Лейст. О.Э. Сущность права. С. 309-310.

человека в России иных ценностей нет? Что противопоставляя единичные интересы общим, приоритет должен быть у единичных? Что разве не является ценностью Родина, государство, Вера, наконец, жизнь и здоровье своих соотечественников?

Об этом еще в 1915 году писал известный русский юрист С. А. Котляревский. Он отмечал, что нет правового государства без сознания у граждан ценности права, без любви к праву, борьбы за право. Но нет и государства там, где не существует готовности в известные минуты жертвовать этой любовью, этой даже привычкой к уже достигнутому правовому укладу во имя обязанностей перед родиной, во имя ответственности за ее независимость, безопасность, во имя служения достойному ее историческому развитию. «В этом смысле гипертрофия правового инстинкта, известная, так сказать, политическая изнеженность может оказаться в борьбе за жизнь (а от этой борьбы в самой острой форме не застраховано ни одно государство) опасным качеством, если оно не уравновешивается достаточным запасом элементарного непосредственного патриотизма. С другой стороны, государство нуждается не только в готовности граждан принести себя в жертву, ему необходима их способность пережить эту жертву как подъем национального одушевления, ему должна быть присуща сила вызвать это одушевление. Получается странный парадокс: способность граждан жертвовать правовыми благами сама связана с высоким правовым уровнем государственной организации. Болезненная и опасная — с виду — дисгармония превращается в ту высшую гармонию, искать которой всюду велит заповедь жизни».¹

Россия, на которую не менее два раза в век нападают завоеватели, жители которой выросли в общине, воспитывались из века в век коллективным трудом, особенно воспринимают слова: патриотизм, Отечество, самопожертвование ради других.

¹ Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 373–374.

О том же, являясь выразителем мнения русского народа, говорит Русская Православная церковь. В Декларации о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 года, принятой X Всемирным русским Национальным собором, говорится: «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями»¹. Тем самым Русская Православная Церковь подтвердила мнение о том, что и поныне общественные интересы на Руси стоят по меньшей мере не ниже, чем интересы личные, собственные.

Поэтому несомненно, что Конституция Российской Федерации должна провозглашать высшей ценностью права не только конкретного человека, но и российского общества, значимость Отечества, его защиту от завоевателей.

Следует признать, что нормы Конституции Российской Федерации в части провозглашения прав конкретного человека высшей ценностью при недооценки значимости Родины и Отечества, не до конца продуманы. При этом в законах содержатся нормы о защите государства и общества. То есть, по сути, нормы Конституции в данном случае являются образчиком того, что право бывает не просто несовершенным, но и хуже законов, его реализующих.

¹ [Http://www.pravoslavie.ru/news/16935.htm](http://www.pravoslavie.ru/news/16935.htm).

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т.д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право – не облако, витающее где-то вне людей. А поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей - их достоинства и их пороки.

Для нас была и остается загадкой, почему именно право подвержено такой идеализации среди правоведов (в основном теоретиков права). Экономисты, культуру, политику специалисты в этих областях оценивают более взвешенно и объективно, без иллюзий.

Возможно, сам феномен права содержит в себе постоянное стремление человека к доброте, честности, справедливости. Или может быть идеал из права создают ученые, несколько оторванные от конкретных правовых реалий, застопоренности многих правовых механизмов, волокиты в спорах, несправедливости, нечестности, подлых уловок, подкупа или давления на суд и т.д.? Заметим, что эти качества были и есть у права всегда, на протяжении всей истории. Они многократно описаны в литературе, исторических работах, да и самими юристами.

Надо жить в реалиях. По поручению автора этих строк был проведен социологический опрос пяти тысяч москвичей, россиян. Им был задан вопрос: «Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?»

Ответ сильно озадачил. 86 процента ответили, что право это запрет либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием! 5

процентов – затруднились. 9 процентов ответили иначе. Но приводить другие ответы, думается и не так важно за явным преимуществом понимания права через запрет чего-либо и наказания в случае неисполнения.

Надо сказать, что ранее, при подготовке предыдущей монографии по философии права опрашивалось две тысячи москвичей. Цифры были очень схожи. В частности, тогда для 83 % опрошенных право ассоциировалось с запретом и наказанием¹.

Что же получается? Ученые пишут о мериле свободы, равенства и справедливости, а у людей, общества оно главным образом ассоциируется с запретом и наказанием? И почему запрет и наказание в праве более значимы для людей, чем обязательные установленные правила или узаконенный порядок осуществления каких-либо действий?

В ходе работы над монографией мы задались вопросом: а как относятся к праву за рубежом. При этом мы единодушно решили провести исследования в Германии как одной из наиболее дисциплинированных европейских наций. Опросили 5 тысяч жителей Германии и опять поразились: 84 процента ответили, что право – это наказания и запреты. Особенно поразительны два факта. Первый – удивительная похожесть результатов. И второй – в Германии слово «наказание» стоит перед словом «запреты»: в России говорили «запреты и наказание», а в Германии говорили «наказание и запреты». И, наверное, это не случайно. Так, мы обнаружили показательную цитату известного австрийского философа Ф. Хайека: «Осмысливая собственные права, мы понимаем чего нельзя делать»².

Конечно, желательно провести подобный опрос с максимальным учетом всех параметров опрашиваемых: возраста, образования, социального положения и пр. Разбивку ответов желательно тоже сделать по социальным группам. Это, конечно, даст возможность установить более точные результаты общественного мнения, нежели случайная выборка пяти тысяч

¹ Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права. М., 2014. С. 50.

² Цит. по: Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения... С. 154.

опрошенных жителей. Но тем не менее, результаты очень показательны и заставляют задуматься.

С одной стороны хорошо, что право ассоциируется у россиян с запретом и наказанием, но не насилием и жестокостью. Однако, с другой стороны, запрет и наказание – не позитивная реакция человека. Они не радуют и как правило не вызывают положительных эмоций. Значит логично предположить, что право позитивных эмоций у большинства людей не вызывает. А говоря точнее, вызывает негативные. При этом даже если допустить, что при опросе конкретных слоев населения будут несколько иные результаты, то все равно 86 процентов ассоциирующих право с запретом и наказанием – это очень много.

Чем опасны запрет и наказание? В них не ищут спасения, защиты. К запрету можно привыкнуть как к необходимости. Но душа запреты не любит. И здесь важно понять, почувствовать разницу. Приведем элементарный пример. Всем понятна важность правил дорожного движения. Можно сказать, что правила дорожного движения регулируют правила поведения на дорогах и это хорошо. Можно сказать, что правила дорожного движения требуют вести себя на дорогах только так, а не иначе. Но можно сказать, что правила перечисляют, как запрещено вести себя на дороге, а за несоблюдение устанавливают наказание. Казалось бы, особой разницы нет. Все утверждение правдивы и справедливы, смысл по большому счету один и тот же. Однако в первой фразе чувствуется позитивный настрой к правилам, во втором – нейтральный. Но в третьей фразе слышится откровенно негативный настрой, из которого чувствуется, что соблюдать эти правила не хочется, если бы не опасность (строгость) наказания. Люди, воспринимающие право подобным образом, не ждут от него ни помощи, ни чего-либо хорошего. По этому поводу В.П. Малахов достаточно верно подметил, что правосознание негативно в том смысле, что вся его специфика обнаруживается в сфере запретов¹.

¹ Малахов В.П. Философия права. С. 154.

Вместе с тем, применительно к российской ментальности именно с помощью строгих наказаний можно добиться уважение к праву в целом и правам окружающих в частности. Об этом мы порассуждаем в параграфах, посвященных правосознанию и правовому нигилизму.

Однако на изложенное можно посмотреть и с другой стороны. Право в определенной мере – это протест общества на поведение человека. А можно сказать, что общество в определенной степени и формирует право в целом, и права конкретного человека в частности. Иными словами, сплошные диалектические переплетения и взаимозависимость. Отсюда во многом корни разрабатываемого нами направления компрехендного изучения права.

Признаемся, мы не до конца поняли мысль, высказанную В.М. Сырых и поддержанную О.Э. Лейстом о том, что «...Признание закономерностей права как предмета общей теории права носит чисто формальный характер. Ибо никто еще в процессе изложения не выделил и даже не предпринимал попыток к тому, чтобы назвать конкретные закономерности права»¹. Но разве выявленные в процессе научных исследований сущностные характеристики права (нормативность, официальное установление и охрана государством, системность, формальная определенность, авторитетность) в определенной мере не относятся к его закономерностям, исходя из чего формулируется *юридическое* (выделено нами – С.З.) понятие права?

Указанные признаки и есть проявления системных закономерностей права как юридического явления. Причем эти признаки, выявленные в ходе изучения права, в том или ином виде приводятся во всех учебниках общей теории государства и права, в том числе в книге О.Э. Лейста? В праве исследователями отмечались и другие закономерности.

Мы специально выделили слово «юридическое» потому, что здесь право рассматривается именно и только через призму юридических, а не философских знаний. Равно как хирургическую операцию можно смотреть

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2000. С. 40; Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 307.

исключительно с точки зрения медицины как совокупность действий по удалению злокачественных опухолей. Но можно и с философской точки зрения о том, хорошо ли в принципе хирургическое вмешательство, критерии допустимости такого вмешательства, реальности сохранения качества жизни после операции и пр. То же самое и с юриспруденцией. Право – с юридической точки зрения имеет закономерности, достаточно подробно изученные теорией государства и права. С философской точки зрения вопрос стоит шире: это и ценность права, и познаваемость его норм, и правильность выбранных для познания методов, и гуманность права, и вопрос об изначальной справедливости ограничения прав других (таких же) людей, и допустимость насилия в праве, пределы насилия, и реальность получения нужного правового регулирования и т.д., и т.п.

Право как и любой феномен можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым правом более-менее понятно, то настоящее право напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее право достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые в настоящее время абсолютно точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых современных концепциях (естественных, либертарных, интегральных, других) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направлениях, возможно доходящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

Возможно свет в конце тоннеля будет виден тогда, когда человечество придет к единому пониманию слова справедливость. Когда этот термин будет одинаково осознаваем человечеством, можно будет говорить о правовых концепциях, обеспечивающих его реализацию в жизни, бытии.

Именно в таком случае нормы права могут быть справедливыми для всех. Однако справедливость – есть философская категория. За всю историю человечества единого и устраивающего всех понимание справедливости не создано. Значит под различное понимание справедливости будут и различные, вплоть до взаимоисключающих, подходы к праву, представления о том, каким право должно быть. Думается, что человечеству в своем развитии предстоит пройти немало ступеней, миновать не одно столетие, чтобы прийти к праву как всеобщему гаранту справедливости¹.

Надо учитывать и зависимость права от внешних факторов, например, от экономики. По Ф. Энгельсу право практически полностью зависит от экономики. Право зависит от экономики по позитивизму. Право частично, но тоже зависит от экономики по юснатуризму. Даже если признавать право некой данностью, главенствующей и правящей в мире, без сильной экономики многие естественные права человека станут ничего не содержащими и не имеющими практического смысла лозунгами (право на достойную жизнь, право на уважение, право на защищенную старость и др.). То есть право как минимум частично, в некоторой степени зависимо от экономики. Этот вывод важен, ибо в таком случае надо объективно признать, что право не может быть полностью справедливым. Ведь экономика справедливой быть не может. И если право хотя бы частично зависит от экономики, то оно как минимум иногда по определению несправедливо.

В целом, современному обществу еще далеко до таких высот как свобода, равенство и справедливость. И конкретные правовые механизмы по достижению этих целей, идеалов (именно так их и следует рассматривать) пока не созданы.

Разработка таких правовых механизмов во многом может быть связана с универсализацией (если такое возможно) понятий справедливости, равенства

¹ О праве и справедливости значимые работы написал *Экимов А.И.* См., напр: Справедливость и социалистическое право. Л., 1980.

и свободы. Здесь открываются широкие горизонты для философов, в том числе специализирующихся на философии права.

Причем в современном мире разработать, открыть, создать что-либо не достаточно. Не менее важно иметь возможность опубликовать свои достижения, высказаться, а далее – быть услышанным. Триединство – создать, рассказать, быть услышанным – научный идеал, подчас достигаемый, нередко достигаемый с опозданием, а иногда и не достигаемый вовсе.

Многие современные специалисты, познавая право, отталкиваются от какой-либо устраивающей их концепции происхождения права.

Однако мы бы предложили вначале оценивать сущность и содержание права. Это процесс весьма интересен.

Ведь право – это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право – это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право обеспечивает жизнь человека человеческой.

Право – это и конкретные законы издаваемые государством, и бытие не зависящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право – это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины, и в то же время – допускает ее неустановление.

Право динамично и, одновременно, противоречиво в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (напр. спекуляция).

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), но в то же время трудно с точки зрения квалификации указанных деяний.

Право в ряде случаев формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таким видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете видится, что право – это несомненно сложное диалектическое многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы (таких примеров много).

Таким образом, право – есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод лежит в основе формирования и формулирования нами **комплексной теории изучения права**.

Нас не вполне устраивают распространенные в наше время определения права, поскольку они, хотя и раскрывают черты права, но, во-первых, достаточно односторонни, а во-вторых, как уже отмечалось, рассматривают право идеалистично и не объективно.

Если право само по себе сложное и противоречивое социальное явление, то соответственно этими противоречиями пропитано и правовое бытие. Противоречивость правового бытия проявляется в принятии правовых законов в сфере экономики, которые практически всегда улучшают

положение одних и тем не менее ухудшают положение других. Причем подчеркнем – принятии именно правовых законов.

Или правоприменительная практика. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет. В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, - что парадоксально! - по сути выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления истины и справедливости.¹

Интерес к праву в последнее время, как нам кажется, в научной среде возрос. Появились содержательные работы, исследующие сущность права. Иногда в них можно встретить достаточно резкую критику современного состояния соблюдения законности, а сами законы критикуются всегда и везде. При этом, что приятно, вместо огульной критики появляются конкретные и осмысленные предложения по совершенствованию законов и других нормативных правовых актов. Собственно, распространение и популяризация права тоже есть один из элементов правового бытия. Но опять же. Практически везде право идеализировано. Например, известная сентенция, что действующие законы плохие и тем самым не правовые.

Думается, что многие юристы осознанно или в силу моды в рассуждениях допускают методологическую ошибку. Они копируют в юриспруденции процедуру рассуждений и процедуру доказываний из

¹ Некоторые процессуалисты (мы их поддерживаем) считают, что и в состязательном процессе суд должен устанавливать именно объективную истину. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде.

естественных наук, где необходимы искусственные величины (например, «идеальный газ»). Появляются такие термины как «идеальное общество», «идеальное государство». А к термину «право» слово «идеальное» уже и не добавляется, так как многие стали считать, что право идеально по определению.

Допустимы ли такие грубые аналогии в гуманитарных науках? Полагаем что нет, поскольку очевидно, что создать идеальные условия в обществе и государстве для всех принципиально не возможно. Принципиально не возможно создать и устраивающее всех право. Однако российского законодателя и его научной поддержки в лице ученых этот очевидный философский вывод перестал быть проблемой. В результате в России произошел целый парад законов, которые не исполнялись и никогда не могли быть исполненными в силу нереалистичности их требований. Самое поразительное, что авторы законов, пытаясь оправдать свои ошибки, заявляли, что законы приняты для идеального общества, до которого России еще далеко. На самом деле такое объяснение наглядно демонстрировало отход указанных авторов от основ философии и их же методологическую ошибку. В физике можно ставить опыт, имея в виду идеальные условия для какого-либо процесса или вещества. Однако в юстиции принимать законы исходя из идеальной идеи, что например, преступности больше нет, недопустимо. Такие законы не просто не смогут соблюдаться, но и обозлят общество, которое заставит законодателя внести коррективы. Но при этом может обостриться социальная обстановка в государстве и обществе, которую органы государственной власти могут не сдержать.

Нам кажется, что юристам – ученым и практикам – надо быть ближе к философии, основываться на ней, и в силу этого больше сомневаться, смотреть на правовые явления критично. Шаг в этом направлении станет началом движения от наблюдаемого мифического правового идеализма в сторону правового реализма, компрехендного изучения права.

Сейчас, наверное, не существует ни одной области общественных отношений, которые в той или иной степени не были урегулированы правом. Нормы права по своему отражают и характеризуют экономику, культуру, политику, историю, интеллект, образ мысли, отношение к человеку и т.д.

При таких обстоятельствах, право – есть одна из форм отражения бытия. А поскольку право не мыслимо без человеческого бытия – то это форма отражения общественного бытия, призванная регулировать возникающие общественные отношения.

Вопрос о возможности наличия правового бытия без человека тоже надо смотреть через призму реализма и объективности. Что это за такое бытие, где человека нет, но право есть? Между кем право регулирует отношения в безлюдном бытии? Нужно ли право в бытии без людей? На наш взгляд, ответы на эти и другие аналогичные вопросы очевидны. Правовое бытие, конечно, не может быть без человека. Право без человека лишается смысла.

В связи с этим, право не стоит рассматривать как некую полностью самостоятельную субстанцию.

Следующий момент связан с тем, через что познается право и правовая реальность. Сейчас в российской юридической науке достаточно распространено мнение В.С. Нерсесянца о том, что право познается через правовой закон¹. Как писал ученый, правовая либертарная гносеология в качестве искомой истины берет объективное научное знание о природе, свойствах и характеристиках правового закона, о предпосылках и условиях его утверждения в качестве действующего закона. Анализируя изложенное утверждение, А.Н. Чашин пишет, что по мнению В.С. Нерсесянца гносеологическое отличие либертаризма от юснатурализма здесь проявляется в том, что упор делается на закон, а не на право (для юснатурализма характерен акцент именно на естественное право). Отличие от легизма (юридического позитивизма) - в том, что последний изучает любой закон как право, а либертаризм в качестве права изучает только правовой закон,

¹ Нерсесянц В.С. *Философия права*. М., 1998. С. 64.

отделяя от права законы, противоречащие ему. Поиск истины для юснатурализма в естественном праве, для легизма в позитивном праве, для либертариизма – в правовом законе¹.

Такая точка зрения сомнительна по той простой причине, что, как уже отмечалось, правовой закон – понятие очень субъективное. И то, что может считаться правовым для одной социальной группы, будет считаться неправовым для другой. В первом приближении нам представляется, что право более целесообразно оценивать в целом через его источники. Не следует выделять из права только законы или только правовые законы. Право надо оценивать целиком, с учетом каждого источника права, в том числе такого как правовой обычай, достаточно распространенного в мировой практике. Здесь любопытно привести высказывание директора Института философии РАН А.А. Гусейнова о его соприкосновении с правом. Он пишет: «Как директору института мне пришлось пару раз иметь дело с судом. У меня осталось самое тяжелое ощущение от всего этого. Рассматривая реальную ежедневную жизнь института, могу сказать: на 95, может быть, на 99 процентов все отношения в институте, его позитивная деятельность основаны на обычае, устоявшихся стереотипах поведения, устных договоренностях, здравом смысле – словом, на вещах, которые, если вынести их в суд, то они сразу же могут быть поставлены под сомнение»². А.А. Гусейнов также пишет, что насыщая российское общество юристами, мы нарушили историческую, характерную для нашего общества меру соотношения права и закона со справедливостью, нравственностью и обычаем³.

¹ Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014. С. 54.

² Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солониной. М., 2010. С. 14.

³ Там же

Комплексная и системная оценка права через источники права позволяет добиться, как нам кажется, большей объективности и честности его познания.

Правовое бытие диалектично, то есть содержит и внутренние противоречия. Наиболее ярко это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений. С одной стороны, общество стремится к максимальному урегулированию общественных отношений правом. Буквально так, чтобы на любую жизненную ситуацию, во-первых, была соответствующая правовая норма, а во-вторых, чтобы эта норма не была противоречивой, однозначно понималась и применялась. Движение в эту сторону видят и ощущают все. Правовой массив заметно увеличивается. За последнее время ушло в небытие понимание юриста как человека, если не знающего, то хотя бы ориентирующегося во всех законах. Потребовалась более узкая специализация на специалистов области уголовного, гражданского и административного права. Однако и там рост правового массива объективно обусловил необходимость еще более узких дифференциаций специальностей. Так, из гражданского права «выпестовались» специалисты по земельному, семейному, трудовому праву и т.д. Однако дальнейший рост законов и подзаконных нормативно-правовых актов продолжается, требуя еще более «узких» специалистов. Например, в настоящее время очень ценны юристы – специалисты по такой небольшой части административного права как правилам дорожного движения. Правила дорожного движения, их применение, разбор дорожно-транспортных происшествий имеет тысячи нюансов. И такие нюансы значимы для людей.

Но, с другой стороны, для любого общества желательно, чтобы законы были известны, просты и понятны всем. Сейчас даже юристу не всегда под силу разобраться с множеством тонкостей современной правовой системы конкретного государства. В итоге большинство людей, как это ни парадоксально, перед нормами права достаточно беззащитны. Указанный вывод подтверждает бесчисленное множество примеров, когда образованные

люди, имеющие при этом богатый жизненный опыт, легко оказывались обманутыми не только мошенниками, но и государственными чиновниками (теми же инспекторами ГИБДД), ловкими юристами.

В правовом бытии получился очередной парадокс и внутреннее противоречие. Общество и люди с одной стороны заинтересованы в том, чтобы все было четко регламентировано правом, а с другой стороны, уже не могут «переварить» уже имеющийся правовой массив. При этом право, увы, в силу объективных причин может действовать против человека и общества. Если еще недавно, фраза: «Невозможно сделать шаг, что-нибудь при этом не нарушив!», - воспринималась с юмором, то сейчас в ней слышится все больше трагизма. Причем в данном случае все – как обычные горожане, так и государственные чиновники, - находятся в принципе в одинаковых условиях. Государственные чиновники, служба которых регламентирована комплексом инструкций и приказов, также легко могут стать субъектами как административной, так и уголовной ответственности. Под стать сказанному русская народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Таким образом, право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями.

Изложенное позволяет сформулировать теорию **комплексного изучения права**. Первоначально надо сказать, что актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права. Указанная теория, по нашему замыслу, должна выполнить роль частной теории в философии права.

Как известно, любая теория изучает закономерности возникновения, функционирования и развития. С точки зрения философской теории познания объект – это то, на что направлено познание. Объект - это та часть реальности, на постижение которой направлены усилия исследователей.

Этой реальностью выступают объективно существующие общественные отношения, регулируемые правом.

Предмет должен отражать главные, сущностные стороны объективной действительности, Основываясь на диалектической теории познания, предметом теории компрехендного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, **оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.**

Предмет теории компрехендного изучения права включает также:

- Закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы в параграфе).
- Закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.)
- Перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы начали главу с того, что бриллиант получился из алмаза тогда, когда обосновали необходимость его 57 граней. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется примерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время.

Путь к познанию права лежит не через упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. Однако и не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из имеющихся правовых концепций. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что – «худшее». Речь идет и не об объединении разных правовых концепций.

Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не

допуская господства какой-либо концепции, но обязательно учитывая их. Концепции мы рассматриваем как новые и самостоятельные грани права.

Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., - тем скорее мы придем к познанию права.

Таким образом, основные отличия компрехендной теории права выражаются в следующем:

- разработчики компрехендной теории права не придерживаются какого-либо одного подхода к праву, а учитывают все.
- все подходы к праву в компрехендной теории рассматриваются не критически, а как данность, как очередные грани права, которые могут проявляться в праве в тот или иной момент.
- все подходы к праву рассматриваются не раздельно друг от друга, а комплексно.

В завершение отметим, что сформулированные нами идеи о компрехендной теории познания права были отражены в двух монографиях.¹ Эти монографии вызвали большой интерес у специалистов и получили положительные рецензии.² Более того, компрехендная теория права вызвала

¹ *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

² *Покровский И.Ф., Гук А.И.* Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 2. 184-190; *Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.* Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. 203-209; *Керимов Д.А.* В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78-85; *Покровский И.Ф., Исмаилов Р.Ф., Гук А.И.* Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196-200; *Дворецкая Е.В., Масленников Д.В., Гук А.И.* Вышла интересная книга о философии и праве. Рецензия на монографию С.И.

интерес за рубежом, а монографию, раскрывающую сущность этой теории, перевели на английский язык и издали в Кембридже, эту теорию учитывают при обучении английских юристов!¹ Статьи о компрехендной теории права переведены на несколько языков мира. Вполне возможно, что именно за компрехендной теорией будущее в познании права.

Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 184-189; Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 168-172; Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 12. С. 177-184; Масленников Д.В., Гук А.И., Числов А.И. Философско-правовые работы С.И. Захарцева: от происхождения права до перспектив правового бытия // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 194-200.

¹ *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.*

§ 4. Вопросы методологии права

Предназначение философии права заключается в том числе в определении единой методологической основы для познания права. Именно наличие единой методологии в праве является философской и философско-правовой проблемой, которую философия права обязана решать. Остановимся на данном вопросе подробнее.

Преобразования, произошедшие в России 1990-х годах, как ни странно, значительно коснулись философии и методологии научных исследований. В частности, была подвергнута обструкции диалектика, ранее признававшаяся в России универсальным научным методом для познания права.

Такое положение в философии стало лихорадить методологию других наук, в том числе правовой науки. В ней непроизвольно тоже образовались группы, которые стали исповедовать различные подходы к диалектике. В конечном счете это привело к разрушению выработанной годами четкой методологии правовых дисциплин. В базовой для юридических дисциплин науке - общей теории государства и права - научные методы стали толковаться совершенно по-разному. Например, часть ученых, по-прежнему, считают диалектику всеобщим методом познания¹. Другие специалисты рассматривают диалектику в числе других равных по значению общенаучных методов².

Образовалась и группа ученых, отрицающих методологическое значение диалектики. Например, А.Б. Венгеров писал: «...гиперболизация материалистической диалектики превращала методологию в искусственные поиски «восхождения» научного знания от конкретного к абстрактному, к схоластическим рассуждениям об отсутствии в социалистическом государстве антагонистических противоречий и т.д. Надо понимать, что

¹ Керимов Д.А. Методология права. С. 49-50, 83; Макуев Р.Х. Теория государства и права. М., 2010. С. 35 и др.

² См., напр.: *Теория государства и права* / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2009. С. 11, 15-16.

кризис социалистической идеи в том виде, в каком она была осуществлена в тоталитарном государстве и его правовой сфере, одновременно означал и кризис догматизированной материалистической диалектики»¹. И далее, продолжая свою мысль, автор писал о формировании принципа научности в изучении государства и права, который «... предполагает избавление от мифотворчества, утопизма и вульгаризма, утверждает примат объективного научного знания над сиюминутными интересами тех или иных классов, социальных групп или отдельных ученых»².

Комментируя увиденное в методологии права, О. Э. Лейст достаточно эмоционально написал так. «Некоторые авторы по инерции продолжают публицистическую критику марксизма-ленинизма; большинство теоретиков отвергает лишь отдельные стороны марксизма, стремясь сохранить ряд прежних привычных идей. Сейчас вряд ли можно обнаружить среди специалистов по теории государства и права хотя бы одного ученого, твердо стоящего на прежних марксистско-ленинских позициях. Но еще труднее найти ученого, сколько-нибудь твердо стоящего на каких-нибудь других философско-идеологических позициях, которые могли бы увенчать здание юридической науки. Если общая теория права, освобожденная от обязательной критики буржуазной идеологии и поиска «особенностей социалистического типа правоотношений», получила возможность спокойно разрабатывать свойственный ей строй понятий и категорий, то с философией права дело обстоит значительно хуже. Идеологическо-философский вакуум, возникший в последние годы, ничем сколько-нибудь значительным еще не заполнен. Не случайно высказывается мнение, что философия права вообще не нужна»³.

Такое высказывание, конечно, крайне субъективно, ибо многие ученые вовсе не теряли методологию в целом и диалектику в частности. Напротив, старались (и не безуспешно) ее еще более развить применительно именно к

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009. С. 21.

² Там же.

³ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2011. С. 307.

праву. Взять хотя бы работы наиболее уважаемого философа права Д.А. Керимова¹. Однако приведенная цитата О.Э. Лейста весьма красноречиво показывает, что в части методологии юридических наук наблюдалась и подчас наблюдается до сих пор определенная «потерянность».

В частности, имеется не характерное для юридической науки явление, когда отдельные специалисты стараются вообще вопрос диалектики в методологии обойти. Так, в учебном пособии С.М. Кошелев пишет, что в теории государства и права используются специальные и частные методы познания права, (например, конкретно-социологический метод, сравнительно правовой и т.д.). Однако метод диалектики автором вообще не упоминается ни среди универсальных, ни среди общих, ни среди частных методов познания². Периодически стали встречаться случаи, что в учебной литературе по юридическим дисциплинам авторы начали вообще избегать высказывать мнение о методологии той или иной отраслевой либо прикладной науки³.

Вопросы диалектики, ее понимание и значение, мы рассматривали выше. Сейчас мы акцентируем внимание на том, насколько диалектика важна для правовых наук.

Как уже отмечалось, поскольку развитие в широком понимании является одной из основ диалектики, то что есть такое диалектика для науки? Ответ очевиден: наука без развития не может существовать. Развитие научного знания предполагает постоянное изменение, движение, динамику знаний. Без развития наука мертва. Она остановится в развитии, а затем наметится ее заметное отставание от жизненных потребностей. Опыт показывает, что объективное (опять же диалектическое) мировое развитие знаний может заставить вернуться к забытой теории, однако восполнить упущенное возможно не всегда. Например, в СССР кибернетика длительное время считалась ложью и не разрабатывалась. Спустя чуть ли не полвека

¹ См.: Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. М., 2007.

² Кошелев С.М. Теория государства и права. СПб., 2007. С. 12.

³ См., напр.: Административное право / Под ред. Л.Л. Попова. М., 2005.

объективное протекание жизни и развитие научных знаний заставили вернуться к этой забытой теории. Однако за время длительного простоя произошло очень значительное отставание России в познании сущности информационных технологий, производстве компьютеров, других ЭВМ, мобильных телефонов и т. д. Это, в свою очередь, предопределило отставание правовой науки в вопросах информации и информационных технологий, наблюдаемое во многих правовых дисциплинах. Так, информационное право с явным опозданием признано у нас самостоятельной отраслью права. В уголовном праве только в 1996 г. появились статьи, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, причем около двух лет эти статьи почти не применялись, так как уголовно-процессуальное право не было готово к такому виду вещественных доказательств, как «вредоносная программа, приобщенная к материалам уголовного дела в электронном виде». Имелось, соответственно, и заметное отставание в криминалистике: не было методических рекомендаций по тактике производства следственных действий и методики раскрытия компьютерных преступлений. Сейчас, когда информационные технологии активно применяются для совершения многих преступлений (мошенничества, незаконного обналичивания денежных средств, незаконной банковской деятельности, легализации денежных средств, полученных преступным путем, коррупционных преступлений и т. д.), правовые науки вновь не находятся в авангарде в деле обеспечения практики методическими рекомендациями по доказыванию подобных преступлений.

Вот к чему приводит отход от диалектических принципов развития, отрицание того, что в науке развитие играет первостепенную роль и мешать ему не следует.

Даже у критиков не вызывает сомнений, применяемые в праве общенаучные методы (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой и др.) без диалектики едва ли в состоянии обойтись.

Как известно, диалектика опирается на идею всеобщей связи, которая, в свою очередь, подразумевает взаимную обусловленность явлений. Например, такое социальное явление, как преступность, подразумевает существование борьбы с ней, наличие уголовного права и уголовного процесса. Уголовный процесс не может существовать без криминалистики, равно как и криминалистика неразрывно связана с уголовным процессом, уголовным правом, борьбой с преступностью и т. д. Появление, например, компьютерных преступлений вызывает необходимые изменения в уголовном праве, развивает уголовный процесс, требует новых подходов в криминалистике. Исключение из Уголовного кодекса состава преступления «спекуляция» подразумевает, с одной стороны, исключение этого деяния из числа преступлений, с другой стороны — изменение направления криминалистической методики расследования преступлений.

В познании права активно применяются и основные законы диалектики. Закон единства и борьбы противоположностей указывает на сосуществование разных сил и тенденций, причем эти силы одновременно находятся в единстве и противоречии друг другу. В данном случае право — есть яркий образец данного закона. Право подразумевает справедливость, но допускает и несправедливость; право борется с насилием, но и общественные отношения регулирует в то же время с помощью принуждения и насилия и т.д.

Пример действия закона взаимного перехода количественных и качественных изменений можно наблюдать на информационном праве. Вначале оно не было известно и не признавалось правом, затем появились научные публикации и нормативные правовые акты, рост количества и качества которых привел к обоснованию информационного права.

Размышляя над этим законом В.С. Нерсесянц отмечал, что количественные изменения философско-правового знания (его умножение, уточнение и конкретизация, увеличение его объема и т.д.) происходят в целом с позиций и границах того или иного понятия права, которое лежит в

основе определенной концепции философии права, ее метода и предмета. Качественные изменения философско-правового знания связаны с переходом от прежнего понятия права к новому понятию права, с формулированием новой философско-правовой теории с соответствующим новым методом и новым предметом. Разумеется, степень подобных качественных изменений может быть различной, но новые понятия выражают качественный скачок в процессе развития философско-правового познания и процессе философско-правовой мысли¹.

Пример действия закона отрицания отрицания можно рассмотреть на экологическом праве. Экологическое право длительное время не рассматривалось как правовая наука. Затем она стала рассматриваться в рамках других юридических дисциплин, то есть произошло отрицание предыдущих знаний. Наконец, она выделилась в самостоятельную отрасль права и соответствующую самостоятельную правовую науку, при этом снова произошло отрицание предыдущей ступени развития.

В.К. Бабаев верно пишет о том, что каждый из диалектических законов проявляет себя в любом юридическом явлении, процессе. Так, любая юридическая норма, и прежде всего вновь принятая, отражает единство и противоположность регулируемых общественных отношений, совпадающие и в то же время противоречивые интересы. Она проявляется тогда, когда изменения в социальной жизни, постепенно накапливаясь, достигают нового качественного состояния и требуют принципиально иной юридической нормы. Новые общественные отношения сменяют прежние, а вновь принятая юридическая норма, регулирующая эти отношения, отрицает старые, предшествующие ей правовые предписания².

Основными диалектическими категориями являются: целое и часть, отдельное и общее, действительность и возможность, структура и элементы, теоретическое и практическое, содержание и форма, цель и средство,

¹ *Нерсесянц В.С.* Философия права. М. 2011. С. 12.

² *Общая теория права* / Под ред. *В.К. Бабаева*. Нижний Новгород, 1993. С. 42.

причина и следствие и др. Например, потребность регулирования конкретных общественных отношений выступает причиной издания правовой нормы. Издание же нормы является следствием необходимости регулирования названных отношений. Или: конкретное деяние лица выступает причиной применения правовой нормы. Применение нормы, как и закрепленные в ней последствия, являются следствием деяния лица.

Через описанные принципы, законы и категории реализуется диалектика как универсальный метод познания. Диалектика лежала и лежит в основе развития юридических наук.

В.К. Бабаев по этому поводу написал, что при изучении права метод диалектики проявляется в том, что право рассматривается как явление, которое, во-первых, определяется природой человека, социально-экономическими, политическими, духовными иными условиями жизни общества. Во-вторых, оно самым тесным образом связано с другими социальными явлениями. Трудно найти в обществе сферу общественных отношений, где не действовали бы юридические нормы, общественные явления, с которыми право не соприкасалось бы в той или иной мере. Соотнося право с другими социальными явлениями, можно определить место права в обществе, его характерные черты. Именно поэтому право сопоставляется с политикой, экономикой, моралью, обычаями. В-третьих, право постоянно развивается. Каждый новый этап в поступательном движении общества это и новая ступень в развитии права. Постепенные количественные изменения (обновление законодательства, в частности) в правовой системе приводят к качественным преобразованиям права¹.

В целом, как заключил Р. Лукич, нельзя стать хорошим юристом в том случае, если ограничиваться исключительно специальными, чисто профессиональными методами и не походить к праву с позиций более общего, диалектического метода.²

¹ Там же.

² Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 43.

К сожалению, в правовой науке на суждения иногда оказывают влияние идеологизированность и политизированность. Мы относимся к ученым, стремящимся к так называемой «чистой» науке, не подверженной чьему-либо влиянию. Возможно, что к этому же стремился А.Б. Венгеров и другие активно критикующие диалектику ныне специалисты. Однако, стремясь уйти от идеологии и политики, они, напротив, в них погрузились. Например, А.Б. Венгеров писал: «Ведь опираясь на такие догмы диалектики, как, например, единство и борьба противоположностей, Сталин и его единомышленники говорили о бесконечной и все усиливающейся классовой борьбе в социалистическом обществе. Известно, к каким геноцидным формам борьбы с собственным народом привел этот перенос «диалектического» знания в 1920-1930-х гг. в России на процессы коллективизации, устранение творческой интеллигенции из общественной жизни и т.п.»¹.

Но разве в диалектике что-то сказано о коллективизации, геноциде собственного народа, устранении интеллигенции? Где научные философские аргументы, конкретно указывающие на невозможность использования диалектики в качестве универсальной методологической основы? Почему действия политиков, возможно и не знавших в полном объеме диалектики, являются аргументом для ее нивелирования? Разве так ведется научная, философская дискуссия?

В этом смысле правильно сказал Е.И. Темнов: «Традиции академической и вузовской науки теории права и государства на протяжении ряда десятилетий в нашей стране связывали ее с развитием материалистического, исторического, диалектического направлений в его марксистско-ленинском понимании. Однако материализм, диалектика, историзм возникли еще на ранних этапах становления научного знания, последовательно разрабатывались учеными многих поколений и по логике дела должны присутствовать и на его современном этапе. Философской

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права. С. 21.

(мировоззренческой) основой теории права и государства выступает диалектика, т.е. учение о наиболее общих закономерных связях, становлении и развитии бытия и познания»¹.

Однако не всеми специалистами эта истина полностью осознана. В качестве примера можем привести цитату из научной статьи И.А. Климова и Г.К. Синилова по оперативно-розыскной деятельности (ОРД) – науки достаточно консервативной, причем имеющей выраженный прикладной характер. Вначале указанные авторы отмечают, что в советское время диалектика считалась методологической основой теории ОРД, а далее они пишут: «...Поскольку становление теории ОРД исторически совпало с периодом функционирования советского типа государственности, а его распад и реформирование происходят в настоящее время, то в этих условиях неизбежна эволюция взглядов на методологию теории ОРД».² То есть, перефразируя, эволюция взглядов на философские, методологические аспекты теории, по мнению авторов, зависит не от развития философии и философии науки, а от реформирования государства, изменения конституционного строя и т. д.

Кстати, в науке ОРД подход отрицания диалектики был осужден и не принят большинством специалистов. Отмечалось, что некоторые ученые, исследующие современный сыск и его различные проявления, из одной крайности (марксистско-ленинского понимания универсальности диалектического метода) бросились в другую и пишут, что “диалектический метод познания, освобожденный от идеологических наслоений «всеобщности» и «универсальности», является равноправным в системе общенаучных методов”. Так ли он равноправен в этой системе? Разумеется, можно не согласиться с классиками марксизма-ленинизма, как это сделал уважаемый профессор (и это сейчас модно), однако зачем с водой

¹ См.: Общая теория права и государства. М. 2010. С. 33.

² Климов И. А., Синилов Г. К. Методология развития теории и совершенствование практики ОРД в условиях современного российского общества // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. М., 2001. С. 33–34.

выплескивать и ребенка? Разве диалектику “придумал” В. И. Ленин? Разве незадолго до него не Г. Ф. Гегель обосновал универсальный характер диалектического метода, причем сделал он это вне “системы общенаучных методов”?.. Если и допустить нахождение диалектического метода в “системе общенаучных методов” изучения сыска (а не над ними в силу его универсальности), то он находится, думается, на вершине пирамиды методов неметафизического познания (или, если угодно, системы)».¹

Нам очень жаль, что некоторые российские специалисты столь подвержены подобному стороннему влиянию. Например, И.Л. Честнов полагает, что познаваемость (полная, абсолютная мира) *в современной эпистемологии* (выделено нами – С.З.) отвергается. Применительно к праву он поддерживает некоторых зарубежных специалистов и излагает так: «Известный английский антрополог Э. Лич... пишет, что любое социальное (в том числе юридическое, например: законность и преступность) понятие наделяется различным смыслом в разных контекстах: преступным может стать законное и наоборот. Поэтому, по его мнению, не может быть вечных законов человеческого общежития и неотъемлемых прав человека. Таким образом, можно сделать вывод, что любой социальный институт исторически и социокультурно контекстуален: его содержание задается эпохой и особенностями культуры данного социума». И далее: «Очевидно, что право контекстуально обусловлено как исторической эпохой, так и определенной культурой-цивилизацией через научное сообщество, разрабатывающее, транслирующее, пропагандирующее соответствующую теорию права. Поэтому теория права (правопонимание) не может перепрыгнуть границы интеллектуального консенсуса, эпистемы эпохи и культуры-цивилизации».²

Что ж, право действительно, отражает современную эпоху и культуру. Но разве только современную? Разве право не отражает предыдущие эпохи?

¹ Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска. М., 2007. С. 45.

² Честнов И.Л. Критерии современного правопонимания // Философия права в России: история и современность: мат-лы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2009. С. 254, 256, 260.

И при этом разве право не наделено опережающим отражением, то есть отражением будущих общественных отношений? Хорошо продуманные правовые нормы живут столетиями. Яркий и всем известный пример – римское право. Оно отразило опыт его создателей (исторический аспект), свою современную эпоху и пережило десятки эпох (опережающее отражение). Право как раз способно и даже направлено на то, чтобы заглянуть в будущее, «перепрыгнуть» через свою эпоху и культуру. Поэтому «привязывать» право к конкретной эпохе в корне не верно.

Очень точно о теории отражения объективной реальности в праве написал Д.А. Керимов: «... Эта теория, воспроизводящая тончайший механизм человеческого мышления, не только обнаруживает несостоятельность агностицизма, но и играет чрезвычайно важную методологическую роль во всей системе наук, в том числе и в правоведении, ибо законодательство и его реализация суть не что иное, как отражение и чаще всего опережающее отражение объективной действительности, направляющее ее развитие. Проблема отражения является ключевой в правоведении, поэтому ее решение будет способствовать дальнейшему совершенствованию как правотворчества, так и правоприменения. В этой связи прежде всего надо обратиться к понятию отражения. Эта категория, во-первых, имеет исторический характер, поскольку в процессе прогресса наук постоянно развивается и обогащается; во-вторых, систематически совершенствуется в процессе познания и, в-третьих, обладает универсальным качеством, поскольку обнаруживает себя на различных уровнях познания как органического, так и неорганического мира»¹.

Другие выводы Э. Лича и И.Л. Честнова тоже вовсе не бесспорны. Так, зависимость права от эпохи и культуры проявляется, отнюдь, не во всех случаях. В частности, едва ли от эпохи, культуры и цивилизации зависит такое естественное право человека как на свободу мысли, свободу вероисповедания, свободу совести и т.д. Указанные права относятся к таким,

¹ Керимов Д.А. Методология права...С. 101.

которые вряд ли можно отнять. По крайней мере, ни у кого отнять право на свободу мысли, совести пока не получилось. Помешать свободе вероисповедания, например, можно, но отнюдь не отнять. У большинства европейских стран есть печальный опыт войны за веру. Победы никто не одержал и свободу вероисповедания не отнял.

И из посыла, что законное подчас становится преступным (и наоборот) не следует того, что не может быть вечных законов человеческого общежития. Действительно, одной из диалектических граней права является его динамичность и противоречивость в своей динамике. Подчас то, что является преступным становится законным и наоборот – например, разрешение (запрещение) аборт. Однако умышленные убийства из корыстных побуждений считались и считаются преступными независимо от эпохи. Наказание за такие преступления действительно были разными и прямо зависели от уровня культуры, цивилизации, эпохи и т.д. Но не сами преступления. Правовая защита от указанных убийств как раз является одним из вечных законов человеческого общежития. То же относится к законам, производным от заповедей, например, не укради.

Кроме того, мы изначально не согласны с посылом И.Л. Честнова о том, что отрицание познания мира и есть современная эпистемология. Получается, о чем уже говорилось, что другие мнения изначально несовременны, стары и не совершенны. Однако пока лишь следует признать, что, напротив, рассуждения о невозможности познания содержат явные изъяны.

Как мы уже писали, философскую проблему монизма и плюрализма надо правильно понимать. Разные и взаимоисключающие мнения в науке возможны и необходимы. Без них никак. Однако любые суждения следует проверять, причем проверять научным путем. Только так и только в таком виде можно говорить о научном знании, а не о хаотичном, - или как модно говорить по П. Фейерабенду «анархичном», - наборе понятий, суждений и

умозаключений. А для научной определенности нужна диалектика как универсальный метод познания.

Вместе с тем, такой казалось бы несложный вывод воспринимается не всеми. Есть специалисты, которые, возможно, в силу конъюнктуры или неприязни «ко всему советскому», умышленно подменяют понятия: начинают рассуждать о науке, затем в рассуждениях науку искусно подменяют на идеологию, а вывод на основе рассуждений об идеологии опять делают о науке. В итоге получается заведомо ложный вывод при вроде бы правильных рассуждениях. А философско-логическую ошибку, заключающуюся в подмене понятий, неискушенный читатель, студент, аспирант могут не заметить.

Ярким примером такого может служить высказывание О.Э. Лейста. Он писал: «В философии права различие мнений неизбежно и неустранимо, поскольку оно выражает многообразие мировоззренческих позиций исследователей, отражение их ценностных ориентиров, а также различные общеполитические установки исследователя – его опору либо на социологию, либо на религию, либо на политику, либо на психологию, либо на мораль или иную форму общественного сознания. В этом нет ничего плохого. История человечества доказывает, что именно нестандартность, разнообразие способов мышления были и остаются основой интеллектуального развития, а тем самым и общественного прогресса. И наоборот: единство и однообразие идеологии в каком-либо обществе – верный признак тоталитаризма, искусственно и насильственно насаждающего единомыслие, пресекающее всяческое отступление от него. Существование в общественном сознании нескольких идеалов, разновидностей каждого из них, а также различных представлений о способах их достижения естественно уже по той причине, что люди по своей природе не могут мыслить одинаково. Всегда различными были способы обоснования идеалов, в том числе правовых».

По данной цитате. Никто не спорит, что мнения о правовых идеалах могут быть различны. Это полезно, важно и необходимо. Но способы

проверки таких мнений должны быть только научно-обоснованными, а не «всегда различными», как пишет О.А. Лейст. Причем какой-либо аргументации своего мнения О.А. Лейстом не приводится, но делается пугающая ссылка на тоталитаризм, борьбу с инакомыслием, что заставляет неискушенных читателей верить. При этом не обращается внимание на то, что тоталитаризм, строго говоря, к дискуссии о способах и методах познания отношения не имеет.

Научные методы познания способны выявить и отличить серьезные правовые концепции от мифотворческих, авантюрно-субъективных, анархических, откровенно неумных, нереализуемых и прочих идей. Об этом хорошо написал М.И. Клеандров. Он обратил внимание, что к сожалению чрезвычайно редко используется метод имитационного моделирования ситуации, которая возникает при реализации конкретных предложений по совершенствованию законодательства, правоприменительной практики и т.д. При применении этого метода относительно отдельных предложений некоторых диссертантов, вынесенных ими на защиту и, по сути дела, являющихся центральными в их диссертационных исследованиях, можно сказать единственное: не дай Бог, если это сбудется. А так, без модели, внешне вроде бы все выглядит благопристойно...¹

Таким образом, юридической науке единая научная методология необходима. Такую функцию успешно выполняла диалектика. Законы диалектики в праве действуют и являются основой для других научных методов. При этом уже отмечалось, что диалектика вовсе не забыта на Западе, а, напротив, достаточно активно используется. В частности, известный американский юрист Г. Берман применяет диалектический метод в качестве основного метода исследования для создания интегральной юриспруденции. Такой путь поддержан его учениками и последователями.²

¹ Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя. М., 2004. С. 52.

² См.: Берман Г. Вера и закон: примирение прав и религии. М., 1999.

Следует сказать, что вовсе не все российские правоведы отказались от диалектики. Напротив, более широкий подход к ее изучению дает большие возможности для развития этого универсального метода в праве. Например, заслуживают внимания усилия В.М. Сырых по объединению диалектических идей Гегеля, Маркса, Энгельса и других ученых.¹ Определенные шаги в познании развитии диалектического метода познания в праве принимали и мы.²

Пока трудно понять, к чему указанные усилия приведут. Однако не вызывает сомнений, что такие усилия позитивны и идут в направлении дальнейшего развития науки и ее методологии.

С учетом изложенного мы полагаем, что диалектический метод познания еще долго будет оставаться всеобщим, универсальным методом (методологической основой) для философии права, общей теории права и других правовых дисциплин.

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2000. С. 180-190, 258-259 и след.

² Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; Исмаилов Р.Ф., Масленников Д.В., Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В., Петросян Л.К., Черняева А.В. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2012; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015; Захарцев С.И. Філософія і теорія права / Передмова О.М. Ключева. Харків, 2015.

§ 5. Правовой прогресс

Еще одной значимой проблемой для философии права является правовой прогресс.

В философии прогресс в самом общем смысле обычно понимается как развитие от низшего к высшему¹. Такое понимание прогресса достаточно давно получило распространение и в толковых словарях. Как известно, В.И. Даль, прогресс определял как умственное и нравственное движение вперед². В современных словарях под прогрессом понимается переход на более высокую ступень в развитии, движение вперед, изменение к лучшему, улучшение³.

При таком подходе прогресс выступает составляющей диалектики. В основе диалектики лежит развитие, приращение знаний, движение вперед, что и является прогрессом. Факт того, что прогресс неразрывно связан с регрессом лишь подчеркивает его диалектичность как результат единства и борьбы противоположностей. Для понимания и осознания такого прогресса важна точка отсчета, от которой начинается измерение по принципу того: «что было» и «как затем стало». Отсюда можно выделить и основные свойства прогресса: относительность и конкретность. Н.И. Кареев писал: «Нет ничего абсолютно совершенного. Есть только именно такие относительные и сравнительные совершенства, а мы их можем расположить в известном порядке... по степени их удаления от несовершенного и приближения к совершенному с нашей точки зрения... Применяя этот идеальный порядок к последовательности исторических фактов мы оцениваем ход истории как совпадающий или несовпадающий с этим идеальным порядком, то есть как прогрессивный или регрессивный и,

¹ *Progressus* – движение вперед, успех (лат.)

² В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. М. 2007. С. 478.

³ См., напр.: Толк. словарь русского языка / А.Е. Баханьков, И.М. Гайдукевич, П.П. Шуба. Мн. 2000. С. 281.

подводя общий итог, высказываем свой суд над целым действительной истории, определяем его смысл»¹.

Прогресс возможен, судя по всему, в любой системе. Даже если система константна и казалось бы не изменяется, такое состояние покоя в историческом отрезке можно оценить как прогрессивное или, напротив, регрессивное. Ведь состоянию покоя предшествовало зарождение, движение, совершенствование. Состояние же покоя опять же в более длинном историческом отрезке может выглядеть как застой, а может и как фундамент для дальнейшего движения.

В целом нашему миру, бытию свойственно меняться и развиваться². Это видно и в окружающей нас природе, и в продуктах человеческой деятельности, например, технике, и в общественной жизни. Наконец, это ощутимо и в сознании человека. Сознанию человека, на наш взгляд, объективно свойственна неудовлетворенность достигнутым³. Вслед за реализацией казалось бы самых сокровенных желаний наступает временный покой, а далее вновь следуют позывы к движению вперед. И это свойственно не только амбициозным и целеустремленным, но и вроде бы самоуспокоившимся самодостаточным людям. Отсутствие позывов развития, движения вперед, влечет деградацию человека⁴.

Явления прогресса-регресса присутствуют во всех областях бытия, главное правильно выбрать ту самую точку отсчета и временной интервал. В связи с этим, прогрессов можно выделить бесчисленное множество: технический прогресс, умственный прогресс, нравственный прогресс, экономический прогресс и т.д. и т.п. В свою очередь, такие виды прогресса можно диалектически укрупнять или, напротив, разделять. Например, в

¹ Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Собр. соч. Т.1. История с философской точки зрения. СПб., 1912. С. 122-123.

² А. Уайтхед верно заметил, что у человечества есть только два пути: или прогресс, или деградация; консерватизм в чистом виде противоречит сути законов вселенной.

³ Э. Ауэрбаху приписывают расхожее выражение: неудовлетворенность – не только источник страданий, но и прогресса в жизни отдельных людей и целых народов.

⁴ Кто не идет вперед, тот идет назад: стоячего положения нет (авторство выражения приписывается В.Г. Белинскому).

техническом прогрессе можно выделить прогресс в области машиностроения, самолетостроения, кораблестроения и т.д. В экономическом прогрессе - прогресс в развитии банковского дела и др. Если смотреть с обратной стороны, прогресс в изучении ядерной физики является составляющей прогресса в физике в целом и далее – научного прогресса.

Здесь отметим, что мы не связываем прогресс исключительно с активной, подчас революционной деятельностью человека по постижению новых научных тайн, достижению новых высот и т.д. Думается, не надо доказывать то, что движение и развитие материального мира, природы, сознания идет и эволюционным путем.

Очевидная сложность заключается в определении критериев прогресса. Ведь даже названные виды прогресса настолько не похожи друг на друга и, соответственно, кардинально различны критерии их оценок.

В научной и учебной литературе встречались попытки определения общего, универсального критерия прогресса. Нам наиболее понравился подход уяснения такого критерия через системно-структурный научный метод. Если оценивать прогресс в каком-либо явлении бытия или процессе системно-структурно, то в общий, универсальный критерий прогресса включаются следующие признаки:

- увеличение степени дифференцированности (разнообразия) системы, сопряженное с интегрированностью ее частей, компонентов;
- усиление мобильности, эффективности и надежности материальных систем, увеличение их способности преодолевать противоречия;
- воспроизведение в расширяющихся масштабах основных функций системы;
- рост автономности системы по отношению к внешним условиям;
- усиление степени организации, степени целостности системы¹.

Вместе с тем, и такой подход не может удовлетворить все запросы. Так, очевидно, что он все же не полностью применим к оценке социальных

¹ См., напр.: *Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. С. 492.*

явлений, даже если рассматривать их как систему. И особенно не применим к прогрессу в сознании и умственному прогрессу, над познанием которого бились многие поколения философов.

Таким образом, проблему определения общего, универсального критерия прогресса философия и наука пока не решили. Это заставляет искать критерии прогресса непосредственно для каждого из его видов¹.

При этом нас, естественно, в первую очередь интересует прогресс в юриспруденции или правовой прогресс, который, как нам кажется, относится к научному ведению философии права.

Здесь уместно задать вопрос о том, существует ли правовой прогресс? Ответ на такой вопрос должен быть положительным. С развитием человека совершенствуется и право, правовая регламентация его деятельности. Так, современное гражданское право во многом базируется на римском праве, однако значительно ушло от него вперед по регламентации конкретных видов деятельности. В уголовном праве обоснованы и введены понятия состава преступления, его элементов, установлены сроки давности привлечения к ответственности, признаны недопустимыми телесные наказания и т.д. В уголовно-процессуальном праве отменены такие виды установления истины как поединок, испытания, пытка². То есть, правовой прогресс налицо.

Вместе с тем, это явление философией права подробно не изучалось. В связи с этим, в своих исследованиях мы будем отталкиваться от философского понимания прогресса в целом, на основе чего логично обратимся и к его правовой составляющей.

Правовой прогресс следует определить как переход на более высокий уровень развития права, улучшение правовой регламентации.

¹ Заслуживает внимания и высокой оценки труд ученых С.М. Поповой, С.М. Шахрая и А.А. Яника, попытавшихся провести измерения прогресса в экономической сфере жизнедеятельности. См.: Измерения прогресса. М., 2010.

² *Ф. Искандер* с юмором заметил: прогресс, друзья, это когда еще убивают, но уже не отрезают ушей.

Первоначально нам хотелось связать правовой прогресс исключительно с **качественным** улучшением правовой регламентации. Нам казалось, что качественность изменений является ключевым понятием, фиксирующим переход от одного состояния в другое. И такая точка зрения в принципе была неплохо обоснована. Вместе с тем, обобщив и заново осмыслив эмпирический материал, мы отказались от такого подхода. Например, в результате научных работ происходит уточнение какого-либо понятия в законе. Казалось бы и мелочь, однако такое улучшение - даже незначительное! - позволяет лучше понять правовую норму, избежать ошибки в ее применении. Это разве не прогресс? Подобное уточнение в данном случае не связано с глобальным улучшением, не влечет качественных позитивных изменений, но все равно это ведь движение вперед. А значит прогрессивное движение! Кроме того, всем известен пример о значении запятой в выражении: «казнить нельзя помиловать». Всегда ли мы до конца понимаем значение сделанных изменений в правовые нормы? Всегда ли их можно точно просчитать? Наверное, нет. Поэтому позитивные изменения в правовой регламентации – есть прогрессивное движение, правовой прогресс.

Основными свойствами правового прогресса являются:

- относительность;
- конкретность.

Относительность прогресса заключается в определении предмета (явления, процесса, действия и т.д.), по отношению к которому оценивается прогресс. Например, в СССР не имелось широкого доступа к мировой правовой мысли. А если доступ и случался, то правовые идеи рассматривались исключительно через призму критики. В настоящее время любой специалист имеет свободный доступ к любым книгам о праве, имеет возможность высказать по ним свою оценку и не будет подвергнут за это осуждению и тем более репрессиям. То есть, относительно СССР в России в части юридической науки, доступа к праву, правовой прогресс налицо.

Прогресс исходя из этого не является научной абстракцией, он всегда конкретен. Выявление прогресса подразумевает конкретику, четкий и понятный результат. В частности, открытие значения отпечатков пальцев позволило с начала XX века активно использовать их в раскрытии преступлений, чего объективно не было в предыдущий период. А если сравнивать криминалистические средства начала XX века с современными возможностями криминалистики, то опять же прогрессивное развитие налицо.

Как и для прогресса в целом, прогресс в одном компоненте правового регулирования подчас влечет движение назад в другом. Такие движения происходят взаимосвязано, взаимозависимо и системно. Рассмотрение права как системы норм позволяет оценить правовой прогресс через призму системно-структурного подхода.

В этом случае, возвращаясь к вышеизложенному, правовой прогресс будет характеризоваться уровнем автономности правовой системы по отношению к внешним условиям, увеличением способности преодолевать внутренние противоречия, улучшению степени организации и целостности системы. Говорить о полной автономности права в современном мировом развитии, конечно, не следует. Право, как и любое другое социальное, явление достаточно зависимо от внешних условий. Например, смена государственного курса, политического режима неизбежно влекут изменения в законодательстве. Об автономности правовой системы можно говорить в контексте того, чтобы право даже при неизбежных изменениях выполняло функцию осуществления правосудия, защиты человека от противоправных посягательств, обеспечение законности в государстве, уважения свобод человека и его достоинства. То есть, даже при существенных изменениях государства, право должно ограждать человека от насилия, уничтожения его достоинства и личности, недопущение пыток, истязательства, произвола.

Правовой прогресс можно рассматривать с двух точек зрения: глобального (широкого) и конкретного (узкого). Глобальный подход связан с

развитием человечества в целом, его правосознания, правовой культуры. В глобальном смысле протекающие в современном обществе правовые процессы смогут оценить наши последователи не скоро, не ранее, чем через лет сто. В свою очередь, оценить наличие правового прогресса по сравнению с предыдущими столетиями мы можем. И, как уже отмечено, пришли к выводу о наличии прогресса, что выражается в том числе запретом пыток, совершенствованием доказательственного права и пр.

Узкий подход к изучению прогресса относится к конкретному (в основном современному) этапу развития человечества. Оценивать правовые процессы в узком смысле необходимо всегда.

В настоящий момент в правовой реальности наблюдается как диффузия различных правовых систем, так и их дальнейшее разграничение, разделение; как перенятие опыта других стран в части правового регулирования, так и упорное следование страны «своим» курсом, игнорирование мировой практики; как внедрение перспективных научных достижений, так и полное игнорирование мнения ученых, их оттеснения от возможностей влиять на процесс формулирования законов; как четкое движение в направлении совершенствования правовой регламентации, так и, напротив, маятниковое движение, то есть, принятие одной концепции, затем отход от нее и принятие противоположной концепции, потом опять возвращение к первой и т.д.; как издание нормативных правовых актов для «длительного использования», так и «под конкретное лицо».

В 2010 году нами проведено весьма интересное исследование правового прогресса за последние двадцать пять лет.

Были опрошены восемьсот человек в возрасте от 50 лет, имеющих высшее образование. Из них 400 человек имеют высшее неюридическое образование и не имели отношения к правовой сфере. Другие 400 человек имеют высшее юридическое образование, работали в правоохранительных органах либо преподавали правовые дисциплины.

Возраст опрошенных людей был выбран не случайно. Если брать их минимальный возраст – 50 лет, то соответственно 25 лет назад (в 1985 году) они все уже были взрослыми образованными людьми со сформировавшимся мировоззрением и системой ценностей. Хотя этот вопрос и не был задан, но скорее всего каждый из респондентов к двадцати пяти годам уже имел высшее образование или как минимум его получал. То есть, каждый из опрошенных имеет возможность достаточно объективно аналитически «взросло» оценить происходившие в России правовые процессы за прошедшие 25 лет¹.

Респондентам были заданы два вопроса:

1. Как, на Ваш взгляд, изменилось право, правовое регулирование за последние 25 лет? Что стало лучше, а что хуже?

2. Правовое регулирование за прошедшее 25-летие в целом улучшилось или ухудшилось?

Среди неюристов:

47 % опрошенных заявили, что право, по их оценкам 25 лет назад было более справедливым, чем сейчас. При этом 41 % отметили, что в настоящее время судебное решение более зависит от денег, связей, статуса, административного ресурса, чем раньше.

34 % опрошенных отметили, что у человека сейчас появилось значительно больше возможностей изучать право самому и получить правовую информацию. При этом 50 % показали, что в настоящее время стало больше юридически грамотных людей, чем было ранее.

Однако 62 % показали, что право, по их мнению, стало более запутанным и противоречивым. И несмотря на доступность через Интернет правовых актов, в них трудно разобраться без помощи юристов-специалистов. А 59 % заявили, что право сейчас стало не для людей в

¹ Самым немолодым из опрошенных был известный российский юрист, участник Великой Отечественной войны, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор *В.И. Рохлин* (1926 г.р.), ушедший в 2014 г.

широком смысле, а для юристов, которые еще больше его запутывают, поскольку в праве отсутствует простота изложения.

27 % как положительное отметили, что в настоящее время по отношению к предыдущему, стало значительно больше личных прав и свобод (в первую очередь, свободы слова и передвижения). Но 18 % отразили, что сейчас, по сравнению с предыдущим временем, в праве забыты интересы государства и общества.

При этом 71 % показали, что 25 лет назад они чувствовали себя гораздо более защищенными правом, чем сейчас. Возможно поэтому в отношении правового прогресса на прошедшем двадцатипятилетнем отрезке опрошенные высказались так:

- 54 % опрошенных заявили, что правовое регулирование за последние 25 лет в целом ухудшилось;

- 32 %, напротив, показали, что правовое регулирование улучшилось;

- 14 % затруднились с ответом¹.

Опрос юристов дал следующие ответы.

68 % опрошенных заявили, что право стало более противоречивым, чем было ранее.

72 % сказали, что по сравнению с предыдущими годами значительно увеличился правовой массив. При этом 67 % опрошенных показали, что сейчас в силу необходимости сильно распространяется узкая специализированность юристов. Если 25 лет назад специализация не была столь очевидна и носила общий характер (например, специалист по уголовным делам и специалист по гражданским делам), то сейчас только в гражданском праве появился и развился десяток направлений, требующих глубины знаний по конкретным делам и случаям.

По мнению 34 % опрошенных, в настоящее время стало больше декларативных нормативно-правовых актов, не имеющих правового

¹ Еще раз отметим, что среди неюристов опрашивались только люди с высшим образованием.

механизма реализации. В развитие этого 28 % обратили внимание на отсутствие или непроработанность, по сравнению с предыдущими годами, механизмов привлечения к ответственности за несоблюдение законов.

45 % сказали, что ранее право было более справедливым чем сейчас и в целом менее зависело от служебного положения, личных связей, денег. То есть, ранее в праве было больше возможностей и шансов объективно и беспристрастно рассмотреть дело, спор и получить справедливый результат. О том, что сейчас правовое регулирование стало больше стремиться к справедливости чем ранее, заявило всего 2 % юристов.

70 % отмечают значительно возросший за последнее двадцатипятилетие уровень правовой грамотности населения. Вместе с тем, 47 % отметили резкое падение правосознания населения и стремление знать право для того, чтобы избежать ответственности.

73 % опрошенных показали, что в отличие от предыдущего времени сейчас в праве стал приоритет личных прав и свобод над общественными и государственными интересами. Однако 41 % опрошенных появившийся приоритет личных прав над государством оценивают не положительно и считают, что оптимального баланса соотношения личных прав и государственных, общественных интересов сейчас не имеется.

В отношении правового прогресса на прошедшем двадцатипятилетнем отрезке опрошенные юристы высказались так:

- 37 % опрошенных заявили, что правовое регулирование за последние 25 лет в целом ухудшилось;
- 36 % показали, что правовое регулирование улучшилось;
- 27 % затруднились с ответом.

Полученные результаты, думается, интересны всем: как юристам, так и неюристам, как участникам опроса, так и широким массам.

Оценивая результаты надо непременно иметь ввиду, что за прошедшее двадцатипятилетие произошла коренная ломка существующего строя в России, существенно изменилось и законодательство (исследование,

напомним, проводилось в 2010 году). При кардинальных изменениях на первом этапе всегда возникают существенные противоречия законов, нестыковки нормативных актов, разные трактовки тех или иных событий¹. На этапах ломки существующего строя, общественного бытия правовое регулирование, видимо, развивается регрессивно. Однако в дальнейшем оно выравнивается и развивается уже вперед. Представляется, что если бы мы проводили опрос вскоре после 1917 года и последующей гражданской войны, то правовое развитие тоже было бы названо скорее регрессивным, чем прогрессивным. Вместе с тем, последующие годы принесли советскому праву и значительные достижения.

Мы уверены, что критика современного правового регулирования, во-первых, объективна, а во-вторых, многие из высказанных замечаний в дальнейшем будут устранены.

Результаты опроса важны тем, что на их основе можно выделить основные критерии правового прогресса. Критерии, важные именно для права, волнующие не только юристов, но и всех членов общества.

Первое. Очевидно, что все ждут от права и правового регулирования **справедливости**. Постоянное достижение справедливости выступает одним из главных критериев оценки правового регулирования. Более того, справедливость дает уверенность в **защищенности** человека правом от противоправных действий. И абсолютное большинство людей оценивают право именно исходя из того, добились ли они справедливого, честного решения в правовом споре. В таком случае они чувствуют себя действительно защищенными.

Показательно, что практически все юристы и не юристы, затронувшие тему справедливости, однозначно считают, что за последние 25 лет право и правовое регулирование стало менее справедливым, стало меньше возможностей получить объективный и справедливый результат.

¹ Расхожая фраза: «Не дай Бог жить в эпоху перемен», - здесь очень уместна.

Второе. Правовой прогресс связан с **понятностью** нормативно-правовых актов, **простотой** их изложения. Сейчас, судя по всему, отпала необходимость в такой критерии как правовая доступность. Нормативно-правовые акты через Интернет и другие коммуникативные средства стали доступны для всех. Однако другой критерий прогресса – понятность и простота правовых норм – стал еще более очевиден. Доступность до текста нормативного документа вовсе не означает его понятность, простоту понимания и применения. Все люди, и неюристы, и юристы, стремятся именно к простоте изложения норм, а отталкиваясь от нее – к понятности нормы. Понятность и простота изложения являются важным шагом для преодоления правовой безграмотности, невозможности себя одурачить и, соответственно, к минимизации возможности совершения в отношении себя и своих близких неправомерных действий.

Известна фраза о том, что если бы законы были просты и понятны всем, необходимость в адвокатах отпала бы сама собой. Житейская логика и опыт человеческой жизни подсказывают, что мы никогда не добьемся того, чтобы законы были абсолютно всем понятны и просты для восприятия. Юристы за свою профессию могут не переживать. Однако стремиться к четкости, ясности и понятности правовых норм мы должны всегда. И это, несомненно, является важным критерием правового прогресса.

Несомненным прогрессивным шагом является подготовленная авторским коллективом под руководством Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова книга, посвященная концепциям развития российского законодательства. В ней достаточно четко и ясно изложены направления и перспективы дальнейшего совершенствования законодательства России, что позволяет юристам, бизнесменам, политикам и другим заинтересованным читателям смотреть вперед¹.

¹ См.: Концепции развития российского законодательства / Под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.

Третье. Говорить о правовом прогрессе можно только в случае, если правовые нормы носят не декларативный характер, а имеют четкий **правовой механизм реализации**. Опрос показал, что многие нормативно-правовые акты не исполняются по причине того, что не выработан механизм их применения. Когда нормы только провозглашают что-либо, и не более того, они становятся ширмой, за которой можно творить беззаконие. Такие нормы роняют авторитет права и закона в глазах законопослушных граждан, провоцируют их на совершение противоправных действий. Только четкий и последовательный порядок исполнения конкретных норм позволяет прийти к искомому результату – законности.

Четвертое. Критерием правового прогресса является **уровень правосознания и правовой культуры** человека. Если право во всем его многообразии и государство смогли добиться повышения уровня законопослушности населения, то это, несомненно, является важным критерием правового прогресса и как свершившегося факта, и как базиса для дальнейшего развития.

И напротив, низкий уровень правосознания показывает недоверие населения к праву, сомнение в его возможности. При таких обстоятельствах говорить о правовом прогрессе несерьезно и нелепо. От подобного права не будут ждать справедливости и защиты; его понятность будет вызывать у населения усмешку, т.к. независимо от требований норм, закон соблюдаться не будет; правовой механизм реализации норм никого интересовать не будет.

Этот критерий можно определить также как **уровень доверия** к праву.

Следует сказать, что опрос показал и другие моменты, требующие осмысления и соответствующих корректировок в правовой политике. В течение последних 25 лет человек, его жизнь, права и свободы признавались высшей ценностью. Многие специалисты считали заслугой современности приоритет прав человека над общественными правами. Это заметно населению: как юристам, так и не юристам. Однако отношение к такому положению дел, как показал опрос, далеко не однозначное. Во-первых, из

неюристов на приоритет личных прав обратили внимание не такое значительное количество респондентов, причем большинство из которых сказали, что сейчас в праве забыты интересы государства и общества. Среди юристов факт приоритета прав личности над общественным отметило значительное количество. Но и там, что показательно, большинство специалистов оценили данный приоритет не положительно и отметили, что оптимального баланса соотношения личных прав и общественных интересов сейчас не имеется.

Перед опросом мы полагали, что защита прав человека, приоритет прав человека станет одним из критериев прогресса. Однако исходя из результатов опроса надо признать, что приоритет личного над общественным не только не считается прогрессом, но и по мнению некоторых свидетельствует о регрессивности правового регулирования. Возможно, что в других странах это выглядит по-другому. Но в России, о чем не раз говорилось, права государства и общества в шкале значимости традиционно располагаются не ниже чем личные права.

В связи с этим даже не ясно, можно ли выделять в качестве критерия правового прогресса наличие **разумного баланса между интересами личности, общества и государства?** В предложенной нами формулировке, наверное, можно. Но с обязательным условием того, чтобы названный баланс был действительно, реально воспринят населением и обществом.

Поэтому можно сказать, что диалектика показывает, что с одной стороны, логично и правильно стремиться установить четкую правовую регламентацию всех правовых отношений. С другой стороны – противоположность – люди стремятся к краткости и понятности нормативно-правовых актов, а, отнюдь не их разбуханию, сложности, тяжести восприятия, что неминуемо при увеличении правового массива. Это диалектическое противоречие находится в центре правовой регламентации.

Одновременно с этим, сейчас наблюдается явное накопление правовых знаний, увеличивается их количество. При этом перехода в качественно

лучшее измерение пока не происходит. Однако очевидно, что мы на пути перехода от количества нормативно-правовых актов именно в сторону их качественного улучшения, упрощения, облегчения применения.

Таким образом, основными критериями правового прогресса являются:

- достижение справедливости в правовых решениях, защищенность человека правом;
- понятность нормативно-правовых актов, простота их изложения;
- четкий правовой механизм реализации норм;
- уровень правосознания и правовой культуры, уровень доверия к праву;
- наличие разумного баланса между интересами личности, общества и государства.

Изложенные выше наши исследования и выводы позволяют отдельно порассуждать о ценностях права.

Вначале надо сказать, что по вопросу о том, что есть ценности права, теоретики и философы права к единому мнению традиционно не пришли. Называются самые различные подходы. Но! На что хотелось бы обратить внимание нам.

В одном из последних учебников по философии права, изданном под редакцией уважаемого М.Н. Марченко, понятия ценностей и ценностей права даны весьма субъективно. Автор глав о ценностях доктор философских наук В.Н. Жуков случайно или принципиально отошел от принятого в обществе подхода к ценностям как важности, значимости, пользе, полезности чего-либо. При написании параграфа глав он базировался на принципиально другом подходе, согласно которому «в широком смысле под ценностями обычно понимают явления действительности (факты идеального и реального мира), имеющие **то или иное** (выделено нами – С.З.) значение для общества, его групп или отдельных людей»¹. Далее он пишет, что деление ценностей на позитивные и негативные принимается далеко не всеми. Если под ценностью понимать некую полезность, то негативных ценностей быть не может. Но

¹ Философия права. В 2-х т. Т. 1. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2014. С. 301.

если исходить из понимания ценностей как явлений действительности, имеющих какое-то значение для людей, то признание негативных ценностей вполне оправданно¹.

Подход, изложенный В.Н. Жуковым, действительно имеется в философии. Он связан с мировоззрением мыслителей о том, что многие общественные явления могут позитивно восприниматься одними и негативно – другими. То есть, одно и то же явление является позитивной ценностью для одних, и негативной ценностью для других. На основании этого отдельными философами формулировался вывод, что нет ценностей, которые только позитивны и только негативны, исходя из чего ценности предлагалось рассматривать как противоречивое явление.

Однако такой подход разделяют далеко не все философы. И в первую очередь потому, что явления и ценности нельзя считать синонимами. К разным явлениям действительно можно относиться по-разному – это так. Но слово «ценность» специально выделено как понятие, изначально имеющее позитивное значение, позитивную окраску. Под ценностью понимается тот предмет или явление, позитивное значение, польза и значимость которого уже доказано и оценено. В отношении таких предметов (или явлений) говорится, что они полезны. Ценность есть оценочная, а точнее – позитивно оценочная категория явления или предмета. Для негативных оценок в науке и русском языке существуют другие термины, но вовсе не слово «ценность». Иначе общество запутается в понятиях.

Для права предложенные В.Н. Жуковым рассуждения о негативных ценностях вообще не приемлемы. Ибо тогда всерьез придется рассуждать о ценности преступления, в том числе ценности терроризма, умышленных убийств, людоедства, издевательств над детьми и т.д. Для чего при описании таких действий употреблять всем понятное слово «ценность» не ясно. В чем смысл такое явление как каннибализм и действия маньяка, насильничавшего и убивающего детей, оценивать как «негативная ценность». Нам кажется, что

¹Там же: С. 322.

рассуждения В.Н. Жукова близки к софистике либо он не до конца разобрался, что такое право.

Кроме того, такое явление как преступность всегда однозначно негативно воспринимается всем обществом и правом, что четко опровергает теорию отдельных философов, утверждающих, что все явления противоречивы. Если гипотетически предположить, что и преступность имеет позитивное значение, то мы потеряем смысл самого права, правоотношений.

И наконец, совсем не понятно, для чего названные рассуждения В.Н. Жукова размещать в учебнике! Описанный В.Н. Жуковым подход к ценностям, как уже отмечалось, многими философами не поддерживается. И мы их мнение разделяем.

Надо сказать, что цитируемый учебник по философии права под редакцией М.Н. Марченко получился весьма полезный и содержательный. Он достоин положительных оценок. Но третий раздел, написанный В.Н. Жуковым и посвященный аксиологии государства и права, в учебнике, на наш взгляд, не удался.

Мы также не согласны с подходом, что право философией права само по себе рассматривается как ценность. Право – есть многогранное, противоречивое явление. Однако в этом нет его ценности. Напротив, любой человек и любое общество хотят, чтобы оно было непротиворечивым, понятным и легко реализуемым.

При этом право само по себе, без людей и без жизни, совершенно не имеет никакой ценности. На этот, казалось бы, не сложный вывод, следует обратить внимание вот почему. Существование человека и человечества на Земле, несомненно, являются ценностями сами по себе. Если взять ступень ниже и определить, какие ценности имеются *в жизни*, то этот перечень может быть очень длинным и, конечно, индивидуальным. Здесь и здоровье, и работа, и отдых, и семья, и друзья, и книги, и наука, и образование, и т.д., и т.п. Но может ли относиться к таким ценностям право? На наш взгляд – нет,

по той простой причине, что право, как уже отмечалось, является обязательным спутником человеческого существования. Без права, даже установленного самим человеком для себя самого, он банально не сможет существовать. Тем более без права, пусть даже на примитивном уровне правовых обычаев, не может существовать ни одно общество. Также как человек не может существовать без пищи и воздуха. Является ли воздух ценностью для человека? Ценностью является *чистый* воздух. А сам по себе воздух – это скорее не ценность, а просто необходимое средство существования. Не будет воздуха – не будет и жизни. Равно как ценностью является *здоровая полезная* пища. Но сама пища – лишь обязательное средство существования человека и человечества.

Также и право само по себе есть обязательное условие жизни человека и общества. Не будет у человека права, хотя каких-нибудь норм, определяющих его жизнедеятельность, он не сможет выжить. А вот *справедливость* права, *простота* и *понятность* его норм и т.д. – уже ценности права.

Может быть, для разрешения проблем аксиологии права исходной точкой сделать выработанные основные критерии правового прогресса: справедливость в правовых решениях, защищенность человека правом, понятность нормативных правовых актов, простота их изложения, четкий правовой механизм реализации правовых норм? Ведь именно они особо значимы для общества, людей и конкретного человека. А право, как отмечалось, нужно не само по себе, а для людей.

ГЛАВА 3

ОТДЕЛЬНЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

§ 1. Интегральная юриспруденция

Термин «интегральная юриспруденция» пришел к нам из США. Основоположниками теории интегральной юриспруденции являются известные американские ученые Гарольд Берман, Джером Холл и Рональд Дворкин. Например, Г. Берман считал, что интегративная юриспруденция представляет собой «философию, объединяющую три классические школы: правовой позитивизм, теорию естественного права и историческую школу. Она основана на убеждении, что каждая из этих трех конкурирующих школ выделила одно из важных измерений права, исключив прочие, и что смещение нескольких измерений в одном фокусе, во-первых, возможно, и, во-вторых, важно»¹.

Российские специалисты приняли активное участие в дискуссии о создании интегральной юриспруденции. Некоторые из них, если очень кратко, тоже предпринимают попытки взять все лучшее из правовых концепций (в основном - позитивизма и юснатурализма) и объединить эти знания в одну интегральную теорию.

По проблеме создания названной теории выскажем несколько соображений и мы.

Первое. В основе интегральной теории права лежит универсальный научный метод диалектики, а конкретнее — закон количественно-качественных изменений. Как известно, накопление знаний о каком-либо объекте ведет к стремлению их комплексно оценить и получить на основе накопленного багажа новое знание. В этом смысле любой ученый вначале воспринимает все те знания о праве, которые были до него, анализирует их,

¹ Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 340.

сравнивает между собой, обобщает, оценивает, приходит к каким-то выводам по уточнению, расширению, увеличению объема знаний о праве. В этом случае происходит приращение знаний. При накоплении трудов исследования иногда приносят качественно новые знания о праве. Так образуется переход от количественных изменений в качественные.

Как верно заметил В.С. Нерсисянц, новое понятие права означает и соответствующий новый подход к изучению, пониманию и трактовке как самих эмпирических данных объектов философии права, так и уже накопленных теоретических знаний о них. С позиции неологии можно сказать, что история философии права – это история новых понятий права и формирующихся на их основе новых правовых теорий. В общем процессе прогресса философско-правовой мысли момент новизны тесно связан с моментом преемственности. Новое (новое понятие права, новая теория, новая концепция и т.д.) здесь, как и везде, возникает лишь на основе старого (всей совокупности прежних знаний о праве) как познавательно более глубокая, более содержательная и более адекватная форма постижения и понимания права и государства. И новое понятие права как метод познания не перечеркивает прежние понятия права и соответствующие теории, а преодолевает ограниченные познавательные возможности и границы прежнего понятия вместе с тем удерживает его теоретико-познавательный смысл и итоги. Тем самым новое понятие права сохраняет научно значимые результаты предшествующей философско-правовой мысли и на новом, более высоком уровне познания развивает их дальше с более глубоких теоретических позиций и в более широком и адекватном смысловом поле и контексте¹.

Продолжая мысль В.С. Нерсисянца отметим, что за последнее время не было работ и концепций, которые обосновывали принципиально новые знания о праве, кардинально изменяющие представления о нем. Все современные концепции и теории имеют весьма конкретные истоки, корни.

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. С. 12.

При таких обстоятельствах следует признать, что ничего нового в интегральной юриспруденции на самом деле нет – это продукт обычного и обязательного применения диалектики. Иначе говоря, каждый ученый в своем познании права занимается интеграцией.

Здесь казалось бы можно возразить о том, что не все исследователи стремятся именно объединить концепции, взять от каждой лучшее и т.д. Однако это не так. Каждый настоящий ученый стремится к новым знаниям. И если ученому покажется, что для концепции права, приверженцем которой он является, не хватает фрагмента из конкурирующей теории, то он этот фрагмент позаимствует. И в части этого фрагмента знаний согласится с оппонентами (такой процесс и называется: взять лучшее из другой концепции). В сумме сказанного: любой настоящий специалист стремится объективно оценить проблему, критично посмотреть на свои мысли, аргументы сторонников и противников, на основе чего получить наиболее правильное с его точки зрения знание. Любой ученый желает получить объективные знания, без примесей идеологии, субъективизма, личностных предпочтений.

Поэтому в своих изысканиях ученые вынуждены учитывать критику, с чем-то соглашаться, пользоваться знаниями других исследователей, в том числе оппонентов. Иначе говоря – интегрировать.

Второе. Юристы почему-то любят применять термины, происходящие из других, в том числе технических наук. Такой процесс не всегда оправдан и подчас лишь вносит сумятицу в понимание проблемы.

В толковом словаре В.И. Даля слово «интеграция» употреблено только в математическом значении (от слова «интеграл»). В дальнейшем это слово стало употребляться и в гуманитарных науках и обозначать объединение в одно целое. Однако не согласимся, что такое слово идеально подходит для рассматриваемой концепции.

Применение терминов «интеграция», «интегральная юриспруденция» в применяемом контексте, видимо означает цельное знание о праве. Однако

вот в чем дело. Любая концепция права (позитивистская, естественная, психологическая и пр.) тоже стремится к получению цельного, полного представления о праве. И более того, сторонники той или иной концепции считают, что именно их теория цельное и правильное представление о праве как раз и дает. Ведь концепции, собственно, и создавались для того, чтобы объяснить сущность права, наиболее полно и точно его определить. Каждая из правовых теорий замещала предыдущую и конкурировала с другими именно за право считаться полной, цельной теорией. Отсюда и многообразие теорий, концепций права.

Поэтому, и с учетом первого нашего замечания, каждая из теорий права по-своему интегральна. Неинтегральных теорий, то есть теорий, созданных вообще без учета предыдущих знаний о праве, в настоящее время не встречается. В связи с этим представляется, что предлагаемый термин не вполне точен.

Но вдруг обнаружилось, что отдельные ученые синонимом к интегральной юриспруденции употребляют термин «синтезированная юриспруденция». Синтез, как известно, это обобщение. Но обобщение – это не означает получение лучшего из каждой теории права. Обобщение представляет собой сложение знаний, а сравнение, измерение, оценка, дифференциация обобщенных (синтезированных) знаний – уже другие научные методы.

И здесь опять же возвращаемся к слову «интеграция». В ряде толковых словарей, под интеграцией понимается объединение в целое каких-либо частей¹. В таком случае мы можем быть изначально неправильно понимаем термин «интегральная юриспруденция»? Некоторые ее сторонники на самом деле хотят лишь сложить (обобщить, синтезировать) знания и больше с ними ничего не делать? В такой тезис верится с трудом, но опять же применение широкого в толковании термина «интеграция» в сочетании с

¹ См., напр.: Толковый словарь русского языка / А.Е. Баханьков, М.М. Гайдукевич, П.П. Шуба. Мн., 2000. С. С. 118.

употребляемыми как синонимами синтезирование и обобщение дают возможность предположить и такое суждение. Тем более, что в ряде работ опять же применительно к интегральной теории права употребляется словосочетание «сводная теория». Слово «сводная» подразумевает совокупность знаний о праве, а не их взаимопроникновение и уяснение наиболее точного и привлекательного.

Здесь же, мы утрируем, может возникнуть и вопрос, почему употребляется только слово синтез, а не, например, анализ? Почему не задумываются о создании какой-нибудь (по аналогии) «анализированной юриспруденции»?

Механическим синтезом знаний о праве, без применения других научных методов результата, конечно, не добиться. Развивать эту всем понятную мысль не будем. И всерьез не предполагаем, что кто-то надеется, механически обобщив все знания о праве и не применяя при этом других научных методов, из этого что-то серьезное получить.

Во многом в этой путанице понятий виноват употребляемый термин «интегральный». Он, во-первых, все-таки характерен техническим наукам, а, во-вторых, в гуманитарных науках, с учетом разнообразности применения, он стал употребляться в очень разных значениях. Что приводит к определенной сумятице знаний.

Неточность применяемого термина интуитивно видят многие специалисты. Возможно поэтому они даже не могут точно определить, как назвать новую теорию. Причем не спорят о названии, что нередко бывает в праве, а именно не могут ее точно назвать. Применяются слова: интегральная, интеграционная, интегративная, интегрированная юриспруденции. Причем если слово «интеграционная» скорее произошло от слова интеграция, то в слове «интегральная» отчетливо слышится соответствующий математический термин. Хотя в последние десятилетия слово «интегральность» стало достаточно часто употребляться во многих науках. Специалисты связывают это с осознанием объективно

существующих взаимосвязей между личностью, природой, социумом, разумом и попытками объединения этого всего в нечто целостное. Кроме того, термин «интегральность» стал достаточно распространенным в лингвистике. В частности он означает рассмотрение явлений всех языковых уровней в их взаимодействии. Кстати, в лингвистическом описании это слово применяется даже в значении «многоаспектность или междисциплинарность». В российской юриспруденции словосочетание «интегральная юриспруденция» наиболее распространено.

Вместе с тем, предпринятый анализ словарей показал, что слова «интегральная», «интеграционная», «интегративная», «интегрированная»¹ не однозначны в понимании и применяются в различных значениях. Даже если исходить из того, что интегральность – это целостность, целостное представление (лат. *integratio* - восстановление, восполнение, от *integer* - целый), то все равно возникают вопросы и противоречия. Поскольку целостность нередко понимается как совокупность частей. Но такое значение не подходит для интегральной концепции права. Ибо нельзя понимать, что концепция естественных прав человека, позитивистская концепция и, например, психологическая концепция - это составные части понимания права.

Согласимся, что трудно говорить о формировании новой концепции, если изначально не ясно, что все-таки мы хотим: взять лучшее из всех концепций о праве, взять лучшее только из позитивизма и юснатурализма, вообще не выделять лучшее и худшее, а попытаться эти противоположные концепции как-то объединить, либо просто обобщить все знания о праве. А название концепции на вопрос о ее сущности не отвечает. Но именно понимание того, что в итоге скрывается за рассматриваемой концепцией на данном этапе познания права наиболее важно.

¹ Г. Берман, как мы помним, употребил термин «интегративная». Однако в данном случае возможна неточность перевода.

Вспоминается расхожая поговорка о том, что употребление без необходимости наукообразных слов подчас запутывает самих себя. И ладно если бы, например, слова «интегральная» и «интегративная» употреблялись как синонимы. Однако некоторые специалисты между интегральной и интегративной теориями проводят различия. Например, А.В. Поляков пишет: «Взгляд на право как на целостность, как представляется, отличает интегральное правопонимание от интегративного. Интегральный подход позволяет в целостности права выделить те аспекты, которые фрагментарно, в оторванности от других сторон правовой реальности, представлены в классических теориях права. Интегративный подход, не видя изначальной целостности права, стремится ее найти через объединение различных подходов, разработанных в классическом правоведении»¹. В.Г. Графский и часть других авторов, напротив, используют понятия интегрального права и интегративного права как синонимы. Но при этом вкладывают в них разный смысл. В итоге – каждый со своим пониманием интегральной юриспруденции.

Из изложенного следует **третье** – имеющаяся в настоящее время противоречивость понимания интегральной юриспруденции. Чтобы не повторяться по этому поводу, мы присоединимся к содержательному анализу мнений о сущности интегрального (или интегративного) права, подготовленному И.Ю. Козлихиным. Мы присоединяемся и к его выводу о том, что по поводу интегративной юриспруденции в современном российском правоведении царит субъективизм и полная неразбериха². Кроме того, говоря о различных интегральных или интегративных концепциях, мы поддерживаем мнение Н.В. Варламовой о том, что «большинство современных интегративных (неклассических) подходов к пониманию права на деле оказываются разновидностью вполне традиционных социолого-

¹ Поляков А.В. Российская теоретико-правовая мысль // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти В.С. Нерсисянца. М., 2006. С. 118.

² Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2009. С. 249.

позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы»¹.

Четвертое. Применяемый в контексте интегральности термин синтезированная теория права – по своей сути означает обобщенную (**или общую** – выделено мной С.З.) теорию права, то есть то, что и так имеет место быть. И фактически не идет ли речь о простом переименовании общей теории права в синтезированную (сводную, интегральную, интегративную и т.д.)? В рамках общей теории права изучаются все правовые концепции, все подходы к праву. Причем изучаются не тенденциозно, а объективно. Это подтверждается имеющимся в России плюрализмом мнений о праве. И в этом смысле общая теория права и есть интегральная теория, объединяющая и охватывающая все направления и течения мысли о праве. И общая теория ни сколько не идет в противоречие с высказанным В.Г. Графским тезисом о том, что «право должно восприниматься сложноорганизованным и многофакторным объектом познания, находящимся в состоянии динамики и постоянного обмена познавательными ракурсами и общениями между различными правоведческими подходами»². Именно в рамках общей теории право и выступает тем самым многофакторным объектом познания. Иной вопрос в том, что эта теория не смогла на базе разнополярных мнений о праве создать единое и устраивающее всех специалистов понятие права. Но если общую теорию механически назвать интегральной, то ведь ничего не изменится. Те же самые ученые, оперируя теми же и схожими аргументами, будут спорить о понятии права, предлагать свои варианты и т.д. и т.п.

Да, сейчас не удастся привести все теории права «к единому знаменателю». Но сие вовсе не означает, что современная теория права, как считает В.Г. Графский, выполнить интегрирующую роль не в состоянии. Надо разобраться почему так происходит, для чего вернуться к диалектике.

¹ Варламова Н.В. Тип правопонимания как теоретическая парадигма интерпретации права // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008. С. 72.

² Графский В.Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция // Наш трудный путь к праву. С. 143.

Ответ очевиден. Надо признать, что мы пока не располагаем тем количественным багажом знаний, который позволил бы получить качественно новые знания о праве. Как только количество перерастет в качество мы (или наши потомки) будут смотреть на право под другим углом и воспринимать его так, как мы хотим сейчас, то есть целостно. Сейчас мы смотрим на периодическую систему элементов Д.И. Менделеева как на данность, не задумываясь о том, сколько времени и сил многих поколений было потрачено на классификацию химических элементов.

Надо сказать, что философы права должны и учитывать опыт философии, не отрываться от нее. Почему мы это подчеркиваем? Дело в том, что в философии уже имелись предложения синтезировать наиболее распространенные в XX веке философские направления мысли: марксизм, феноменологию и аналитическую философию. В частности, известный французский философ П. Рикер предлагал объединить указанные философские направления. Его точка зрения нашла последователей в западной философии. Однако из предпринятых попыток синтезировать марксизм, феноменологию и аналитическую философию пока ничего не получилось. Думается, что причина в том же: философия еще не накопила необходимый багаж знаний для их качественных изменений. Но из этого не делается вывод о том, что философия (или философия науки) выполнить интегрирующую роль не в состоянии.

Время открытия единой концепции о праве, видимо, пока не пришло. Возможно, что такое время наступит позже. А вполне возможно и не наступит, ибо, общая теория права – это близкая к философии и философии права наука. А философии, как собственно и общей теории права, свойственны плюрализм мнений, перманентная рефлексия и полярность взглядов.

§ 2. Разумность и бессмысленность права

Переходя к рассмотрению новой грани права, вначале процитируем несколько действующих и недавно действовавших законов.

В Великобритании: членам парламента запрещено входить в Палату общин в доспехах. Там же: мужчине разрешается мочиться в общественном месте, если это происходит у заднего колеса его автомобиля и при этом его правая рука находится на автомобиле. Там же, в Йорке: При встрече с шотландцем в любой день недели, кроме воскресенья, разрешается застрелить его из лука.

Еще больше «интересных» законов в штатах США:

- в штате Марикопа-Кауни: в одном доме может проживать не более 6 девушек.

- в Блите: в соответствии с распоряжением городских властей человек должен являться владельцем как минимум двух коров прежде, чем ему будет позволено носить ботинки ковбоя.

- в Льюисе: вступление в брак на спор является законным основанием для расторжения подобного брака.

- во Флориде: сексуальные отношения с дикобразом являются противозаконными. Там же: домохозяйкам запрещается разбивать более трёх тарелок в день или отбивать края у более чем четырёх кружек и/или блюдец.

- в Мариетте: в соответствии с законом запрещается плевать из машины или автобуса. Тем не менее из грузовика плевать можно.

- в Урбане: чудовищам по закону запрещено заходить в пределы города.

- в Индиане: вскрывать консервные банки при помощи огнестрельного оружия противозаконно.

- в Мак-Лафе: запрещается полоскать вставную челюсть в общественном питьевом фонтане.

- в Уичите: отец не имеет права угрожать огнестрельным оружием кавалерам своей дочери.

- в Миннесоте: закон запрещает развешивать мужское и женское нижнее бельё на одной верёвке.

- в Кресскиле: все коты обязаны носить по три колокольчика, чтобы предупреждать птиц о своём появлении.

- в Нью-Йорке: запрещается арестовывать трупы за долги.

- в Кливленде: женщинам запрещается носить лакированные туфли, так как мужчины могут увидеть в них отражение нижнего белья.

- в Пенсильвании: специальный указ о чистоте запрещает домохозяйкам прятать грязь и пыль под ковёр в своём доме. Там же: нельзя ловить рыбу за какую-либо часть тела, кроме рта.

- В Сиэтле: женщинам, которые сидят без подушки на коленях у мужчин в автобусах или поездах, грозит тюремное заключение сроком на один год.

- в Южной Дакоте: если в пределах вашей собственности находится более пяти индейцев, вы имеете право стрелять по ним.

Коллекционер таких законов Д. Кромби в предисловии к своей книге с красноречивым названием «Самые глупые законы мира» пишет:

«В середине 80-х годов я был назначен мировым судьей в судейской коллегии Салисбэри в Уилтшире. В течение почти четырех лет я был вполне доволен своей должностью. Так продолжалось до тех пор, пока в Салисбэри и его округе не возникла проблема разрешения доступа к развалинам Стоунхеджа в день летнего солнцестояния. Суть проблемы... состояла в том, что хиппи и бродяги хотели отпраздновать день солнцестояния в развалинах, но на свет были извлечены древние законы, чтобы не позволить им этого. Было произведено несколько арестов, поэтому начались специальные судебные слушания. Из-за этого я потерял несколько прекрасных дней, слушая доводы стороны обвинения о том, что тот или иной непонятный закон 300-летней давности был нарушен. В это время я начал осознавать, что некоторые из этих законов действительно были очень глупыми. В суде бывали слушания, которые превращались в самый настоящий фарс, поэтому вскоре я разочаровался во всей системе в целом и подал в отставку. Однако я

сохранил интерес к дурацким законам и с тех пор стал заядлым коллекционером»¹.

Указанные законы с определенной стороны тоже характеризуют право. Это сторона называется **бессмыслицей и безумностью**.

Конечно, указанные или аналогичные законы всем юристам известны. Они характерны для англо-саксонской системы права, распространенной в определенном количестве государств. Встречаясь с подобными законами, некоторые юристы ухмыляются (дескать, чего только не бывает в жизни), некоторые воспринимают это как данность названной системы права, а некоторые, как видим, даже коллекционируют.

Однако никто из специалистов не заострил на этих фактах внимания не с точки зрения прецедента, а с точки зрения того, что право, оказывается, **подчас подразумевает в себе откровенную бессмысленность и бесполезность**. Причем указанные стороны права в нем заложены.

Оценивалось ли право как элемент человеческого безумства, глупости? Серьезные научные работы на такую тему нам не попадались. Но ведь бессмысленность и бесполезность – это, как мы видим, тоже грань права. Реальная, фактически существующая грань. И на нее при исследовании права ученые не должны закрывать глаза. И более того, сам феномен права без этой грани не выглядит объективно.

Встречаются реплики, что приведенные нормы – это не право, а именно законы. Однако это не так.

Во-первых, данные законы содержат нормы права.

Во-вторых, эти законы создают прецедентное право.

В-третьих, указанные законы нельзя считать неправовыми. Они приняты в соответствии с требованиями, предъявляемыми к таким нормативно-правовым актам, и соответствуют критериям права.

В-четвертых, в США и Англии вообще слово «law» переводится и как право, и как закон. Указанные термины там, как правило, отождествляются.

¹ Кромби Д. Самые глупые законы мира, М., 2006. С. 5, 19-116.

Но, главное, бессмысленность и безумность характерны не только англо-саксонской модели права. В романо-германской системе факты откровенной глупости и непригодности права к современным реалиям также встречаются¹. Отсюда получается, что человечество с момента своего возникновения так и не смогло создать систему права без указанных откровенных изъянов и упущений. Либо, скорее, право настолько многофакторное явление, которое не может существовать без глупости и бессмыслицы тоже.

По нашему мнению, бессмысленность и несуразность были свойственны праву всегда. Из наиболее характерных примеров древности можно привести указ императора Калигулы об избрании сенатором своего коня. От подобных решений мы на самом деле не защищены до сих пор. Так, осенью 2012 г. депутатами законодательного собрания Санкт-Петербурга рассматривался законопроект, запрещающий средствам массовой информации в Санкт-Петербурге упоминать о конце света². Закон в итоге не приняли. То есть нормой права он так и не стал. Но объективно до его принятия было не далеко.

В какой момент у права проявляется такая черта как бессмысленность и безумность?

Предпринятый нами анализ позволил условно классифицировать бессмысленность права на несколько видов. По причинам бессмысленности и безумства:

1. Бессмысленность и безумство, производные из англо-саксонской системы права. Эта система создает удивительные прецеденты права. Часть из них было указано выше.

¹ Например, в Италии женщины, которые носят имя Мария, не имеют права заниматься проституцией. Во Франции для владельцев свиней противозаконным является называть поросенка «Наполеон». *Кромби Д.* Самые глупые законы мира... С. 22, 25.

² Конец света ясновидящие предсказывали 21 декабря 2012 года.

2. Не обоснованные религиозные ограничения. Так, в Саудовской Аравии врачам-мужчинам запрещено осматривать женщин¹.

3. Самодурство правителей и других лиц, могущих издавать правовые нормы. В России таких примеров более чем много и каждый из них, наверное, может поконкурировать с Калигулой. Всем известен факт, когда императрица Елизавета Петровна издала указ, обязывающий всех придворных дам сбрить волосы наголо, а пока те не отрастут, носить парики установленного образца. Причиной стало то, что сама императрица была вынуждена сбрить волосы наголо, поскольку те слиплись у нее на голове из-за некачественной пудры. По ее же указу дамы высшего света могли появляться на балу в одном и том же платье только один раз. А чтобы придворные дамы не хитрили, на каждое платье при выходе с бала ставилась печать. Другие русские императоры от Елизаветы Петровны тоже ушли не далеко. Так, Павел I, как известно, официально запрещал на балу танцевать вальс (другая крайность), запрещал ношение мужчинам круглых шляп и бакенбардов, женщинам - цветные ленты через плечо. Запретил дворянам учиться за границей и даже ввозить оттуда книги (в том числе ноты).

4. Безумство и бессмысленность, связанные с политическим аспектом. Например, в 1991 году в связи с коренным изменением политической власти нашей страны и приходом к власти лиц, считающих себя демократами, стало популярным переименование улиц, связанных с коммунистическим прошлым, возвращение им старых (досоветских) названий. В связи с этим в Санкт-Петербурге решением городских властей давно полюбившиеся жителям улицы Гоголя и Герцена (кстати, как считается, первого демократа в России) в спешке переименовали в Большую и Малую Морскую².

5. Глупость и бесполезность норм права, издаваемых должностным лицом, не имеющим достаточной компетенции для занимаемой им

¹ Кромби Д... С. 34.

² Одной из больших проблем, стоящих в XXI веке, является защита права от самодурства должностных лиц и политической конъюнктуры. Необходимо разработать и, главное, реализовать конкретные механизмы такой защиты.

должности. К сожалению, в России этому накопилось немало примеров. Каждый взрослый россиянин сможет привести конкретные факты того, как некомпетентные люди берутся руководить крупными министерствами, отраслями и даже страной и, желая сделать лучше, принимают откровенно неумные или бессмысленные решения. Примером подобных решений является антиалкогольная компания в СССР 1985 года, из более поздних – многочисленные переименования государственных органов и т.д. и т.п. Про такие правовые акты лучше всех сказал бывший премьер-министр России В.С. Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

6. Технические ошибки. В последнее двадцатилетие эти ошибки были весьма распространены. Подряд принимались законы, нормы которых конкурировали между собой, а подчас и взаимоисключали друг друга. Еще более курьезно, когда нормы одного и того же закона содержали противоречия друг с другом.

По субъектам издания глупых норм права можно предложить такую классификацию:

1. исходящие от первого лица государства
2. исходящие от должностных лиц государства, правомочных издавать нормы.
3. исходящие от парламента.
4. исходящие от суда.

По степени реальности бессмысленные правовые нормы делятся на:

1. абсурдные, но реалистичные (например, запрет на открытие консервных банок с помощью огнестрельного оружия);
2. нереалистичные (чудовищам запрещено заходить в пределы штата Урбан).

Наконец, по источнику формирования бессмысленных правовых норм их можно подразделить на:

1. обусловленные системой права (англо-саксонская система права, религиозная система в государстве)

2. исходящие от конкретного лица (главы государства, чиновников) и парламента.

Задумаемся, можно ли уберечь, защитить право от бессмысленности и безумства? Исторический опыт любого государства убедительно показывает: нельзя. Таким образом, глупость и бессмысленность в праве – черты, находящиеся с ним постоянно.

Наши критики, наверное, возразят о том, что право и глупость не следует рассматривать вместе, ибо это разные понятия. Так, во многие явления и процессы может проникнуть глупость и сделать их абсурдными, бесполезными, смешными и пр. С такой точкой зрения можно согласиться в тех случаях, когда безумные нормы права исходят от конкретного должностного лица государства. Здесь действительно есть право, в котором «орудует» некий высший государственный сановник. Однако сие опять же означает беззащитность права от глупости. Кроме того, в основном подобные чиновники попадают на свои должности правовым путем.

Помимо этого, например, в англо-саксонском праве безумство права уже заложено в самой системе. И там, с учетом возможности человека судиться с кем угодно и о чем угодно, отделить право от глупости нереально. Благодаря российским юмористам стал расхожим современный случай, когда одна американка стала сушить свою кошку в микроволновой печи. Кошка, естественно, сгорела. Закончилось иском в суд, который создал прецедент: обязал компанию-продавца микроволновых печей записать в инструкцию к печам, что в них запрещено сушить кошек. Теперь будем ждать, когда создастся такой же прецедент с другими домашними животными.

В предыдущих монографиях мы обосновали **межотраслевой правовой институт бессмысленности права**, объединяющий все бессмысленные и безумные нормы. Отношение к нашей идее наличия такого межотраслевого правового института разделило ученых на две части: кто-то отнесся к этому предложению с юмором, а кто-то поддержал и признал наличие названного института права. Но поразительно то, что и сторонники, и противники

активно поддерживали поднятую тему и прислали нам более сотни примеров откровенных глупостей права. Поэтому можно сказать, что идея вызвала интерес. А главное, все признали, что глупость тоже является составляющей права.

Антонимом безумства является разумность. Естественно все люди желают видеть в праве именно разумность. Разумность тоже является важной гранью права, конечно более распространенной чем безумство. Право во многом и существует для разумного и справедливого регулирования общественных отношений. Доказывать эту истину смысла нет.

Но говоря о разумности права нельзя забывать и про его другую грань, названную нами **бессмысленность и безумство**, поскольку без них право тоже не существует.

§ 3. Экстрасенсы и право

Следует рассмотреть с философско-правовых позиций еще один интересный вопрос. Этот вопрос связан с правовым регулированием такого необычного способа получения помощи, как помощи от лиц, обладающих экстраординарными психофизиологическими способностями, в частности от экстрасенсов.

В настоящее время интерес к экстрасенсам заметно возрос. Научные и практические работники, не боясь выглядеть ненормальными и быть неправильно понятыми, вспоминают и пишут о случаях успешного взаимодействия с указанными лицами.

Особенно часто об это пишут сотрудники правоохранительных органов. Например, В. А. Ильичев рассказывает об опыте своего общения с экстрасенсом Э. Б. Узарашвили. К Э. Б. Узарашвили обратились родственники пожилого человека, уехавшего осенью за город и пропавшего без вести. Посмотрев на фотографию разыскиваемого, экстрасенс сразу уверенно заявила, что он мертв, его тело находится на даче и будет обнаружено в апреле. Родственники, уже побывавшие на пустой даче, ей не поверили. Но экстрасенс оказалась права. Труп без вести пропавшего обнаружили на соседней даче, когда ее хозяева приехали весной проверить свое хозяйство. Поскольку по заключению экспертизы имело место убийство, было назначено расследование, и вскоре был установлен преступник, проломивший голову своему случайному собутыльнику после распития спиртного.¹

Следующий пример связан с другим человеком, имеющим неординарные способности. Сержант милиции из провинции был откомандирован в крупный областной город, где его назначили в конвойный полк. Он стал сопровождать задержанных из камер следственного изолятора

¹ Ильичев В. А. Криминальные хроники (записки оперативного работника). М., 2005. С. 47–48.

на допросы к следователям и оперативным сотрудникам. Однажды он привел к начальнику уголовного розыска подозреваемого в краже и начал слушать, как тот дает показания. Внезапно сержант вмешался в допрос, упрекнув задержанного: «Все ты врешь. Ведь на самом деле все было не так: ты стоял на углу у дома. Твой друг Петька сидел в кабине машины, а на склад заходили Колька с Серегой».

Услышав такие подробности совершенной кражи, задержанный смешался и тут же рассказал, как в действительности было дело.

Сначала начальник уголовного розыска подумал, что конвоир разговорился с задержанным и тот ему все рассказал. Но через три дня уже по другому делу он опять столкнулся с неожиданностью. Конвоир снова вмешался в допрос и начал не только изобличать виновного, но и называть точные детали совершенного преступления, как будто сам был вместе с преступниками на месте происшествия. Удивленный начальник уголовного розыска отозвал конвоира в сторону и спросил, откуда тот так хорошо знает обстоятельства совершенного убийства. Конвоир заявил, что сам этого не понимает, но если он встает сзади задержанного и смотрит ему прямо в затылок, то начинает ясно видеть, как все происходило, словно присутствует на месте происшествия. Начальник уголовного розыска был поражен и решил проверить слова конвоира. И очень быстро убедился, что все сказанное — правда и сержант милиции может видеть картину преступления, глядя на затылок задержанного словно на экран телевизора.¹

Примеры положительного взаимодействия с экстрасенсами приводят и другие специалисты. Появились даже факты того, что православных экстрасенсов стала признавать Русская Православная Церковь и, более того, награждать их².

Признаемся, что еще двадцать лет назад мы весьма скептически относились к указанной категории людей. Однако в последнее десятилетие

¹ Там же. С. 50–51.

² Например, известный экстрасенс В.В. Кустов за свою работу награжден медалью святого благоверного князя Даниила Московского Русской Православной Церкви.

нам приходилось не единожды лично наблюдать их эффективную работу.

Информация о полезности привлечения правоохранительными органами и спецслужбами экстрасенсов для оказания помощи в раскрытии преступлений, розыска людей и похищенных вещей периодически появляется и на страницах зарубежной печати.

Как относиться к этим фактам? Следует признать, что в мире много неизученного. Но отсутствие знаний не должно склонять к отрицанию очевидного. Напротив, очевидное следует скрупулезно изучать, чтобы разобраться в окружающей нас объективной действительности.

Люди с экстраординарными способностями имеются. Это факт, и отрицать его бесполезно. Другой вопрос, как воспользоваться возможностями этих людей; сколько из них действительно одарены, а сколько являются шарлатанами. Видимо, следует согласиться с В. А. Ильичевым, заметившим: «Говоря об экстрасенсах, действительно владеющих даром ясновидения, хотелось бы особо отметить, что таких людей единицы, а основная масса гадалок и предсказателей либо мошенники, наживающиеся на чужом горе, либо психопатические личности, искренне заблуждающиеся в наличии у них столь бесценного дара. Впрочем, мошенников гораздо больше».¹

Здесь очень важно отметить и то, что люди, действительно обладающие указанными способностями, сами не могут четко объяснить их сущность, принцип получения ими информации о прошлом и настоящем. Не всегда они могут и повторить свои результаты. По их словам, в одной и той же ситуации, при одинаковой обстановке иногда получить истинные знания удастся, а иногда — нет. Выявить системные связи между происшествием и способностью лица восстановить произошедшее не удастся.

Изложенное объективно показывает, что описанные сверхъестественные способности людей не укладываются в рамки имеющихся ныне научных знаний, т. е. речь идет не о научных знаниях, а о

¹ Ильичев В. А. Криминальные хроники (записки оперативного работника). С. 48.

чем-то иным, нередко именуемом в философии науки вненаучными знаниями.

На эту форму знания обращает внимание В. С. Степин. Он пишет, что есть аспекты человеческого опыта, необходимые для воспроизводства и развития социальной жизни, которые, тем не менее, наука выразить не может. Их выражают вненаучные знания, и они также имеют социокультурную ценность. В свое время Р. Фейнман — известный физик, лауреат Нобелевской премии — сказал в шутку (в которой есть большая доля правды), что не все ненаучное плохо, например любовь. Само по себе вненаучное знание, фиксирующее различные формы человеческого опыта, не является опасностью для науки. Наука может взаимодействовать с этими знаниями, может анализировать их своими средствами.¹

Анализируя этот вопрос, обратим внимание на следующее. Научное и вненаучное всегда сосуществовали в культуре. Вненаучное можно и нужно изучать, а также в некоторых случаях использовать в практической работе. Однако указанные понятия нельзя смешивать. Попытки «онаучить» вненаучное приводят к отходу от философских истин, науковедения, вносят путаницу в научный процесс, препятствуют научному прогрессу. Наука по определению не может принять тезис, в обоснование которого будет положена фраза: «Мне так подсказали космические силы». Даже если спустя десятилетия выяснится, что «космические силы» не солгали.

Давайте с точки зрения философии науки проанализируем, насколько экстрасенсорные явления и способности соответствуют критериям научного знания.

Очевидно, что каждый специалист одарен по-своему, получает сведения индивидуальным и уникальным способом, причем не может точно и полно объяснить этот способ получения информации. Это свидетельствует об отсутствии *независимости получаемых знаний от субъекта исследования*, иначе говоря, об отсутствии *объективности*. В одной и той же ситуации

¹ Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. С. 375.

один экстрасенс получит полные сведения о происшествии, другой — неполные, а третий вообще выдаст искаженную информацию. А яркая индивидуальность экстрасенсов, разница в их одаренности показывает невозможность *интерсубъективности (преемственности)* знаний.

Из изложенного также следует, что экстрасенсорные способности и полученные на их основе знания не отвечает такому критерию науки, как *обоснованность, строгость* научных знаний.

Важным критерием науки является *верифицируемость*, т. е. проверяемость полученных знаний эмпирическим путем. Этому критерию знания полученные от экстрасенсов также не соответствуют. Ни один экстрасенс до конца не уверен в том, что при одних и тех же данных всегда сможет точно указать обстоятельства произошедшего события. Кроме того, опыт показывает, что в течение жизни способности конкретного экстрасенса могут обостряться, а могут ослабевать.

Отсутствие полной ясности относительно принципа получения информации о прошлом не позволяет говорить также о *точности* знаний и их полной *достоверности*.

Исходя из изложенного, полученные от экстрасенсов знания в настоящее время не могут быть признаны научными знаниями.

При этом нужно четко и жестко различать вненаучное знание и псевдонауку. В. С. Степин точно подметил, что в настоящее время эзотерические и мистические учения и практики отдельные авторы пытаются истолковать в качестве своего рода научных знаний и описать в наукоподобных терминах. Такие знания и практики всегда существовали в культуре, их можно и нужно изучать научными методами, но сами они наукой не являются. Тем не менее сегодня налицо тенденция придать практикам магов, колдунов, экстрасенсов статус науки (парапсихология, альтернативная медицина и пр.). Эти практики описываются в терминах биополя, воздействия биополей на организм и т. п. Предлагается особая картина мира, альтернативная современным научным представлениям. При

этом постоянно смешиваются два разных подхода и класса понятий: с одной стороны, понятие электромагнитного воздействия на живую материю (клетки, организмы), с другой — понятие биополя как особого поля, несводимого к известным науке полям. Изучение электромагнитных полей, генерируемых клетками и многоклеточными организмами, — это, бесспорно, научная область, где сделан ряд открытий, в том числе и нашими учеными (см. исследования академика К. В. Гуляева). Но предлагаемые концепции биополя и практика экстрасенсов и магов выходят за рамки науки.¹

Таким образом, полученные от экстрасенсов знания относятся к вненаучным.

Вместе с тем, самих экстрасенсов и их неординарные психофизиологические возможности нужно изучать, причем делать это научными методами.

Мы, например, считаем, что любой человек в той или иной степени наделен такими возможностями. Наверное, каждый не единожды сталкивался с ситуацией, когда только подумаешь о другом человеке — и он сразу позвонит или с ним в этот момент что-то произойдет. Все матери неосознанно, но абсолютно точно чувствуют беду, случившуюся со своими детьми, независимо от их отдаленности. Мы провели опросы матерей детей, погибших и раненых из-за несчастных случаев и дорожно-транспортных происшествий, некоторых матерей погибших подводников атомной подводной лодки «Курск», отдельных матерей детей, погибших в результате террористических актов. Все опрошено 900 матерей. Эти исследования полностью подтвердили факт того, что матери всегда неосознанно, независимо от расстояния чувствуют беду со своим ребенком.

И кроме того есть экстрасенсы, которые в значительно большей степени одарены способностью предчувствовать и описывать события, в которых не принимали участие, видеть истину.

¹ *Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. С. 376.*

Все это требует изучения научными методами. Так, за рубежом в настоящее время проводятся исследования, посвященные передаче информации с помощью мыслей и, соответственно, возможности влияния на мыслительную деятельность человека.

Возможно, в дальнейшем научные открытия в физике, физиологии, психологии приведут нас к постижению феноменальных способностей экстрасенсов. Недаром российские специалисты пришли к выводу о том, что человеческий мозг используется не более чем на одну пятую возможностей. При этом значительная часть интеллектуальных возможностей людей еще не познана.

В 2010 году мы обосновали науку под названием *«оперативно-розыскное экстрасенсоведение»*. Целью науки было изучение научными методами возможностей экстрасенсов по оказанию помощи в борьбе с преступностью, а также выработка рекомендаций оперативникам и следователям по использованию экстрасенсов и полученных от них знаний. Эта наука вызвала значительный интерес у сотрудников правоохранительных органов России и зарубежья. Наука стала развиваться. По ней появились интересные публикации.

Мы пошли дальше и обосновали науку под названием *«экстрасенсоведение»*. В рамках этой науки предложили научными методами изучать феномен экстрасенсов. По нашему замыслу в рамках экстрасенсоведения следует попытаться проанализировать и обобщить факты оказания экстрасенсами конкретной практической помощи по делам; если получится — установить пределы возможностей экстрасенсов, выявить случаи, когда их участие может приводить к успеху, а когда будет практически бесполезным; по возможности собрать другие данные, позволяющие максимально эффективно использовать неординарные способности человека; выявить опытным путем лиц, способных нетрадиционными методами оказывать конкретную помощь в медицине,

поиске вещей и предметов, раскрытии преступлений, и рассмотреть вопрос об их учете.

Наука «экстрасенсоведение», к нашему удовлетворению, тоже постепенно стала развиваться в России и за ее пределами. Например, в Англии, где была издана наша предыдущая книга по философии права, затрагивавшая экстрасенсоведение, нам сообщили о недавнем опыте английских ученых по изучению оптимальных условий функционирования экстрасенсов.

Развивается и практика использования лиц, обладающих экстраординарными психофизиологическими возможностями. Ведь если настоящие экстрасенсы подчас приносят огромную помощь, то зачем от такой помощи отказываться? Причем следует объективно признать, что попавшие в беду люди (для излечения тяжелобольных, розыск без вести пропавших и т.д.) будут хвататься то что называется «за любую соломинку», в том числе обращаться за помощью к экстрасенсам.

Здесь, правда, нужно учитывать следующее:

1. Лиц, действительно наделенных экстраординарными психофизиологическими возможностями, единицы, а шарлатанов тысячи.

2. Экстрасенсы — это люди, и ждать от них чуда не следует. Они могут ошибаться, заблуждаться. Наконец, эффективность их работы может снижаться по разным объективным причинам, в том числе не известным им самим.

3. Надо всегда учитывать, что оказанное экстрасенсом воздействие на человека может быть ему полезно, а может быть и вредно.

Развитие практики использования экстрасенсов несомненно поставит вопрос о правовом регулировании их деятельности. В части правового регулирования пока вопросов значительно больше чем ответов.

Например, как правовыми способами защитить права людей, обратившихся за подобной помощью? Можно ли регламентировать деятельность экстрасенсов в нормативно-правовом акте?

Очевидно, что законе отражаются научно-выверенные положения. При этом одно из главных требований к закону заключается в его четкости, ясности и однозначности понимания. В данном случае неясен именно юридический момент: кто, кого, каким образом и по каким критериям должен признавать лицом, имеющим экстраординарные возможности?

Дальше следуют и другие, вытекающие из изложенного выше, вопросы: как заключать договор с этим лицом, называемым экстрасенсом, как оценивать его фактическую или мнимую работу, как доказать, что он причастен к положительному или негативному результату и пр.

Очевидно, что вопрос о правовом регулировании деятельности экстрасенсов и правовой защите лиц, к ним обратившихся, пока остается открытым.

Остается открытым и противоправная деятельность лиц, имеющих экстраординарные психофизиологические способности. Наверное, многим известны случаи, когда просто нахождение рядом определенного человека, его взгляд, голос, движения могут оказать психологическое давление и создать дискомфорт.

Более того, описаны случаи, когда экстрасенсам в прямом смысле заказывают оказание воздействия на человека в целях его убийства. И человек внезапно умирал своей смертью! Медицинские причины смерти, разумеется, с экстрасенсом никак не связывались. Но специалистов (не врачей) смущало то, что умерший человек был относительно молод, не жаловался на здоровье, недавно проходил медицинскую диспансеризацию. Действительно ли экстрасенс причастен к смерти или это просто стечение обстоятельств сказать пока не возможно. Но точно можно сказать, что право пока не готово к доказыванию фактов привлечения экстрасенсов для совершения преступлений.

Опрошенные нами сотрудники правоохранительных органов описали другой интересный случай. Охранник склада неожиданно уснул. Во время его сна со склада были похищены товары. Когда воров нашли, двое из них

признались, что для усыпления охранника использовался экстрасенс, вогнавший его в сонное состояние. Можно ли на основе таких показаний привлечь экстрасенса к уголовной ответственности? Сомнительно.

Думается, что право будет готово к правовому регулированию деятельности экстрасенсов только после того, когда наука откроет секрет их психофизиологических возможностей, не ранее.

В этом проявляется одна из интересных граней современного права – регулирование только очевидных и понятных явлений и процессов. И, наверное, это правильно. В подтверждение правоты достаточно вспомнить известный из истории права пример, когда женщин признавали ведьмами и казнили.

Будем ждать от экстрасенсоведения и других наук научных открытий.

§ 4. Взаимосвязь права и экономики

Наверное, трудно спорить с тем, что одной из основ любого государства и общества является экономика. Человечество не научилось жить без экономики. Экономические процессы пронизывают всю жизнедеятельность любого общества.¹

Отсюда возникает вопрос соотношения права и экономики. Что есть экономика для права и что есть право для экономики.

Вопрос о том, что первично: право или экономика разрешается правоведами исходя из того, какой правовой концепции он придерживается. Сторонники естественной концепции прав человека, наверное, будут утверждать, что право первично. Как они считают, право господствует и именно оно заставляет государство или иное общественное объединение принимать нормативные правовые акты, в которых учитываются как естественные, так и экономические естественные права человека.

Однако, по нашему мнению, утверждать, что правоотношения первичнее экономических нельзя. Или по другому: экономические отношения, как минимум, не вторичнее правовых.

Нам представляется важным показать, что мир и человечество вертятся не только вокруг права, как подчас его хотят представить ученые-юристы, придерживающиеся теории естественных прав человека.

Более этого, экономика может породить конкретные правовые нормы. Ибо именно экономика подчас (и нередко) диктует праву, что, где как регулировать в экономических отношениях.

Так, например, Ткачев П.Н., размышляя на эту тему в своих сочинениях, пишет: «Единственно возможный метод изучения явлений социального быта – это метод критический, причем само собой разумеется, что эта критика должна ограничиваться одной поверхностью дела, а должна стараться,

¹ Ф. Уикстид сказал: «Я всегда утверждал, что законы экономики – это законы жизни». См.: В.В. Лаврик Энциклопедия экономических афоризмов: от древности до современности / Под общ.ред. В.И.Масальского. Донецк, 2008. С. 18.

разлагая явления аналитически, доискиваться основных причин, обуславливающих их возникновение и развитие. Такой разумный аналитико-критический метод не раз уже был применяем к изучению явлений социальной жизни и привел ко многим открытиям, вовсе не лестным для экономистов и юристов. Так, например, этот метод привел некоторых социологов и политико-экономов к тому выводу, что все явления – юридические и политические представляют не более как прямые юридические последствия явлений жизни экономической; эта жизнь юридическая и политическая сеть, так сказать только зеркало, в котором отражается экономический быт народа. Или, говоря словами г. Жуковского, «то, что мы называем началом политическим, есть экономическое начало в действии, то, что мы называем правом, есть экономическое начало, оформленное, введенное в обязательный для всех, положительный закон».¹

Относительная самостоятельность права в данном случае главным образом сводится к участию в закреплении естественных прав человека в области экономики. Говоря с точки зрения сторонников естественно-правовой концепции, государство обязано принять правовые нормы по обеспечению естественных экономических прав человека. Представители многих иных точек зрения на право, напротив, связывают реализацию экономических прав человека главным образом с волей государства.

Однако определенную зависимость права от экономики следует объективно признавать и понимать независимо от приверженности к тем или иным теоретико-правовым концепциям. Кроме того, надо учитывать, что именно экономика определяет степень и фактическую реализацию соответствующих прав человека. Например, с точки зрения естественных прав, каждому гарантируются человеческие условия для жизни. Но в одной стране экономика может позволить пособие по безработице в размере 900 евро, в другой – 500 евро, а в третьей – 80 евро, на которые (80) фактически невозможно прожить. При этом даже достаточно сносное пособие по

¹ Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах Том 1. М., 1975. С. 93.

безработице в результате, например, кризисных экономических процессов могут задержать, выплатить с опозданием и т.д. А в итоге – реализация естественных прав прямо зависит от конкретной экономики.

Здесь мы приоткрываем завесу серьезной проблемы соотношения экономики и права.

С точки зрения теории естественных прав человека право обязано обеспечить равенство свобод и интересов. Но возможно ли обеспечить равенство, даже формальное, в экономических правах человека?

Человек с рождения наделяется сознанием, разумностью, совестью, свободой. С развитием сознания он вправе выбирать вероисповедание, иметь и защищать свою свободу, сохранять тайну личной жизни и т.д. Эти естественные права, несомненно, принадлежат человеку с рождения и не могут быть оспорены. Их, конечно, может и должно обеспечивать и гарантировать право. Это касается и некоторых других прав, например, гарантированная Конституцией Российской Федерации свобода слова. Главная особенность этих естественных прав в том, что они объективно не зависят от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений и других обстоятельств. Более того, над этими правами не властно государство, т.к. оно не может запретить человеку думать, верить (пусть тайно), выражать свои мысли (пусть даже не для всех), иметь честь и совесть.

Право может обеспечить формальное равенство в реализации политических прав (участия в выборах, свободе голосования и т.д.). Действительно, человек также как все имеет право выбирать, избираться, быть избранным, голосовать или не голосовать.

Однако в части экономики дела обстоят иначе. В отличие от естественных «врожденных» прав человека, а также приобретенных политических прав, в экономическом плане человек с рождения неравноправен. Кто-то рождается уже богатым, а кто-то бедным, кто-то с

момента рождения становится крупным наследником, а кто-то нет. Поэтому уже изначально люди являются неравными в экономическом плане.

Мы, читая Конституцию Российской Федерации, видим, что каждый, например, имеет свободу мысли, слова – и он этими правами наделен. При этом, хотя в Конституции и сказано, что у каждого есть право иметь имущество в собственности, однако таким имуществом наделены далеко не все.

Мы специально столь подробно останавливаемся на этих вещах потому, что из современных подходов к понятию права обычно «выпадает» экономическая составляющая. Надо понимать, что право действительно может гарантировать некоторые из естественных прав, не относящиеся к экономике. Но гарантировать естественные права человека в сфере экономики не может. В этом есть объективная слабость права. Эту слабость права надо правильно воспринимать и понимать.

Например, статья 41 Конституции гласит, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Может ли соблюдаться это право? Очевидно, что не всегда, поскольку некоторые медицинские операции проводятся уникальными специалистами за очень большие деньги. Все ли имеют возможности на оказание такой медицинской помощи, *жизненно* необходимой им? Нет. В итоге экономикой заложено, что это право даже формально не всегда может быть соблюдено.

То же касается права на жилище. В России каждый имеет право на жилище и никто не может быть произвольно его лишен. Но это если есть, чего лишать, а если у человека нет жилища? Хотя в статье 40 Конституции и сказано, что малоимущим жилище предоставляется бесплатно, но мы все знаем, что проблема обеспечения всех граждан жильем в обозримом будущем решена не будет – экономика государства не позволит.

Сказанное относится и к частной собственности – ключевому вопросу экономики. По этому поводу, размышляя о философии права, А.А. Гусейнов верно подметил: «Пожалуй, именно в понятии и практике частной

собственности юридическое равенство людей и их социально-экономическое неравенство сплелись самым непосредственным и наиболее противоречивым образом. Ключевой принцип, на котором держится философия права, гласит, что свобода одного человека ограничивается свободой другого. Да! Свобода до предела, пока она не упирается в свободу другого. Это мы более-менее понимаем, когда речь идет о свободе слова, о свободе совести. А как выглядит, когда речь идет о свободе частной собственности? Здесь нет никакого ясного ответа, ясного, по крайней мере, до такой степени, чтобы он был понятен и приемлем для общественного сознания. Похоже, что само понятие еще не включено, не введено в полной мере в контекст философско-правового осмысления, философско-правовой квалификации. А сам институт частной собственности не подвергнут тому глубокому и честному научному анализу, который трансформируется (не может не трансформироваться) в его историческую критику»¹.

Наверное надо признать, что экономика не может быть справедливой и честной². Денег не хватает и бедным, и богатым, что провоцирует соответствующие поступки.

При этом не каждый бизнесмен откажется от получения прибыли даже в случае поступления определенными принципами (продажа некачественного или просроченного товара, закупка дешевого материала для производства якобы высококачественных дорогих вещей – все это мы наблюдаем воочию). Проведенный нами анонимный опрос 200 представителей т.н. «среднего» бизнеса России показал, что каждый из них (100 %) в целях получения прибыли систематически нарушает законы. 83 человека (41,5 %) готовы пойти ради получения прибыли на совершение экономических преступлений.

¹ Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. СПб., 2010. С. 14.

² Расхожее выражение, приписываемое лауреату Нобелевской премии по экономике М. Алле: для достижения социальной справедливости государство должно регулировать все правила поведения на рынке, а не только денежную массу, но тогда исчезнет сам принцип рынка.

Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что опрос 200 человек не претендует на серьезное исследование. Но цифры, согласимся, показательны.

Право же обязано стремиться к справедливости, в идеале – быть справедливым. И в этом смысле право и экономика с точки зрения целей – два несовместимых понятия.

Право не может породить экономику и не может изменить законы экономики. Даже в советском обществе при строгости наказаний законы экономики (например, спроса и предложения) действовали – достаточно вспомнить фарцовку, спекуляцию и т.д.

Однако экономические интересы крупных финансовых игроков (например, крупных концернов) способны при определенных обстоятельствах заставить право обеспечивать свои интересы. И в этом смысле экономика в ряде случаев может породить нужное, выгодное ей право. Российский адвокат В.В. Овсянников по данному поводу выразился предельно ясно: «Формированием права, как правило, руководит собственность»¹.

Указанные процессы наблюдались и наблюдаются не только в России. Авторство расхожего выражения: «Что выгодно «Дженерал-Моторс», то выгодно Америке» принадлежит не нам. Можно вспомнить и постоянно возникающие коррупционные скандалы в Италии и Франции, связанные в том числе с изданием правовых актов, выгодных тем или иным конкретным компаниям. Надо сказать, что ряд специалистов небезосновательно рассматривают «денежную власть» в качестве самостоятельной ветви власти². Отрицать этот очевидный факт, думаем, бесперспективно.³

¹ Цит. по: Смолькова И.В. Юридические афоризмы. М., 2013. С. 44.

² См, напр.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. М., 1998. С. 24.

³ Ф. Август фон Хайек отметил, что «экономический контроль неотделим от контроля над всей жизнью людей, ибо, контролируя средства, нельзя не контролировать и цели». См: Хайек, Фридрих Август фон Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. С. 106

Дисбаланс между правом и экономикой связан еще с человеческими слабостями и страстями. К сожалению людям объективно присущи алчность, зависть, тщеславие, тяга к роскоши, жадность. При этом в борьбе между добродетелями и пороками нередко побеждают последние. Возможно, что когда-нибудь человек достигнет того пика совершенства, когда сможет легко отказываться от названных и других пороков. Но это едва ли произойдет при нашей жизни и в этом столетии.

Таким образом, экономические процессы будут еще длительное время довлеть над правом. Основной задачей права на этом этапе развития человечества представляется обеспечение социального регулирования экономики, удерживание ее в строго очерченных рамках. Такими рамками выступают крупные налоги на богатство и роскошь, ответственность крупного бизнеса, обязанность выделения средств для малоимущих и неимущих и др.

Однако следует помнить и понимать, что указанные правовые меры не означают зависимости экономики от права. Сбор налогов на роскошь, безвозмездные выплаты малоимущим и прочее возможны только при получении коммерсантом *сверхприбылей*. То есть даже при больших налогах и выплатах коммерсант все равно значительно богатеет. В случае неполучения прибылей, на которые коммерсант рассчитывает, он откажется от бизнеса. В таких ситуациях говорится о том, что политики своими законами задушили чей-то конкретный бизнес. Но торговать без прибыли и тем более в убыток никто не будет¹. Для серьезных компаний, как правило, торговать с небольшой прибылью и без видимости перспектив тоже представляется малоинтересным. Иначе говоря, сбор крупных сумм с бизнеса имеет свои пределы.

В каком случае экономика может зависеть от права? Анализируя историю экономики и права можно выделить два случая.

¹ Конечно, если нет перспективы получения больших прибылей в дальнейшем.

1. Когда в результате революционных преобразований происходит коренная ломка экономической системы. В этом случае издаются нормативные акты, уничтожающие либо сильно изменяющие экономическую систему в целом независимо от реалий экономики. Например, в ноябре 1917 года в России в результате революционных событий были изданы правовые нормы, кардинально изменившие экономику государства. В 1990-х годах маятник истории качнулся обратно и в результате по сути таких же революционных преобразований произошло разрушение существовавшей экономической системы СССР. Этот процесс, естественно, был установлен и подкреплён соответствующими правовыми нормами.

То есть, революционные события и следующие за ними правовые акты могут кардинально менять экономику.

2. В случаях, когда лицо, уполномоченное издавать правовые нормы, в результате собственных амбиций, глупости или иных мотивов издает правовые акты, идущие вразрез с экономикой и подчас со здравым смыслом.

К таким можно отнести передачу Аляски Соединённым Штатам Америки.

Есть и более свежие примеры. Например, до 1990 года Россия фактически обладала монополией на разработку большинства богатств Северного Ледовитого океана. Большее пространство названного океана считалось сферой экономических интересов России. И это признавал весь мир. Однако по международному соглашению между СССР и США «О линии разграничения морских пространств», подписанному 1 июня 1990 года¹, Россия добровольно отказалась от своего преимущества². По оценкам экспертов, совокупные потери российской рыболовной отрасли, связанные с

¹ Бюллетень международных договоров // 2008. № 1. С. 33-37.

² Указанное соглашение впоследствии было осуждено российским парламентом. См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 14 июля 2002 г. № 2880-III ГД «О последствиях применения Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств 1990 года для национальных интересов Российской Федерации».

применением Соглашения, составили около 2,8 миллиона тонн рыбы стоимостью свыше 1,4 миллиарда долларов США¹. Кроме того, районы, от которых отказалась Россия, богаты не только рыбными ресурсами, но также включают и перспективные нефтегазовые месторождения.

Иначе говоря, факты, когда должностные лица (в основном высшие должностные лица) принимают решения вопреки экономике страны, тем самым нанося ей ущерб, имеются.

Однако и первый, и второй случаи являются исключением из правил, так как они противоречат не только законам экономики, но и всем устоям общества. При нормальном общественном развитии право во многом зависит от экономики.

Небезынтересную мысль высказала Н.В. Варламова. По ее мнению, обеспечение социально-экономических прав требует расширения государственного вмешательства в жизнь общества и каждого человека. Западные исследователи (в частности З. Бауман), как пишет Н.В. Варламова, давно подметили, что система социальной помощи не обеспечивает возможность в полной мере пользоваться свободой, а «выводит» своих реципиентов из сферы свободы. Она с самого начала выполняла не только функцию поддержки тех, кто оказался проигравшим в условиях свободного рынка, но и служила способом «присмотра» за ними². Поскольку такие люди «продемонстрировали неспособность во благо использовать свою свободу, то их право самостоятельно принимать решения следует либо отнять, либо приостановить, и принимать решения за них будут другие. “Другие” - это государственная бюрократия и разнообразные эксперты, которых она для этой цели использует». Такое «бюрократическое определение потребностей означает постоянное отсутствие личной автономии и индивидуальной свободы». Бюрократы оставляют за собой право разграничивать подлинные потребности и прихоти, бережливость и расточительность, разумность и

¹ Там же.

² См.: Бауман З. Свобода. М., 2006. С. 90.

неразумие, “нормальное” и “безумное”»¹. Причем это касается как реципиентов социальной помощи, так и тех (социально сильных, успешных, богатых), за счет кого она в конечном счете предоставляется. Изъятие посредством прогрессивного налогообложения значительной части доходов, ограничение действия принципа свободы договора государственным регулированием предпринимательства и личного найма и свободы распоряжения собственностью разнообразными системами обязательного страхования обязательно уменьшают ту меру экономической и личной свободы, которой они могли бы располагать в отношениях формального равенства, нескорректированных социальной деятельностью государства².

Указанные рассуждения западного ученого З. Баумана на самом деле четко показывают, что интересы правящих элит западных государств хорошо защищены. И есть обоснование: раз люди не могут правильно пользоваться свободой, то и нечего их к такой свободе допускать.

Приведенную Н.В. Варламовой мысль, нам думается, тоже надо воспринимать глубже. По своей сути изложенное показывает, что несмотря на декларируемое равенство, равных (даже – формально равных) экономических прав в настоящее время нет. Причем неравенство в экономических правах – вещь двусторонняя. С одной стороны, кого-то экономическими правами, в том числе на достойную жизнь, обеспечили с рождения, а кого-то этим правом надо обеспечить хотя бы в малой части (сносным питанием, каким-нибудь жильем, медициной и пр.). С другой стороны, у т.н. богатого населения есть обязанность вкладывать деньги, в том числе путем налогов, в обеспечение малоимущих и неимущих средствами существования (то есть, опять разница в правах и обязанностях). При этом при имеющемся правовом неравенстве этих разных слоев населения (грубо – богатых и бедных), и у тех, и других ограничиваются

¹ Там же. С. 109-111.

² *Варламова Н.В.* Три поколения прав человека // *Философия права в России: история и современность: мат-лы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца.* М., 2009. С. 199.

права и свободы. В сумме: иметь объективно равные экономические права – задача, едва ли достижимая человечеством в ближайшем будущем.

Нам видятся два основных пути взаимодействия между правом и экономикой.

1. Роль права будет сведена к обслуживанию экономики. Мы это видели в конце 1990-х годов. В указанный период действовали только законы, выгодные крупному бизнесу. Это привело к образованию пропасти между отдельными богатыми людьми и быстро обнищавшим населением. Исторический опыт показывает, что такая пропасть одинаково опасна как для населения, многие из которых оказались у черты бедности, так и для олигархов.

2. Будет соблюден разумный, более-менее устраивающий все слои общества баланс между интересами крупного бизнеса и остальным населением. Он позволит большинству населения страны жить на уровне более-менее нормального человеческого существования, реализовывать основные человеческие потребности, а с другой стороны позволит богатым богатеть дальше. Такой путь позволит двигаться в направлении социального государства, достаточно спокойного и консервативного. При этом он фактически будет закреплять социально-экономическое неравенство между людьми. Но надо учитывать, что к такому неравенству люди разной ментальности относятся по-разному. Соответственно, роль права в данном случае будет возрастать, поскольку именно на него ляжет обязанность не только обеспечения, но и постоянного поддержания этого разумного баланса между различными интересами.

В заключении параграфа отметим, что, как нам кажется, мы кратко но достаточно четко показали зависимость права от экономики. Такую зависимость надо иметь в виду при оценке права как социального явления. Надо сказать, что в последнее время ученые по крайне мало обращают внимание на соотношение права и экономики, роль экономики для права.

Надеемся, что содержание этого параграфа подтолкнет специалистов к более пристальному и честному рассмотрению этого вопроса.

§ 5. Суд присяжных

Вопрос о необходимости или, напротив, ненужности суда присяжных давно вышел за рамки уголовно-процессуального права и стал требовать теоретико-правового и философско-правового осмысления.

Нужен ли суд присяжных вообще и в России в частности мы кратко разберем чуть позже.

А сейчас, размышляя с философско-правовых позиций о праве, отметим его удивительную грань: недоверие к самому себе. Казалось бы, право нацелено на защиту человека от посягательств, в нем заложен гуманизм и уважение прав человека, предусмотрены процедуры принятия взвешенных решений, нормы права логичны, выверены и апробированы, во всех странах существует строгий отбор в судьи и т.д. и т.п. И под всем этим проводится черта, после чего объявляется: решать виновен или не виновен обвиняемый будут не судьи, а случайно взятые «из толпы» двенадцать обычных людей, не разбирающихся ни в нормах права, ни в оценке доказательств, ни в правовых процедурах – ни в чем правовом. Причем, вдумайтесь, решать они будут не по нормам права, а по справедливости!!!¹

При этом такая процедура является, простите за тавтологию, правовой, четко предусмотренной правовыми нормами. Иначе говоря, судом присяжных право показывает, что стремление права к справедливости, честности, защите человека имеют во многом декларативный характер. Но есть настоящая справедливость, которую и установят представители общества, причем без всякого права. И их решение будет окончательным и получит именно правовой статус. То есть право против самого себя.

Со стороны это выглядит примерно также как если бы спор между хирургом и терапевтом о необходимости операционного или терапевтического лечения пациента доверить случайно выбранным из толпы не врачам. Причем обязать врачей выступить перед этой публикой, привести

¹ Иначе говоря, право противопоставлено справедливости!

свои сугубо медицинские аргументы и ждать, когда не врачи рассудят их спор исходя из каких-то своих мыслей и чувств.

Право как видим, такую парадоксальную процедуру предусматривает и видимо, исходя из тысячелетнего опыта, считает ее более справедливой, нежели собственные нормы. А если выразить мысль еще более рельефно, получается, что творцы права (независимо от правовой концепции) убеждены, что право вовсе не защищает человека и не ищет справедливости, и процедуры принятий решений содержат серьезные изъяны, и нормы права не логичны и не последовательны и т.д., и т.п.

Таким образом можно сказать, что право не доверяет собственным нормам и устанавливает процедуру их проверки неправоведами (не юристами). Очень интересная грань права...

Юристы, оценивая суд присяжных, обычно не пишут о парадоксальности права как феномена, а спорят о том, нужен ли такой суд или нет. Поскольку названный вопрос был поставлен, мы должны кратко обозначить по нему нашу позицию.

Как считается, история суда присяжных берет свое начало с Англии. В результате реформ, проведенных Генрихом II Плантагенетом в XII веке, в судах Англии появились присяжные, обязанность которых заключалась в даче под присягой показаний о преступлениях, совершенных в их местности. Т.е, в тот период они еще не были непосредственно судьями, а являлись скорее свидетелями. Непосредственно присяжными заседателями в современном понимании они стали только с конца XIV века. Идея такого суда, как считают многие историки была связана с необходимостью ограничения в Англии власти Короля.

Всем известно, что взаимоотношения в Англии между королевской властью и парламентом утрясались несколько веков. В течение этого времени суд присяжных развивался и совершенствовался, дойдя в своем движении до наших дней.

С учетом истории создания суда присяжных очевидно, что он был характерен в первую очередь для англо-саксонской системы права.

Для государства с романо-германской системой правосудия введение суда присяжных как правило было связано с социальными потрясениями внутри страны. Например, во Франции суд присяжных был создан в ходе Великой Французской революции. Неудивительно, что правосудие таким судом подчас в прямом смысле осуществлялось «толпой», «улицей», со всеми вытекающими из таких приговоров последствиями. Более того, Франции принадлежит первая в мире попытка создания военного суда присяжных, которые к счастью для жителей этой страны не прижились (приговоры этих судов были крайне субъективны и беспощадны).

В целом можно согласиться с исследователями, что введение суда присяжных в странах Европы в большинстве случаев было явлением конъюнктурным¹. Это подтверждает и то, что в течение XIX - XX вв. во многих европейских странах от суда присяжных фактически отказались. Оставшиеся в странах с романо-германской системой права суды присяжных, как правило, значительно отличаются от аналогичных судов Англии и США и напоминают скорее варианты шеффенского суда.

В России суды присяжных появились в результате предпринятых реформ правосудия, начатых в 1864 году. Длительное время в научной и учебной литературе можно было встретить подававшееся за истину суждение о том, что эти реформы были с одобрением встречены общественностью, в том числе юристами. На самом деле это оказалось совсем не так. Как известно, авторами этих реформ стали специалисты прозападной, а точнее – проанглийской ориентации, коих было вовсе не большинство. Известно высказывание, приписываемое известному русскому юристу XIX века декану юридического факультета Санкт-Петербургского университета Николаю Сергеевскому о том, что в России суд присяжных не является ни плодом

¹ Бастрыкин А.И. Суд присяжных в России: мечты и реальность // Время и право, 2003, № 5 / см.: <http://viperson.ru/wind.php?ID=376852&soch=1>

исторической жизни русского народа, ни результатом борьбы народа с правительством – он есть подражание.

В 1878 году Вера Засулич совершила покушение на жизнь генерал-губернатора Санкт-Петербурга Трепова. Ее вина изначально была полностью доказана, факт покушения она не отрицала, не отрицала мотивы своего поведения. Присяжные удостоверились в том, что покушение совершила именно она и вынесли вердикт – невиновна! Настолько сильна была нелюбовь или даже ненависть к власти вообще и генерал-губернатору в частности. После этого по некоторым категориям дел суд присяжных не допускался вплоть до его отмены.

В советское время судов присяжных не было. Идея повторного введения в России суда присяжных появилась в начале 1990-х годов во время очередных кардинальных социально-экономических преобразований нашей страны. Как и ранее, идея опять же исходила от относительно небольшой группы специалистов.

Так нужен или не нужен праву суд присяжных? В настоящее время между юристами – как процессуалистами, так и теоретиками права – мнения разделились. Как верно заметил А.И. Александров: «Сложно, наверное, найти уголовно-процессуальный институт, который вызвал бы большие споры в кругу ученых и практиков, разделив их на два непримиримых противоборствующих лагеря»¹.

Часть российских процессуалистов оценили возрождение в нашей стране суда присяжных положительно. Например, И.Б. Михайловская отмечает, что обвиняемый в результате названных реформ получил право выбирать, кто будет решать вопрос о его виновности: суд, состоящий из профессиональных судей (судьи), или суд граждан – случайно отобранных представителей

¹ Использованная нами в написании параграфа работа А.И. Александрова, бесспорно, заслуживает самых высоких оценок. См.: *Философия зла и философия преступности*. СПб., 2013. С. 501-505.

населения. Фактически, как пишет автор, - обвиняемый выбирает между судом государства и судом общества¹.

Еще дальше пошла И.Л. Марогулова. Она пишет: «Суд присяжных – наиболее справедливый суд, где судьями по существу выступают не юристы-профессионалы, а обыкновенные граждане, незнакомые с премудростями юриспруденции. Они судят по совести, справедливо оценивая те доказательства, которые были добыты правоохранительными органами в процессе расследования дела. Они лишены шаблона, им не свойственен обвинительный уклон, которым часто грешат профессиональные судьи»². И дальше: «И, будь моя воля, я ввела бы норму в Уголовный кодекс Российской Федерации, посредством которой суд был бы вправе освободить от наказания человека, совершившего даже самое тяжкое преступление, например, умышленное убийство, при полном доказывании вины подсудимого. На то он и суд, чтобы наказывать и миловать. Жизнь многообразнее писанных правил и стандартов, разные могут быть обстоятельства, приведшие человека на скамью подсудимых, в том числе и не предусмотренные законом»³.

Известный американский юрист С. Тейман, естественно, поддержал введение в России суда присяжных и высказался так: «Я хочу немного сказать о моей любимой теме – суде присяжных. Вы должны гордиться тем, что приняли этот институт. Важно, что вы не побоялись это сделать, потому что все другие государства, где фашистские и тоталитарные режимы отменялись, они пока боятся вводить этот судебный институт. Я думаю, что только тогда, когда судебные системы несправедливы, юристы должны бояться суда присяжных. ... В Венесуэле был действительно хороший УПК с институтом присяжных, но через два года после введения они отменили этот институт, побоялись того, что не смогут контролировать ситуацию. К

¹ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 157.

² Марогулова И.Л. Некоторые вопросы судебной реформы // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: По материалам научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001 г. / М., 2001. С. 53.

³ Там же.

сожалению, в Германии, Италии и Франции, где был суд присяжных до тоталитарных режимов, после войны они так и не ввели этот институт. Это не значит, что их системы несправедливы или недемократичны. Там общество достаточно справедливо и демократично. Одновременно замечу, что суд народных заседателей, как это было у вас, это ложное участие в судопроизводстве. Всегда, во всех странах профессиональный судья контролирует народных заседателей»¹. И далее: «Все юристы Европы боялись суда присяжных, потому что они думали, что тем самым аннулируют закон. Присяжные будут выносить оправдательные приговоры, когда состав преступления очевиден и доказан. Но если внимательнее посмотреть практику вышестоящих судов Италии или Германии, то следует отметить, что эти инстанции также аннулируют законодательство. Очень важно для России, что вышестоящий суд не отменяет приговор суда присяжных... Проблема правосудия – это не суд присяжных. Проблема – это качество судебного исследования и доказательств, а также качество работы правоохранительных органов. Именно там необходимо сосредоточить работу и тогда не будет критики суда присяжных»².

Вместе с тем, значительная часть российских юристов к нововведению отнеслась не позитивно и привела в обоснование своей позиции весьма четкие аргументы. По утверждению А.И. Бастрыкина, к слабым сторонам суда присяжных могут быть отнесены: ориентация присяжных на групповые интересы; чувствительность к риторике сторон и подверженность общественным страстям; правовая безграмотность и как результат – беспомощность в исследовании доказательств при рассмотрении сложных дел, что нередко приводит к судебным ошибкам, особенно когда процесс доказывания осуществляется по косвенным уликам; вытекающая из

¹ *Тейман С.* Правовое сотрудничество российских и американских политиков и юристов: новые возможности и перспективы // Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации (по материалам международной научно-практической конференции) / Под ред. Комаровского В.С., Мизулина М.Ю. М., 2003. С. 63, 64.

² Там же. С. 64.

перечисленных недостатков необъективность, приводящая к принятию необоснованных вердиктов. Кроме того, как пишет ученый, в зарубежной литературе содержится большое количество примеров судебных ошибок, совершаемых судами присяжных. Из тех же источников следует, что необъективность присяжных заседателей вследствие корыстной и иной личной заинтересованности - дело весьма распространенное¹.

О том же полтора века назад сказал известный итальянский юрист Франческо Каррара: «Умный и опытный защитник может всегда с известной вероятностью предсказать участь подсудимого. Но с присяжными все предсказания безрассудны и обманчивы: они судят на основании чувства. Но есть ли что на свете более капризное и более изменчивое, чем чувство?»²

В.П. Божьев указывает на тенденциозность при оценке деятельности суда присяжных: восторгаясь тем, что такие суды выносят много оправдательных приговоров, некоторые исследователи игнорируют факт отмены около 60% из них Верховным Судом РФ. Кроме того, по свидетельству ученого, нередко звучит радость по поводу вынесения судами присяжных оправдательных приговоров при доказанности вины подсудимого. «Чему тут радоваться? – подчеркивает В.П. Божьев, – Зачем вообще деятельность судов и правоохранительных органов, если оправдание виновного при доказанности вины – верх достижений?»³. Автор напоминает, что ранее негативное отношение к суду присяжных высказывали такие мыслители, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский⁴, а в недавнем прошлом с аргументированной критикой этого института выступил А.И. Солженицын,

¹ Бастрыкин А.И. Суд присяжных в России: мечты и реальность...

² Цит. по: Смолькова И.В. Юридические афоризмы. М., 2013. С. 465

³ Божьев В.П. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства // Судебная реформа в России.... Москва, 28 мая 2001 г. / М., 2001. С. 222.

⁴ Суть негативных сторон суда присяжных кратко сформулировал в своем дневнике за 1873 год Ф.М. Достоевский: «сплошь оправдывают», подчеркнув, что оправдывают даже заведомо виновных в тяжких, умышленных преступлениях. Черда оправданий таких преступников вызвала у писателя гражданский гнев и чувство оскорбленного человеческого достоинства, поскольку он различил на физиономиях оправданных «насмешку над судом всей страны». Цит. по Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М., 2013. С. 12

назвавший его «сомнительным благоприобретением, ибо умаляет профессионализм суда»¹.

Вопиющий пример из собственного опыта привела И.И. Ладыженская: оправданный присяжными человек вскоре после вынесения оправдательного приговора совершил еще два убийства. Она вспоминает: «В течение двадцати минут присяжными был вынесен единодушный оправдательный вердикт при очевидных доказательствах вины подсудимого. Имелось и орудие преступления – нож, и даже отпечатки пальцев. И все бы ничего, если бы отпущенный на свободу присяжными человек потом не совершил еще два умышленных убийства. Когда тот оправдательный вердикт был вынесен, я решила, что моя профессиональная жизнь судьи закончена. Потому что при моем участии было вынесено абсолютно неправосудное решение... Присяжные решили, что отпечатки пальцев как и вещественные доказательства подброшены, что подсудимого подставили. Такие случаи происходят от общего недоверия к судебной системе»².

Как известно, практика – критерий истины. Е.П. Ищенко исследовал работу судов присяжных и привел несколько характерных примеров такого «правосудия». Кратко перескажем некоторые из них. Первый: в Старожиловском районе муж жену избил, вывез на берег реки, облил бензином, поджег. Жена сгорела заживо. Главное, как понял муж, разжалобить присяжных. Муж рассказал, как ему с женой плохо жилось, как часто она гуляла и дебоширила, как в сердцах он побил ее, а потом вывез к речке охладиться. Но впопыхах перепутал воду и бензин и облил ее бензином. Потом от нервов закурил, бросил окурок, в результате жена загорелась и погибла. Вердикт присяжных, состоявших в основном из мужчин, – невиновен.

Другой пример. В Рязанской области у деда украли поросенка. Дед решил, что вор один из односельчан и от злости решил его убить. Ночью

¹ Божьев В.П. Там же.

² Цит. по: Горшкова О. Справедливость сильнее закона // Ваш тайный советник. № 23 (301) от 23 июня 2008. С. 10.

пробрался в дом к односельчанину, услышал в комнате храп, ворвался в комнату и впотьмах зарубил двух храпевших мужчин (второго – чтобы не было очевидцев). Как выяснилось, подозреваемого им односельчанина дома не было, а дед зарубил двух его гостей. В отличие от предыдущего примера, дед оказался правдивым человеком, поостыв сам все рассказал на следствии и суде. Присяжным был поставлен вопрос: хотел ли дед убивать потерпевших и виноват ли он в произошедшем? Присяжные ответили так: в произошедшем дед не виноват, поскольку убивать потерпевших фактически не собирался. При таком вердикте мститель с оправдательным приговором был отпущен на свободу.

Третий характерный пример. Сразу после совершения заказного убийства машина с киллерами была случайно задержана для проверки документов обычным нарядом ГАИ. Киллеры занервничали, попытались скрыться, чем себя выдали и были задержаны. Милиции повезло. В автомашине, на которой передвигались киллеры, обнаружили оружие, боеприпасы, глушители, на которых были отпечатки пальцев убийц. В дальнейшем были собраны и иные доказательства. Обвиняемые – члены известной в то время «айрапетовской» преступной группировки – наняли лучших и наиболее квалифицированных адвокатов. По их версии, патрульные милиционеры подложили в автомашину пистолеты и глушители, следователи подтасовали протоколы с признаниями, угрозыск состряпал оперативные материалы, дело сфабриковано и т.д. Вердикт – невиновны.

Наконец, в Республике Дагестан присяжные оправдали лицо, привлекавшегося к уголовной ответственности за участие в террористическом акте. Затем этот оправданный террорист участвовал в нападении бандитов на школу Беслана, где и был убит при штурме¹.

Последний пример вскрывает еще одну важную проблему судов присяжных для многонациональной России. В небольших городах все друг другу знакомые, соседи либо родственники. На Севере и на Кавказе

¹ Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? С. 6-10, 14.

родственные отношения очень сильны и развиты. При таких условиях суд присяжных бесполезен. Например, практика показала, что в Ингушетии присяжные никогда не будут выносить вердикт «виновен» в отношении ингушей (помимо родственных отношений, в Ингушетии не менее важную роль играют национальный вопрос и кровная месть).

Наконец, есть пример, схожий с делом В. Засулич. В 2008 г. суд присяжных вынес вердикт «невиновен» в отношении В. Квачкова, который, по версии следствия, организовал покушение на политического деятеля А. Чубайса. После вынесения оправдательного приговора и его последующей отмены, суд присяжных в 2010 г. вновь вынес в отношении Квачкова вердикт «невиновен».

Очевидно, что аргументы противников суда присяжных значительно весомее, чем сторонников. Не занимая излишне много страниц полемикой о суде присяжных, хотелось бы бросить короткую реплику в отношении цитаты И.Л. Марогуловой. Столь легко рассуждать об освобождении убийцы может лишь человек, который никогда непосредственно с этим чудовищным преступлением не сталкивался. Жизненный опыт и здравый смысл показывают, что как только убийство непосредственно касается близких, разговор о судьбе убийц ведется по-другому. И втройне тяжело, когда оправданный убийца убивает вновь, а правоохранительная система, судья это убийство из-за решения присяжных не смогли предотвратить.

Кроме того, противопоставления закона и справедливости быть не должно. Законы вообще-то должны быть справедливыми. «*Dura lex, sed lex*»¹, - говорили древние мыслители. При этом если закон не справедлив, то его надо изменить или отменить. Это же касается и самих судов присяжных. Часть российских специалистов объективно критикуют такие суды именно за несправедливые решения, однако говорят, что отменить присяжных нельзя – они же предусмотрены Конституцией Российской Федерации. И

¹ Закон суров, но он закон (лат.). Каким бы ни был суровым закон, его следует соблюдать.

видимо исходя из этого от специалистов возникают предложения о том, что, скажем виновность должен устанавливать профессиональный судья, а назначать виновному наказание уже должны присяжные.

Такой подход не верен. Если нормы права содержат изъяны, их надо исправлять. В средние века, например, казалось, что обойтись без пытки при дознании невозможно, однако жизнь объективно установила обратное. Если бытие свидетельствует, что нормы Конституции требуют изменений, их надо менять. С тем, что определять меру наказания будет суд присяжных, мы тоже не согласны. В этом случае, поскольку суд присяжных не будет ограничен в смягчении наказания, убийцы вполне вероятно будут приговариваться к условным наказаниям. Т.е. фактически это предполагает отпускать на свободу тех, к кому следовало применить смертную казнь или при ее отмене пожизненное или длительное заключение. Конечно, можно возразить, что у убийц даже при условном наказании формально будет судимость, однако наш личный опыт общения с этой категорией лиц говорит, что такая запись в биографии их отнюдь не пугает. Опять же: при совершении аналогичного преступления другой суд присяжных может вновь назначить условное наказание и так до без конца?

Надо сказать, что в XIX веке и сейчас отдельные российские ученые, пытаясь как-то оправдать нелепость вынесенных судом присяжных вердиктов, говорят о том, что российское общество настолько не цивилизовано, что до судов присяжных просто не готово. Таким специалистам хорошо возразил Е.П. Ищенко: «...доморощенные умники рассуждают об отсутствии у наших граждан правовой культуры, что мы-де «не доросли» до суда присяжных. Это категорически не верно. Мы, россияне, являемся носителями другого типа правовой культуры, сформировавшейся в лоне континентального права. И не только мы – большая часть Европы имеет схожие принципы отправления правосудия. Однако ни немцы, ни австрийцы, ни итальянцы бескультурными себя не считают, а суд присяжных вводить не собираются. Действующая же во

Франции модель такого суда имеет мало общего с англо-американской, очень активно насаждаемой у нас, в России»¹.

Здесь интересно обратиться к опыту Англии и США: какое отношение к суду присяжных в этих странах? По подсчетам исследователей процент дел, реально рассматриваемых в этих странах жюри присяжных, совершенно ничтожен. Большинство уголовных дел заканчиваются сделкой между защитой и обвинением. Поэтому можно утверждать, что там суд присяжных скорее исключение, чем правило, скорее декорация, нежели действующий правовой механизм. Поэтому ее называют привычной, но отмирающей формой².

И такому выводу есть немало подтверждений со стороны зарубежных специалистов. Так, известный английский юрист Рональд Уолкер пишет: «До нынешнего столетия институт присяжных считался главной гарантией защиты личности от произвола королевской или судебной власти... К середине девятнадцатого столетия этот взгляд на роль присяжных как на нечто священное и незыблемое стал постепенно ослабевать... основными причинами этого явления были ослабление прерогативных полномочий королевской власти в отправлении правосудия, быстрое увеличение объема гражданских тяжб и еще более быстрый рост суммарной юрисдикции по уголовным делам, а также общее убеждение, что решения присяжных иногда бывают случайными и ошибочными»³.

Другой уже американский известный ученый Г. Берман тоже не раз критиковал суд присяжных и сомневался в его предназначении. В частности, он писал: «Решающим доводом в пользу суда присяжных было бы, однако, четкое доказательство того, что он приводит к лучшим, т.е. более справедливым решениям, чем другие формы суда. Но опытные и знающие люди, годами объективно наблюдающие и изучающие работу судебных учреждений, не могут, к сожалению, прийти к соглашению. По этому

¹ *Ищенко Е.П.* С. 146-147.

² Там же. С. 145.

³ *Уолкер Р.* Английская судебная система. М., 1980. С. 274.

вопросу проведено много всесторонних исследований, горы бумаги истрачены на статистические подсчеты, но ясных и непреложных выводов не получено. Никому не удалось доказать, что суд присяжных выносит более правильное решение»¹.

Там же, - в США, - суд присяжных неоднократно высмеивался в научной литературе. Например, известные профессора философии Гарвардского университета Т. Каткерт и Д. Клейн, размышляя о философии права и оценивая суд присяжных, привели такой пример. Они пишут, что идея «закона добродетели», возникшая из Аристотелевой этики, гласит, что цель законов – способствовать развитию добродетелей личности. Поборники «закона добродетели» утверждают, что цель закона о поведении в общественных местах, который запрещает мочиться на публике, - привить высокие моральные стандарты всем слоям населения, особенно тем, кто любит отлить на улице. Правда, если суд присяжных будет состоять из таких же любителей, он может не согласиться с подобной постановкой вопроса.² О том же сказал Н. Кросби: в суде присяжных вашу судьбу решают двенадцать человек, которым ума не хватило даже на то, чтобы отвертеться от этой обязанности³.

Таким образом, в развитых зарубежных государствах идет постепенный отказ от суда присяжных. В Италии, Германии, Китае его вообще нет. Во Франции, как уже отмечалось, присяжные работают вместе с профессиональным судьей. В США суд присяжных остался, однако в нем рассматриваются около 3 процентов всех уголовных дел.

Но если в историческом процессе развитых зарубежных стран все, тем не менее, достаточно логично, то в России как всегда все движется по спирали (или по кругу). В 1864 году суд присяжных ввели, далее пошли необъективные и необъяснимые приговоры, апофеозом стало оправдание за

¹ Цит. по: *Бастрыкин А.И.* Суд присяжных в России: мечты и реальность...

² *Каткерт Т., Клейн Д.* Как-то раз Платон зашел в бар... Понимание философии через шутки. М, 2012. С. 193.

³ Цит. по: *Смолькова И.В.* Юридические афоризмы. С. 466.

покушение на высшего государственного чиновника Веры Засулич, затем последовал запрет на рассмотрение судами присяжных дел о терроризме и закончилось все отменой этих судов как таковых. Что происходит в современной истории? То же самое. В виде эксперимента в 1990-х г. суд присяжных введен, далее пошли не поддающиеся логике и юридическому анализу приговоры, пошли резонансные оправдания (например, В. Квачкова за покушение на А. Чубайса) и запрет на рассмотрение судами присяжных дел о терроризме. Чем закончится все это объяснять не надо.

Возникают другие вопросы. Например, кто и зачем опять втянул российское правосудие в этот эксперимент? Насколько дорого обошелся и еще обойдется суд присяжных государственной казне и людям?

Мы не сомневаемся в том, что суды присяжных играют отрицательную роль для правосудия и от них следует отказаться.

Однако готово ли право полностью от него отказаться. Мы думаем, что в обозримом будущем в США и Англии этого тем не менее не произойдет. Причина очень проста: названные страны очень консервативны в системе правосудия и менять ее не будут. Скорее всего, там произойдет эволюционная отмена названных судов: к их рассмотрению будут прибегать все реже и реже (что мы сейчас и наблюдаем), до постепенного прекращения их существования.

Есть еще одна причина, по которой суды присяжных столь медленно «уходят на нет». В Англии и США принято устанавливать не объективную, а договорную, условную истину. Т.е., и обвинители, и судьи, и защита, да и все участники процесса хорошо отдают себе отчет в том, что договорная истина это вовсе не истина. Поэтому и возникает необходимость (иногда действительно для поиска справедливости, а иногда и нет) обратиться к суду народа, коим является суд присяжных.

Таким образом, возвращаясь к философии права, надо подтвердить, что в праве такая черта (грань) как *недоверие к самому себе присутствует*. Ярким примером, подтверждающим этот вывод, является суд присяжных.

Однако это еще не все. Давайте рассмотрим этот вывод с другой стороны. Право изучает юридическая наука. На основе научных рекомендаций и заключений формулируются правовые нормы, законы, формируется правоохранительная система, осуществляется судопроизводство. Получается, что юридическая наука, выработавшая за столетия подходы к составу преступления, доказательствам, требования к следствию, суду и т.д. считает, что все ее разработки профессиональным судьям (юристам) доверять не надо, а надо доверять случайным людям? Тогда выходит парадоксальный вывод, что наша правовая наука на самом деле ничего не изобрела, если случайно отобранные и юридически неподготовленные люди вершат правосудие лучше чем судьи? Ведь вердикт присяжных для суда обязателен. То есть, подразумевается, что присяжные понимают ситуацию по делу лучше, точнее.

Или есть другой, более точный вывод, что сам подход к судам присяжных не вполне научен и связан не с логикой и разумом, а с традициями, появившимися в целях безопасности от королевской власти и давшими глубокие корни.

Представительно народа в судопроизводстве, конечно, должно быть. И это давно научно обосновано. Но вот четко обосновать, почему двенадцать случайно отобранных человек судят лучше, чем хорошо подготовленные опытные юристы, почему главное слово в судебном решении именно за этими двенадцатью, не смог никто. Обосновать сей факт, наверное, и не возможно. Вместе с тем, обозначим для себя и такую грань права, как *допущение ненаучности в своей системе*.

§ 6. Отрицательное право и развратно-негативное право

Изучая в рамках сформулированной нами компрехендной теории права¹ различные грани права мы задумались еще об одной: право разрешает и регламентирует не только положительные, но и отрицательные поступки человека и государства.

В ходе подготовки этой работы мы опрашивали одного из руководителей полиции Амстердама. Этот полицейский задал нам буквально такой вопрос: почему русские, да и не только русские специалисты, считают право хорошим явлением?² Право, продолжил он, несовершенно с точки зрения регламентации хороших дел, но великолепно регулирует разврат и безнравственность. Достаточно посмотреть, что в Амстердаме, в районе официально именуемом «районом красных фонарей» право регламентирует продажу легких наркотиков. Причем не просто употребление наркотиков в указанном районе разрешено, а точно указывается: сколько наркотиков, в каком возрасте, в какое время и при каих обстоятельствах можешь купить. Сколько из-за этого разрешения, подытожил наш собеседник, покалечено людей!

Затем мы пошли непосредственно в этот «район красных фонарей». На наше удивление, несмотря на обилие так называемых «злачных мест» в самом районе царил порядок и спокойствие. Более того, в районе было много полицейских. Это к разговору о том, пояснил наш спутник, что охраняет полиция: безопасность нормальных людей или безопасность наркоторговцев!

Затем мы увидели мать с ребенком лет двенадцати, скорее всего жительницу Нидерландов или туристку. Мать на английском языке возмущалась тем, что ее сыну не продали легкий наркотик. Администрации

¹ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015; Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

² Фамилию по этическим соображениям не называем.

заведения, где продают наркотики, отвечала этой матери, что продажа наркотиков в таком возрасте сыну запрещена. На что мать сказала потрясшую нас фразу: «Законом сыну запрещено в раннем возрасте покупать и употреблять наркотики, но это нарушает свободу сына и его право на наркотики!». «Право на наркотики», - гордо повторила она.

Разговор проходил на наших глазах. Мы спросили у матери: неужели она хочет, чтобы ее сын стал наркоманом? Она ответила, что употребление легких наркотиков для здоровья не опасно. У сына, продолжила она, как и любого свободного гражданина есть право на употребление наркотиков, а закон, установивший возраст их продажи, необоснованно такое право ограничивает. Вот так!

Обратим внимание, что женщина не отождествляла право и закон. При этом, как подчас любят размышлять у нас, говорила о хорошем праве при плохом законе.

В ряде стран (и их достаточно много!) правовыми актами официально разрешена проституция. В законах этих стран, как правило, четко указано: кто, с какого возраста, при наличии каких документов может работать проституткой. И там, как нам рассказывали, тоже происходят конфликты. Например, право работать проституткой у женщины есть, а каких-то документов не хватает... Что это за страны? Назовем хотя бы европейские: Бельгия, Дания, Нидерланды, Финляндия. В каждой из стран по регламентации проституции есть любопытные отсылки именно к праву. Например, не так давно в Финляндии открыто обсуждалась тема проституции. В итоге было принято решение, что продажная любовь не противоречит закону, если она должным образом скрыта от глаз публики, а неотъемлемое право на проституцию имеет каждая женщина!

При определенных условиях проституция разрешена в Великобритании, Германии, Швейцарии. В 2010 году в Швейцарии правовым актом был официально открыт бордель для мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Как относиться к подобным примерам? Если исходить из того, что право должно регламентировать добро и справедливость, значит употребление наркотиков и проституция – добрые, правильные, справедливые дела? Правильный ответ все же другой: право нельзя полностью осуществлять с добрыми делами, позитивными целями и т.д. Право с успехом может регламентировать и откровенно отрицательные действия.

При этом в подобных государствах, видимо, не на надлежащем уровне находятся нормы морали и нравственности. По логике, право должно защищать моральное и нравственное поведение. Но, как видим, такое бывает не всегда.

Один из наших оппонентов возразил, что право регулирует подобные явления только потому, что они все равно присутствуют в обществе. Так лучше, по его словам, официально разрешить наркоторговлю и проституцию раз они как неизбежность всегда были в Европе! Но ведь, при таких рассуждениях можно пойти и дальше. Например, в Европе всегда воровали – тогда предложат разрешить воровство? Но можно пойти еще дальше: в Европе всегда совершались убийства – регламентируем правила и порядок совершения убийств?

Кстати, насчет убийств. Несколько веков назад в Европе нормами права регламентировался порядок совершения дуэлей и убийств на них. То есть, право регламентировало и убийства! Это было в XVI-XVII веках и не в России, возраят нам. Но ошибутся. В России дуэль, на которой допускалось убийство, существовала и в XVIII, и в XIX веке. Более того, в конце XIX века в целях укрепления боевого духа в русской армии были изданы правила об офицерских дуэлях. Так, имевшиеся правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде устанавливали, что все дела об офицерских ссорах направляются командиром войсковой части в суд общества офицеров. Такой офицерский суд мог либо признать возможным примирение офицеров, либо постановить о необходимости поединка. Фактически дуэль в основном

безнаказанно просуществовала в русской армии до революционных событий 1917 года.

Буквально недавно в России произошел казалось бы удивительный случай. После конфликта главы Росгвардии В. Золотова и оппозиционера А. Навального, один из парламентариев в 2018 году обратился в Государственную Думу Российской Федерации и Министерство юстиции России об установлении в России Дуэльного кодекса и предоставил его проект.¹ Этот проект пока не поддержали, но рассматривали. С точки зрения науки надо подчеркнуть, что до официального разрешения в России на дуэлях убийства или нанесения тяжких телесных повреждений было не далеко. И при принятии дуэльного кодекса многие очевидные всем преступления перестали бы быть таковыми (если совершены на дуэли). Таким образом, право всегда готово регламентировать и отрицательные, аморальные и в общем-то ненормальные действия, в том числе и убийства.

Относительно убийств можем привести яркий пример из опыта государства Израиль. Спецслужбы Израиля официально имеют право убивать лиц, ранее совершивших террористические акты на территории Израиля. Причем убивать в любой точке Земного шара. Иными словами, если спецслужбы Израиля выяснили, что к совершению террористического акта на территории Израиля причастен некий человек, живущий, например, в Египте, то спецслужбы Израиля, по законам названного государства, могут этого человека убить. Причем убить фактически без суда и на территории другого государства, в том числе общественно опасным способом! И такие вещи тоже регламентируются нормами права. И никого не интересует даже такой простой вопрос: А что если спецслужбы ошиблись?

Мы задали по этому поводу вопросы одному из сотрудников правоохранительных органов Израиля. Он ответил, что по закону совершать убийства, конечно, запрещено. Но государство Израиль, продолжил он, имеет право наказывать за совершение терроризма, а право выше закона.

¹ Проект внес Депутат Государственной думы С. Иванов.

Тогда мы задали вопрос: «А кто наделил Израиль таким правом?». Он ответил, что наличие такого права – к сожалению, одно из обязательных условий выживания этого государства в беспокойном мире¹. Комментировать его рассуждения мы не будем.

Дополнительно отметим, что право в ряде стран разрешает и регламентирует производство таких неоднозначных действий как аборты и эвтаназию.²

Право в ряде стран допускает применение телесных наказаний, что сейчас, в XXI веке, кажется дикостью.

Право в ряде стран устанавливает жестокое отношение к людям. Этот перечень, к сожалению, можно продолжать.

Здесь уместно напомнить, что В.С. Нерсисянц понимал право как необходимую форму свободы, равенство и справедливости в общественной жизни людей³. Предложение звучит прекрасно и красиво, но все-таки - будем честны – несколько наивно. Право, как мы отмечали, это сложное социальное явление, многогранное явление, со своими положительными и отрицательными проявлениями⁴. И одной из граней права, как видно, является регламентация отрицательных, аморальных действий людей и государств.

Мы назвали такую грань права: «отрицательное право» или «развратно-негативное право».

Вопросы по этой грани права не преподают в юридических вузах. На нее стараются не обращать внимание ученые, но ведь она существует. И здесь имеется большая нравственная проблема. Если молодые люди знают, что право не запрещает употребление наркотиков – значит их можно

¹ Фамилию по этическим соображениям не называем.

² См.: Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология. СПб, 2002; Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2006; Старовойтова О.Э. Тело и закон. СПб., 2006.

³ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 1.

⁴ См.: Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.

употреблять. Более того, у юношей, как мы сами слышали, якобы есть право на употребление наркотиков. То есть, речь идет даже не о том, чтобы один раз попробовать наркотик, а о праве, которое может быть реализовано в любой момент. Скольких человеческих жизней стоило такое право!

Если девушки с молодости знают, что заниматься проституцией – это их право, то убедить в аморальности таких действий практически не возможно.

Про другие, упоминающиеся в статье действия – мы даже не говорим.

Право имеет и воспитательную функцию. Причем функция может быть как положительной, так опять же и негативной. Если, например, девушки Финляндии имеют право быть проститутками, то как убедить жительниц находящегося от них всего в двухстах километрах Санкт-Петербурга в том, что в России такого права нет? Опять же, если проституция официально легализована, значит, по логике, не аморально обращаться к услугам проститутток?

Более того, теперь в Европе у каждого мужчины есть право быть гомосексуалистом. Право в воспитании гомосексуалистов и развитию гомосексуальных отношений сыграло свою роль. Ведь именно право не просто легализовало эти развратные отношения, но и регламентировало их. Правом разрешены однополые браки, разрешены усыновления детей гомосексуалистами. Весь мир, кажется, сошел с ума и встал на дорогу разврата и отрицания нравственности. И при этом негативные, отрицательные, откровенно развратные и недопустимые для нормального мужчины гомосексуальные отношения теперь регулируются правом. Что означает не просто дозволение, но и в определенной степени освобождение от нравственного осуждения.

Никого не интересует даже вопрос о том, какого будет усыновленному ребенку в гомосексуальной семье? Как его воспитают? Что заставят делать? К чему и какими методами принудят? Нормального ли человека сможет воспитать гомосексуальная пара? Не будет ли нарушена психика ребенка? Мужчиной или женщиной этот ребенок будет себя ощущать? Как

сформировавшиеся психические отклонения проявятся в этом ребенке, когда он вырастит, пойдет служить в армию, возьмет в руки оружие и т.д.?

Мы, признаемся, боимся ответов на поставленные вопросы. И предполагаем большие беды и неприятности.

Но жители России последнее время внимательно относятся к европейскому образу жизни и европейским ценностям. И указанные отрицательные явления все более активно приживаются в России.

Нравственность и культурные традиции России, увы, стремительно разрушаются. Причем не без помощи права, выполняющего отрицательную воспитательную функцию. Вспомните, еще недавно наркотизм был объявлен в России одной из главных бед, борьба с наркотиками пропагандировалась на всех центральных телевизионных каналах и в других средствах массовой информации. В ногу шла и юридическая наука: ежегодно проводились десятки научных конференций и семинаров, посвященных путям вывода молодежи из наркозависимости. Однако этот процесс со временем как-то потерял темп. Теперь, если мы не ошибаемся, в юридической науке остался только журнал «Наркоконтроль»¹, который функционирует благодаря энтузиазму его главного редактора А. Федорова.

В 1990-е годы вдоль оживленных трасс стояли девушки, занимающиеся проституцией. Теперь этого нет. Проституция пропала? Отнюдь. По данным правоохранительных органов, проститутки переместились в бордели, которых в одной Москве более сотни. И с ними по большому счету никто не борется. А юридическая наука проблеме проституции почти перестала замечать. Но опять имеется ссылка на естественное право женщины спать с кем угодно за деньги.

¹ Мы неоднократно выступали в указанном журнале по проблемам борьбы с наркотиками и неэффективностью правового регулирования. См.: *Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю.* Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // *Наркоконтроль*. 2006. № 4. С. 16; *Захарцев С.И.* Тезисно о современном состоянии борьбы с наркотиками // *Наркоконтроль*. 2014. № 4. С. 34-37; *Захарцев С.И., Кильдюшева О.А., Кондратьева А.Н., Сальников М.В.* Наркотические вещества в Античности и Средневековье: начало страшного пути // *Наркоконтроль*. 2016. № 2. С. 25-30.

Увы, право многогранно и изучать его надо без иллюзий.

§ 7. Конвергенция норм права между государствами

Если взять правовую систему практически любого современного государства, то одной из ее характеристик будет открытость и доступность для жителей всех других стран. В XIII-XIX веках такого не было в принципе. В XX веке правовые системы государств стали открываться друг перед другом. Но при их изучении нередко присутствовал идеологический фактор (СССР и США, США и Китай, ГДР и ФРГ и т.д.), взаимные претензии государств, другие проблемы.

В XXI веке все стало по-другому. Правовые системы практически любой страны открыты для изучения и рассмотрения. Этому способствовало несколько причин.

Начнем с того, что в XXI веке получили развитие электронные базы данных, электронное общение между собой по социальным сетям, Интернет, всеобщая компьютеризация. Теперь для получения первоначального ответа по правовому вопросу государства достаточно задать требуемый вопрос в поисковой системе. Ответ последует незамедлительно. Абсолютное большинство своих правовых норм страны содержат в электронном виде и в свободном доступе. Нужны правила посещения США – пожалуйста! Требуется Уголовный кодекс Белоруси – читайте! Понадобилось узнать требования к упаковке грузов в портах Гвинеи – скачайте и изучайте!

Конечно, для понимания законов требуются комментарии. Комментарии в электронных системах, объективно, далеко не всегда правильны и точны. Многие из них противоречивы и даже взаимоисключающие. Но тем менее надо признать, что ориентирующая информация в системах есть. Далее вопрос к пользователю – как этой нормативной информацией он распорядится.

Помимо этого, люди стали значительно больше путешествовать. Это связано с развитием многих государств в целом, вкладыванием денег и

получением прибыли от туризма, обеспечением комфортного властями уровня жизни в стране. Развились и стали гораздо более доступными средства передвижения. Полететь из Европы в Америку или в Азию сейчас не является сколь-либо серьезной проблемой.

Развитие путешествий и возможности перемещений поставило вопрос о необходимости наличия сети международных адвокатских агентств, способных оказать помощь в любой точке Земного шара. В странах появилось много юристов, специализирующихся на законодательстве иностранных государств.

Этот факт в свою очередь вызвал необходимость более подробного изучения зарубежного законодательства в юридических высших учебных заведениях. Причем норм не только международного и международного частного права, а именно норм семейного, земельного, банковского, уголовного, уголовно-процессуального прав. Подобное обучение налажено или налаживается во многих юридических факультетах развитых государств. Знание норм иностранных государств значительно поднимает престиж юриста и дает ему возможность хорошего заработка.

Таковы реалии жизни. Посмотрите, сколько россиян хранят деньги в зарубежных банках, имеют недвижимость за границей, женятся и выходят замуж за иностранцев. В свою очередь, многие крупные зарубежные компании тоже стремятся в Россию, поскольку у нас есть возможность для развития и получения прибыли.

Изучение законодательства иностранных государств подразумевает проведение международных научных юридических семинаров, симпозиумов, конференций. На этих встречах ученые обсуждают теоретические особенности и практику применения конкретных правовых норм в разных странах, показывают эффективность или не достаточную эффективность последних.

При таких обстоятельствах возникают предпосылки для конвергенции правовых норм. Государства, изучив силами своих ученых иностранное

законодательство, при необходимости внедряют его в свою правовую систему. Так, все более сближается правовая система стран, входящих в Евросоюз. Постепенно сближаются нормы права мусульманских государств.

Кроме этого, конвергенция происходит и в случаях, когда одно государство подавляет другое. Такое подавление нередко происходит политическим, экономическим или военным путем.

Существенные изменения правовых норм государства под влиянием другого происходят также при кризисных явлениях в первом государстве, коренных социально-экономических преобразованиях, распаде (ликвидации) государства. Такая конвергенция чаще носит односторонний, нежели двусторонний характер. Государство, население которого удовлетворено правовым и материальным обеспечением, защищено, будет всячески оберегать законы, предоставляющие соответствующий уровень жизни. И, напротив, население страны, переживающей кризисные явления, нередко ориентировано на модель жизни преуспевающих стран. Выход из кризиса (политического, экономического, социального и пр.) обязательно предусматривает значительные изменения норм права.

Этим объясняется то, что законодательство США, начиная с Декларации прав человека и Конституции, за свою историю не терпело столь существенных изменений, которые наблюдались в России. В конце XX века в СССР произошли очередные глобальные социально-экономические преобразования, что обернулось разрушением государства. Россия отказалась от подходов к праву, имевшихся в СССР, и стала формировать новые нормы права. Такой процесс, естественно, происходил с оглядкой на США и некоторые западные страны, казавшиеся значительной части населения оплотом правопорядка. Нормы права, характерные для указанных стран, их правовая идеология заняли господствующее место в праве России.

По этому поводу Р.А. Ромашов написал, что взаимодействие правовых культур Запада и России вплоть до настоящего времени осуществляется под воздействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, Запад

воспринимается (прежде всего на уровне политической идеологии) в качестве «врага», во все времена посягающего на территориальную целостность и национальную самоидентичность России. С другой стороны, Запад предстает в качестве «обгоняющей» цивилизации, стремление «догнать и обогнать» которую диктует необходимость заимствования западных культурных достижений и накопленного опыта. При этом в политико-правовой области зачастую такое заимствование носит характер механического копирования политико-правовых конструкций (альтернативные выборы президента, разделение властей, состязательный уголовный процесс, суд присяжных и т.п.) с последующим их перенесением на «неподготовленную социальную почву». Именно неготовностью российского социума (как на уровне простых граждан, так и на уровне властвующих элит) воспринимать копируемые модели в качестве правовых (общеобязательных) объясняется ситуация, когда перманентное реформирование политико-правовых отношений сопровождается выступлением самих реформаторов о перманентном же правовом нигилизме¹.

Помимо существенных политико-правовых изменений, посмотрите насколько глобально в результате конвергенции за какие-то последние тридцать лет поменялись нормы права, регулирующие экономические отношения. Отменена уголовная ответственность за спекуляцию, введена частная собственность, вместо всеобщего равенства между людьми появились глобальные экономические различия. А ведь экономика – одна из основ современной жизнедеятельности.

М.И. Клеандров верно написал о том, что в самом начале 90-х годов многие в нашей стране посчитали себя способными к бизнесу и с головой окунулись в предпринимательство, но редко у кого это дело оказывалось успешным и обычно оканчивалось финансовым крахом. Вскоре выяснилось,

¹ Ромашов Р.А. Правовые культуры России и Запада: существует ли двусторонняя интеграция? // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М., 2009. С. 65-66.

лишь около 8 % взрослых дееспособных россиян по своим индивидуальным способностям (целеустремленность с нацеленностью на успех в бизнесе, активность, энергичность, прагматичность, способность ставить перед собой все более сложные задачи и испытывать радость от их решения, особенно если при этом приходится преодолевать трудности, соревнуясь с соперниками-конкурентами) предрасположены к ведению собственной предпринимательской деятельности¹. Причем, как думается, из этих 8 % россиян лиц славянской национальности составляет не такое уж большое количество. Указанная цифра относится скорее ко всем жителям многонациональной России. Отсюда (с учетом зависти) у большинства населения, ранее настроенного на экономическое равенство, возникает почва для проявления национализма по отношению к евреям, кавказцам, другим народам, имеющим «коммерческую жилку».

При подавлении одного государства другим односторонние процессы конвергенции правовых норм в проигравшем государстве происходят болезненно и противоречиво для большинства населения. В этом не раз убедились жители России.

Процессы конвергенции могут возникать и в случаях, когда в одном государстве произошли революционные события, характеризующиеся коренной ломкой существующего строя и, соответственно, правовой системы. Таких примеров в XX веке было не мало. Например, когда страна путем революций вставала на социалистический путь развития и заимствовала многие нормы права из СССР. И наоборот. В конце XX века в немалой части социалистических стран произошли революционные события, характеризующиеся выбором народов в пользу капиталистического развития и, соответственно, сближением с правовыми системами западных стран.

¹ Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя... С. 21.

Как видим, правовые системы мира диалектичны в своем развитии, им свойственны единство и борьба противоположностей.¹

Процесс конвергенции, как и любой другой процесс, может идти активно, может замедлиться, а может и превратиться в дивергенцию. Применительно к России в настоящее время процесс конвергенции норм права России и западных государств замедлился. Р.А. Ромашову в этом контексте видятся две перспективы:

1. Россия будет усиливать стремление к самоидентификации в качестве обособленной «славянско-православной» цивилизации, идущей по особому историческому пути и воспринимающей остальные цивилизации (прежде всего западную) в качестве враждебных либо зависимых от нее в военном, экономическом, культурном отношениях. Эта перспектива напрямую связана с отказом от таких «не свойственных русскому народу» западных ценностей, как права человека, разделение властей, свобода слова, культура потребления социальных благ и т.п., ради усиления державной мощи России, укрепления веры в «избранность» великого русского народа и, как следствие, формирования на уровне индивидуального и общественного правосознания чувства «великорусской гордости и патриотизма».

2. В качестве альтернативы может рассматриваться перспектива идентификации России как страны, в национальной правовой культуре которой вполне могут уживаться национальные традиции и западные материально-правовые и процессуальные конструкции. Близость (прежде всего территориальная) российской и западной культур объективирует интеграционные процессы и обуславливает возникновения «культуры пограничья», в рамках которой Россия не только заимствует технические новации Запада, но и приобщается к другим ценностям этой культуры. Такие либеральные ценности как рыночная экономика, состязательное правосудие,

¹ Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. 2012. №11. С. 180-189; Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о диалектике как методологической основе познания права // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1. С. 32-39.

гражданская инициатива, хотя и сложно, но все же приживаются на российской почве. Многое зависит от того, приживутся ли у нас идеи, касающиеся незыблемости прав человека, и прежде всего права на жизнь, свободу, собственность. Примет ли их как ценность большинство населения, примет ли их политическая и экономическая элита? Ответ на этот вопрос даст время. Ясно одно: любая вновь создаваемая и закрепляемая на вербальном (текстовом) уровне ценность приобретает практическую значимость лишь тогда, когда в глазах и простого народа и представителя власти перестает восприниматься как декларация и начинает использоваться в качестве инструмента, при помощи которого решаются конкретные жизненные проблемы¹.

Нам думается, что процесс сближения российских и западных норм, внедрение последних (при необходимости) в нашу правовую жизнь при любых обстоятельствах должен быть плавным, взвешенным, не стихийным. При резких движениях законодателя может сработать хорошо известный в России эффект маятника. Важно видеть и перспективы конвергенции. Что произойдет в результате перенятия норм права? Во-первых, будут ли востребованы эти перенимаемые нормы права, во-вторых, будут ли реализовываться, а если будут реализовываться, то, в-третьих, не приведет ли это к краху нашего государства, национальной идентификации, нравственных устоев, порядка? Французский мыслитель Ж. Местр весьма точно сказал, что Конституция, составленная для всех народов, не годится ни для одного.²

Про то же в принципе сказал и В.Д. Зорькин. Он написал: «Мы живем в России, и Россия – как и Индия, Китай и другие страны, как, впрочем, и Германия или Англия – имеет свою специфику. Но наша задача, мне кажется, заключается в том, чтобы осознать, что мы живем в универсальном глобальном мире, и сочетать этот универсализм с этой спецификой для того,

¹ Ромашов Р.А. Правовые культуры России и Запада... С. 72-73.

² Цит. по: Смолькова И.В. Юридические афоризмы. С. 81.

чтобы не оторваться от корней. Я не за то, чтобы противопоставлять универсализм и традиционализм, а за то, чтобы в мире был и универсализм – по-другому жить сейчас невозможно, и уважались традиции. На этот вопрос и призвана ответить философия права – исходя из природы, сущности и ценностных аспектов права¹.

В наших предыдущих работах по философии права и конвергенции мы много внимания уделяли российской ментальности, положительным и отрицательным сторонам русского характера.² Данная работа носит скорее общетеоретический характер. Вслед за рассмотрением основных случаев конвергенции, мы обратим внимание и на ситуации, когда такие процессы не возможны.

Конвергенция обычно не происходит или происходит в очень небольшой области, если у государств господствуют разные религии. Христианские и мусульманские государства сильно разнятся по подходам к правам человека, по разделению на «верный» и «иноверец», по гуманизму и жестокости, по отношению к женщинам и детям и т.д.

Конвергенцию по определению ограничивает и форма правления. Естественно, что даже строгая конституционная монархия имеет свои яркие особенности по отношению к республиканским формам правления, которые невозможно преодолеть. Помимо того, имеет значение и форма государственного устройства.

Названные причины являются серьезным препятствием для конвергенции норм права между государствами. Вместе с тем, конвергенция норм права все равно постепенно осуществляется. Ее динамика будет во

¹ Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее... С. 44.

² См., напр.: Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под редакцией В.П. Сальникова. М., 2014; Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 166; Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). С. 29-33; Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23-40 и др.

многое зависит от политической и экономической обстановки в мире, которая сейчас поливариативна как никогда.

ГЛАВА 4

НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

§ 1. Биомедицинские эксперименты над человеком как философско-правовая проблема

Во второй половине XX века в результате свершенных открытий получила бурное развитие биомедицина. Этот всем очевидный процесс продолжается по сей день.

Появились работы и конкретные результаты по:

- искусственной репродукции человека;
- трансплантации человеческих органов;
- замене генетического кода;
- манипуляции с психикой;
- клонированию человека;
- обновлению внутренних органов человека с помощью стволовых клеток;
- другие достижения.

Казалось бы, такой процесс надо только приветствовать. Однако на самом деле это не совсем так, поскольку до сих пор не учтены и не просчитаны последствия подобных биомедицинских действий.

Право к названным процессам в биомедицине тоже оказалось не готово. Оно явно должным образом не регулирует как сами процессы в целом, так и последствия отдельных операций с конкретными людьми.

Вместе с тем, как обратил внимание Б. Юдин, современная биомедицина расширяет технологические возможности контроля и вмешательства в естественные проблемы зарождения, протекания и завершения человеческой жизни. Различные методы искусственной репродукции человека, замены пораженных органов и тканей, замещение поврежденных генов, активное воздействие на процессы старения проводит к тому, что во всех подобных

случаях возникают пограничные ситуации, когда последствия достижений научно-технического прогресса непрогнозируемы. Вместе с тем возникает реальная опасность разрушения исходной биогенетической основы, угроза человеческому естеству, его физическому и психическому здоровью¹... Например, генная инженерия за весьма непродолжительный период оказалась авангардом научно-экспериментальных исследований мира живого. Сейчас она предоставляет возможность вмешиваться в генетический код человека и изменять его, что считается позитивным при лечении ряда наследственных болезней. Однако возникает соблазн планомерного совершенствования человеческой природы с целью все большей его адаптации к нагрузкам современной искусственно созданной техносферы. Опасность состоит в том, что организмы, участвующие в генетических экспериментах, могут обмениваться генетической информацией с прочими особями, и результаты подобных взаимодействий могут привести к неконтролируемым мутациям. Многие эксперименты в сфере геной инженерии свидетельствуют о непрогнозируемости ее ближайших и отдаленных последствий².

Задумаемся, что может произойти в результате мутаций и получим ответ: все что угодно. Включая то, что полученные таким образом человеческие организмы могут лишиться возможности к воспроизводству потомства нормальным естественным путем. Или в результате мутаций выведется неизлечимая болезнь и т.д.

Здесь сразу подчеркнем, что мы вовсе не против развития науки. То, что медицина научится лечить наследственные болезни – великолепно. Однако все исследования над человеком и человечеством, по нашему убеждению, должны находиться в строгих правовых рамках. То есть должны быть четко предусмотрены условия проведения подобных экспериментов, порядок наблюдения за людьми с искусственно измененным геномным кодом,

¹ Цит. по: *Лешкевич Т.Г.* Философия науки. С. 204.

² Там же: С. 205.

организации, отвечающие за это и т.д., и т.п. То же касается и экспериментов со стволовыми клетками. Без глубоких исследований подобные процедуры нельзя распространять.

Наличие правовых рамок важно и в глобальном смысле, имея в виду возможные последствия для человечества в целом, и в частных случаях – для защиты конкретных людей, которые могут пострадать и страдают в результате экспериментов и мошеннических действий со стороны врачей.

Приведем пример, который, думаем, не является уникальным в наши дни, рассказанный нам одним из ведущих врачей - специалистов по экстракорпоральному оплодотворению (так называемому ЭКО)¹. Как известно, в России хватает семейных пар, у которых не получается самостоятельно завести детей. Такие пары обращаются в клиники для зачатия искусственным путем. По утверждению указанного специалиста врачи еще до всех необходимых манипуляций, как правило, в состоянии определить тех, у кого точно детей не будет. Пациенту вместе с тем, об это не сообщается и предлагается попробовать. Почему? Да потому, что ЭКО-процедура очень дорого стоит и является отличным заработком как для клиники в целом, так и для врачей в частности. Когда первая ЭКО-процедура, как и ожидается, результатов не даст, предлагается сделать вторую, третью попытки и т.д. Несчастные люди, желающие иметь детей, продают машины, квартиры, берут кредиты, залезают в долги, чтобы окупить ЭКО, не зная, что все эти попытки бесплодны. В результате на чужой беде зарабатываются большие деньги.

Применяются схемы заработка на ЭКО и в отношении людей, могущих произвести ребенка. Там врачи искусственно «портят» первую попытку и предлагают провести вторую-третью, с которой уже все получается. Первая попытка, искусственно испорченная, фактически является чистым заработком. Кроме того, получение ребенка со второй-третьей попытки опять же является косвенным алиби перед теми, кто не может иметь детей даже с

¹ По этическим причинам имя человека не называем.

помощью ЭКО. При этом врачи сразу предупреждают, что с первого раза ребенок получается не всегда. Определить, так получилось объективно либо по умыслу врачей можно далеко не всегда. Мы, ради эксперимента, опросили 200 женщин, родивших детей с помощью ЭКО. 189 из них удалось получить забеременеть и родить ребенка со второй-третьей попытки!

Все специалисты знают, что преступления в области медицины являются самыми труднодоказуемыми. Во-первых, для доказывания требуется отличное медицинское образование, которого явно нет у следователей, прокуроров, оперативников. Во-вторых, врачи почти всегда могут сослаться на уникальность и непредсказуемость отдельно взятого человеческого организма. В-третьих, медицинское сообщество очень корпоративно и практически всегда защищает врачей, совершивших медицинское преступление, даже повлекшее инвалидность или смерть. Формы защиты стандартные: врач все делал правильно, в соответствии с медицинскими протоколами, по показаниям и т.д.

Сейчас технологии экстракорпорального оплодотворения получили поддержку со стороны руководства страны, а регионам выделены оплаченные государством квоты на проведение соответствующих операций. Это несомненно вызовет всплеск мошенничества со стороны недобросовестного медперсонала. Схема проста: у пациентки берут деньги на процедуры, одновременно, в тайне от нее, оформляя оплату операции по «квоте», то есть за счет бюджета. А наличные, вырученные в результате двойной оплаты, распределяются между врачами.

Надо помнить и то, что еще не выросли поколения людей, зачатых искусственным образом (с помощью ЭКО или суррогатной матери). Сейчас нельзя точно сказать, какое здоровье будет у таких людей, какой иммунитет, какие способности. Будем надеяться, что все будет хорошо.

При этом надо понимать, что технологии и возможности иметь детей искусственным путем уже опередили науку и здравый смысл. Даже если в дальнейшем выяснится, что рождение детей подобным образом опасно для

человечества, остановить этот процесс будет едва ли возможно, поскольку он, во-первых, поставлен на широкую коммерческую основу, во-вторых, уже имеется много специалистов по искусственному оплодотворению и суррогатному материнству, а в-третьих, на подобные процедуры есть спрос, который, по крайней мере в России постоянно растет. Иначе говоря, например, на ЭКО зарабатываются большие деньги, а профессия врача по названной специализации очень престижна. В свою очередь, люди, не имеющие детей, конечно не остановятся перед возможностью их родить, даже понимая возможные негативные последствия. И их тоже можно понять.

С суррогатным материнством появляются новые, неизвестные ранее, эτικο-юридические вопросы. Например, как пишут В.П. Сальников, О.Э. Старовойтова, А.Е. Никитина и Э.В. Кузнецов, суррогатное материнство разрушает традиционные представления о социальных ролях матери, отца, сына, дочери и т.д. Не понятным является юридическое соотношение биологической матери (вынашивающей) и генетической (донора яйцеклетки). Это в полной мере относится к искусственной инсеминации спермой донора. Этими технологиями ставится под сомнение вековой принцип ответственности родителей за своих детей, значимость семьи в жизни отдельного человека и всего человеческого общества. Острые споры вызывает возможность законодательного разрешения коммерческого суррогатного материнства. В данном случае, сложные моральные проблемы возникнут в случае рождения ребенка «по заказу» «ненадлежащего качества», то есть больного или нежелательного пола.

Кроме того, не урегулирована ситуация, когда ребенок становится невостребованным ни биологической матерью, ни генетическими родителями.

Поэтому, задумывается И.Х. Бабаджанов, не высока ли цена решения проблемы супружеской пары, когда заложником возможного конфликта станет ни в чем не повинный ребенок? Он станет не только никому не нужным, но и изгоем матери, которая его родила и родителям, которые от

него отказались. Ребенок – это не животное, выведенное специальным путем и не жертва биологического эксперимента¹.

Опыты по искусственному продлению человеческой жизни тоже таят много опасностей как чисто этических, так и правовых. Это, например, (в случае успеха опытов) явное перенаселение планеты² с вытекающими отсюда экологическими и экономическими катастрофами – людям надо что-то есть, пить, чем-то дышать и т.д. Экологические изменения в свою очередь рождают мутации как среди людей, так и среди животных с опять же непрогнозируемыми последствиями.

Значительных успехов за последнее время добилась медицина в трансплантации человеческих органов, замене поврежденных органов и тканей³. К сожалению медицинские достижения в этом сегменте вновь значительно опередили их правовое регулирование. Пока рождались соответствующие правовые нормы, экономика, следуя потребностям, быстро сформировала «черный» рынок человеческих органов. Естественно, такой рынок по определению является криминальным. Он криминален как с точки зрения его «курирования» преступными лидерами⁴, так и с точки зрения получения, транспортировки и доставки необходимых органов. Достаточно сказать о том, что в мире в настоящее время имеются десятки преступных группировок, занимающихся поставкой человеческих органов. Такие группировки особенно распространены в странах с плохой экономической обстановкой. Какими способами «добываются» сердца, почки, печень человека, например, в африканских странах можно только догадываться.

¹ Бабаджанов И.К. Суррогатное материнство: некоторые вопросы правового регулирования // Мир политики и социологии. 2012, № 10. С. 107.

² Демографическая проблема всем известна. Считается, что на Земном шаре должно проживать около 900 млн человек. Сейчас население планеты уже составляет более 6 миллиардов.

³ В России основоположником трансплантологии считается известный хирург Н.И. Пирогов. В 1835 году Н.И. Пирогов в Санкт-Петербурге впервые в России подготовил и прочитал лекцию: «О пластических операциях вообще, и о рикопластике в особенности». В лекции, основываясь на собственном опыте он обосновал проблему трансплантации и высказал идеи о ее дальнейшем развитии. См.: Мирский М.Б. История отечественной трансплантологии. М., 1985. С. 9.

⁴ Употребим «модное» ныне слово «крышевание».

Причем, несмотря на формально существующий в ряде стран запрет на ввоз человеческих органов, ни для кого не секрет, что подобный процесс осуществляется. Причем, как мы думаем, не без ведома государства и его чиновников.

У нас в России защита человека в части донорства своих органов, на наш взгляд, должным образом не урегулирована. Как оценить то, что люди (россияне!) ради получения средств к существованию добровольно продают свою почку? И это в XXI веке на фоне, как мы видим, развития медицины! О какой же защите прав человека и равенстве прав может идти речь, если общество экономическим способом четко поделено на две части: тех, кто может много заплатить за чужие органы и их пересадку (их меньшинство) и тех, кто вынужден в том числе путем продажи своих органов выживать (их большинство). Фактически вторые – это доноры для первых.

Вообще для трансплантации, конечно, желательны молодые здоровые человеческие органы. Где их взять? Одним из источников их получения в России (и ряде других стран) являются дорожно-транспортные происшествия. Получается парадокс, что и больные люди, которым требуются соответствующие операции, и делающие их врачи в какой-то степени заинтересованы в увеличении количества смертельных ДТП с молодежью! И здесь возникает вопрос, с которым столкнулись правоохранительные органы одного из иностранных государств. Там обнаружили, что два врача не оказывали помощь молодым людям, тяжело пострадавшим при ДТП, что приводило к летальному исходу (или оказывали помощь не в полной мере, с опозданием). Необходимые клиентам органы погибших тут же продавали. Такой же факт был вскрыт в больнице, когда тяжело больных молодых людей, но со здоровыми органами, требуемыми другим для пересадки, «залечивали» до смерти. Органы продавали, пересаживали. Вопрос в том, а могут ли происходить подобные случаи в России...?

Однако если замена человеческих органов, человеческих кодов и др. – вещи достаточно новые, то опыты по изучению и воздействию на психику человека известны достаточно давно. Особенно преуспела в таких бесчеловечных экспериментах фашистская Германия. Вместе с тем, после Второй мировой войны исследования не прекратились. Отдельные специалисты проводят их, как заявляется, в благих целях, например, для повышения работоспособности, увеличения бодрости, препятствия наступления сонливости, утомляемости и пр.

На самом деле опасность подобных экспериментов абсолютно очевидна. Повышение работоспособности в особенности в сочетании с искусственным замедлением умственного развития может превратить людей в рабов, способных выполнять лишь конкретную работу (человек-водитель, человек-токарь, человек-пекарь и т.д.). То есть, в результате подобных опытов по выведению «служебных пород» человека речь опять же может пойти о ликвидации человека как личности перед теми, кто подобному психическому воздействию не подвергался. Но это один – видимый - этап. А что будет дальше? Дальше вполне возможно, что произойдет потеря знаний, накопленных человечеством, возвращение к рабовладельческому строю и долгий путь назад.

Конечно возможно, что подобные манипуляции по повышению работоспособности люди будут применять к себе добровольно и индивидуально, например, повысить работоспособность при подготовке к экзаменам. Однако тогда подобные «врачевания» будут представлять собой ни что иное как разновидность наркотических или психотропных веществ. Но опять же не просчитаны последствия для здоровья. Например, будет ли эффект привыкания к подобным манипуляциям, на сколько лет жизни хватит сил у человеческого организма быть чрезмерно работоспособным и бодрым и т.д.? Эксперименты над психикой требуют серьезной правовой оценки.

Еще одним очень серьезным вопросом для права является допустимость или недопустимость клонирования.

Серьезное изучение клонирования началось примерно в 1950-1960-х годах. Именно тогда в Европе и США ученые заговорили о принципиальной возможности искусственного создания живого существа, генетически тождественного родительским. Настоящий научный прорыв произошел в 1990-е годы, когда искусственно было создано млекопитающее – овечка Долли, и поднялся вопрос о подобном эксперименте с человеком.

Весьма подробно рассмотрела эту проблему Т.Г. Лешкевич. Она пишет, что когда речь зашла о клонировании человеческого существа, потребовались усилия многих теоретиков для осмысления последствий такого шага. Так, по мнению известного американского ученого П. Диксона, любой способ, который испробован на млекопитающих, может быть применен к людям. В этом случае мы получим копии взрослых людей, копии своих родственников, друзей и вообще попадем в ситуацию множественности, в которой и не отличить, где генетически подлинное человеческое существо, а где артефакт, т.е. искусственно созданное. Вместе с тем, согласно публикациям в 1998 г. американский физик Р. Сид на симпозиуме по репродуктивной медицине громогласно заявил о намерении приступить к работам по клонированию человека. Есть и желающие участвовать в этом эксперименте¹.

Однако большинство научного мира восприняли идею клонирования резко отрицательно. В первую очередь потому, что последствия такого эксперимента очень опасны. Во-вторых, станет ли полученный клон человеком, будет ли иметь нормальную разумность, согласится ли жить по установленным обществом нормам морали, законам, как воспримут его люди и как воспримет людей он и пр.?

Есть и другие аргументы против клонирования, подмеченные Т.Г. Лешкевич, которые мы кратко приведем. Она пишет, что чистота эксперимента клонирования в условиях резко обострившихся глобальных проблем современности вызывает большие сомнения. Такого рода

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки. С. 206.

экспериментирование, пусть даже засекреченное, может привести к незапланированным мутациям, исход которых будет не предсказуем. Маловероятно и то, что клонирование будет давать точные копии отобранных образцов. Поскольку появление знаменитой овечки Долли последовало после 227 неудачных попыток, то опасения обретают еще и чисто технический характер. Как утверждает Е. Платонов, удачное клонирование первого ребенка потребует не менее 1000 попыток; появится большое количество мертворожденных или детей-уродов. Клонирование в целях помощи бездетным семьям также проблематично, ибо даже в случае положительного исхода и абстрагирования от всех социально-негативных факторов клонирование предполагает воспроизводство не нового организма, а однояйцового близнеца отца или матери, т.е. родители получают не ребенка, а родственника – сестру или брата. Кроме того, клонирование станет поддержкой инвертированных лиц – гомосексуалистов и пр. Технологии искусственного размножения отменяют самый веский аргумент против гомосексуальных отношений – угрозу недовоспроизводства человечества. Подобные технологии откроют возможности для различных форм семейно-брачных отношений, укрепят основание неполных семей и поставят под сомнение всю систему кровно-родственных отношений. Обсуждение клонирования выдающихся людей выявляет еще один неожиданный аспект: данная технология во многом уязвима, поскольку гении зачастую страдают серьезными патологиями. Шизофрения, циклотемия, эпилепсия, ряд разнообразных нервно-психических расстройств, - лишь незначительный набор характеристик гениальных личностей.

В целом, пишет Т.Г. Лешкевич, клонирование как очень сложная экспериментальная технология, в принципе может приводить к воспроизводству не только эталонов (когда цель согласуется с результатом), но и уродцев. С методологической точки зрения речь идет о рассогласовании

поставленных целей и полученных результатов, что в условиях клонирования на человеке аморально и преступно¹.

В.П. Сальников, О.Э. Старовойтова, А.Е. Никитина и Э.В. Кузнецов выделяют пять основных проблем клонирования.

1. Клонированные человеческие существа будут повторять геном уже существующего человека, то есть, не будут обладать, в полном смысле слова, генетической неповторимостью².

2. Клонирование человека – противоестественный для природы способ размножения³.

3. Клонирование человека возрождает евгенические идеи. В целях улучшения человеческого генофонда высказывались идеи клонировать Нобелевских лауреатов, выдающихся личностей и других индивидов, принесших много пользы. Такое клонирование может привести к расколу общества на «элиту» и «простых» людей. При этом последняя группа рискует подвергнуться дискриминации. Например, это может выразиться в обеспечении лучших условий жизни и развития. Дискриминируемые лица могут быть использованы в качестве рабов и, даже, подвергаться геноциду. Надо также отметить, что в категории «элиты» могут оказаться как клоны (например, на основании обладания генотипом А. Эйнштейна), так и люди, появившиеся на свет обычным путем (на основании «естественности» происхождения). Еще одним проявлением евгеники может стать обычная попытка установить категории лиц, имеющих и не имеющих право на клонирование. Совершенно ясно, что даже в случае законодательного санкционирования такого способа размножения, невозможно будет

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки. С. 207-209.

² Официальная позиция Русской Православной Церкви гласит: «Замысел клонирования является несомненным вызовом сомой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности. См.: Информационный бюллетень отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 79.

³ Директор республиканского центра репродукции человека Минздрава РФ А. Акопян отмечает, что «клонирование закрывает эволюционную цепь. См.: Василенко К. Клонирование и другие сенсации // Медицинские ведомости. 2001. № 4. С. 8-9.

допустить клонирование всех. Так, необходимо будет учесть важнейший фактор здоровья. И кроме этого, очевидно, что клонирование антисоциальных личностей (например, таких как Чикатило) допустить нельзя.

4. Отношение к клонированному существу не как к человеку. Некоторыми религиозными конфессиями, в том числе католиками были высказаны сомнения в том, что клонированное существо будет обладать Душой. Данная точка зрения поддерживается отдельными лицами, не имеющими отношения к религии, но убежденными в том, что именно при половом размножении происходит нечто важное для становления человека в человеке.

5. Непредсказуемость последствий клонирования человека. Опасность для жизни и здоровья людей, принимающих участие данной процедуре¹.

К таким же выводам пришли и другие ученые, при этом возлагая на право одну из главных ролей по должному урегулированию указанных процессов. Так, М.И. Ковалев пишет, что уже на современном уровне развития генной инженерии возникает реальная опасность злоупотребления генетическими знаниями² и непредсказуемыми по своим последствиям экспериментами с человеческой породой. Чтобы не опоздать с постановкой и решением этих задач в рамках прав человека и человечества, уже сейчас необходимо наметить реальные пути нормативного решения многих вопросов. Юридическая наука и законодательная практика в области регулирования проблем биологии и генетики человека должна развиваться в соответствии с достигнутыми результатами и открытыми перспективами в сфере генетической медицины, биологии и самой генетики, опираясь на первые и предугадывая социальные, а следовательно, и юридические последствия вторых.

¹ Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб, 2003. С. 28-33.

² Ковалев М.И. Генетика человека и его права (юридические, социальные и медицинские проблемы) // Государство и право. 1994. № 1. С.15-17.

Как верно подытожил Д.А. Керимов, в западных странах активно обсуждается (но менее всего у нас) множество вопросов евгеники, клонирования, патернализма, пересадки органов, пробирочного зачатия – всего биосоциального и биоэтического спектра. Эти обсуждения имеют прежде всего нравственную направленность, однако без подключения к ним правоведения и права едва ли будут достигнуты практически эффективные результаты. Непредсказуемость же некоторых экспериментов над людьми чревата огромными и тяжелыми последствиями, непоправимым вредом. Поэтому-то настоятельно требуется в подобного рода исследовательские новации интегрировать правоведческий компонент, право, и в первую очередь, международное право, с помощью которого представится возможность установить мораторий на отдельные эксперименты в масштабах всей планеты. Иначе мы получим нежелательный разнобой в тех негативных последствиях, которые породят несогласованные научные исследования и их результаты, затрагивающие интересы всего человечества. Возьмем, в частности, упоминавшееся «улучшение» человеческого рода с помощью массового клонирования. Получит ли человечество действительно «улучшенный вариант» своего рода? Будет ли соответствовать это вариант исторически изменившимся общественным условиям жизни? Кому будет поручено определить «улучшился» ли человеческий род? Какими методами, средствами, способами, будет определено это «улучшение»? Удовлетворят ли современные представления об «улучшении» человеческого рода последующее поколение? Без предварительного научно-обоснованного ответа на эти и многие иные вопросы недопустимо проводить эксперименты на людях и в целом над человечеством. Без правового решения здесь (равно как и в других подобных случаях) не обойтись¹.

С указанным выводом, несомненно, следует согласиться. Но, работая над правовым регулированием, надо обязательно учитывать две имеющиеся трудности.

¹ Керимов Д.А. Методология права. С. 534-535.

Первая. Если исходить из того, что клоны своей плотью являются людьми, но не имеют человеческой души в полном смысле этого слова, то весьма вероятно, что они не будут и настоящих людей воспринимать как людей. В таком случае клонов возможно использовать для проведения боевых действий в качестве солдат, а также для совершения убийств, террористических актов. Рассматривают ли государства подобные варианты нам не известно. Однако такой сценарий, к сожалению, вполне возможен. И отдельные реакционные режимы, внешне не поддерживающие клонирование, тем не менее тайно будут их создавать для участия в боевых действиях, выполнения специальных заданий и пр. К сожалению человечество знает не мало примеров, когда запрещенные всюду исследования тем не менее проводятся. Яркий пример – создание атомного оружия. Несмотря на то, что все западные государства заявляют об опасности ядерного оружия, принимают соответствующие нормы и моратории, исследования в направлении его совершенствования, судя по всему, не прекращаются. Более того, несмотря на всяческие правовые запреты, количество стран, являющихся атомными державами, растет. За последнее десятилетие к ним добавились Северная Корея, Иран, Израиль. Это объективно показывает, что право сейчас может лишь замедлить некоторые негативные мировые процессы, но не полностью остановить. Либо надо более хитро или более жестко регулировать общественные отношения в области запретов.

И здесь надо особо учитывать другую трудность. Суть ее в том, что все люди, в том числе и очень состоятельные, страдают от болезней. Они заинтересованы в своем излечении любыми способами. Поэтому многие из них готовы вкладывать гигантские средства в генную инженерию, оплачивать работы по замедлению старения, продлению жизни, пересадке органов. Они же, являясь в своем большинстве влиятельными людьми, лоббируют продвижение подобных исследований в своих государствах. Этот процесс очень трудно остановить по причине личной заинтересованности в подобных опытах и исследованиях. А если добавить то, что не все из

мировых олигархов имеют нормальную половую ориентацию, то в клонировании присутствует их несомненный интерес как в продолжении таким образом своего рода.

Сейчас лишь следует констатировать, что появляющиеся нормативные акты, ограничивающие биомедицинские эксперименты над человеком и человечеством, пока не совершенны, поскольку не выполняют свое предназначение.

Поднятые биомедицинские проблемы актуальны не только по вопросу жизни, но и по вопросу смерти. Биомедицинские технологии в ряде случаев стали позволять поддерживать физическую жизнь человека как особи, даже после полного отключения сознания. Речь идет о случаях, когда у пострадавшего в результате, например, дорожно-транспортного происшествия перестала функционировать часть мозга, безвозвратно пропало сознание. Однако в таком состоянии человека как особи, при здоровом сердце и других внутренних органах, современная медицина может длительное время держать как бы живым. Несчастный при этом ничего не осознает, не чувствует, не воспринимает. Без шансов на выздоровление и возвращение сознания. Заканчивается это всегда одинаково – смертью, которая наступает иногда быстро, а иногда через несколько лет.

Такое обездвиженное существо в данном случае является человеком или нет? Имеет ли он право на смерть?¹ Могут ли родственники попросить врачей об эвтаназии², чтобы дальше не мучить? Эти вопросы актуальны, в

¹ Ковалев М.И. пишет: «Нет никаких веских аргументов против того, чтобы провозгласить, что человек имеет право на жизнь и смерть. Оба эти человеческих права так тесно связаны, что являются как бы двумя сторонами одной медали, при этом такой деликатной и хрупкой, что требуется особая осторожность в обращении с ней. Однако с правом на смерть возникает значительно больше проблем, чем с правом на жизнь». См.: Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992. № 7. С. 71.

² Эвтаназия (греч. εὖ- «хороший» + θάνατος «смерть») - способ медицинского решения проблемы смерти. Считается, что этот термин предложил философ Ф. Бэкон. Спустя более чем 300 лет эвтаназия была применена в отношении другого выдающегося философа З. Фрейда.

особенности с учетом большого количества тяжелых ДТП, военных действий, терактов, других травм¹.

В разных странах вопрос о допустимости эвтаназии решается по-разному. Первыми официально разрешили эвтаназию в отношении людей Нидерланды. Затем ее разрешили и некоторые другие страны, в том числе отдельные штаты США. В России эвтаназия в отношении людей в настоящее время запрещена². Своеобразной альтернативной эвтаназии являются хосписы, которые функционируют в России с 1990 года³.

Здесь же возникает вопрос о принадлежности тела усопшего. Допустимо ли врачам использовать тело или его части в медицинских целях, в том числе для пересадки органов? Нужно ли согласие на это родственников, а если нужно – то кого именно. Подобные вопросы должны быть тщательно взвешены не только с точки зрения этики, но и права.

К указанному примыкает проблема искусственного замораживания человека. Каков, например, правовой статус человека, замороженного в стадии клинической смерти (с целью сохранения до тех пор, пока ученые не найдут способ излечения рака или другого неизлечимого заболевания)? Такие случаи, как отмечают исследователи, уже известны. В частности первым добровольцем стал Джеймс Бердфорд, замороженный в 1967 году. В США создано «Общество продления жизни». Подобные крионические общества возникли и в других странах. В такой ситуации возникает, прежде всего, юридическая проблема. С одной стороны, человек не жив, и, значит,

¹ Весьма содержательное исследование правовой танатологии провела Старовойтова О.Э. По ее мнению правовая танатология - это отрасль правового знания, включающая в себя всю совокупность правовых проблем танатологии. Основные из них – юридическое определение смерти, право на смерть, смерть как юридический факт, эвтаназия и закон, правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека, а также другие проблемы, непосредственно связанные с соматическими правами человека. См.: Основы правовой соматологии / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2006; Она же: Тело и закон. СПб., 2006.

² Даже в религии ответы на этот вопрос не однозначны. Например, в православной вере, к которой принадлежим мы, такого права у человека нет. Однако некоторые религии право на смерть допускают.

³ См.: Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология. СПб, 2002. С. 112.

не является субъектом права. С другой – по отношению к нему сохраняется обязанность третьих лиц осуществлять все возможные действия в целях его оживления и излечения. При этом не ясно, что произойдет в случае, если указанные цели не будут достигнуты. Повлечет ли это юридическую ответственность и если да, то перед кем и в какой форме. Кроме того, встает вопрос о принципиальной этической допустимости подобных экспериментов. Результаты такого эксперимента неизвестны, поскольку ни один из «замороженных» не был пока разморожен. Многие люди могут изъявить желание продлить жизнь таким способом. Допустимо ли в данном случае подвергать криоконсервации всех желающих? В каком порядке и при соблюдении каких необходимых условий таких людей нужно будет возвращать к жизни?¹

В завершение подчеркнем, что биомедицинские эксперименты являются одной из важнейших глобальных проблем права, требующих при этом очень *взвешенного и аккуратного* разрешения. Это та проблема, которую по разным причинам далеко не все хотят решать и не заинтересованы в решении. Но она опасна и может быть губительна для человечества. В конечном счете, человек по-прежнему уничтожает себя сам.

¹ Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии. С. 14.

§ 2. Информационное пространство как угроза человеку и его правам

Проблемы статуса человека в информационном пространстве, защиты в нем прав и свобод личности периодически поднимается учеными. Вместе с тем, не многие представляют себе масштаба этих проблем, соответственно и не могут в полной мере оценить возникающие для человека риски, связанные с неприкосновенностью личной жизни, свободой, физическим и психическим здоровьем.

Опасность, связанная с бесконтрольностью распространения информации является одной из серьезнейших проблем перед человечеством в XXI веке. Ее разрешение, несомненно, будет связано с правом, должным правовым регулированием.

Большинство людей обычно мало задумываются над тем, где хранится информация о них, кто ей пользуется и как охраняет. Типичный ответ, который можно услышать в ходе опросов: «Наверное, информация обо мне хранится в полиции (милиции)». Но как раз там ее хранится меньше всего. Органы полиции, как и все субъекты оперативно-розыскной деятельности в основном накапливают информацию о лицах, судимых либо представляющих оперативный интерес. Законопослушные граждане их интересуют значительно меньше.

Вместе с тем, на каждого человека в разных государственных и частных организациях накапливается гигантский массив информации. Причем, информации в электронном виде, которая, как все понимают, мало подконтрольна и слабо защищена от массового распространения.

Рассмотрим основные места накопления сведений о человеке.

На самом деле информация о каждом человеке начинает накапливаться еще до рождения. В роддоме, на каждую беременную женщину в обязательном порядке заводят обменную карту (или форму 113/у). Указанная карта – это специальная медицинская форма учета, которая предназначена

для контроля за течением беременности. Первый лист содержит в себе персональные биографические данные будущей роженицы, в том числе данные об обследованиях, заболеваниях, вредных привычках и отклонениях от нормы (алкоголизм, наркомания, психическое заболевание и т.п.).

После рождения ребенка в роддоме в обменную карту вносят информацию о состоянии новорожденного. В том числе указываются: особенности протекания родов и их последствий для ребенка, физиологические параметры (рост, вес) в их динамике, данные о способе вскармливания, сделанных в роддоме прививках, информация о врожденных заболеваниях, отклонениях от норм, уродствах и болезнях, которыми переболел новорожденный в родильном отделении, диагноз перенесенных заболеваний и лечение, информация об индивидуальных особенностях родившегося ребенка, дефектах опорно-двигательного аппарата, врожденных уродствах, аномалиях и т.д., присущие только этому ребенку.

Указанная информация концентрируется в бумажном виде в архивах лечебных учреждений, где защита персональных данных существует, мягко говоря, условно, а также на компьютерах врачей.

Нам известно не мало случаев, когда врачи, переходя на новое место работы, автоматически копировали данные о своих пациентках и родившихся малышах на съемные носители информации. Где они теперь? Из любопытства можно почитать переписку некоторых врачей в Интернете. Иногда там подробно и цинично обсуждаются как роженицы, так и младенцы.

Далее в отношении любого человека следует несколько этапов, где фиксируются о нем и его родителях сведения, причем полные:

- регистрация факта рождения человека (в ЗАГСе);
- регистрация ребенка по месту жительства;
- оформление полиса обязательного медицинского страхования;
- оформление гражданства;
- постановка на учет в детскую районную поликлинику;

- оформление в детские дошкольные учреждения (ясли, детские сады).
- оформление в общеобразовательные средние учебные заведения.

В каждом из этих органов имеются базы данных, которые ведутся в электронном виде. Доступ к ним, как правило, имеет весь персонал. Они же имеют и возможность копирования сведений.

Далее у человека начинается этап взрослой жизни. И на каждом ее отрезке в электронном виде он десятки раз заполняет все сведения о себе, своих близких (как родителей, так и детях, жене), здоровье, имущественном и социальном положении, месте жительства своем и близких, собственности и т.д., и т.п. Подобные сведения хранятся во многих учреждениях.

- налоговые органы;
- места выдачи общероссийского паспорта и места регистрации;
- военные комиссариаты;
- органы росреестра;
- учеты ГИБДД;
- органы ЗАГСа;
- и т.д.

Каждое из этих учреждений располагает полными и подробными сведениями о человеке. Эти сведения опять же хранятся в электронном виде. И хотя они, несомненно, защищаются лучше, чем в медицинских учреждениях, но все равно попадают в открытый доступ. Мы, например, лично видели все базы названных структур в продаже на рынках Москвы.

Кроме этих учетов, имеются базы данных в организациях, без которых человек точно не обойдется:

- учебных заведений (училищ, институтов, академий, университетов);
- медицинских учреждений (поликлиник, больниц, диспансеров).

Сюда же относятся базы авиакомпаний, железнодорожных и морских компаний. Они тоже встречаются в продаже. В таких базах, помимо паспортных данных, хранятся сведения о том, когда, куда, на каком рейсе и в

какое время человек выезжал и, соответственно, приезжал. То есть, факт поездки, скрываемой человеком в силу каких-то причин, легко установить.

Если человек был вовлечен в орбиту бизнеса, пусть даже небольшого, то количество информации о нем значительно больше. Сейчас созданы несколько огромных баз данных для поиска юридических лиц, их учредителей и руководителей, оценки благонадежности их бизнеса.

Например, специализированные информационные базы данных («Кронос», «Спарк», «Интегрум» и т.п.) содержат постоянно пополняемые сведения о юридических и физических лицах, их регистрационных и учетных данных, местах регистрации, уставном капитале, дате образования, владельцах и акционерах, исполнительных директорах. Помимо того, там имеются сведения об аффилированных с ними лицах (физических и юридических), о балансе компании, ее отчетах и финансовом положении, наличии рисков и т.д. Помимо этого, на сайте ФНС «Egrul.nalog.ru», можно получить актуальные сведения из ЕГРЮЛ о любом юридическом лице. А сайт «Service.nalog.ru» дает возможность проверить, не подавались ли документы в налоговый орган для внесения изменений в учредительные документы какой-либо организации и в сведения о юридическом лице, в том числе связанных со сменой состава участников, адреса (места нахождения), изменением сведений о руководителе.

Есть и несколько других сайтов, предоставляющих подобную информацию. Например, «Финразведка.ру» представляет исследование деятельности и экономического состояния компаний - конкурентов, партнеров поставщиков, клиентов путем анализа их финансовой документации. Информационное агентство «valaam-info.ru» содержит информацию о юридических и физических лицах. База данных «Центральный каталог кредитных историй» содержит сведения об исполнении субъектом кредитной истории (заемщиком) принятых на себя обязательств по договорам займа (кредита) и пр.

Однако это далеко не все. Человек не задумываясь оставляет сведения о себе не только по мере необходимости (в государственных учреждениях или для бизнеса). Он оставляет эти сведения всюду, даже в сфере услуг. Сейчас распространено, что крупные магазины имеют базы своих клиентов, где фиксируют полностью и фамилию-имя-отчество, и адрес проживания, и состав семьи, и средства связи (номера мобильного и домашнего телефонов, адрес электронной почты). Такие же базы имеют сервисы доставки, массажные кабинеты, бассейны, кредитные учреждения, страховые компании и пр. В каждом из них находится достаточно подробная база данных, сведения в которой хранятся далеко не всегда надежно.

Свои базы данных имеют и средства массовой информации (телевидение, радио, газеты). Их базы, конечно, избирательны. Они не касаются широких слоев населения. Как правило, они содержат сведения только об известных или интересных изданию людям. Если это политическое СМИ - то там собирается информация на политиков, в том числе компрометирующие их материалы. Если бизнес-журнал – то объектами журналистов становятся бизнесмены и их семьи и т.д. Журналисты не редко проводят свои собственные расследования, выносят собранный материал, в том числе касающийся интимных вопросов, на обсуждение общества, а иногда и хранят собранное «до лучших времен». Впрочем, «жертвами» таких расследований могут стать и обычные люди.

Особого внимания заслуживает Интернет. Интернет по своей сути – и огромная база данных, и средство массовой информации. Во-первых, в нем можно найти многие из перечисленных информационных баз и сведений. Во-вторых, информация о человеке, в том числе сугубо личная, может активно обсуждаться и распространяться на форумах и в социальных сетях. Причем без ведома этого человека. Там же могут быть опубликованы фотографии, в том числе компрометирующие или порочащие человека. Про личные фотографии скажем еще несколько слов. Почему-то многие люди считают, что пересланная по электронной почте фотография не может попасть в чужие

руки. На самом деле это, конечно, не так. Но удалить свою фотографию из Интернета уже практически невозможно. Напротив, существует целая группа специалистов, занимающихся поиском интимных фотографий, и затем широко публикующих их на различных сайтах.

В мире в целом и России в частности, процесс дальнейшей информатизации продолжается. Так, активно вводятся электронные дневники в школах, единые платежные электронные документы, единые электронный идентифицирующий документ и т.д. То есть, процесс получения полных сведений о человеке будет продолжен.

При этом сейчас не составляет труда как получить необходимую информацию, так и распространить ее через Интернет.

Однако надо понимать, что есть право на личную и семейную тайны, охрану доброго имени. Уже сейчас в обществе циркулирует огромный электронный массив данных и он не поддается контролю. Несмотря на заверения организаций о сохранении личных сведений в тайне, рынки постоянно пополняются свежими базами данных.

Подобная ситуация уже вредит человеку, его правам и свободам, что подтверждается многими примерами. В частности, совершено немало преступлений, когда преступники, имея в руках точные установочные данные других лиц, оформили на последних долговые обязательства. Другие преступники, узнав из информационных баз магазинов о богатых клиентах, совершили у них хищения. Распространены и случаи хулиганства, некоторые из которых закончились трагически. Так, взятую из социальной сети фотографию девушки незадолго до свадьбы разместили среди фотографий проституток на порносайте. Свадьба не состоялась. А опозоренная соседями мать девушки покончила жизнь самоубийством. Случаев использования личных данных человека в противоправных и аморальных делах много.

Кто может дать гарантии того, что каждый из нас не столкнется с подобного рода преступными действиями или глупыми шутками? Таких гарантий нет. Равно как нет и четкого правового регулирования

информационного пространства. А защиты личных данных фактически нет совсем. Изложенное требует от юристов серьезнейшего осмысления происходящего и выработки конкретных правовых мер.

Отход от наличных денежных средств, рекомендации использовать безналичные электронные средства (скажем, пластиковые банковские карты) приводят к тотальному контролю за человеком, его платежами, покупками, личной жизнью. Более того, это дает возможность управлять тратами человека (например, при необходимости заблокировать платежи, списать без согласия человека сумму на какой-нибудь штраф и т.д.). Не все люди пока не понимают, что с полным введением этих систем они станут полностью подконтрольными и зависимыми. При этом имеющегося сейчас правового регулирования явно не достаточно.

Другой проблемой стал стремительно развивающийся массовый контроль за перемещениями людей.

Сегодня в крупных городах камеры слежения установлены почти всюду, где только возможно. Они имеются на магистралях и перекрестках, площадях и скверах, вокзалах и ресторанах, гостиницах и уборных, школах и детских садах, в частных офисах и государственных учреждениях, супермаркетах и маленьких магазинах, наземном транспорте и метро и т.д., и т.п. Одним словом - везде.

В Интернете мелькала цифра, что за один день среднестатистический москвич, двигаясь на работу и назад, попадает в поле зрения видеокамер 30-50 раз! В 2014 году мы проверили это на собственном примере и убедились, что данные не врут. Но проведя аналогичные исследования в 2018 году мы пришли к выводу, что среднестатистический москвич, отправляющийся на работу и назад ежедневно попадает в поле зрения 50-70 видеокамер. А если учитывать, сколько раз человек попадает в поле зрения офисных видеорегистраторов на работе, то это число будет еще больше.

Многое из изложенного может дать положительный эффект. Например, система видеоконтроля обстановки на дороге может позволить объективно

узнать, кто был виновен в ДТП. Или видеокамера может зафиксировать грубость социальных работников клиентам.

Однако возникает и много вопросов. Так, где хранятся эти видеозаписи и кто имеет к ним доступ? Жизненный опыт показывает, что доступ к ним имеют многие. Более того, спустя незначительное время кадры со скрытых камер размещаются в Интернете на всеобщее обозрение. Сейчас от этого не застрахован ни один житель. И неловкое падение человека (могущее со стороны кому-то показаться смешным), нефотогеничное лицо, конфликт с прохожим, ссора с близкими может в момент оказаться достоянием всех. Еще более неприятно, если видеокамеру установят в уборной и опубликуют увиденное. Ничего нового там, разумеется, не увидят, но несомненно, запечатленному человеку будет неприятно.

Сейчас появилось достаточно много людей, нашедших себе занятие в видеоохоте за известными людьми, собиравшие и тиражирование в Интернете про них любых неприятных моментов жизни: нарушений правил дорожного движения, скандалов, неловкостей в поведении, ошибочных высказываний. С такими людьми недавно столкнулся ректор МГУ академик В.А. Садовничий, который, оговорившись, неправильно сосчитал проценты во время выступления в аудитории. Запись выступления В.А. Садовниченко зафиксировала висящая в аудитории видеокамера (уж не знаем, для чего она там находилась). Но уже к вечеру фрагмент с оговоркой академика был опубликован в Интернете, а затем растиражирован. Причем, естественно, только фрагмент с оговоркой, а не выступление этого известного ученого целиком. На следующий день весь Интернет был в копиях этого фрагмента. А кто-то уже внес факт оговорки В.А. Садовниченко в Википедию.

Имеется и другая опасность. Как все понимают, к любым записям с видеокамер всегда тянется криминал. Подсмотренное всегда можно использовать для шантажа, тайной слежки за человеком для совершения нападения и т.д.

Заверения о том, что подобные записи не станут достоянием посторонних не соответствуют истине. Они уже появились и будут появляться на «черных рынках», как там давно имеются конфиденциальные базы данных, учеты МВД и таможни. Надо понимать, что если родители купят записи, где будет запечатлено поведение ее дочери, это одно. Но если купят киллеры или грабители для отслеживания жертвы – это уже другое.

Но главное, действительно ли необходимо устанавливать камеры на каждом шагу? Хорошо ли то, что человек всегда находится под наблюдением? Должна ли быть у человека личная жизнь, личные дела и личные тайны?

Человечество так долго боролось за свои права и свободы, чтобы сейчас все это поставить под сомнение?

Сейчас уже не является секретом то, что мобильный телефон позволяет не только быстро дозвониться до вас в любой точке, но и установить ваше местоположение. Операторами связи уже официально предлагаются услуги по определению, например, места положения ребенка или супруга с помощью его мобильного телефона. Мобильный телефон по своей сущности является передатчиком, своеобразным вашим маяком и поэтому в какой-то степени вашим ошейником. Сведения о перемещениях владельца телефона хранятся только у операторов связи, но почему-то все равно просачиваются на рынок и становятся широко доступными. Фактически с широким использованием мобильных телефонов люди потеряли право на тайну перемещений и частично тайну на личную жизнь.

Здесь надо упомянуть и о прослушивании телефонных переговоров. Как все знают, тайна телефонных переговоров – одно из важнейших естественных прав человека, охраняемое государством. В Российской Федерации это право закреплено в статье 23 Конституции Российской Федерации. Телефонные переговоры можно прослушать на основании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», с обязательным соблюдением указанных там оснований и условий для

проведения этого мероприятия. Право прослушивать телефонные переговоры предоставлено только органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Нарушение тайны телефонных переговоров влечет установленную законом ответственность.

Однако раньше технические средства, способные прослушивать телефоны, были строго учтены. Сейчас развитие технических средств и недостаточная правовая регламентация повлекли то, что рынок прослушивающей и записывающей техники в России стал почти бесконтрольным. Появилось много людей, рекламирующих оказание подобных услуг. А люди перестали удивляться фактам появления в Интернете записей личных переговоров. Профессионалы, конечно, возразят, что прослушивать телефоны – не дешевое удовольствие, требующее к тому же и финансовых, и временных затрат. Прослушивать телефон будут только в случае, если разговоры человека представляют или могут представлять какой-либо интерес. Но это слабое утешение для тех, кому пришлось с этим столкнуться. А главное, опять же любой человек фактически может оказаться беззащитным от произвола.

Кроме того, современная информационная техника предоставляет широкие возможности для монтажа записей и их фальсификации. Конечно, экспертиза в большинстве случаев может отличить оригинал записи от подделки. Однако это произойдет уже после того, как человека публично дискредитируют.

То же касается и личной переписки. Тайна переписки и сообщений в Российской Федерации признается естественным правом человека, охраняется Конституцией и другим законодательством. Но на практике личная переписка в компьютерах и Интернете может быть легко взломана хакерами. И на рынках продается множество программ, позволяющих вскрывать и прочитывать сообщения в Интернете.

В целом, ситуация с тотальным контролем за человеком характерна не только для России, но и для всего мира. Как в середине XX века человечество

наделало столько атомных бомб, что теперь не знает, что с ними делать, так и сейчас изготовлено столько видеокамер и регистраторов, что люди сами от этого начали страдать.

Наверное, в большинстве семей сейчас стоят современные цифровые телевизоры и компьютерные мониторы. В них обычно вмонтирована видеокамера, используемая, например, для совершения видеовызовов. Однако абсолютное большинство людей совершенно не задумываются, что уже существуют хакерские программы, позволяющие эти видеокамеры тайно активировать и с их помощью начать видеонаблюдение за квартирой. Иными словами, вы думаете, что смотрите телевизор, а на самом деле телевизор смотрит (следит) за вами. Кто и как распорядится полученными сведениями о вашей личной жизни?

Следующей важнейшей проблемой, связанной с электроникой и информационным пространством стало здоровье!

Сейчас мы все напичканы электронной техникой. Электроника находится у нас дома и на работе, люди компьютеризированы и носят с собой как минимум по одному мобильному телефону. Однако пока не проведено честных исследований того, насколько эта электронная техника вредна для здоровья. Мы можем повторить, что мобильный телефон – это передатчик. О том, что постоянно носить передатчик не полезно для здоровья догадываются многие. Тем более, долго разговаривать по нему.

В России еще не выросло поколение, которое постоянно пользовалось мобильными телефонами и другими электронными средствами связи. Пока врачи, наверное, не могут объективно оценить имеющийся вред здоровью. Остается надеяться, что он будет минимальным.

Кроме физического здоровья, информационное пространство значительно воздействует и на психику человека.

Такое воздействие можно классифицировать на несколько направлений. Наиболее распространенными являются:

1. Воздействие на политической основе. Оно осуществляется в ходе периодически проводящихся в России выборов в различные органы власти, а также при формировании отношения к политикам, общественным деятелям. Понятно, что такое воздействие бывает направлено как на позитив, так и на негатив, незаслуженное очернение человека.

2. Воздействие на экономической основе. Имеются в виду постоянно давящие на сознание объявления о скидках, распродажах, улучшениях, льготах и пр. Все эти скидки и улучшения хорошо просчитаны экономически и приносят продавцам реальную прибыль. И нередко вслед за как бы скидками следует желание реализовать залежалый (и в общем-то не очень нужный) товар, но с прибылью. Информационное пространство оказывает воздействие на людей и провоцирует их к приобретению не особенно нужных предметов, вещей.

3. Воздействие на религиозной основе. Помимо мировых религий, которые следует уважать, сознание и мышление человека обрабатывается десятками различных сект, всяких пророческих движений и т.д. На финансирование этих религиозных организаций затрачиваются большие средства, существуют и реализуются программы по втягиванию в сектантство молодежь и т.д.

4. Воздействие на аморальной основе. Человек устроен так, что в нем пропорционально сочетаются как моральное, так и безнравственное (животное) начала. Средства массовой информации с откровенно аморальными передачами, безнравственными сюжетами, провоцирующими насилие и жестокость, увы, имеют большие рейтинги. Интернет – любимая игрушка подростков – заполнен сюжетами с порнографией, убийствами, хулиганством, драками и пр. В сумме: у многих людей соблазн подобных зрелищ побеждает разумность и побуждает желание хотя бы раз попробовать, поучаствовать. В особенно такое воздействие сильно влияет на молодых людей, подростков.

5. Воздействие на расовой и националистической основе. Казалось бы в России – стране победившей фашизм, - национального вопроса быть не должно. Однако этот вопрос есть. И в России в последнее время он стоит достаточно остро. Чему свидетельствуют войны в Чечне, сепаратизм Кавказских республик, многочисленные националистические движения.

С учетом распространения средств информации человек уже не может спрятаться от этих видов психологического насилия. В любой точке города его настигнет реклама, предвыборный слоган, националистический призыв, предложение вступить в партию или секту и пр. Указанные призывы и предложения редко несут положительные эмоции. Отсюда у человека накапливается агрессия, требующая выплескивания. Негативная энергия выплескивается на семью, коллег по работе и просто на прохожих.

При этом надо понимать, что рекламу (как социальную, так и политическую), а также другие предложения и призывы готовят профессионалы. Они хорошо знают психологию человека и толпы, на основе чего активно применяют изобретенные человечеством информационные технологии влияния на общественное сознание. Сами технологии, собственно, изобретены достаточно давно. Просто сейчас, с учетом развития информационного пространства, они становятся более эффективными.

Исследований того, насколько опасны подобные воздействия для психического здоровья человека, проводится, на наш взгляд, явно не достаточно.

Кроме того, надо знать и понимать, что чрезмерное воздействия на сознание всегда влечет социальный взрыв. Нужно ли нашему обществу очередное потрясение? Насколько губительно оно отразится на каждом из нас и России в целом?

Добавим, что сейчас активно идут работы по созданию искусственного интеллекта. Эти работы тоже не поставлены под жесткий правовой контроль. Роботы с искусственным интеллектом разве не смогут использовать его в

преступных целях? Где правовые механизмы защиты от таких экспериментов? Ответов нет.

Кратко подводя итог, повторим, что перед человечеством в конце XX века появились новые глобальные проблемы, касающиеся его телесной природы и воздействия на него через информационное пространство. Их опасность надо скорее осознать и разработать конкретные правовые механизмы по разрешению названных проблем.

ГЛАВА 5

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ДЕФОРМАЦИЯ

§ 1. Правосознание

Философия права немыслима без исследования правосознания. В данной главе мы рассмотрим отдельные проблемы правосознания, правового нигилизма и профессиональной деформации, расширив и уточнив публиковавшееся ранее наше видение этих вопросов.¹

Как уже отмечалось в книге, по нашему мнению право зарождалось на Земле как минимум трижды. Первый: с появлением на Земле человека, в сознании которого заложено стремление к праву, необходимость права. Второй: с возникновением первого государства и появлением исходящего от него позитивного права. Третий: с зарождением обычаев, получивших со временем статуса правовых.

Несомненно, что на каждом из витков зарождения права, у человека есть и правосознание. В сознании родившегося человека есть стремление к праву, он на примитивном уровне оценивает свои права (право на жизнь, на пропитание, на охрану здоровья), частично регулирует свое поведение, а уже в дальнейшем воспринимает и оценивает правовые обычаи и нормы права, издаваемые государством. Право и, соответственно, правосознание, находятся рядом с человеком всегда. Различен уровень осознания права.

Сознание и правосознание соотносятся как целое и часть. То есть, сознание человека обязательно включает в себя правосознание. Если человек в силу каких-либо причин не научился читать, считать и писать, то у него не будет понимания большинства научных, в том числе юридических истин. Но сознание, пусть примитивное, будет. И правосознание все равно будет. При любых условиях жизни (в ненаселенных местах, в нецивилизованном обществе, среди необразованных людей) человек даже на примитивном

¹ Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. 2012. № 2. С. 48-53.

уровне всегда будет понимать и оценивать правила своего поведения, то есть, что можно делать, а чего следует избегать. Помимо потребности сознания в праве, регулировать свое поведение человеку помогут и обычаи, которые в необразованных слоях весьма распространены. Исходя из таких обычаев и собственного сознания человек будет оценивать свое поведение, то есть руководствуясь правосознанием.

Иными словами, право не мыслимо без осознания его человеком. Но и сознание невозможно представить без права, которое является для каждого человека жизненно необходимым.

Вопрос о том, присуще ли правосознание человеку непосредственно с рождения или нет, малоизучен. С одной стороны, правосознание связывают с уже определенным умственным развитием. Правосознание – это разумная деятельность. С такой точки зрения с рождения правосознания не возникает, а формируется чуть позже. С другой стороны, человек наделен правами с рождения. С рождения у него начинается и мыслительная деятельность. Значит и правосознание начинает формироваться с начала мыслительной деятельности, то есть практически с рождения. Отсюда и берет начало известная мудрость:

Женщина задала вопрос мудрецу: - с какого возраста надо начинать воспитывать ребенка? Мудрец спросил: - А сколько лет ребенку? - Только исполнилось пять, – ответила женщина; - В таком случае, - заключил мудрец, – вы опоздали с воспитанием на пять лет.

То есть, уже с начала мыслительной деятельности ребенка, пусть примитивной, закладывается основа его правопонимания, правосознания, поведения. Правовые обычаи и законы он будет постигать и оценивать позже, в процессе всей жизни.

Вместе с тем, философию права и юридическую науку, разумеется, интересует не правосознание дошкольников, а правосознание более взрослой части населения.

В принципе, подходы к правосознанию определены наукой достаточно давно. Под правосознанием обычно понимают систему правовых чувств, эмоций, идей, взглядов, оценок, установок, представлений и других проявлений, выражающих отношение человека как к действующему праву, своим правам и свободам, юридической практике их реализации, так и к желаемому праву, к другим желаемым правовым явлениям.

В регулятивном воздействии правосознания П.П. Баранов выделяет следующие моменты:

1. Правосознание не просто способствует осознанию гражданином цели юридически значимого поведения, но и является определяющим источником и каналом этого осознания. Правосознание помогает человеку всесторонне осмыслить ситуацию. Именно здесь происходит невидимый глазу процесс «расщепления» сознания на правовое или противоправное.

2. Правосознание помогает человеку «увидеть» набор возможных средств достижения целей юридически значимого поведения и произвести выбор конкретных средств из этого гипотетического множества.

3. Правосознание индивида помогает ему правильно оценить социальную эффективность избранной стратегии достижения целей юридически значимого поведения.¹

На правосознание, то есть внутреннюю оценку человеком правовой реальности, помимо непосредственно правовых норм, оказывают влияние и другие факторы. К таким факторам, в частности относятся, сложившаяся в обществе система нравственных норм, принятые в социуме правила поведения, пример окружающих тебя людей и сослуживцев и др. Как показывает опыт, эти факторы оказывают больше влияния на формирование правосознания, чем правовые нормы. В этом смысле совершенно прав В.Н. Кудрявцев, давно обосновавший этот тезис. По его мнению, норма права в диспозиции определяет желательное для общества и личности поведение.

¹ *Общая теория права* / Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород. 1993. С. 480 (автор главы – П.П. Баранов).

Однако следует иметь в виду одно принципиальное положение: правосознание всегда ближе к «поступку», чем правовая норма. Именно оно, а не правовая норма «предотвращает противоправное поведение» и придает поступку «желательное юридическое значение».¹

В юридической науке правосознание принято подразделять на три уровня:

- обыденное;
- научное (теоретическое);
- профессиональное.

Вместе с тем, несмотря на общепринятость, такая позиция вызывает определенную критику. Ведь научно-педагогические работники в области права, несомненно, наделены именно *профессиональным* юридическим правосознанием. Более того, своей педагогической практикой и научными публикациями эти специалисты вырабатывают правосознание как обыденное у граждан, так и профессиональное у будущих и действующих юристов. Указанная категория людей стоит во главе формирования правосознания.

Однако не совсем верно говорить о том, что, например, председатель суда, глава крупной адвокатской конторы, директор юридической фирмы обладают профессиональным правосознанием, а профессор теории права — научным, то есть не профессиональным. В этом чувствуется противопоставление научного и профессионального правосознания, чего, конечно, не должно быть.

Полагаем, что научное правосознание относится к профессиональному правосознанию и является его высшим уровнем.

Следует иметь в виду и то, что в юриспруденции, как и в медицине, многие практические работники имеют ученые степени и звания. Собственно говоря, после достижения человеком определенных успехов в практической юриспруденции, у него возникает осознанная потребность повысить свои

¹ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М. 1976. С. 38.

знания, лучше систематизировать их, по-новому оценить и осмыслить. Где это можно сделать, кроме как в науке?

Именно поэтому многие состоявшиеся практические сотрудники стремятся в науку, пытаются с научной точки зрения заново посмотреть на те или иные проблемы, поделиться опытом и, напротив, более тщательно оценить предложения других коллег.

Этот процесс всем известен. Многие известные государственные деятели, политики, судьи, прокуроры, адвокаты не просто имеют высокие научные степени, но и стали известными учеными¹. Однако правосознание-то у них одно. Так какое это правосознание: профессиональное или научное? Едва ли возможно предположить, что их правосознание меняется в зависимости от места нахождения: в служебном кабинете – профессиональное, а на кафедре или в домашних стенах – научное?

Сказанное относится не только к государственным и общественным деятелям, известным практикам. Мы знаем не мало специалистов, активно и эффективно совмещающих научное и практическое. Их основная сфера деятельности связана с практикой (адвокатов, следователей, прокуроров и т.д.), что не мешает им одновременно заниматься подготовкой диссертационных исследований, преподаванием. Опять возникает тот же вопрос об их правосознании.

Мы предложили классифицировать правосознание на:

- профессиональное;
- непрофессиональное (обыденное).

¹ Перечислить всех невозможно. Председатели Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин и В.А. Туманов – известные теоретики права, бывший Председатель Высшего арбитражного суда В.Ф. Яковлев – член-корреспондент РАН. Академик РАН Т.Я. Хабриева занимала ответственные посты на государственной службе, была заместителем министра. Член-корреспонденты РАН Д.А. Керимов и С.С. Алексеев были народными депутатами СССР. Так было и ранее. Например, известный теоретик права академик А.Я. Вышинский был Генеральным прокурором СССР, видные посты в Генеральной прокуратуре в тот период занимали член-корреспонденты АН СССР М.С. Строгович и С.А. Голунский. Если взять дореволюционный период: Л.И. Петражицкий был депутатом Первой Государственной Думы Российской Империи, Б.Н. Чичерин – московским городским головой. Этот список можно значительно расширить.

При этом профессиональное правосознание может быть разделено на:

- научное и научно-практическое (комплексное);
- ненаучное (строго практическое).

Наш подход был положительно воспринят зарубежными специалистами.

В России отзывов на него практически не поступило.

Научное и научно-практическое правосознание являются высшими уровнями правосознания. Низший уровень профессионального правосознания, напротив, составляют практические работники, не стремящиеся или не могущие в силу объективных причин подняться на более высокую ступень осознания и восприятия правовой действительности. По нашим наблюдениям эти люди, как правило, превращаются в ремесленников, хорошо знающих очень узкую часть права, ту, с которой приходится сталкиваться в повседневной деятельности. Другие составляющие права даже в пределах одной отрасли для них нередко являются (или быстро превращаются) в неизвестные и непонятные.

Может быть, мы выскажем не бесспорную мысль. *По нашему мнению, настоящий юрист обязательно должен заниматься или хотя бы пытаться заниматься научной деятельностью.* Без этого юридические нормы забываются и даже известные положения становятся возможными для применения только в типичных случаях.

Только научная деятельность позволяет систематизировать знания, постоянно совершенствовать их, расширять свои познавательные горизонты. Поэтому эффективная практическая юридическая деятельность не возможна без мыслительного движения вперед, без постоянного расширения познания права и правового бытия.

Видимо, также думал и О.Э. Лейст, который предложил подразделять уровни профессионального познания права на:

- практикующую юриспруденцию;
- общую теорию права;

- философию права.¹

Профессиональное правосознание практикующего юриста не выходит за пределы оценки действующего права; все, что относится к оценке этого права, в перспективах его изменения и развития, к проблемам происхождения права, его смысла и социального назначения, не связано с его практической деятельностью. Привычка мыслить формулировками и понятиями наличного права порождает консерватизм части корпорации юристов, отторжение новшеств в правовой системе, даже если эти новшества ведут к совершенствованию содержания права и процедур его реализации. Профессиональное правосознание юристов порой расходилось с потребностями общества и общепринятыми понятиями справедливости... Государство для практической юриспруденции – это сумма должностных лиц и государственных органов, уполномоченных решать и рассматривать различные категории дел; юриста-практика интересуют подведомственность или подсудность порученных ему дел, а потому компетенция различных государственных учреждений и должностных лиц, часы и дни их работы, порядок оформления документов (исков, заявлений), сроки рассмотрения дел или обжалования решений и т.п.

Общая теория права является по О.Э. Лейсту вторым, более высоким, чем практическая юриспруденция уровнем знаний о праве. Общая теория права не учит решению конкретных дел. Но она помогает при исследовании материалов дела отличать юридические факты от обстоятельств, не имеющих юридического значения, определять наличие юридического состава и его квалификацию, решать не всегда простые вопросы выбора нормы, подлежащей применению, проверять юридическую силу этой нормы, элементы которой содержатся в разных нормативно-правовых актах и т.д.... Общая теория права видит в государстве оформленную правом правотворческую организацию, применяющую право и охраняющую его от нарушений. Общая теория права изучает такие проблемы, обусловленные

¹ Лейст О.Э. Сущность права. С. 259.

существованием государства, как соотношение частного и публичного права, правовой статус государственных органов и должностных лиц в качестве особых субъектов права, особенности материально-правовых и процессуальных норм, место и роль суда и других правоохранительных органов в охране правопорядка, обеспечение законности и др.

Третьим, самым высоким уровнем познания права является *философия права*, стремящаяся постичь законы бытия права, его место и роль в социокультурном мире разных цивилизаций, его связь с человеком, коллективом, обществом и государством, с общественным сознанием и культурой человечества. Поскольку философия права использует выводы других общественных наук и притом несвободна от ориентации на определенную систему ценностей, философские взгляды на государство, как и на право, разнообразны. В зависимости от идеалов и ценностной ориентации одни видят в государстве потустороннюю силу, действительность нравственной идеи, другие – организацию, форму общества, третьи – машину для подавления одного класса другим, орудие насилия и принуждения, четвертые – выделенный из общества в результате разделения труда иерархически централизованный класс лиц, профессия которых состоит в управлении и (или) принуждении, пятые – олицетворение России, Отечества, Нации и т.п... Философское видение права разнообразно и противоречиво. Но и оно связано с практической юриспруденцией и способно оказать влияние на практику решения юридических дел.¹

С такой высокой оценкой философско-правового познания права мы согласны. В целом поддерживая предложенную О.Э. Лейстом классификацию, отметим, что он не указал важную деталь: общеправовым и даже философско-правовым уровнем знаний обладают не только теоретики-мыслители, но и некоторые практикующие юристы, а также лица, совмещающие практикующую и научную работы. При этом мы солидарны с О.Э. Лейстом в том, что философия права несет в себе и практическую

¹ См.: Лейст О.Э. Сущность права. С. 259-266.

функцию, может в ряде случаев оказать влияние на практику рассмотрения юридических дел, а основополагающие проблемы прагматики права входят в предмет данной дисциплины.

Отдельно требуется сказать об обыденном правосознании. Этот уровень правосознания является наиболее распространенным, так как абсолютное большинство людей не имеют юридического образования. На формирование такого правосознания значительное влияние оказывают воспитание, среда жизни людей, непосредственные условия их существования, уровень жизни, интеллектуальность, образованность и др. Велико и значение опыта общения с правом. Этот опыт накапливается как собственными действиями человека, так и пополняется через средства массовой информации, коммуникации, кинофильмы и пр.

Обыденное правосознание начинается с обыденного сознания. Рассуждая о нем, В.С. Степин писал, что обыденное сознание, как правило, не осуществляет рефлексии над своими глубинными основаниями. Человек в повседневной жизни понимает, что такое пространство, время, добро, зло, справедливость и т.п., и соответственно этому пониманию оценивает конкретные события, поступки и действия других людей. Но он обычно не задумывается над смыслами этих категорий, и если речь пойдет об их определении, о выявлении их связей и отношений, то обыденное мышление не может решить. Их решает философия. Она осуществляет рефлексию над универсалиями культуры, выносит их на суд разума, превращает в особые идеальные объекты, с которыми философ затем оперирует также, как математик с числами и геометрическими фигурами, изучая их свойства и отношения¹. Соглашаясь с этим мнением, Д.А. Керимов дополняет: «связи и отношения указанных (и иных) универсалий культуры решает не только философия, но и все другие гуманитарные и общественные науки, в том числе правоведение и прежде всего философия права².

¹ Цит. по: Керимов Д.А. Методология права. С. 388.

² Там же.

Обыденному правосознанию юристы должного внимания не уделяли. Возможно поэтому в учебной литературе по юриспруденции встречаются очень упрощенные понятия обыденного правосознания. Например, А.Б. Венгеров считает, что «обыденное правосознание – это отношение к праву, его оценка на уровне стереотипов, штампов, слухов, курсирующих в тех или иных социальных группах, иногда толпе»¹. В данном определении автором совершенно игнорируются такие важные факторы формирования правосознания как интеллектуальность, образованность, наконец, воспитанность. Воспитанный в законопослушности и нравственности человек, хотя и не являясь юристом, не будет оценивать право через призму штампов, слухов и т.д. При этом если человек интеллектуально развит и образован – тем более. Едва ли предложенное А.Б. Венгеровым определение можно отнести к известным физикам, математикам, врачам, учителям и т.д., хотя их правосознание в плане юриспруденции вовсе не профессиональное и не научное. Д.А. Керимов верно сказал о том, что зрелость правосознания индивида зависит от уровня его интеллектуальности, которая вовсе не является наследственным благоприобретением или замкнутой в самой себе ценностью. Она представляет собой тот особый склад ума и характера, который вырабатывается самим человеком в процессе практической деятельности, общения с другими людьми в условиях жизнедеятельности всего общества².

Другим периодически встречающимся в научной и учебной литературе спорным суждением, является противопоставление обыденного правосознания научному. Так, обыденное правосознание по отношению к научному нередко характеризуется в негативном ключе. Вместе с тем, значение обыденного правосознания очень велико. Именно оно является своеобразным индикатором эффективности действия правовых норм. И в этой связи оно дает импульсы для научного осмысления таких норм,

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права. С. 563.

² Керимов Д.А. Методология права. С. 393.

формулирования предложений по их совершенствованию. Научное правосознание немыслимо и невозможно без изучения обыденного правосознания, которое является отправной точкой для изучения тех или иных общественных правоотношений.

Поскольку интеллектуальность традиционно понимается как высшая форма сознания, игнорировать ее при оценке обыденного правосознания совершенно не верно.

Кроме того, обыденное правосознание как наиболее массовое правосознание является основой правопорядка. Чем выше именно его уровень, тем выше, соответственно, уровень правопорядка. Поэтому юристы каждым своим словом и действием должны поднимать уровень обыденного правосознания.

Необходимо кратко высказаться еще по одному вопросу. Сейчас в научный оборот введен термин «интуитивное знание» - понимание сути предмета, полученное благодаря интуиции, непосредственному постижению сущности вещи. Отсюда скоро возникнет вопрос о том, существует ли интуитивное правосознание?

Надо сказать, что термину «интуиция», на наш взгляд, недостаточно внимания уделяли как философы, так и психологи. В результате, интуиция как правило определяется как чувственное познание.

Мы думаем несколько иначе. Скорее интуиция есть предчувствие, то есть перед чувствами, до чувств. Отсюда, говоря об интуитивном знании, более правильно его определять как предчувствие о признаках предмета, но ни как не о понимании, постижении его сущности. То есть, в данном случае речь идет не о сознании и тем более не о правосознании, а о предчувствии, до осознанности. Потому мы считаем, что говорить об интуитивном правосознании не верно.

Вместе с тем, интуиция может играть определенную роль в правомерном поведении. Так люди, не имеющие юридического образования и профессионального правосознания, но обладая жизненным опытом

интуитивно могут юридически правильно поступить в сложной ситуации. То есть, интуиция может выступать и выступает неким подсказчиком для сознания. Однако смешивать ее с сознанием и познанием не следует.

В завершение повторим, что на каждом из витков зарождения права у человека имелось и правосознание.

Мы классифицируем правосознание на:

- профессиональное;
- непрофессиональное (обыденное).

При этом профессиональное правосознание разделяем на:

- научное и научно-практическое (комплексное);
- ненаучное (строго практическое).

§ 2. Правовой нигилизм в России

Вопрос правового нигилизма в России неоднократно поднимался в работах русских философов досоветского времени. В советское время об этой деформации правосознания писали мало. Термин «нигилизм» был хорошо известен лишь по школьной программе (бессмертное произведение И.С. Тургенева «Отцы и дети»), однако он применялся не к праву.

В постсоветское время интерес к правовому нигилизму значительно возрос. Появилось много различных научных и публицистических работ. Теперь – в России маятник всегда качается по полной амплитуде, – слово «нигилизм» главным образом ассоциируется именно с правовым содержанием, что тоже не вполне верно.

Термин нигилизм имеет латинское происхождение (от лат. nihil — ничто) и множество значений. Наиболее известны такие разновидности нигилизма как:

- онтологический нигилизм, согласно которому бытие не имеет объективного смысла и ценности. Такой подход периодически становится популярным в философии.

- эпистемологический нигилизм, отрицающий познание и знание. Наиболее известным современным философом-нигилистом, исповедовавшим эпистемологический нигилизм, является Р. Рорти.¹

- моральный нигилизм, в соответствии с которым ничто не является моральным или аморальным.

И, наконец, правовой нигилизм, интересующий нас в контексте изложения данной главы.

Как отмечают исследователи, правовой нигилизм включает в себя три компонента отрицания. Первым из них выступает господство негативного отношения к действующему законодательству. Под воздействием политико-

¹ Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996; Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997 и др.

экономических обстоятельств, образующих кризисное состояние общества, закон утрачивает правовое содержание и не воспринимается как средство защиты прав и законных интересов индивида и общества в целом. Исчезает уважение к правовым нормам как к средству регулирования общественных отношений. Дальнейшее непризнание этих норм ведет к их несоблюдению. Вторым компонентом является отрицательное отношение общества к действующему правопорядку. И наконец, третий компонент — пренебрежительное отношение общественного сознания к свободе и формальному равенству как к базовым ценностям и основополагающим принципам правового регулирования. Это становится результатом действия жестких требований государства, которое не признает ценность права в механизме регулирования общественных отношений.¹

Правовой нигилизм, увы, свойственен россиянам. Русский человек, как правило, ничего хорошего не ждет от права и закона и в них не верит.

И действительно, так исторически сложилось, что доброта, справедливость, честность в правосознании россиян не отождествлялась с правом. Большинство населения нашего государства в досоветское время жило общиной. В рамках этих общин существовали свои традиции и обычаи, имевшие для ее членов статус общеобязательных регуляторов общественных отношений. Правовой обычай был одним из важных источников права в России. Именно такие обычаи считались справедливыми и имели приоритет по отношению к нормам права, которых, собственно, большинство населения и не знала.

Важно помнить и учитывать, что Россия много столетий - до 1917 года! - являлась аграрной страной, где абсолютное большинство населения было неграмотным либо малограмотным. О каких там нюансах правового регулирования могла идти речь? Общественные отношения в таких общинах регулировались моралью, нравственностью, которые и закрепляли

¹ Варламова Н. А. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее и будущее России // Открытое общество: Информационно-аналитический бюллетень. 2002. № 1 (12). С. 12.

соответствующие обычаи, получившие фактически статус правовых.

Причем в России длительное время было крепостное право (фактически рабовладельческий строй). Вся полнота власти за судьбу человека лежала на владельце крепостных. Он мог миловать и казнить, в том числе назначать смертную казнь. При этом мог казнить «под настроение», т.е. ни за что. Психология раба, а также отношение к праву как выдумке, бесполезной и неприменяемой в реальной жизни, сидит во многих душах россиян до сих пор. Показательно, что женщина в крепостном праве даже не считалась человеком (душой), ее правовой статус вообще не был определен. Иначе говоря, с ней можно было делать вообще все что угодно. Отсюда характерное для россиян особое неуважение к правам женщин: родилась женщиной - сиди на кухне.

Крепостное право формально было отменено в 1861 году, но фактически местами продержалось до первой революции в 1905 году. Мы собственно до сих пор в XXI веке можем наблюдать, что принятые в Москве законы не соблюдаются уже в соседних с ней областях. А республики и народности на окраинах России вообще живут подчас по своим законам и правилам. В части указа об отмене в 1861 году крепостного права с уверенностью можем сказать, что он не соблюдался длительное время, а до некоторых поселений в течение нескольких лет даже не был доведен.

Именно правовые обычаи, а не естественное право или позитивное право были основой правового регулирования на Руси. В.С. Степин по этому вопросу верно пишет, что в общинной жизни переплетались различные проявления духа коллективизма, которые Н.А. Бердяев обозначил терминами «коммунальность» и «соборность». Бердяев подчеркивал, что соборность отлична от коммунальности, то есть такого состояния коллективной жизнедеятельности, которое определено внешним принуждением. Соборность же предполагает объединение людей из внутренних побуждений, общей целью и общим делом. Но в реальной системе жизненных ориентаций эти различные и даже противоположные смыслы часто переплетались. Их

соединение можно обнаружить как в менталитетах традиционной крестьянской общины, так и в советское время¹.

К соборности мы бы добавили имеющиеся в ментальности россиян сострадательность, сердечность. Но эти светлые качества нередко проявлялись и проявляются к преследуемым государством и законом лицам. Отсюда давние поговорки: с Нижнего Дона выдачи нет (поговорка казаков), нам Москва не указ (поговорка, авторство которой приписывается Тамбовской области). Преследуемые государством лица (читайте – преступники) на Руси всегда вызывали сочувствие, чего никогда не наблюдалось на Западе.

Явление сочувствия преступникам связано с постоянной зависимостью россиян от всевластных помещиков, царей (а сейчас – чиновников) и их решений. Это выражают и народные пословицы, например: от тюрьмы, да от сумы не зарекайся. Такая пословица объясняет, что каждый человек (независимо от того виновен он или нет!), может в любой момент оказаться в тюрьме и в бедности. И эту мысль знает, наверное, каждый россиянин. В развитие этой мысли именно у русских и только у русских существуют другие характерные поговорки:

- Не всякий прут по закону гнут;
- Что мне законы, были б судьи знакомы;
- Не бойся закона, бойся судьи.

Более того, сейчас в относительно спокойное время считается нормальным и всем понятным, когда богатые люди и высокие государственные чиновники оказывают помощь тюрьмам и осужденным, но отнюдь не школам. И искренне (с юмором) объясняют свое поведение тем, что в школу они уже не попадут, а вот в тюрьму попасть могут. Равно как

¹ *Степин В.С.* Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // *Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики.* Издание Московско-Петербургского философского клуба. М., 2010. С. 22.

песни о тяжелой судьбе осужденных или о криминальной романтике знают все с детства.

Но и правящие элиты России (досоветские, советские и современные), тем не менее тоже не отличались особым уважением к праву. Например, всем известна цитата Б.А. Кистяковского из статьи «В защиту права (интеллигенция и правосознание)», опубликованной в журнале «Вехи» в 1909 году: «Притупленность правосознания русской интеллигенции отсутствие интереса к правовым идеям является результатом нашего застарелого зла – отсутствия кого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа». При этом названный ученый в данной статье пришел к выводу о том, что в духовном развитии российской интеллигенции не участвовала ни одна правовая идея. Дополняя свои мысли, Б.А. Кистяковский пишет: «Если иметь в виду это всестороннее дисциплинирующее значение права и отдать себе отчет в том, какую роль оно сыграло в духовном развитии русской интеллигенции, то получатся результаты крайне неутешительные. Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития». И далее: «У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полутора десятка юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя указать даже ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую по существу

не глубокую, но все-таки верную и боевую правовую идею, как иеринговская "Борьба за право". Ни Чичерин, ни Соловьев не создали чего-либо значительного в области правовых идей. Да и то хорошее, что они дали, оказалось почти бесплодным: их влияние на нашу интеллигенцию было ничтожно; менее всего нашли в ней отзвук именно их правовые идеи»¹.

Всем известен и приведенный Б.А. Кистяковским стих Б.Н. Алмазова:

*По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.*

Рассуждая по данному вопросу, В.Д. Попков точно отметил, что история Российского государства свидетельствует о противоречивых тенденциях в среде интеллигенции в ее отношении к государству и праву. С одной стороны, очевидно, что зарождение и развитие интеллигенции в России связано с государством, его деятельностью, в том числе и с правовой деятельностью, поддержанием правопорядка. Однако в русской политической и правовой истории наблюдается и негативное отношение определенных кругов интеллигенции к «праву государства», правопорядку. Например, славянофилы высказывали утверждения, отрицающие значение правовых норм для общественной жизни России, которая, по мнению славянофилов, предпочитает «духовную жизнь», внутреннюю правду», в отличие от Запада с его «внешней формой», «вексельной честностью» западноевропейского буржуа².

То же самое наблюдалось и в региональных элитах. Как пишет В.С. Степин, многие народы входили в состав Российской Империи добровольно,

¹ См.: www.vehi.net/vehi/kistyak.html.

² *Теория государства и права* / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2009. С. 805-806 (автор главы – В.Д. Попков).

но условием такого вхождения было следующее: мы не будем жить по вашим законам, а будем жить по своим обычаям. И государыня или государь писали: пусть идут под нашу корону и живут по своим обычаям. Но и тогда, когда Россия завоевывала новые страны, включая их в состав империи, местные элиты, обычаи и ценности этнических культур сохранялись. Так возникало государственное образование, где ни одна из культур не исчезала, где не было унификации культур в том смысле, как это происходило в Европе в эпоху становления национальных государств, когда исчезали многие этносы и этнические культуры. В России же этнические анклавы, входившие в состав империи, сохранялись, но, как плата за такое сохранение, возникало противоречивое соединение культурных образцов и обычаев, определяющих различное отношение к законам и правовым нормам. Отсюда и проистекали сложности установления единой правовой регуляции и движения к правовому обществу. Справедливость в данном случае выступала своеобразной компенсацией за отсутствие единого правового пространства. Народное сознание разделяло законы на справедливые и несправедливые, и те, которые полагались несправедливыми, не должны были выполняться¹.

При этом на Руси трудно выделить царя, императора, самодержца, не прославившего себя жестокостью и полным (!) отрицанием прав человека, таких единицы. Зато государей, навсегда оставивших в истории не то что кровавый след, а кровавую реку предостаточно. Причем некоторые отличились жестокостью даже среди особо жестоких.

Приведем два наиболее известных исторических примера. Первый: Иван IV, названный за проводимую им политику Иваном Грозным. Известный русский историк Н. И. Костомаров, изучая деятельность Иван Грозного, подчеркивал: «Напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия, напрасно пытались бы создать из него образ

¹ *Степин В.С.* Ценность права и проблемы формирования правового общества в России. С. 18-20.

демократического государя. С одной стороны, люди высшего звания в Московском государстве отнюдь не стояли к низшим слоям общества так враждебно, чтобы нужно было из-за народных интересов начать против них истребительный поход... С другой стороны, свирепость Ивана Васильевича постигла не одно высшее сословие, но и народные массы, как показывает бойня в Новгороде, травля народа медведями для забавы, отдача опричникам на расхищение целых волостей и т. п.».¹ При этом опричник являлся высшим существом, которому требовалось всегда и во всем угождать. А крестьяне страдали от произвола новоиспеченных помещиков. Состояние рабочего народа было еще хуже, так как при всяких опалах владельцев разорение постигало многих людей, связанных с опальными условиями жизни, и есть многочисленные примеры, когда царь, казнив бояр, посылал разорять их вотчины. На основании изложенного Н.И. Костомаров пришел к выводу: «При таком новом состоянии дел на Руси чувство законности должно было исчезнуть... Учреждение опричнины, очевидно, было таким чудовищным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться, и глядевшие на это иноземцы справедливо замечают: “Если бы сатана хотел выдумать что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее”».²

Другой запомнившийся особой жестокостью самодержец Руси был Петр I, политика которого носила явно насильственные черты и оказала значительное влияние на отчуждение общества от права. Государство во время царствования Петра I имело ярко выраженную полицейскую направленность, а чиновничий произвол переходил все дозволенные рамки. Каждый, кому по служебной обязанности предоставлялось брать что-нибудь в казну с обывателей, полагал, что «он теперь и для себя может высасывать бедных людей до костей и на их разорении устраивать себе выгоды».³ В результате

¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 226–227.

² Там же: С. 235.

³ Там же: С. 682.

царствования Петра I, как пишет А.И. Александров, - наблюдалось резкое падение моральных устоев общества, которое с неизбежностью влекло рост преступности.¹

Вместе с тем, как тонко замечает другой известный русский историк В.О. Ключевский, против произвольных и неумелых правителей у управляемых оставалось два средства самообороны: обман и насилие. Указы Петра I строжайше предписывали разыскивать и казнить беглых, а они открыто жили целыми слободами на просторных дворах сильных господ в Москве. Другим убежищем беглых был лес и современные Петру известия говорят о небывалом развитии разбоя. Разбойничьи шайки, возглавляемые беглыми солдатами, соединялись в хорошо вооруженные конные отряды и уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врываются в города. «Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там. Столичный приказный, проезжий генерал, захолустный дворянин выбрасывали за окно указы грозного преобразователя и вместе с лесными разбойниками мало беспокоились тем, что в столицах действуют полудержавный Сенат и девять, а потом десять по-шведски устроенных коллегий с систематически разграниченными ведомствами. Внушительными законодательными фасадами прикрывалось общее безнарядье».²

Как известно, Петр I очень ценил расхожую русскую поговорку: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Руководствуясь ей, он, оставаясь трезвым, нередко напивал своих ближайших сановников, чтобы выяснить их истинные мысли, чувства, дела, намерения. Не пить сановникам было нельзя. И они – элита тогдашней России, - богатейшие и знатные вельможи, правящее сословие, интеллигенция в том понимании, напивались. Напивались, зная или догадываясь, что за ними наблюдает всесильный император и что их веселье, настоящее или деланное, может закончиться

¹ О правовом нигилизме см.: *Александров А.И.* Философия зла и философия преступности. СПб., 2013. С. 168-180.

² *Ключевский В. О.* Русская история. М.; СПб., 2009. С. 730.

острогом и эшафотом. Показателен известный эпизод, когда во время одного из застолий Петр I обнаружил, что начальник Тайной экспедиции (главной спецслужбы России того времени) граф П.А. Толстой, не пьет. Петр прореагировал: подошел к нему и, как описывают историки, сказал примерно так: эх ты, лысая голова, не будь ты умной, давно бы повесил¹. Едва ли в такой обстановке у вельмож и их наследников могло сформироваться здоровое, нормальное правосознание. Они были также беззащитны от произвола императора, как и их крепостные от них самих. При таких обстоятельствах никакого уважения к праву у них по определению быть не могло.

Потомком жестокого руководителя спецслужб петровских реформ был известный писатель и мыслитель Лев Толстой. Однако и он, будучи известным моралистом, в силу и значение права (и позитивного, и естественного) никогда не верил. С точки зрения Льва Толстого право есть ни что иное как «гадкий обман», юриспруденция – «болтовня о праве», а жить надо не по закону, а по совести. Как пишет П.И. Новгородцев, Толстой утверждал, что все усилия, результатом которых явились конституции и декларации прав, были напрасными и ненужными; это был неправильный и ложный путь². Где, из какого общества и при каких обстоятельствах Л. Толстой так впитал правовой нигилизм, видимо, дополнительно описывать не нужно.

Не оппонируя к великому писателю, а пытаясь его понять, надо сказать, что в его рассуждениях была своя логика. Действительно, для чего писать Конституцию, если ее нормы не выполнялись и не собираются исполняться. А жить можно и без Конституции, но руководствуясь при этом совестью и нравственностью. Толстой своим высказыванием в общем-то и отразил нашу ментальность. Единственное, что по совести и нравственности в России живут не все и не всегда.

¹ Анисимов Е. В. Дворцовые тайны. 2- изд. СПб, 2007. С. 49.

² Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 4.

Холодно-пренебрежительное отношение к праву демонстрировали и видные представители идейных течений общественной мысли конца XIX — начала XX вв., что не могло в свою очередь не повлиять на аналогичное отношение к нему общества. Например, А. И. Герцен писал: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им, как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит и нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство».¹

Указанные цитаты и факты объективно опровергают развязанную в последние десятилетия пропаганду досоветского периода как якобы правового и законопослушного. Можно полностью согласиться с В.А. Тумановым, написавшим: «Так уж исторически сложилось, что российское общество и государство издавна отличал дефицит права и правосознания».²

Откровенное неуважение к праву наблюдалось как в досоветское, так и в постсоветское время. Феномен правосознания и правового нигилизма в советское время требует отдельного рассмотрения, так как он достаточно противоречив. С одной стороны, можно уверенно говорить о правовом нигилизме во времена Октябрьской революции 1917 года и последующей гражданской войны. С другой стороны, в 1960-1970 годы уровень законопослушности советских людей был весьма высок, подтверждением чему является низкий по отношению к США и Западной Европе уровень преступности и правонарушений, возможность добиться справедливости. Вместе с тем, родившиеся в этот период и после войн русские люди о том, что такое право по определению до конца не знали и в него не особенно верили. У них просто не было опыта сильно полагаться на право и, например,

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 231.

² Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород. 1993. С. 17 (автор главы – В.А. Туманов).

решать спорные вопросы в суде. Советское общество, как и в царское время, было скорее законобоязненным, чем законопослушным. Оно понимало силу конкретного чиновника и государственного деятеля, который мог делать практически все что угодно.

Надо также учитывать и то, что советская элита была из рабочих и крестьян, то есть из бывших крепостных. Увы, многие из таких людей впитали психологию раба, психологию нищенства. Для таких людей было характерно не спорить с начальником, уметь подчиняться, быть терпеливым. С них, как с элиты, брали пример и другие жители России. Возможно здесь таится разгадка уникальной терпеливости российского народа ко всем трудностям и стойкое преодоление подобных трудностей.

Надо также учитывать, что люди с рабской психологией всегда привыкли слепо верить в своего правителя и никак иначе. Мол, мы люди не самостоятельные, всего не знаем, но есть кто-то, кто о нас позаботится, думает и пр. Вспомним, как народ искренне верил в идеальность государей. Но прошло не так много времени и уже освобожденный от царизма русский народ также стал относиться к И.В. Сталину, который, как писалось на плакатах, постоянно думает о каждом жителе нашей страны, является лучшим другом всех специалистов и пр.

Однако к 1990 году все разрушилось, годы и «гены» бесправия взяли свое, уровень правового нигилизма опять стал очень высок. Ситуацию усугубила затеянная «перестройка», сопровождающаяся обманом и обнищанием большей части населения. Как отметили исследователи, демократические ценности, которые провозглашались государством на первоначальном этапе переходного периода — свобода, равенство, справедливость, — оказались для многих недостижимыми, а порой и фальшивыми.¹

¹ *Баширова Е.* Трансформация ценностей демократического государства (Посткоммунистическая трансформация и формирование демократического общества в России) // Правозащитник. 2000. № 3. С. 50.

События 1990-х годов еще более отдалили русских людей от права. Это время характеризовалось в России периодом накопления первых капиталов. Еще некогда народное добро переходило в частные руки, причем как законным, так и откровенно незаконным способом. Период накопления первого капитала в целом одинаково проходит во всех странах мира. Он сопровождается ростом преступности и ущемлением прав людей, а также локальными войнами (в России - с Чечней).

Российское государство, – как пишет А.И. Бастрыкин, - сейчас находится в очень трудном положении: романтизм времен перестройки давно ушел в небытие, «кураж» первых лет «радикальных демократических реформ» исчерпал себя. На смену энтузиазму обновления и «надеждам юности» в народном сознании пришли отчаяние, скепсис, неверие и злоба, уныние и разочарование.¹

В итоге уровень правового нигилизма в России сейчас весьма высок.

Достаточно интересно об имеющемся положении сказал А.И. Александров. По его мнению, поскольку каждый индивид, пусть не всегда сознательно, в зависимости от уровня общей и правовой культуры, решает для себя вопрос о соблюдении закона, примеряя нормы правовой системы к собственным моральным установкам и интересам, важную роль в принятии такого решения играет его субъективное отношение к правоустанавливающему институту — государству. Лишь в высокой степени сознательные индивиды, отличающиеся незаурядным уровнем общей и правовой культуры, способны соблюдать закон, абстрагируясь от своего отношения к установившему его государству. Таким людям удастся отделять деятельность некомпетентных, недобросовестных или коррумпированных государственных чиновников от государства как такового. Для большинства же субъектов условия социальной жизни, заданные государством (состояние экономики, определяющее занятость населения в производстве, уровень и своевременность оплаты труда, степень добросовестности государственных

¹ Бастрыкин А. И. Теория государства и права. СПб, 2005. С. 114–115.

чиновников, отождествляемых с самим государственным институтом), выступают как условия своеобразной сделки между государством и гражданином о его законопослушании. Человек ставит свое законопослушание, т. е. выполнение своей обязанности перед государством соблюдать закон, в прямую зависимость от выполнения государством действительных или мнимых его обязанностей перед человеком.¹ В случае нарушения, по мнению индивида, государством своих обязательств перед гражданами индивид психологически получает своего рода «карт-бланш» на несоблюдение своих обязанностей, в том числе и обязанности соблюдать законы.

В подтверждение данных слов приведем два вопиющих примера. В середине 1990-х годов были проведены исследования профессиональных предпочтений российских подростков (условно: кто кем хочет стать). По результатам опроса подростков, среди лидеров рейтинга оказалась и профессия наемного убийцы («киллера»)².

В 2013 году мы проводили социологический опрос среди сотрудников органов правопорядка и получили не менее потрясающие результаты. Из 700 опрошенных нами следователей и оперативных работников 502 заявили, что при расследовании и раскрытии преступлений, борьбе с преступностью в высшую справедливость верят больше, чем в нормы закона³. В какой еще стране можно получить такие ответы от людей, непосредственно находящихся на острие борьбы с преступностью?!

По вопросу о том, как снизить уровень правового нигилизма, выскажем несколько наших предложений. Они не бесспорны, однако могут быть востребованы российским обществом и законодателем.

Мы исходим из того, что отношение людей к человеческим ценностям, обществу, доброте, праву и т.д. закладывается с детства. Именно в детстве

¹ Александров А.И. *Философия зла и философия преступности*. СПб., 2013. С. 181.

² Зарубин А., Вагин В. *Репутация — капитал личности*. М., 2007. С. 25.

³ Захарцев С.И. *Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров* // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 335-343.

происходит оценка и понимание того, что хорошо и что плохо. Поэтому огромная роль в формировании правильных жизненных установок принадлежит семье. Если значительная часть родителей в России заражены правовым нигилизмом, то они *никогда*, выделим это слово, не воспитают детей в духе уважения к праву.

Затем, важное воспитательное значение играет школа и среда, где растет подросток вне семьи. Здесь действительно имеются неиспользованные резервы. В школе можно и нужно всячески пропагандировать право, его роль в повседневной жизни, в работе, в общении. Такой работы не ведется. При этом в ней, как ни странно, не заинтересованы сами учителя. Ведь многие учителя сами нередко употребляют в отношении детей различные оскорбительные ругательства. Это относится к педагогам многих школ, в том числе элитных. Для чего же учителю объяснять, что при подобных оскорблениях ученик имеет право через своего законного представителя либо сам привлечь педагога к ответственности?

Очень важна роль среды, где проводит подросток время после уроков. И здесь опять же есть проблемы. Большинство российских граждан не богаты, немало тех, кто вообще находится у черты бедности. Они не могут обеспечить ребенку культурное времяпровождение после уроков. Значит, ребенка будет воспитывать «улица». Однако «уличное воспитание» не привьет уважения к праву, скорее наоборот.

После школы юношей ждет служба в армии, которая, несомненно, уважения к праву, особенно правам человека, совсем не добавляет. В итоге, после службы в армии, мы получаем двадцатилетних мужчин, которые не просто (как и их родители) не верят в право, но и то что называется, испытали это на своем жизненном опыте.

Отсюда возникает вопрос: где брать резервы для формирования здорового отношения к праву?

Возможно, что надо идти в следующем направлении.

Во-первых, нужна работа среди взрослого населения, которое как раз являются родителями молодежи. Но какая работа? Ведь это взрослое население России за последнее двадцатипятилетие было многократно обмануто. В указанный период, как пишет Э. В. Кузнецов, в сознании многих людей смешались такие понятия, как «добро» и «зло», «правомерное» и «неправомерное», «законное» и «незаконное», «справедливое» и «несправедливое». Почти полностью утратили свой смысл слова «милосердие», «порядочность», «благожелательность».¹

В ходе подготовки монографии нами проведено любопытное исследование. Вначале мы опросили около 3000 работников различных фирм и компаний, а также государственных служащих (русских граждан России). Им задавались вопросы:

- можно ли, по вашему мнению, в России с помощью права добиться справедливости? Верите ли Вы в силу права в России?

Целью опроса было выявление лиц, имеющих нигилистическое правосознание. Из 3000 таких обнаружилось 2012 человек, которые не доверяют праву, в силу права не верят и считают, что с его помощью добиться справедливости нельзя.

На следующем этапе опроса нас интересовали именно эти 2012 человек. Им был задан вопрос.

- Что нужно сделать с правом, чтобы Вы лично стали ему доверять и поверили в его силу?

Ответ, признаемся, поразил. Из 2012 человек 1978 ответили примерно одинаково. По их мнению, нужно всего две вещи: во-первых, добиваться исполнение всех законов, а для этого, во-вторых, очень строго наказывать за неисполнение. При этом словосочетание «очень строго» опрошенными заменялось на слова: «жестко», «жестоко», «беспощадно».

¹ Кузнецов Э. В. Кризис современного правосознания // Правоведение. 1994. № 3. С. 3–10.

Указанное исследование хорошо показало ментальность россиян и то, чего они ждут от права. Опыт показывает, что в России традиционно уважают силу. Под стать и русские народные поговорки: «За битого двух небитых дают» и «При хорошем кнуте и пряник не нужен». Скорее всего, именно этим можно объяснить низкий уровень преступности и правового нигилизма в СССР в 1960-1970 годы. В тот период закона боялись, уважали и добровольно соблюдали. Как только в середине 1980-х годов власть стала слабой, а ответственность – практически никакой, законы перестали соблюдаться.

Поэтому весьма вероятно, что чем жестче будет ответственность за нарушение правовых норм, тем больше будут уважать право. Убеждать опрошенных в том, что право – это хорошо, бесполезно. Они не верят в него с детства, не поверят и сейчас. Но готовы права бояться.

Конечно, боязнь права, что уже отмечалось нами, не лучшая черта – лучше когда в право верят. Но в данном случае, пусть лучше боятся и из-за боязни соблюдают правовые нормы. Боязнь к праву они привьют своим детям, те - внукам, а внуки и правнуки, возможно, уже будут право уважать и видеть в нем защиту.

Но здесь очень важно, чтобы ответственность за нарушения правовых норм видела широкая часть населения.

Скептики могут возразить известным историческим примером о том, что когда за карманные кражи в европейских странах была установлена смертная казнь, больше всего карманных краж совершалось именно во время казни карманников. Но это не в России.

В России, вопреки скептикам, движение законодателя по ужесточению ответственности приносит положительные результаты. Вспомним последние примеры, которые наглядны для всех. Еще недавно в России, в отличие от Европы, мало кто пропускал пешеходов на пешеходном переходе. После значительного ужесточения ответственности за это правонарушение, пешеходов стали пропускать. После ужесточения ответственности за

управление автомобилем в нетрезвом виде резко сократилось число нетрезвых водителей. Такой нормативный правовой акт как «Правила дорожного движения» стали уважать больше.

Даже, как ни странно, не принципиально то, что некоторым нетрезвым водителям удалось откупиться у сотрудников ГИБДД. Заплатив в ГИБДД одну большую взятку, многие не захотят или не смогут заплатить другую.

Однако пока наказание за разговоры по мобильному телефону во время управления автомобилем невелики. И это требование «Правил дорожного движения» в России практически никто не соблюдает. Увы, видимо, такая ментальность.

Здесь важно, чтобы не принимались нормативные правовые акты, которые невозможно исполнить и невозможно строго наказать за неисполнение. Власть должна четко осознавать, если нормативный правовой акт принят, то в России надо обязательно жестко добиваться его исполнения. Люди должны видеть, что все изложенное в законе, должно четко исполняться, иначе строгая ответственность. Сразу оговоримся, что конечно, наказание за содеянное должно быть соразмерным, адекватным. Но в России, судя по всему, наказание за содеянное должно быть максимально строгим **из возможных адекватных содеянному наказаний**¹.

Опыт работы одной из крупных частных российских компаний выявил трудности в соблюдении сотрудниками трудовой дисциплины (в частности: опоздания и ранние уходы с работы). Принимаемые руководством компании меры, включая штрафы, выговоры и пр. эффекта не имели. Тогда стали за однократные опоздания увольнять. Работники перестали опаздывать. Более того, приходящие в компанию новые специалисты тоже не опаздывали, поскольку сразу восприняли правила компании и стали им подчиняться. Такая специфика ментальности россиян.

¹ Чтобы избежать ненужных критических замечаний, еще раз подчеркнем словосочетание «адекватность наказания». Речь, конечно, не идет о том, чтобы за проезд без билета лишать свободы, а за переход дороги на красный свет расстреливать. Наказание должно быть обязательно строгим, но адекватным содеянному.

Правовой нигилизм взрослого населения в России во многом связан и с тем, что люди не знают своих прав и обязанностей. Почему не знают? Отчасти под влиянием родителей, как правило, тоже не веривших в право, а отчасти оттого, что даже основам права их никто толком не учил.

Надо сказать, что идея массового юридического обучения в России выдвигалась неоднократно. И всегда терпела фиаско. По справедливому замечанию В.А. Туманова «возможности чисто просветительского воздействия, как показывает практика, достаточно ограничены».¹ О.Э. Лейст верно сказал, что разговор о правовом обучении населения должен быть конкретным. Какую часть права и в каком объеме желательно знать каждому гражданину независимо от его профессии?²

Вместе с тем, начиная с 1990-х годов в России появилось огромное количество юридических вузов и факультетов. Юридические факультеты открыла большая половина технических вузов. Они представлены в физических, химических, политехнических, воздушных, водных и пр. университетах и институтах. Появились и частные юридические вузы. Откуда вдруг появилось столько желающих стать юристами?

Мы провели редкое по масштабам и значению исследование: опросили 5 тысяч студентов и абитуриентов за несколько лет. Мы задали вопрос: с какой целью вы поступаете именно в юридический вуз и хотите стать юристом? Результаты потрясли бы весь мир, но не удивили нас. 4197 человек (почти 84 %) ответили, что хотят стать юристами для того, чтобы научиться умно не соблюдать закон. Иными словами: чтобы нарушать закон, но не попадаться!!! Не свято соблюдать закон, не руководствоваться правом в жизни, не помогать людям правильно поступать, не защищать людей от преступности и произвола, а умело уклоняться от требований закона!

Где еще в мире такие результаты могут быть получены! Вот что значит ментальность. При этом, как наверное все понимают, молодые люди пошли в

¹ Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 25.

² См.: Лейст О.Э. Сущность права. С. 256-257.

юридические институты осознанно, как правило, благодаря воспитанию родителей. Значит у родителей примерно такие же взгляды на поведение! Родители спокойно смотрят на то, чтобы их дети стали «умными правонарушителями», т.е. умели нарушить и при этом не попасться.

Ситуацию, правда, испортил другой возникший вопрос: откуда вдруг появилось столько преподавателей? Следует признать, что в большинстве упомянутых вузов (у которых вдруг открылись непрофильные юридические факультеты) весьма слабые преподаватели. Поэтому желание получить навыки по уклонению от требований закона вступило в противоречие с низким качеством самого юридического образования.

Подобные юридические факультеты и вузы, увы, стали выпускать не юристов с большой буквы, а обычных юридических ремесленников. Эти ремесленники обучены читать закон и в несложных случаях могут верно его применить. Но они совершенно не понимают ни сущности правовых явлений, ни предназначения права. И порой не могут защитить даже самих себя.

Не верите столь резким оценкам? Посмотрите сами: поговорка «казнить нельзя помиловать» актуальна до сих пор! Но ведь на дворе, извините, XXI век. Право существует столетия, а жизнь людей и их права до сих пор зависят от правильности постановки запятой! А российская юридическая наука и практика так и не выработали так называемую «защиту от неумейки», которая бы гарантировала правильность постановки этого знака препинания. Вместо того, чтобы понимать право и дух закона юридическая практика превратилась в филологическое училище о правильном прочтении той или иной нормы. Причем читают норму не вполне грамотные люди, нередко, как видим, тоже зараженные правовым нигилизмом.

Для преодоления нигилизма, на наш взгляд, нужно обязательно просвещать население о том праве, с которым они сталкиваются или могут столкнуться каждый день. Наши опросы показали, что людей в первую очередь интересуют знания прав, связанных с правилами поведения в тех местах, где постоянно бывает каждый человек. Имеются в виду права и

обязанности на работе, на улице, в жилище, в семье, к кому именно и как обращаться в случаях нарушений конкретных прав, а также кому и как пожаловаться, если должностное лицо или орган, к которому обратились, не принимает мер за защитой прав. Кроме того, конечно, надо знать Конституцию Российской Федерации.

Часть юристов, помятуя предыдущий опыт, к данной нашей идее возможно отнесется скептически. Однако в пользу наших исследований и рассуждений есть пример тех же Правил дорожного движения. Их учат с детства и их в целом, в части правил поведения на дороге, знают все. Нюансы – да, - многим не ведомы, сложные случаи дорожно-транспортных происшествий обыватели правильно не рассудят. Однако свои права и обязанности знают и понимают все, что несомненно способствует безопасности дорожного движения.

Во-вторых, обучение праву в школе. К этому относятся: уроки правового воспитания в школе, более подробное преподавание предмета «основы государства и права» и т.д. Здесь обучение должно вестись более подробно и несколько иначе. Мы согласны с О.Э. Лейстом, что в школах надо изучать Конституцию Российской Федерации, основные понятия частного права (семейного, трудового, гражданского и др.) и общие принципы публичного права (административного, уголовного, процессуального и др.). Непременной частью правового обучения должно быть разъяснение, что незнание закона не освобождает от ответственности за его несоблюдение. Школьникам также необходимо объяснять, где и как в случае необходимости можно получить более подробные сведения о праве. Учащиеся также должны понять, что те, кто хотят заняться предпринимательской деятельностью, должны вначале изучить соответствующие отрасли права и законодательства.¹

Кстати, сейчас до сих пор в школе неправоное поведение учеников поощряется. Характерный и всем известный пример: в западноевропейских

¹ См.: Лейст О.Э. Сущность права. С. 257.

школах списывать, во-первых, считается очень неприличным, а во-вторых списать и не дадут. В российских школах принято давать списывать, а не дающие списать являются изгоями в коллективе. То же сохраняется и в вузах. Более того, во многих военных и специальных высших учебных заведениях командиры курсов обращают внимание на необходимость взаимовыручки для успешной сдачи экзаменов.

В-третьих, распространение ювенальной юстиции. Дети должны видеть, что их права можно реально защитить и есть специалисты, которые такие права будут обязательно защищать.

В-четвертых. Преступность во многом имеет экономическую подоплеку. Пока уровень жизни россиян будет на уровне бедности, трудно требовать соблюдения правовых норм и правил. Необходимо повышение уровня жизни. Мы понимаем, что данный пункт звучит больше как лозунг, поскольку наблюдающиеся мировые экономические процессы не дают уверенности в том, что уровень благосостояния людей будет расти. Однако в таком богатом государстве как Россия об уровне благосостояния обычных граждан нужно помнить всегда, стремиться к нему, соответствующим образом строить внутреннюю политику.

Думается, что такие меры, применяемые в совокупности, конечно не сразу, но могут привести к понижению правового нигилизма и повышению уровня правосознания.

Кроме того, мы бы предложили государственным органам провести конкурс на лучшую программу по повышению правосознания среди россиян.

§ 3. Профессиональная деформация правосознания

Тема профессиональной деформации правосознания, ее истоки, причины и последствия давно находятся в сфере наших научных интересов. Возможно это связано с тем, что в практической правоохранительной деятельности нам приходилось неприятно сталкиваться с людьми, имеющими на профессиональной почве деформированное сознание и лично испытать, насколько это опасно. Возможно в интересе к такой теме лежит любовь к психологии, чему способствовало личное знакомство с известными психологами. Не исключено, что существуют и какие-то другие, пока совсем не ведомые нам причины. Но так или иначе, мы достаточно подробно изучали вопросы профессиональной деформации работников оперативных подразделений органов правопорядка. Результаты этих исследований отражены в монографии¹. Затем взяли более широкую тему и изучили вопросы профессиональной деформации сознания практикующих юристов: следователей, прокуроров, судей, оперативных работников. Это позволило нам выделить новые для науки типы профессиональной деформации правосознания, которые успешно внедрены в учебный процесс, вызвали интерес у ученых и практиков России и зарубежья.² В данном параграфе мы уточним некоторые результаты наших предыдущих исследований.

Однако писать о профессиональной деформации правосознания ученых-юристов, признаемся, не хотелось до следующего неприятного момента. Зайдя на кафедру мы непроизвольно стали свидетелем возмущенного монолога одного известного ученого. Он, костеря чью-то научную статью, возмущался, что в ней нет ссылок на его работы. «Какая же наука может быть в этой писульке, - так он назвал статью, - если в ней обо мне даже не упоминают!». Прочитав статью и вспомнив работы собеседника, мы

¹ См.: Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011. С. 99-109.

² См.: Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права. М., 2014. С. 113-126.

корректно, как по крайней мере нам показалось, заметили, что по заявленной в статье теме он никогда не писал. Присутствовавшие в тот момент на кафедре специалисты услышали буквально такой ответ: «Неважно. Я же светило, главный авторитет в этой дисциплине. Ссылки на меня должны быть везде». Статью этот ученый, конечно, не пропустил, а мы в его лице нажили настоящего врага.

Вначале исследования мы подчеркиваем, что научно-педагогическая среда, искренне любимая нами, в основном состоит из достойных и порядочных людей. Однако подобные примеры, к сожалению, в ней тоже не единичны. Это означает и где-то обязывает нас и других ученых внимательнее посмотреть на поднятую проблему.

Как известно, в теории и философии права выделяются три типа деформации правосознания: правовой инфантилизм, правовой нигилизм и перерождение. Однако очевидно, что подобная классификация совершенно не подходит для преподавателей юридических вузов и ученых. То есть, как уже не раз доказывалось нами, для выделения типов профессиональной деформации правосознания требуются другие подходы¹.

Профессиональной деформации правосознания мы предлагаем дать общее и наиболее простое определение, отражающее сущность этого феномена. По нашему мнению, профессиональная деформация правосознания – это искаженное изменение правового сознания лица под отрицательным воздействием своей профессии.

Применительно к юристам-педагогам первоначально следует разделить самих преподавателей как минимум на две большие группы:

- известных ученых-педагогов;
- не состоявшихся и не ставших известными ученых-педагогов.

¹ См.: Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011. С. 9-109; *Захарцев С.И.* Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. 2012. № 2. С. 48-53; *Захарцев С.И.* Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 338-348.

Сразу подчеркнем, что большинство известных юристов-педагогов профессиональной деформации не подвержены. Однако, увы, есть и меньшинство. Проведенные опросы специалистов – от аспирантов до профессоров – помогли выявить несколько характерных типов профессиональной деформации известных ученых-юристов.

По мнению опрошенных, наиболее часто встречается деформация:

- *Болезненное самолюбие*, самолюбование.

Для таких ученых характерна искренняя вера в то, что они являются самыми талантливыми в юриспруденции, причастны ко всем открытиям в науке. Они требуют того, чтобы их фамилия всегда упоминалась во всех работах, так или иначе затрагивающих сферу их интересов. Неоднократно приходилось видеть, что если такой ученый не видел своей фамилии в автореферате диссертации, то он стремился «завалить» соискателя, препятствовать его защите. Диссертационные советы, как известно, нередко создаются по нескольким специальностям. Так даже в том случае, когда и тема исследования, и специальность, с работами ученого не связана, все равно требовалось указания его фамилии в автореферате.

Специалисты, подверженные такой деформации, в отношении своих работ не стесняются без самоиронии упоминать такие слова как «мои фундаментальные исследования», «выдающиеся достижения» и т.п.

Перед описанием другой деформации требуется сказать несколько слов. Плодотворный век ученых, когда пишутся наиболее ценные труды, на самом деле не так долог. Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что его активная фаза, как правило, длится не более десяти-пятнадцати лет. Далее специалист, даже сотворивший выдающиеся результаты, в основном уже дорабатывает или дорабатывает свои открытия. Случаи того, что великие ученые и в сильно преклонном возрасте не теряют остроту ума, продолжают творить, конечно, имеют место. Но они скорее исключения из правил. Нам посчастливилось быть знакомыми с некоторыми из таких выдающихся российских ученых, не потерявших свежесть идей и мыслей.

Однако по их откровенному признанию, к старости они все равно объективно потеряли часть трудоспособности, творческого запала, быстроты и оригинальности мышления.

А большинство, как отмечалось, нередко трудятся над доформулированием и развитием своих ранее сформированных идей. Такой труд нередко успешен, но иногда в ходе него появляется профессиональная деформация правосознания. Она условно названа нами *крайний субъективизм*. У людей, подверженных названной деформации, он проявляется, в вере в непогрешимость собственных идей, их абсолютной истинности навсегда. В результате понятия и выводы, сформулированные такими учеными двадцать, тридцать и более лет назад они по-прежнему считают верными. Причем, единственно верными. И «закрывают глаза» на то, что за последнее двадцатилетие сильно изменилось законодательство, развились подходы к праву, произошли, наконец, глобальные социально-экономические преобразования в стране, да и в мире.

Ученые с описываемой деформации такого откровенно не замечают. А если не заметить перемены невозможно, то специалисты отнюдь не меняют и не уточняют свою позицию, а с упорством пытаются доказать свою правоту, основанную на своих прошлых работах.

Примеров такой деформации, к сожалению, можно привести немало из разных отраслей права. Не так нам попалась на глаза работа одного известного процессуалиста, который доказывал, что результаты оперативно-розыскной деятельности не могут применяться в доказывании по уголовным делам. Такая позиция действительно была в советско-российском уголовном процессе в 1980-х годах и ранее. Затем были приняты Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», разрешающий использование названных результатов в доказывании, принят УПК РФ, также установивший возможность их использования, полностью изменилась судебная практика. Указанный выше процессуалист указывает эти нормативно-правовые акты, однако далее не смущаясь пишет, что все равно использование результатов

оперативно-розыскной деятельности в доказывании не просто не правильно, но и ... незаконно.

В гуманитарных науках, в том числе юриспруденции, у известных ученых встречается такая деформация как *недоверие к молодости*, молодым ученым. Такая деформация, как правило, выливается в искусственном «торможении» молодого ученого с защитой кандидатской и докторской диссертаций, получением ученых званий, изданием книг, привлечением в авторские коллективы для написания учебной литературы.

Неоднократно приходилось слышать даже такое, что защищать диссертацию по юридическим наукам раньше сорока лет неприлично! Некоторые искренне утверждают о целесообразности введения возрастного ценза, определяющего с какого возраста можно защищать докторскую диссертацию по праву. И ладно, если бы подобные высказывания исходили не от ученых. Отнюдь, они периодически исходят именно от ученых, причем объективно внесших заметный вклад в юриспруденцию.

При этом очевидно, что подобные измышления идут полностью вразрез с наукой, принципами и целями научного познания. Науке все равно, во сколько лет специалист проведет исследования, совершит открытия или даже подготовит фундамент для будущих достижений, напишет полезную и содержательную монографию.

Медицине, физике и ряду других наук такая деформация сознания ученых в целом не свойственна. Она, наверное, тоже присутствует, но в гораздо меньшем размере. И защиты докторских диссертаций в возрасте около тридцати лет там не редкость.

Специалисты гуманитарных наук ей подвержены достаточно масштабно. По нашим наблюдениям, среди авторитетных ученых-правоведов людей, готовых во всем поддержать молодых ученых, примерно равно количеству тех, кто, напротив, готов «притормозить» их карьерный рост в науке.

К сожалению, среди профессиональных деформаций встречается *неэтичность поведения* по отношению к коллегам и младшим коллегам. И в

основном она встречается именно у людей, зарекомендовавших себя в науке. Речь здесь идет не только и не столько о том, что один ученый с явным превосходством общается с другим коллегой. Это, конечно, тоже плохо, но может быть результатом обычного невежества. Речь идет о сведении счетов одного ученого с другим, создании препятствий ученикам своих «неприятелей», пасквильных письмах в диссертационные советы, ВАК и т.д.

Ярким примером является случай, когда конфликт двух авторитетных профессоров практически полностью парализовал работу диссертационного совета одного из очень престижных учебных заведений. Профессоры «принципиально» заваливали учеников друг друга. Более того, если один из них был благосклонен к диссертанту (даже не ученику!), другой принципиально не давал ему защититься. Члены диссертационного совета разделились примерно на две равные части: одна часть поддерживала одного профессора, другая – другого.

И происходило это не где-нибудь, а в одном из престижнейших вузов страны, с хорошими научными традициями.

Однако не только именитые специалисты подвержены профессиональной деформации. Ей могут быть подвержены и не ставшие широко известными преподаватели-юристы. Различие в том, что типы указанных деформаций различны.

Как и выше, мы рассмотрим встретившиеся нам и выявленные в ходе исследований наиболее распространенные типы профессиональной деформации правосознания ученых-педагогов, не ставших широко известными. Здесь резонно задать вопрос, кого к данной категории относить? Конечно, деление на известных и неизвестных достаточно условно. Вместе с тем, следует признать, что в России в последние два десятилетия значительно прибавилось докторов и кандидатов юридических наук, чьи работы и изыскания оказались невостребованными. К данной категории, мы в первую очередь относим этих людей. Они преподают юридические дисциплины,

иногда пишут статьи и книги, но авторитетными специалистами для научной общественности они никогда не были.

Одна из распространенных профессиональных деформаций правосознания у данной категории ученых – *боязнь собственного мнения*. Нам встречалось не мало работ, когда такие авторы очень аккуратно подходят к высказыванию собственного мнения. Также осторожно выступают на конференциях, защитах. Приходилось слышать самому, когда такой ученый говорил, что если согласен с мнением другого ученого – то хвалит его не менее двух раз. Но если не согласен - все равно хвалит (только один раз)! Научные работы таких специалистов в основном носят описательный характер. Из них достаточно трудно четко выкристаллизовать позицию авторов по тем или иным вопросам.

Другим типом является *конъюнктура*. Известные ученые конъюнктуре тоже подвержены, но, кажется, значительно меньше. Они своим мнением, пусть даже спорным, как правило, дорожат. В среде менее известных специалистов конъюнктуру можно встретить достаточно часто. Думается, что каждый ученый встречался с таким типом профессиональной деформации правосознания, когда педагоги-юристы в течение научно-педагогической карьеры неоднократно меняли свою точку зрения на один и тот же вопрос. Причем меняли не потому, что действительно стали думать иначе, а потому, что так выгодно с точки зрения современной политики государства, мнения руководства или более авторитетного специалиста. Конъюнктура заставляет ряд специалистов не писать то, что им известно, а подчиниться мнению более авторитетного юриста-педагога.

Такая профессиональная деформация как *плагиат* рассматривается нами в контексте этических проблем юридической науки. Но, вместе с тем, плагиат – есть несомненное отклонение от нормального правосознания, повлекшее нарушение авторских прав. Тем более дико, когда ее допускают юристы-преподаватели. В данном случае речь должна идти именно о

нарушениях нормального сознания и, соответственно, правосознания ученого.

Существуют профессиональные деформации сознания, характерные как для известных ученых-педагогов, так и не состоявшихся и не ставших известными ученых-педагогов.

Мы выделим три из них.

Первый: *«желание оставить след в юридической науке любым способом»*. Для этого обосновываются нелепые, а иногда и не вполне нормальные пути решения проблем в праве и законодательстве. Не состоявшиеся ученые – «изобретатели» подобных идей - в них начинают верить и за счет них стремятся стать знаменитыми. Взять хотя бы пример из учебника по оперативно-розыскной деятельности, когда такие «специалисты» обосновали возможность использования в доказывании незаконно полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий. Абсурдность и нелепость таких утверждений очевидна.¹

Второй тип – совершение преступлений. Писать о таком типе профессиональной деформации правосознания, как о совершении юристами-педагогами преступных действий, не хочется. Однако всем известно, что такие факты есть и они свойственны как известным, так и не известным юристам. В первую очередь, имеется в виду *коррупция*, связанная с поступлением в вуз, сдачей зачетов и экзаменов. Оговоримся, что эмпирических фактов, то есть случаев, где взяточник был пойман с поличным, в отношении него вынесен обвинительный приговор, не много. Несомненно, что их гораздо меньше, чем случаев совершения этих латентных преступлений.

По нашим наблюдениям, борьба с коррупцией в юридических вузах ведется не так эффективно, как должна бы вестись. Создается впечатление, что в борьбе с такими проявлениями коррупции не заинтересованы ни

¹ *Теория оперативно-розыскной деятельности* / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 574–575.

ректорат вузов, ни студенты. Ректорату, видимо, важно сохранить имидж и престиж вуза, многие студенты в свою очередь, рады тому, что могут без усилий (за плату), сдать зачет и экзамен. Активной борьбы со стороны профессорско-преподавательского состава с коррупционными проявлениями их коллег тоже не особенно видно. Мы так уверенно пишем об этой проблеме потому, что неоднократно при приеме на работу молодых юристов, приходилось честно слышать их ответы о том, кто из юристов-педагогов сколько берет денег. Огорчает также и то, что проблеме борьбы с коррупцией в юридических вузах и факультетах в науке уделяется явно недостаточно внимания. О подобных явлениях специалисты стараются избегать писать.

В последнее десятилетие появилось еще одна профессиональная деформация, которой «заражены» как известные, так и малоизвестные юристы-педагоги. Она связана с преобразованиями, произошедшими в России с 1991 года. Ранее юристы в основном подготавливались для работы в органах правопорядка, других органах государственной власти и государственных организациях. С 1990-х годов студенты юридических вузов нередко готовятся трудоустроиться на работу в частные компании, адвокатуру. И, как мы уже писали, со студенческой скамьи интересуются не столько нормами права, а тем, как избежать ответственности при их несоблюдении. И находятся преподаватели, подробно объясняющие и фактически *обучающие тому, как избежать ответственности при несоблюдении закона*, какие пробелы имеются в правовом регулировании конкретных отраслей права и как ими можно воспользоваться.

С такой деформацией нам приходилось встречаться неоднократно. Известный криминалист И.А. Возгрин в 2000 году не допустил защиту по криминалистике кандидатской диссертации, посвященной тактике адвоката по противодействию расследования уголовных дел. И.А. Возгрин подчеркнул, что задача криминалистики в оказании помощи работникам

следствия по объективному расследованию преступлений, правильному применению норм уголовно-процессуального права¹.

Однако в том же году нам встретился преподаватель, подробно объясняющий студентам, что нужно сделать, чтобы «развалить» уголовное дело по взятке, какую позицию на следствии в каких случаях надо занимать, при каких обстоятельствах взятка не доказывается, в том числе разъяснял и рекомендуемые места передачи взятки. На наше недоумение, преподаватель ответил, что не считает такое преподавание профессиональной деформацией. Он преподает нормы уголовно-процессуального права, рассказывает, где и как они применяются, а в каких ситуациях фактически не работают. Затем добавил, что он готовит адвокатов, которые должны будут уметь защищать клиентов. Да и в принципе, добавил он, такие знания лишними не бывают.

Заметим, что с названного времени о подобных фактах преподавания нам периодически приходилось слышать. По нашему убеждению, указанные проявления относятся именно к профессиональной деформации правосознания. Преподаватели обязаны обучать юристов в духе соблюдения норм права, законопослушности, а не учить их не соблюдать закон или избегать ответственности.

Из этичности, в параграфе мы специально не называем фамилии ученых, подверженных профессиональной деформации.

Уверены, что большинство юристов-педагогов, имеющих определенный стаж научно-преподавательской деятельности, про такие деформации знают. Но молодым специалистам знать о подобных фактах в юридической науке, думается не лишне. Поэтому написанное выше больше обращено к ним. Думаем, что прочитав данный текст будет полезно и лицам, чье поведение послужило основой для изложенного.

Таким образом, профессиональная деформация правосознания ученых-правоведов - есть тормоз юридической науки. Она не дает развиваться, требует подчинения авторитетам, мешает движению мысли. По сути,

¹ Была ли защищена указанная диссертация или нет, мы не знаем.

страдающие профессиональной деформацией правосознания ученые, водят науку «по кругу», препятствуют ее совершенствованию.

Как бороться с профессиональной деформацией ученых-юристов? Наиболее предпочтителен путь внутреннего исцеления науки. Для этого следует строго осуждать лиц, правосознание которых искажено, держать их поведение под общественным (кафедральным, вузовским и пр.) контролем, не потворствовать ему. Заставлять извиняться в случаях нанесения обид. Требуется строго пресекать заведомо ложные измышления ученых, заставлять публично опровергать «измышления», не соответствующие закону и праву.

В заключение подчеркнем, что ученых с профессиональной деформацией правосознания, не так много, что, во-первых, радует, а во-вторых, дает определенную уверенность в завтрашнем дне.

Вместе с тем, в органах правопорядка профессиональная деформация правосознания уже не является чем-то удивительным. На основе наших исследований мы выявили несколько основных типов деформации сознания сотрудников полиции, судей и прокуроров.

Типы профессиональной деформации правосознания сотрудников полиции.

Первый тип деформации нами условно назван «**боязнь права**», боязнь своих полномочий.

К этой деформации относятся сотрудники, **избегающие принятия решений по вопросам, относящимся именно к их правовым полномочиям, компетенции.**

Таким сотрудникам свойственны:

- боязнь ошибиться;
- желание получить конкретное указание от руководства по каждому поводу;

- категорическое непринятие решений по «острым» оперативным вопросам;

- опасение заговора («подставы») против себя со стороны коллег;
- постановка грифа секретности «на всякий случай»;
- стойкое желание не работать, а давать советы по работе;
- отсутствие проявления инициативы.

Для руководителей, подверженных этой деформации, помимо изложенного, свойственно:

- работа по образцу, а не по закону;
- избегание принятия ответственности и перекладывание ее на других;
- «размывание» ответственности путем многочисленных согласований;
- ставка на подчиненных, умеющих беспрекословно подчиняться и выполнять любые приказы, независимо от их законности, нравственности и честности.

Руководящим сотрудникам свойственно также интриганство и постоянное опасение заговора против себя со стороны начальников, подчиненных, руководителей соседних подразделений и др.

В основе этой деформации иногда лежат причины, связанные не с профессиональной деятельностью, а с жизненными обидами и комплексами. Например, неприязненное отношение (а то и тайная ненависть) ко всем людям, которые образованнее, красивее, моложе, сильнее, успешнее.

Второй тип деформации назван нами **правовой цинизм**. Этой деформации подвержена отдельная категория.

Правовой цинизм заключается в том, что сотрудник считает обязательным соблюдение закона всеми, кроме себя самого. Этот полицейский обладает правовыми знаниями (т.е., нет правового инфантилизма), убежден в необходимости соблюдения норм (т.е., нет правового нигилизма) и не допускает изменения своих взглядов. Однако это касается других людей. В своем же поведении (на работе и в быту) сотрудник спокойно допускает нарушения норм права. Причем, если полицейские,

вставшие на преступный путь, свое поведение по понятным причинам стараются скрыть, то рассматриваемая категория сотрудников своим поведением охотно демонстрирует пренебрежительное циничное отношение к праву, выставляет его на показ. К типичным случаям циничного отношения к праву в личном поведении относятся безнаказанная езда за рулем в нетрезвом виде, хулиганские выходки на улице и т.д., что сопровождается гордыми рассказами о своей лихости на следующий рабочий день.

На службе цинизм к праву выражается в демонстративном уклонении от требований законодательства, ведомственных приказов и инструкций и др. При этом время и обстановка не препятствовали сотруднику поступить в строгом соответствии с требованиями законов и приказов. То есть, указанное поведение не было вызвано какой-либо необходимостью, оправдательной мотивацией.

К **третьему типу** относятся сотрудники, **желающие бороться с преступностью** и хорошо выполнять свои обязанности в правильных целях. Однако со временем на основе верных и понятных установок у них деформирует сознание, что выражается **в искаженном восприятии действительности, окружающих людей, в том числе коллег по работе.**

Таких сотрудников можно разделить на две части.

Первая часть сотрудников, хотя и искаженно воспринимая окружающую действительность, не идет на преступления и правонарушения «во благо закона» (этот тип нами назван «**кривое зеркало**»). Их деформированность заключается в излишней подозрительности, иногда доходящей до маниакальной, постоянным обнаружением за собой наблюдения и др. Этим лицам свойственно недоверие к коллегам, подозрение их в коррумпированности, злоупотреблениях и т.д. и т.п. Причем для возникновения таких подозрений достаточно чужой сплетни, навета, неосторожного высказывания. Как правило, указанные сотрудники лишены чувства юмора либо имеют весьма специфический юмор.

В работе деформация этих сотрудников наиболее ярко проявляется:

- в выраженном обвинительном уклоне по уголовным и оперативным делам;
- в полной уверенности в собственной непогрешимости и непогрешимости собственных действий и решений;
- в нежелании проверять собственные подозрения и умозаключения, носящие обвинительный уклон;
- в произвольном, как правило, явно расширительном толковании закона.

Эта лица нередко имеют явно завышенное самомнение и осторожно-неприязненное отношение к коллегам. Рассуждая со специалистами о подобных сотрудниках, невольно подмечалась характерная деталь. Если таким людям сказать о каком-либо другом сотруднике плохое – они верят сразу. Если, напротив, охарактеризовать человека положительно, то у этих лиц появляются сомнения в нашей искренности, а также вопрос о том, с какой целью мы положительно оценили человека.

Другая часть сотрудников, в отличие от первой, для достижения казалось бы правильных целей, например, борьбы с преступностью, способна совершать и совершает преступления (эффект «Робин Гуда»). Как считают указанные люди, совершаемые ими преступления «идут во благо обществу». Такой мотивировке помогает расхожая фраза Жеглова из кинофильма «Место встречи изменить нельзя»: «Вор должен сидеть в тюрьме и никого не интересует, каким способом я его туда отправил». Преступления, совершаемые «во благо», можно условно классифицировать по направленности на:

- преступления, направленные на привлечение к уголовной ответственности и осуждение лица, вероятно совершившего преступление. К таким преступлениям относятся: злоупотребления и превышения служебных полномочий; служебный подлог; фальсификация доказательств; провокация взятки и т.д. Типичные случаи подобных преступлений связаны с

подбрасыванием в ходе следственных действий боеприпасов, оружия, наркотических веществ.

- преступления, направленные на расправу с лицом, вероятно совершившим преступление. К указанным преступлениям относятся такие позорные действия: избиение при задержании или доставлении в следственное подразделение; издевательство, пытка и др.

Чем руководствуются названные сотрудники в своей преступной деятельности сказать трудно. Исторический опыт показывает, что если подобным образом нарушать закон можешь ты, то **всегда** рано или поздно обязательно найдутся люди, которые аналогичным образом поступят с тобой. Однако в оперативной среде тем не менее этой истиной подчас пренебрегают и руководствуются тезисом: «Мы оперативное подразделение – мы можем все».

Для всех сотрудников, имеющих третий тип деформации, независимо от того, идут они на преступление или нет, характерно то, что их сознание не склонно менять точку зрения. Так, если они убедили себя в виновности того или иного лица, то разубедить их бывает практически не возможно. Даже если со временем устанавливается истинный виновный, эти сотрудники свою неправоту в подозрениях не признают, придумывая различные доводы.

К четвертому типу относятся сотрудники, у которых желание бороться с преступностью и выполнять свои обязанности пропадает (или изначально не имеется) и обращается **в преступность (этот тип назван нами «перерождение»)**. В настоящее время преступное поведение таких людей в основном связано с незаконным обогащением, коррупционными проявлениями, то есть корыстным мотивом¹.

Одна часть таких сотрудников приходит в органы правопорядка с правильными установками и убеждениями. Но преступная среда, не достижение справедливости «ломает» их психологию. По словам таких лиц,

¹ Практике известны случаи совершения сотрудниками и иных преступлений: убийств, изнасилований и др. Но их совершение, как правило, связано не со служебной деятельностью, а с другими, в основном личными причинами.

они становятся «мудрее», что означает появившееся у них их умение «закрывать глаза» на преступное обогащение лица, при возможности, лично участвовать в обогащении. В оправдание собственных действий оперативниками приводятся фразы «мир изменить нельзя», «начальники тоже незаконно зарабатывают» и т.д. В дальнейшем такие сотрудники все активнее включаются в процесс собственного обогащения самыми разными способами: «крышевание» фирм, участие в рейдерских захватах, выбивание долгов, искусственное создание предпринимателям «проблем» и их «решение» за вознаграждение и т.д.

Другая часть сотрудников полиции намеренно идет в органы правопорядка, чтобы с использованием служебного положения зарабатывать деньги. У указанных лиц изначально присутствует преступная установка, которую невозможно как-либо изменить. В совокупности этим вызван наблюдающийся в настоящее время в полиции престиж работы в подразделениях, нацеленных на борьбу с преступностью в экономической сфере.

Типы профессиональной деформации правосознания судей.

Результаты наших исследований позволяют дифференцировать названные деформации на несколько типов.

Первый тип деформации нами условно назван **«боязнь ошибиться»**.

У истоков этой деформации находится совершенно нормальное желание судить совершенно объективно, устанавливая истину, наказывая виновных, и не допуская осуждения невиновных. Для достижения этого желания (целей) судья тщательно скрупулезно разбирается во всех мелочах уголовного дела. Это замечательно. Однако как выясняется в дальнейшем в основе такого совершенно правильного поведения лежит не установления истины, торжество правосудия, а человеческий страх ошибки. Причем такие судьи боятся не столько учинения неправосудия, сколько собственных неприятностей в связи с допущенной ошибкой.

В итоге страх перерастает в деформацию. Она выражается в том, что названные судьи подспудно ставят во главу угла в доказывании показания подсудимых. Если подсудимый в суде признал свою вину, то судьи вершат правосудие спокойно и уверенно. Причем иногда проявляя может быть излишнюю принципиальность и неприязнь к поступку подсудимого.

Но если подсудимый вину не признал, у судьи в сознании начинается тревожность. Начинаются размышления: а вдруг я приговорю невиновного, а что мне за это будет и т.д.? В таких случаях судебный процесс начинает приобретать форму критичной оценки всех действий следствия, противоречий с прокурором и др. Разрешение таких дел, если доказательств вины достаточно, но подсудимый все равно не признается, заканчивается как правило условным или минимальным сроком (на всякий случай).

Про такую деформацию судей имеется расхожая юмористическая поговорка: «Чистосердечное признание смягчает ответственность, но ... удлинняет срок!» Иначе говоря, если подсудимый вину не признал, то вполне вероятно, что судья если и вынесет обвинительный приговор, то скорее всего не такой строгий. Однако если признал вину, то судья по определению вынесет обвинительный приговор, причем неизвестно, оценит ли он признание и помощь следствию как смягчающие ответственность обстоятельства, а если и оценит, то как это повлияет на наказание? Нам известны случаи, когда признающие вину подсудимые, находившиеся в преступной группе «на вторых ролях» получали большее наказание, чем не признающие активные участники преступления¹.

На подобные случаи обращали внимание и другие специалисты. Наиболее подробное исследование подобных действий судьи провел известный петербургский процессуалист С.А. Новиков. Проанкетированный этим ученым один из судей описал мотивы своих решений так: «Когда судья выносит обвинительный приговор, отрицающему свою вину подсудимому,

¹ Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 18.

нередко в глубине души, несмотря на большой объем изобличающих доказательств он боится, что совершит ошибку. Поэтому назначает менее строгое наказание. Если же обвиняемый признает вину, сам подробно рассказывает как совершил преступление, он тем самым дает судье практически полную уверенность в правильности принимаемого решения, что зачастую приводит к весьма суровому наказанию»¹. В данном случае налицо профессиональная деформация правосознания судьи, выражающаяся в боязни совершения ошибки, фактически в боязни своих же прав и полномочий на вынесение справедливого приговора.

Некоторым опрошенным приходилось сталкиваться с ситуацией, когда судья кулуарно выговаривал следователю или оперативнику: ну что же вы не смогли его (обвиняемого) расколоть, как мне теперь судить вы подумали?

Имеется и противоположная деформация, названная нами **«правовая самоуверенность»**. Она связана с выработкой у некоторых судей уверенности в непогрешимости своих действий. Они не боятся права и своих полномочий, охотно реализуют их, руководствуясь собственным правосознанием. Однако с течением времени у этих судей появляется вера в непогрешимость своих решений. Причем убеждение о виновности или невиновности подсудимого у них сформировано еще на стадии назначения судебного заседания. Причем, что страшно, *окончательно* сформировано. И судебное разбирательство для них является не более чем формальностью. Свое решение они уже приняли и, не дожидаясь окончания разбирательства, уже написали приговор².

В своем большинстве - это судьи, имеющие значительный опыт судейской практики и которые действительно редко ошибаются. Но они самоуверенны и убедить их в ошибке практически не возможно. Если такой

¹ Новиков С.А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом (уголовное судопроизводство). СПб. 2008. С. 54-55.

² Практика написания приговора до окончания судебного разбирательства у некоторых судей распространена.

судья еще до судебного рассмотрения примет решение, что подсудимый виновен, доказать обратное практически уже не возможно.

Исток этой деформации, как правило, кроется в человеческих слабостях, гордыни, самовлюбленности. Профессионально подготовленный и уверенный в себе судья, если перестанет совершенствовать свои знания, критично относиться к себе и своим поступкам, может со временем стать одним из образчиков деформированной личности.

Другая деформация связана с неприязнью судьи к определенному роду деятельности или к отдельным видам преступлений. Мы назвали этот тип **синдромом обиды**. Эта неприязнь, как правило, связана с личными неприятностями или полученными обидами. В дальнейшем, постоянно циркулирующие в мыслях желание отмщения приводит к искажению сознания, что реализуется в вынесении излишне суровых приговоров.

Так, значительная часть судей выносит преданным суду сотрудникам полиции более строгие приговоры, чем другим, штатским гражданам. В качестве титульного мотива вынесения строгих приговоров у таких судей звучит: чем строже отношение к полиции, тем больше там законности. Однако при опросах этих судей проявляются и другие мотивы. Например, привод ребенка судьи в полицию, невнимание к личным просьбам (например, помощи в получении водительского удостоверения и др.).

Часть судей особенно «не любит» некоторые конкретные преступления, за которые присуждают максимальное (или почти максимальное) наказание. Нетрудно догадаться, что в данном случае судьи или их родственники, знакомые стали жертвами именно этих преступлений (грабежей, хулиганства и т.п.).

Расхожим стал случай, когда судья пострадал от хулигана, нанесшего ему в драке телесные повреждения. После этого для вынесения лицам мужского пола строгого обвинительного приговора было достаточно намекнуть судье о том, что подсудимый известен своей драчливостью.

Некоторые судьи не свободны от такой деформации как **правовой цинизм**. Он заключается в демонстративном, циничном поведении судей, пренебрежении по отношению к праву.

Многие из анонимно опрошенных сотрудников правоохранительных органов практикующие юристы сталкивались с ситуацией, когда судья вел судебное заседание в нетрезвом виде. Приводится пример, когда судья не просто был откровенно не адекватен, но и в таком состоянии умудрился приговорить подсудимого к двум годам лишения свободы, хотя минимальным по санкции статьи являлось три года. Об этом ему после завершения заседания подсказал прокурор. Судья бросился догонять осужденного, которого уже сажали в конвойную автомашину, и вслед ему на всю улицу прокричал, одновременно показывая на пальцах: «Вам не два года, а три. Три, поняли?!»

Нам известны случаи, когда по уголовным делам, где обвиняемые согласились на особый порядок, судьи выносили приговоры фактически не знакомясь с материалами дела. Например, по одному из дел судья пригласил следователя, расспросил его о сущности преступления, доказательствах и попросил электронный вариант обвинительного заключения для его внесения в приговор. При этом уголовное дело не покидало канцелярию суда. То есть, налицо, спокойно-циничное отношение к правовым нормам и их соблюдению.

При этом подобные истории такие судьи смакуя пересказывают своим коллегам, наслаждаясь, видимо, своим статусом. Кстати о статусе. Судьи, подверженные описываемому искажению, начинают искренне верить в то, что их правовое положение «над правом».

Вместе с тем, свое «легкое» отношение к соблюдению правовых норм, подобные судьи, конечно, на других граждан не распространяют. Здесь всегда декларируется требование для всех соблюдать закон вплоть до мельчайших формальностей.

Истоком описываемой деформации является ненаказуемость или недостаточная наказуемость за проступки. Это порождает у таких судей определенную вседозволенность.

Писать о следующей деформации судей – **перерождении** – наиболее сложно. По данному вопросу не достаточно эмпирического материала, поскольку случаев привлечения судей к уголовной ответственности и их дальнейшего осуждения за преступления, связанные со служебной деятельностью, крайне мало. Но как мы все понимаем, это вовсе не означает отсутствие коррупции в судейском корпусе, отсутствие фактов злоупотреблений судьями своих полномочий, предательства интересов службы. Мало именно зафиксированных и доказанных фактов. Поэтому мы, не приводя конкретных примеров и не опускаясь до слухов и домыслов, только выделим перерождение как объективно существующий тип профессиональной деформации правосознания судей.

Деформации правосознания прокуроров

Прокурорам, в принципе, свойственны те же деформации, что и судьям с нюансами, определенными спецификой работы. Если судьи достаточно самостоятельны, то система прокуратуры строго вертикальна и попадающий в нее человек сразу ощущает себя частью этой системы. Но в своей работе по надзору за законностью прокурор относительно самостоятелен.

Отсюда и деформации, свойственные, с одной стороны, «людям системы», а с другой стороны, имеющим значительную самостоятельность.

Типичной деформацией у «людей системы» является боязнь собственной ошибки. От нее зависит карьера, сопутствующие высокой должности блага и т.д. В связи с этим, часть прокуроров боится себя в принятии тех или иных решений.

У других прокуроров, как и судей, напротив, возникает уверенность в непогрешимости своих действий.

Присутствует и правовой цинизм. Причины в целом одинаковы с судейскими.

На деформацию правосознания прокуроров влияют еще и то, что когда служба человека заключается в надзоре за работой других, он непроизвольно начинает меняться, привыкает, что к его советам (верным и не очень) прислушиваются, появляется привычка давать советы, иногда не неся ответственности за результат. Нужно иметь глубокие профессиональные знания и стойкий моральный дух, чтобы при этом не подвергнуться деформации и остаться профессионалом.

Практика накопила не мало примеров привлечения сотрудников прокуратуры (в том числе сотрудников следственного комитета, когда тот входил в состав прокуратуры) к ответственности за предательство интересов службы. Нас в данном случае интересует то, что такой тип профессиональной деформации как перерождение в прокуратуре присутствует. Основой перерождения, как правило, выступает корыстный мотив, который на определенном этапе жизни «переламинает» нормальное правосознание. Под этот мотив для оправдания своих преступных действий придумываются различные доводы:

- на пенсию не прожить, надо скопить денег на старость;
- коррупция в России непобедима;
- желание социальной справедливости, т.е. отнять деньги у того, кто их незаконно заработал (даже иногда искренне добавляется «за счет трудящихся»);
- мир изменить нельзя, все зарабатывают на интересах службы;
- нет достаточного социального обеспечения (нет квартир, машин, дач) – на них надо заработать, ибо их никто не даст;
- родители честно работали и умерли в нищете, я не повторю их ошибок;
- хочу жить хорошо, как другие и др.

Такие доводы являются ни чем иным как жалкими попытками оправдать свое преступное поведение, в основе которого лежат жадность, алчность,

зависть. Впрочем, аналогичные оправдания высказывают и сотрудники других правоохранительных органов, попавшиеся на противоправной деятельности.

Надо сказать, что в советское время ученые достаточно аккуратно подходили к исследованиям деформаций правосознания сотрудников правоохранительных органов. И действительно, при весьма небольшом уровне преступности в стране и серьезном подборе в органы правопорядка, деформация правосознания, тем более носящая преступные проявления, была редка. Случаи двурушничества, коррупции, предательства интересов службы имели место, но не носили массового характера.

В настоящее время ситуация изменилась и не в лучшую сторону. Принимаемые руководством страны экстренные меры по наведению порядка в правоохранительной сфере приносят определенные положительные результаты. Такие результаты выражаются главным образом в конкретных лицах, наказанных за свои преступные деяния. Это в некоторой степени останавливает других от совершения противоправных деяний. Но, увы, не меняет их сознания, а лишь заставляет действовать (то есть нарушать закон) более осмотрительно. При этом если сознание деформировано, то назад в нормальное состояние оно уже никогда не возвращается.

В итоге надо признать, что типы профессиональной деформации у всех сотрудников правоохранительных органов схожи. Схожи и обстоятельства, которые приводят к деформации правосознания. Это обязывает науку тщательно изучить имеющуюся проблему и выработать комплекс рекомендаций по совершенствованию кадровой работы в правоохранительных органах. Такая работа должна начинаться уже с момента изучения человека в качестве кандидата на работу в правоохранительные органы. На этой стадии надо обращать внимание не только на формальные факторы (судимость, административные правонарушения, психическое и физическое здоровье), но и изучать внутренний мир человека (беспринципность, страстная любовь к деньгам и

ценностям, моральная неустойчивость, зависть, жадность и др.). Еще больше следует придавать значение названным факторам личности человека при назначении на руководящие должности как в правоохранительной, так в любой другой государственной службе.

Кроме этого очевидно, что традиционная классификация деформаций правосознания (правовой инфантилизм, правовой нигилизм и перерождение) для сотрудников правоохранительных органов уже устарела.

Но такая классификация не удовлетворяет современным реалиям и в отношении людей, не связанных с органами правопорядка.

То есть, факты инфантилизма, нигилизма и перерождения имеются у обычных людей. Но кроме них встречаются и такие деформации как проявления **правового цинизма**. Особенно в настоящее время это свойственно хорошо обеспеченным людям. Они ценят свой покой и стремятся, чтобы вокруг них права и, главное, обязанности соблюдали. В то время как сами позволяют себе незаконные действия: управление автомобилем без водительского удостоверения и в нетрезвом состоянии, незаконное хранение оружия, хулиганство, самоуправство и т.д.

В другой – малообеспеченной и социально незащищенной – среде стали встречаться факты такой деформации правосознания как **боязнь права**, боязнь реализации собственных прав. Боязнь реализации своих прав порой происходит даже в случае совершения в отношении человека преступления. Имеется не мало случаев, когда люди не обращаются в полицию по фактам совершения в отношении них преступных действий. При этом у них нет отрицания права (как у нигилистов), но есть уверенность в том, что в нынешнее время искать преступников все равно не будут, а если будут, то этим людям может стать еще хуже от самих же преступников или сообщников. Такие люди не отрицают силы права, но стараются держаться от правоохранительной системы подальше, даже в случае нарушения их прав.

Встречаются факты «эффекта Робин Гуда». Здесь, как правило, речь идет о мести, даче отпора обидчикам незаконным способом (и даже преступным). Так, решившиеся на месть люди, обычно до факта мести законопослушны и не совершали преступлений. И более того, после мести они не будут совершать преступлений. Но желание, например, отца отомстить насильнику дочери не правовым путем, а собственными руками, естественно деформирует правосознание. При этом говорить, что в правосознании расправившегося с насильником отца произошло перерождение не вполне верно. Здесь речь идет о другой деформации – о совершении одного конкретного преступления в отношении конкретного лица, причем, как считают такие деформированные, «во благо всем».

Имеется такая деформация сознания как «правовая самоуверенность». Пораженные ей люди считают, что разбираются во всем лучше всех, имеют по каждому вопросу свое мнение. Не являясь специалистами, они искренне сознают, что лучше всех знают: как правильно лечить, как правильно учить, как ловить преступников, как руководить государством и даже как писать стихи и играть в футбол. В отношении к праву это проявляется в пренебрежительном отношении к нему «как простейшему и понятному всем явлению», на которое жалко тратить много времени. Как правило, эти люди в силу искаженного «всезнающего» правосознания заключают глупые правовые договоры на передачу собственного имущества, средств, в результате чего имеют большой ущерб.

Профессиональная деформация правосознания сотрудников правоохранительных органов – есть серьезнейшая проблема для науки и практики. К сожалению, ее решением занимаются явно не достаточно. Надеемся, что наша работа «подтолкнет» теоретиков и практиков к наведению порядка в правоохранительной сфере.

ГЛАВА 6

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

§ 1. Общие проблемы научных работ по юриспруденции

Замысел данной книги охватывает исследование юридической науки. В предложенной главе мы обозначим общие и при этом весьма часто встречаемые упущения научных работ по юриспруденции, коснемся современных проблем преподавания правовых дисциплин, этических проблем юридической науки и других вопросов.

Конец XX – начало XXI столетия в России характеризовался ростом диссертационных и монографических работ по юриспруденции. Повышение интереса к праву казалось бы надо только приветствовать. Однако знакомясь с исследованиями, невольно обращаешь внимание на то, что, увы, не все из них являются действительно актуальными, вскрывающими новый пласт проблем, теоретически и практически значимыми трудами. Давайте будем объективны. Определенная часть диссертантов получила ученые степени кандидатов и докторов юридических наук как дань моде. Указав на визитной карточке ученую степень, эти люди свое общение с наукой прекратили или почти прекратили.

В итоге получилось так, что людей, действительно желающих соединить свою жизнь с наукой, на самом деле оказалось не так много. Здесь речь ведется о работах именно этих людей: ученых-юристов. Анализируя представленные такими учеными исследования, мы обратили внимание на некоторые важные обстоятельства, о которых хотим порассуждать.

1. В значительной части монографических работах, в основном по отраслевым юридическим наукам, теряется связь с философией права. Фактически это приводит к тому, что применяются не все возможные в конкретном случае методы исследования, а один-два (хотя подчас

указывается, что применялись все). Отсюда страдает и полнота исследования, и объективность результатов. Подчас нарушается логика изложения материалов. В выводах не всегда учитывается исторический аспект, без которого оценить современное состояние правового бытия нельзя. И множество других замечаний, характеризующих отход исследователей от философских и философско-правовых установок.

О наблюдающемся процессе очень точно написал Д.А. Керимов. По его мнению, отрыв отраслевых юридических наук от философии права чреват опасностью воспроизведения лишь традиционных проблем, давно решенных и известных, и отвлечения от новых проблем, постоянно выдвигаемых жизнедеятельностью общества. При этом необходимо отказаться от склонности отдельных представителей отраслевых юридических наук провозглашать в своих произведениях вначале тот или иной философско-правовой принцип, а затем “забывать” его. И только в конце этот принцип опять “вспоминается”, дабы показать соответствие полученных результатов исходному философско-правовому принципу. Такой способ юридического исследования превращает философско-правовой принцип в ширму, за которой можно укрыться от упреков в философско-правовом невежестве, а само исследование, фактически лишенное философско-правового обоснования, теряет научную значимость, приобретает наукообразную форму. Следовательно, само использование методологических установок философии права в отраслевых юридических науках должно осуществляться осмысленно, “со знанием дела”, творчески.¹

И действительно, во многих прикладных работах, авторы пишут о том, что их волнует, не всегда обращая внимание на основы философии, науковедения, юриспруденции, подчас даже не зная этих основ — но при этом не забывают указывать в методологической основе исследования методы, которыми якобы пользовались. Однако без философского

¹ Керимов Д. А. Методология права. М., 2000. С. 82.

фундамента любая наука становится фикцией, винегретом суждений, логически не связанных между собой.

Нам представляется важным, чтобы на указанную проблему обратили председатели и члены диссертационных советов, научные руководители и консультанты, а также сами специалисты.

2. Другое замечание относится к хорошим и полным монографическим исследованиям: научные выводы медленно реализуются или вообще не реализуются законодателем.

Результаты научных исследований, сформулированные в виде конкретных предложений по внесению изменений в законодательство, в своем абсолютном большинстве остаются лишь «на бумаге». Это связано с отсутствием должной связи между учеными-правоведами и законодательными органами. Множество интересных и дельных предложений вообще не изучаются. В аппаратах законодательных органов отсутствуют подразделения, в задачу которых входило бы изучение результатов научных исследований. И, напротив, в научных советах и учреждениях нет функций по доведению выводов и предложений ученых до логического конца.

В итоге выводы специалистов остаются в монографиях, научных статьях, диссертациях, где подчас и «умирают». Необходимость при подготовке диссертаций апробации результатов исследований тоже не дает большого эффекта.

Видимо настало время создать научный центр, в задачу которого входило бы доведение предложений ученых до законодателей.

Создание такого центра, конечно, связано с большим количеством проблем. Во-первых, он, естественно, не сможет «переварить» все предложения специалистов. Во-вторых, этими предложениями можно «завалить» на многие годы вперед как сам центр, так и законодательные структуры. В-третьих, нельзя все предложения специалистов сразу выпускать на рассмотрение, например, Государственной Думы России. В особенности,

в-четвертых, с учетом полярности взглядов специалистов по отдельным проблемам. Есть и другие объективные проблемы.

Но все-таки функция реализации научных предложений в области права нужна. Соответственно, нужен и орган, претворяющий эту функцию в жизнедеятельность. В качестве рабочего варианта функционирования системы реализации научных предложений можно предложить такой. Представляется, что должна существовать определенная и разноуровневая система оценки предложений. Как вариант: если специалист проанализировал практику применения законодательства, пришел к выводу, что необходимо внести коррективы в закон, апробировал результаты, то он должен получить по этому поводу заключение научного учреждения. Это научное учреждение (им может выступать вуз, НИИ, диссертационный совет), должно направить предложения ученого в центр. В центре данные предложения должны изучить специалисты и после их экспертной оценки направить в соответствующую парламентскую комиссию или аппарат для проработки и далее для внесения на рассмотрение парламентом или законодательным органом субъекта Российской Федерации.

В принципе, ничего оригинального в такой схеме не имеется. Она схожа с существующим порядком оценки диссертационных исследований. Но при рассмотрении диссертаций экспертный совет ВАК, например, оценивал, достойна ли работа присуждения искомой ученой степени. Однако экспертный совет не отвечал за «продвижение» результатов исследований. В результате часто получалось так: автор актуальной работы, содержащей важные предложения, получал искомую ученую степень, но сами идеи и предложения нигде не реализовывались. Бывало и так, что идеи реализовывались спустя какое-то время, когда необходимость внесения изменений то что называется «перезрела». А депутаты потом высказывали недоумение: а где были ученые раньше, хотя важность и срочность изменений были давно сформулированы в диссертациях, в которых имелись и соответствующие законопроекты.

Применительно к диссертациям, если в них содержатся конкретные предложения по совершенствованию законодательства, то по ходатайству диссертационного совета их тоже нужно направлять в центр для оценки и реализации.

Думается, что предлагаемый путь, с одной стороны, должен повысить статус научно-правовых учреждений. И, с другой стороны, усилить ответственность этих учреждений.

И ученые, и законодатели должны двигаться навстречу друг другу. Парламентарии также особо заинтересованы в качестве принимаемых законов. Поэтому должна быть больше распространена практика экспертных правовых оценок законопроектов, при необходимости их широкое обсуждение в научной среде.

Все изложенное даст возможность сблизить научные предложения и их реализацию.

Иначе, что собственно происходит сейчас, имеется объективный разрыв между практикой, законом и наукой. Например, закон декларирует одно, в практической деятельности требования закона подчас коверкаются, изменяются, извращаются или просто не выполняются в силу разных причин. Иногда эти причины объективны, иногда – нет. Такие процессы выявляются наукой. Она выявляет несоблюдение закона, вскрывает причины этого, формулирует предложения, которые отражаются в научных (в первую очередь, монографических и диссертационных) работах. И далее эти предложения остаются невостребованными.¹

Затем появляется новый исследователь, который вскрывает те же самые, уже известные проблемы, добавляет в них авторские уточнения, подчас не

¹ Например, с 1995 г. по настоящее время защищено более двух десятков кандидатских и докторских диссертаций, посвященных использованию в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности. В абсолютном большинстве диссертаций обосновывалась необходимость регламентации порядка использования таких результатов в Уголовно-процессуальном кодексе и приводились конкретные предложения. Вместе с тем, порядок использования указанных результатов в УПК так и не регламентирован.

носящие принципиального характера, - и защищается новая диссертация. Но на этом движение по кругу не заканчивается. И спустя незначительное время появляется новый специалист, «вскрывающий» те же проблемы, формулирующий схожие выводы, справедливо настаивающий на том, что необходимость внесения поправок в закон уже перезрела – но, как в старой поговорке, воз нередко и ныне там.

Кроме того, важно понимать, что значительная часть предложений по совершенствованию законодательства носит технический характер. Во многих законах не хватает четкого понятия, уточнения, дополнения нескольких слов и подчас даже запятой. Эти предложения при реализации только улучшат и упростят закон, совершенно не меняя его духа и не требуя значительных временных, финансовых и прочих затрат. Однако и подобные законопроекты редко реализуются.

В Российской Федерации более-менее функционирует механизм реализации достижений медицинских наук. В юриспруденции такой механизм фактически не создан. Однако заметим, что ученый-юрист – очень значимая и статусная профессия. Государство и мы сами не должны допускать, чтобы наши специалисты писали «в стол».

Надо учитывать и следующее.

Жизнь объективно показывает, что подготовить объемный нормативно-правовой акт, учитывающий все случаи общественных отношений даже в конкретной отрасли права не возможно. Всегда найдутся десятки примеров, не охваченных либо не достаточно регламентированных в этом акте. Любой кодекс требует дополнительных разъяснений по его применению. Для восполнения имеющихся пробелов применяется толкование права «по духу закона», которое исходит из прописанных в нем целей, задач, принципов. Однако и они не всегда могут помочь.

Тогда возникает вопрос: где же еще отражен дух закона? Как ни странно, такой документ существует. Это пояснительная записка, прилагаемая к законопроекту перед его рассмотрением в законодательном

органе власти. В ней, как правило, указана актуальность принятия закона, его приоритеты и основные моменты, подлежащие изменению. Поскольку многие депутаты - не юристы (а если и юристы, то не обязательно специалисты по отрасли принимаемого законопроекта), они чтобы понять смысл предлагаемых изменений в первую очередь читают этот пояснительный документ, исходя из которого нередко и голосуют. Именно прочитав эту записку можно понять, что особенно важно в предлагаемом законе, о чем именно думали депутаты, принимая его, и наконец, почему закон приняли именно в конкретный момент (ни раньше, ни позже).

Мы бы, двигаясь в направлении гласности и демократичности, предложили бы такие пояснительные записки публиковать.

Важно и другое. Не беремся утверждать, но видимо бывает так, что пояснительная записка не точно отражает характер самого нормативно-правового акта. То есть, в записке написаны правильные цели, но сами нормы изложены таким образом, что с их введением декларируемых целей не достигнуть, и более того в случае принятия предполагаемого закона правовое регулирование станет еще хуже.

В этом случае, кстати, сразу будет видно, кто и с какой целью ввел депутатов в заблуждение. Кроме того, публикация записки даст возможность ученым, непосредственно не допущенным к законопроектам, быстрее включиться в дискуссию, разъяснить принятые нормы, предложить свои варианты достижения поставленных целей либо убедить, что принятие подобного закона поставленным целям не соответствует.

Например, в 2000 году больше года некая группа специалистов писала проект нового УПК. К проекту были подготовлены пояснительные документы, убедившие депутатов Государственной Думы РФ этот УПК принять. УПК вступал в действие через полгода после опубликования. Однако как только его опубликовали научная общественность и практики вскрыли столько недочетов и упущений, что в еще не вступивший в действие закон (!) спешно внесли десятки поправок. На этом, естественно, ничего не

закончилось, а только началось. Сейчас, за десятилетнюю историю современного УПК в него внесли более 700 (!) поправок. Очевидно, что закон приняли совершенно не подготовленный.

Здесь возникает несколько вопросов.

Первый к практикам: можно ли в таких условиях работать, бороться с преступностью, защищать потерпевших и незаконно обвиненных? Ответ понятен.

Другой вопрос к депутатам Думы: как можно было принять подобный закон?

А вот здесь как раз хотелось бы прочитать подготовленные авторами УПК пояснительные к законопроекту документы. А затем спросить, почему они ввели в заблуждение депутатов: в силу своей самонадеянности, умышленно, в силу незнания объективных реалий, по каким-то иным причинам? Хочется, чтобы из этой в общем-то позорной для права истории выводы сделали и сами депутаты.

Д.А. Керимов подметил то, что в настоящее время российский законодатель впадает в крайность, когда менее всего учитывается объективность регулирования общественных отношений. В результате воцаряется не только неразбериха в самом законодательстве, но и правопорядок уступает место хаосу и произволу. Отсутствие законотворческой культуры и игнорирование правил законодательной техники большинством депутатов, а также чиновников государственных структур в конечном счете приводят к резкому обособлению и разрыву связей между объективным и субъективным, к недооценке их диалектического взаимопереплетения и взаимопереходов.¹

Пояснительную записку лучше публиковать не вместе с уже принятым соответствующим законом, а раньше. Установить, например, практику, что пояснительные записки и объемные законопроекты (скажем, кодексы)

¹ Керимов Д. А. Методология права. М., 2000. С. 103.

должны публиковаться в момент их поступления на рассмотрение Государственной Думой. Это позволит ученым быстрее включаться в процесс обсуждения и не допускать глупостей в праве. Ведь дело не в отсутствии четко выработанной уголовно-процессуальной стратегии, на что, оправдываясь, возможно будут ссылаться авторы этого печального УПК, а в том, что предложенный ими и принятый Государственной Думой его первый вариант сплошь состоял из пробелов, упущений и дыр.

Надо сказать, что после принятия УПК его критиковали, причем справедливо, практически все. Но вопрос в том, почему не было столь широкого обсуждения этого закона до принятия? И почему не были восприняты замечания небольшой группы специалистов, видевших проект закона до его рассмотрения Государственной Думой и пытавшихся его исправить?

В законодательном опыте имеется еще немало подобных вопиющих фактов. Но поскольку мы заговорили именно об уголовном процессе, приведем пример из названной отрасли права. В мае 2000 года Государственная Дума Российской Федерации вынесла Постановление от 26 мая 2000 г. № 398-III «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Подпункт «б» пункта 8 Постановления требовал прекратить уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов, о преступлениях, совершенных до вступления в силу настоящего Постановления, в отношении лиц, награжденных орденами или медалями СССР либо Российской Федерации.

Депутаты в этой формулировке, естественно, ничего особого не заметили. Не заметили того, что речь в пункте 8 шла не об осужденных, а только лишь о подозреваемых или обвиняемых. Не заметили, что для этого пункта не имеет значения, по какому преступлению (небольшой тяжести или особо тяжкому) обвиняется человек.

В итоге, действие этого пункта распространялось даже на бандитов 1990-х годов, если у тех имелись государственные награды. А с учетом того, что такие преступники, как правило, имели опыт боевых действий в Афганистане и Чечне и имели награды, их требовалось освободить из-под стражи, а уголовные дела прекратить. Причем по действовавшему в тот период УПК для прекращения дела по амнистии не требовалось, чтобы человек признавал себя виновным в совершении преступления. Нужно было только его согласие на применение амнистии. И следователи не раз слышал от обвиняемых: я виновным себя не признаю, но на применение в отношении себя амнистии и прекращения уголовного дела согласен. Причины согласия на применение амнистии назывались самые разные, но вполне понятные: желание освободиться из-под стражи, нежелание «общаться» с судопроизводством. Впрочем, для большинства из описываемой группы людей не имело значения, по реабилитирующему или нереабилитирующему основанию в отношении них прекращалось уголовное дело.

Один из депутатов той Государственной Думы, принявшей это абсурдное постановление об амнистии, оправдываясь объяснял нам, что он и некоторые его коллеги поняли этот пункт по-другому. А именно: что если обвиняемым по уголовному делу является ветеран Великой Отечественной войны, имеющий награды, то его надо освободить и дело прекратить.

Уже через месяц (в июне 2000 года) в спешном режиме Государственной Думой Российской Федерации было издано Постановление, исправляющее содержащиеся в указанном постановлении об амнистии несуразности. Но уже кого-то успели освободить. А ведь ничего не мешало заранее опубликовать проект того, что хотели принять депутаты. В этом случае огрехи и неточности сразу бы были выявлены учеными.

В целом изложенное показывает проблему оторванности широких слоев ученых-правоведов от органов принятия правовых актов. Чего, по логике и сути, быть не должно.

С учетом того, что в Государственной Думе, Совете Федерации и органах государственной власти достаточно неюристов получается, что ученым подчас достается удел научно изучать право и законодательство, принятое не специалистами. Изложенную проблему надо осознать и найти пути решения.

Надо сказать, что нами позитивно оценивается подготовленная Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации книга, посвященная концепциям развития российского законодательства (под редакцией Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова).¹ Концепции развития надо публиковать и широко обсуждать, чтобы на их основе, с учетом полученных замечаний и предложений подготовить качественный закон. Возможно, что именно указанному институту будет лучше всего взять на себя координирующую роль по продвижению предложений ученых.

3. В научных работах по юриспруденции практически никогда не учитывается и не прогнозируется экономический эффект от полученных результатов и сформулированных предложений. Причем предложения и выводы подчас могут иметь серьезнейшие последствия как политического, так и экономического характера. Но эта сторона, важная для реализации предложений, совершенно упускается из виду.

Например, высказываемые в конституционном праве идеи о возвращении прямых выборов губернаторов требуют серьезных экономических затрат. В таможенном праве изменения ТК РФ могут значительно увеличить либо также значительно снизить доходность бюджета России. В земельном праве некоторые предлагаемые изменения требуют колоссальных экономических вложений, которые диссертантами не рассматриваются.

¹ См.: Концепции развития российского законодательства / Под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.

Наглядным примером могут служить работы по административному праву, посвященные необходимости реформирования государственных органов. В соответствии с программой реформирования, подкрепленной научными работами, десятки подразделений министерств и ведомств было переименовано (!) и переструктурировано с увеличением штата. Даже милицию переименовали в полицию. В результате были израсходованы колоссальные деньги. Окупятся ли понесенные затраты? И так уж ли принципиальны в экономически нестабильный период страны подобные траты?

Россия в настоящее время живет в рыночной экономике. Соответственно, при формулировании выводов и предложений надо обязательно понимать, во-первых, затраты на реализацию предложений, а, во-вторых, экономические последствия.

Об этом верно написал М.А. Клеандров. Он обратил внимание, что довольно часто обосновываются и вносятся предложения, которые у нас попросту не смогут быть реализованы. Кстати, это подчас присуще и федеральному законодателю. И нормы ряда принимаемых законов, и некоторые предложения отдельных диссертантов (может быть послужившие теоретической основой для этих норм?) рассчитаны для исполнения в идеальном обществе, до которого России еще далеко. Поэтому стоит ли удивляться тому, что законы наши часто не исполняются либо исполняются «с точностью до наоборот», тому, что некоторые законы отдельные граждане пытаются «приспособить» под себя для использования в личных корыстных интересах (пример – законодательство о банкротстве).¹

Диссертация по своей сути – это проект по улучшения правового регулирования каких-либо отношений. Любой проект, за исключением сугубо теоретического, должен быть просчитан, определена его стоимость,

¹ Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя. М., 2004. С. 52.

затраты, выгоды. Этого не происходит. Отсюда и формулируются, как сказал классик, предложения космического масштаба и такой же глупости.

Имеются и положительные примеры. Так, гуманизация уголовно-правового законодательства в части уменьшения наказания в виде лишения свободы за экономические преступления способствует сокращению затрат на содержание осужденных. Предложения по активизации использования такого вида наказания как штраф тоже способствует увеличению казны и не влечет дополнительных расходов.

Конечно, диссертация по юриспруденции не должна быть посвящена экономическим расчетам. Однако учитывать расходы на реализацию предложений, понимать экономический эффект очень важно. И конечно, затраты должны соотноситься с пользой от реализации предложений. То есть, если нововведения требуют расходов, но от них выиграет население России в защите своих прав, свободе, законности – такие идеи полезны и требуют реализации.

4. Помимо экономического эффекта, существует еще политический эффект, социальный эффект и др. Иначе говоря, конкретная польза от обоснованных в диссертации изменений. Но эта польза тоже далеко не всегда прогнозируется, оценивается и даже упоминается в работах.

Нередко это связано с тем, что диссертант не видит или не ставит перед собой конечной цели исследования. Стандартная, упоминаемая в диссертациях фраза гласит, что диссертант хочет внести предложения в тот или иной нормативно-правовой акт, чтобы тем самым улучшить регулирование общественных отношений в конкретной сфере. Но, даже если согласиться с его предложениями и внести поправки, регулирование общественных отношений, тем не менее, лучше не становится. Потому что в работе не было глубины, не проанализировано регулирование общественных отношений в целом, не оценен весь нормативно-правовой акт, а рассмотрена лишь его малая часть. А сам этот акт, как выясняется на защите, несовершенен, не соответствует реалиям времени. И от того, что в него будут

внесены ничего не значащие по его сути изменения, обстановка в позитивную сторону не меняется.

В результате формулируются предложения, что-то уточняющие, но которые на самом деле ни на что не влияют, потому что несовершенен сам нормативно-правовой акт.

Какая польза от подобных исследований? Незначительная польза есть - чуть лучше понят маленький сегмент в одной-двух нормах права. Это возможно принесет пользу, но при условии изменения самого нормативно-правового акта. И никак иначе. В итоге жалко трудов соискателей.

5. Искусственное усложнение науки.

Правовые науки ежегодно прирастают новыми знаниями (по крайней мере, в это хочется верить). Проводятся различные исследования, охватывающие самые разные стороны правовой реальности, формулируются выводы, уточняются понятия. В конечном счете, такое движение и создает научный прогресс, который можно только приветствовать.

Однако наряду с этим, происходит и мнимое движение вперед, названное нами **искусственным усложнением науки**. Сюда можно отнести несколько типичных случаев, встречаемых во многих диссертациях.

- стремление соискателей всю жизнедеятельность свести к правовым нормам, регламентировать в законе все, что только возможно по теме их исследования. В диссертациях практически по любой специальности встречаются предложения о включении в закон того или иного определения, законодательной регламентации частных случаев применения отдельных норм и т.д. и т.п. Вместо того, чтобы, как говорили мудрецы, сделать законы простыми и понятными, их постоянно предлагают дополнить, детально регламентировать, «утяжелить». Попытки упростить законы встречаются крайне редко.

- многие диссертанты, разрабатывающие конкретную тему, пытаются дать ей «свое» определение. На проверку оказывается, что это новое определение на самом деле новым не является, а представляет собой пересказ

другого определения. Если же и предложить новое определение не удастся, то соискатели обязательно пытаются что-то уточнить в уже имеющихся понятиях. Этот процесс почти бесконечен и, как правило, пуст с точки зрения содержания. На наш неофициальный вопрос к одному из соискателей о том, для чего он перефразирует имеющиеся понятия, он честно ответил, что должен же он что-то свое внести.

- Искусственное «утяжеление» языка. Некоторые специалисты имеют склонность к употреблению сложно читаемых и сложно воспринимаемых терминов. Простые и понятные слова заменяются на синонимы, редко употребляемые даже в научной литературе. Причем ладно, если бы подобные понятия употреблялись бы точно и верно. Но ведь многие понятия имеют несколько значений, что в итоге только создает путаницу. Можно хорошо относиться к тому, что используют понятия, взятые из философии. Однако сейчас стало популярным заимствовать термины из физики, математики, внешне сходные по смыслу, но применяемые в технических дисциплинах и не вполне подходящие для правоведения. Сюда же следует отнести громоздкость предлагаемых понятий. В научных работах все реже встречаются короткие и емкие определения, и все чаще – массивные определения, содержащие трудные для восприятия обороты. Видимо, соискатели, допускающие подобные вещи, искренне думают, что именно в этом и заключается наука. Однако они заблуждаются. И начисто забывают, что верх профессионального достижения для юриста – умение излагать мысли и законы простым и понятным всем языком.

Выделенные в данном пункте замечания типичны для многих современных работ. В качестве предложения предлагаем усилить требовательность к научным работам со стороны диссертационных советов.

6. Следующая проблема связана с толкованием права. Как известно, любой ученый-юрист занимается толкованием правовых норм. Никто не вправе запретить специалисту (или лицу, выдающему себя за такового)

комментировать, анализировать, обсуждать конкретные нормы, высказывать предложения по их применению.

Вопрос в том, насколько свободен ученый в широте толковании норм права? А точнее: может ли он, комментируя законодательство, предлагать нарушать закон или уклоняться от его выполнения?

Конечно, нет, ответят, наверное, все. Более того, сама постановка вопроса кажется, на первый взгляд, удивительной и несуразной.

Однако такая проблема есть. И в подтверждение наших слов приведем конкретные примеры из уголовно-процессуальной науки.

Для уголовного судопроизводства России в последнее двадцатилетие одной из актуальных проблем является использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. И вот в комментарии к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (ОРД) читаем то, что незаконно полученные результаты оперативно-розыскной деятельности, оказывается можно использовать в доказывании. В данной книге утверждается, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий и использовании их результатов «факт нарушения Федерального закона (об оперативно-розыскной деятельности. — С. 3.) не должен повлечь аннулирования полученных результатов».¹ И далее: «Аналогичный подход необходимо применять и при решении вопроса о придании процессуального статуса вещественного доказательства материальному предмету, полученному оперативно-розыскным путем с нарушением Федерального закона. Дело в том, что данное нарушение находится за рамками уголовного процесса и не означает нарушения предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедуры формирования вещественного доказательства».² Несложно предположить, что если допускается использование незаконно полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий (да еще где — в уголовном

¹ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Отв. ред. А. Ю. Шумилов. М., 1997. С. 120.

² Там же: С. 120-121.

судопроизводстве!), то авторы комментария весьма спокойно относятся и к незаконному проведению мероприятий.

Для неспециалистов в столь деликатной сфере поясним, что оперативно-розыскные мероприятия – это, например, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, переписки (в том числе по Интернету), наблюдение (слежка), опрос, тайное обследование жилища.¹ Большинство из них допустимы на основании судебного решения, при наличии достаточных оснований по ограниченному количеству статей УК РФ. Что понимали авторы указанного комментария под незаконным проведением мероприятий и получением, соответственно, незаконных результатов сказать трудно. Из судебной практики осужденных за незаконно проведенные оперативно-розыскные мероприятия можно сделать вывод, что это, видимо, незаконное обследование жилища, опрос с применением насилия и пыток, проведение прослушивания переговоров без надлежащего разрешения суда и т.д.

Указанная позиция была строго осуждена юридической общественностью.² Некоторые даже полагали, что в данном случае авторы комментария просто опечатались или неточно выразили свою мысль.

Но прошло несколько лет и в учебнике (!) по оперативно-розыскной деятельности написано буквально следующее: «В связи с тем, что среди приведенных оснований о недопустимости доказательств отсутствуют прямые указания о признании доказательств недопустимыми в связи с нарушением требований ФЗ об ОРД, можно констатировать, что по смыслу УПК нарушения этого закона не влияют на отнесение доказательств, полученных в процессе ОРД, к числу недопустимых. Это связано с тем, что

¹ См.: *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскные мероприятия. СПб., 2004; *Захарцев С.И.* Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2012; *Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2015.

² Об этом см.: *Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2017.

результаты ОРД сами по себе не являются доказательствами, а нарушения норм оперативно-розыскного законодательства не находятся в прямой связи с производством следственных или процессуальных действий. Следственно, они не влияют на содержание следственных действий и характер данных, полученных при их проведении».¹ Автором процитированного перла был О.А. Вагин.

Но это еще не все. Названный ученый повторил свое мнение в новом комментарии к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», вступительную статью к которому написал уважаемый В.Д. Зорькин. Причем в этом комментарии О.А.Вагин пошел еще дальше и после изложенной цитаты написал буквально так: «Положения ФЗ об ОРД не регулируют уголовно-процессуальные отношения, а следовательно, и не могут определять допустимость доказательств, которые могут быть получены только в порядке и способами, предусмотренными нормами УПК. Требование допустимости может предъявляться только к результатам ОРД (например, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, проникновение в жилище, контролируемая поставка, оперативный эксперимент или иные), представленным в документах или в виде вещественных доказательств. Что касается иных результатов ОРД (например, опрос, наведение справок, наблюдение и ряда других), которые являются лишь сведениями о фактах, то они не изменяют содержания фактических данных, полученных в результате проведения следственных действий».²

Таким образом, по мнению О.А. Вагина, результаты незаконно проведенных оперативно-розыскных мероприятий – опроса, наблюдения, наведения справок – можно без проблем использовать в доказывании по уголовным делам! Иными словами в доказывании, видимо, можно

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности. М., 2006. С. 574-575 (автор параграфа О.А. Вагин).

² См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. М., 2006. С. 239-240.

использовать: результаты опроса, проведенного с пытками, результаты тайного наблюдения в частном жилище, проведенного без судебного решения, фальсифицированные документы, полученные в ходе мероприятия «наведение справок».

Комментировать мнение О.А. Вагина даже как-то не серьезно. Любой первокурсник знает, что незаконно проведенное юридическое действие порождает незаконный, не имеющий юридической силы результат. Не будем и много полемизировать об опасности подобных действий как для прав человека, так и для режима законности, объективности судопроизводства и т.д. Это и так понятно.

Отметим, что сам В.Д. Зорькин в вступительной статье к названному комментарию, написал верно: «...Результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, **будучи полученными с соблюдением требований ФЗ об ОРД** (выделено нами – С.З., В.С.), могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем».¹

О законности великолепно сказал С. С. Алексеев: «Законность — одно из немногих общественных явлений, которое строится по принципу “или” — “или”: или безусловная, стопроцентная законность везде и всюду — или ее крушение, если допускается отступление от строжайших требований даже в самом малом. Ибо дозволенность нарушать закон “в самом малом”, “по уважительным причинам”, “иногда” на деле означает допустимость отступления от нее в любом случае и всегда (разве так уж трудно обосновать, что именно данный случай “самый малый”, “уважительный”?)».²

Приведем другой характерный пример. Часть 4 ст. 157 УПК РФ устанавливает: «После направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему

¹ См.: Зорькин В.Д. Вступительная статья к Комментарию к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 2006. С. 17.

² См.: Алексеев С. С. Право и перестройка. М., 1987. С. 503.

следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах».

Содержание этой нормы, на наш взгляд, предельно ясно и не может иметь двойных толкований. С момента направления органом дознания уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия по нему проводятся только по поручению следователя (за исключением случая, когда по делу не обнаружено лицо, совершившее преступление). Из первого предложения нормы слово «*только*» можно было бы исключить — смысл написанного от этого нисколько не изменится. Законодатель, тем не менее, формулировкой «*только по поручению следователя*» внес в статью эмоциональную ноту, чтобы категорически исключить двойное толкование статьи, а ее содержание сделать понятным всем.

Однако в монографии А. Е. Чечетина написано, что после направления дела из органа дознания «оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, привлекающихся к уголовной ответственности, могут производиться и без поручения следователя».¹ Мотивировка такова: «Выполнение оперативными подразделениями обязанности по раскрытию преступлений не может ставиться в зависимость от решения следователя и от наличия (отсутствия) его поручения».² Ни больше, ни меньше.

Ученые, — специалисты по другим отраслям права, - помогли нам собрать достаточно богатую коллекцию подобных комментариев законов, идущих совершенно вразрез изложенному в нормах самих законов. То есть, проблема заведомо извращенного толкования закона имеется во всех отраслях права!

¹ Чечетин А. Е. Оперативно-розыскная деятельность и личность. Барнаул, 2006. С. 12.

² Там же: С. 10.

И ладно, если бы речь шла об описках, неточных формулировках, наконец, ошибках. Но в данных случаях речь идет о предложениях принципиального игнорирования требований закона, умышленном введении читателей в заблуждение.

И подчеркнем, что авторами таких высказываний являются юристы, имеющие ученые степени кандидатов и докторов юридических наук.¹

А кто читатели? Если учесть, что большинство примеров изложено в учебной литературе, то, не считая преподавателей, читателями в основном являются студенты юридических вузов – будущие юристы-практики, в том числе правоохранительных органов. А это не просто плохо, но и страшно!

Как любим, перефразировав известную поговорку, говорить мы: не так страшен закон как его толкование!

Как с такой проблемой бороться мы, признаемся, не знаем.

Одним из вариантов может быть жесткое, принципиальное отношение научной общественности к заведомо ложным измышлениям. Публичное осуждение таких толкований, критичный анализ подобных высказываний на конференциях и семинарах. Убеждение авторов подобных «перлов» в публичном признании своей неправоты.

7. Может быть, это нам показалось, но за последнее десятилетие вышло мало оригинальных авторских работ. Мало было и работ, содержащих принципиально новые положения и выводы (пусть даже очень спорные, но новые). В основном научные работы представляют собой переписывание друг друга с некоторыми дополнениями и уточнениями. Работы по таким «бескрайним» предметам как философия и философия права тоже, как правило, не отличаются оригинальностью. Более того, в них традиционно «добавляют» переписывание истории философских и философско-правовых знаний. Но опять же, в истории философско-правовых мыслей принципиально новое встречается редко, в основном одни и те же подходы.

¹ Что преподают и где сейчас работают О.А. Вагин и А.Е. Чечетин мы не знаем.

Хотя, если углубиться в проблему, то некоторые из традиционных подходов к философам права и их трудам можно оспорить.

Так, известного русского философа Б.Н. Чичерина большинство исследователей считают либералом, защитником естественных прав человека и свободы в России. Таким, например, его считал В.С. Нерсисянц.¹ Г.И. Иконникова и В.П. Ляшенко пишут, что основное содержание философии права Б.Н. Чичерина – естественное право как система неписанных норм и правил. Такие нормы и правила служат основанием, принципами создания позитивного права – учения о правде, справедливости и равенстве². Э.В. Кузнецов пишет, что наука о праве в России к XIX веку преодолела отставание от западноевропейской юриспруденции и во многих отношениях шла впереди благодаря, в том числе, трудам Б.Н. Чичерина по естественному праву.³ В том же ключе, правда обычно без ссылок, пишут и многие другие специалисты. Указанный подход достаточно прочно укоренился в учебной литературе по философии права⁴.

Вместе с тем, изучив труды Б.Н. Чичерина, с указанными выводами мы не согласимся. Например, этот философ отрицал необходимость и желательность равенства, даже формального, в экономических правах. Он весьма красноречиво и несколько цинично обосновывал: «...люди равны только как свободные лица, а не как члены высшего целого, в котором они могут иметь различное назначение, а вследствие этого различные права и обязанности. Поэтому в 1-й статье *"Объявления прав человека и гражданина"* к утверждению начал свободы и равенства прибавлено: "общественные различия могут быть основаны только на общей пользе". Это начало весьма широкое; оно может требовать не только различия политических прав для различных общественных классов, сообразно с их политической

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. С. 685.

² Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. М, 2010. С. 122.

³ Кузнецов Э.В. Философия права в России. СПб, 1989. С. 97.

⁴ См., напр.: Философия права: Курс лекций. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2014. С. 518.

способностью, но и наследственных преимуществ, на чем именно зиждутся монархия и аристократия»¹.

Обозначенная сентенция Б.Н. Чичерина хорошо иллюстрирует несколько вещей. Первое: Б.Н. Чичерин делит общество на классы. Второе: политические и экономические права этих классов, по его мнению, не должны быть одинаковы, то есть речь идет о *разноправии*, а вовсе не о *равноправии*. Третье: не ясно кто и как будет оценивать и устанавливать «общественные различия на основе общей пользы». Однако, с учетом этой и других работ Б.Н. Чичерина думается, что он подразумевал, что оценивать эту «общую пользу» будут представители высшей аристократии, а вовсе не широкие слои населения. И выгоду от этой «общей пользы» скорее всего будет иметь небольшое количество конкретных адресатов. То есть, общегражданские права - для всех, а экономические привилегии — для избранных. Из этого следует, в-четвертых, что юристы-правоведы своими работами обеспечивали интересы правящей элиты, в том числе, а может быть в первую очередь — ее экономические интересы. Надо учитывать еще один важный момент. В своих работах Б.Н. Чичерин развивал идею перехода от самодержавия к конституционной монархии, что ставят ему в заслугу отдельные современные исследователи. Однако при этом не учитывают, что Б.Н. Чичерин был представителем знатного богатого дворянского рода. Переход к конституционной монархии предоставлял ему самому и людям его круга широкие политические и экономические возможности.

И еще о Б.Н. Чичерине, как о либерале и гуманисте. Он считал, что «государство не обязано доставлять гражданам средства существования. Это дело частное. Каждый отыскивает себе работу и добывает пропитание сам. Когда в силу несчастного стечения обстоятельств человек не в состоянии пропитаться, он взывает к помощи ближних. Тогда наступает призывание благотворительности, сначала частной, а за недостатком последней, общественной. Государство в видах человеколюбия не может не прийти на

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2011. С. 108.

помощь страждущим гражданам. Но благотворительность не становится для них правом; она действует по мере сил и возможности»¹. Иными словами: если у государства не хватает возможностей (или есть другие приоритеты) – человек не получит пособия по безработице, сносных условий для жизни и даже пропитания. Ибо государство, по Б.Н. Чичерину, не обязано всех кормить и, соответственно, обеспечивать право на жизнь.

Нисколько не умаляя вклад Б.Н. Чичерина в мировую философскую и философско-правовую мысль, мы никак не можем назвать его либералом. Напротив, перечитав еще раз работы этого философа², мы пришли к выводу, что оценка Б.Н. Чичерина как либерала скорее ошибочна.

Примерно также думает В.А. Томсинов, отметивший, что политические воззрения Б.Н. Чичерина находились в постоянном развитии. Его еще при жизни называли «либеральным консерватором», но это определение лишь указывает на смешанный, сложносоставной характер мировоззрения мыслителя.³

Мы с уверенностью полагаем, что работы других философов и философов права можно оценить гораздо глубже и объективнее, чем это подчас делается в современной литературе, которая подчас почему-то повторяет друг друга.

Еще более жестко на данную проблему смотрит Д.А. Керимов. Он справедливо обращает внимание научного сообщества на почти полное отсутствие в современной отечественной юриспруденции фундаментальных исследований, засилье «плохого комментаторства плохого законодательства» и «беспомощного обобщения беспомощной правоприменительной практики», на накопившееся бессистемное обилие материала по частным и второстепенным вопросам, на явно недостаточное количество новых идей и

¹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб, 2005. С. 605.

² См., напр., работы Б.Н. Чичерина: Философия права. М., 2011; Общее государственное право. М., 2006; Собственность и государство. СПб, 2005; Вопросы философии. М., 1904; Вопросы политики. М., 1903 и др.

³ См. Томсинов В.А. Борис Николаевич Чичерин. Биографический очерк. Предисловие к книге «Общее государственное право». М., 2006. С. XXVIII.

разработок, на всевозможные конференции, симпозиумы, круглые столы, способные в основной своей массе только поддерживать не более чем видимость активности правовой науки.¹

В части диссертаций добавим еще одно наблюдение. Многие современные диссертации по юриспруденции подчас «пестрят» сносками, из чего трудно сделать вывод, целью исследования было создать что-то новое, чуть дополнить имеющееся или просто всех ученых упомянуть. Особенно это касается кандидатских диссертаций. Причем, как рассказывали нам некоторые диссертанты, их научные руководители буквально требовали того, чтобы каждая страница текста содержала сноску на кого-либо из ученых.

Мы отнюдь не умаляем важность сносок. Научные работы должны писаться на имеющемся материале. Но в работах, особенно при обилии сносок, не всегда четко отгорожено: что было, а что стало. При этом «то что стало», как уже отмечалось, в своем большинстве не оригинально. Не знаю как остальным, но нам не приятно видеть и то, что сноски подчас ставят не для дела, а из уважения к авторитетным в конкретной науке ученым, чтобы их просто упомянуть.

Пожелание: смелей писать новое и спорное. Истина рождается в споре.

8. Россияне, в том числе юристы, стали заметно меньше читать. Особенно это касается печатной продукции, в первую очередь книг и научных журналов. Изложенное приводит к сокращению тиражей научной литературы. Соответственно, мнения и идеи специалистов в части права и законодательства стали труднее распространяться даже в научной и профессиональной среде.²

Частичным выходом из такой ситуации может стать дублирование идей и мнений в нескольких научных журналах, частичные повторы написанного ранее в других книгах. Такие частичные повторы ранее написанного - есть

¹ Об этом см.: *Чащин А.Н.* Современные правовые учения России / Под ред. *Т.Н. Радько*. М., 2014. С. 107.

² Далее буквально напрашивается призыв к чтению, но он в современных условиях, увы, будет являться лишь лозунгом.

объективная необходимость в доведении своих взглядов до специалистов. При этом одновременно надо обязательно расширить рекламу книг и статей по соответствующей тематике. То есть должно быть примерно так. Пользователь набирает в электронной базе данных интересующий его правовой вопрос, а база выдает книги и статьи, где отражены ответы и мнения по искомому вопросу.

Вместе с тем, в работе одного из диссертационных советов мы столкнулись со следующим случаем. Диссертационное исследование одного из соискателей в значительной степени совпадало с его научными статьями. Это и логично, поскольку научные выводы и предлагаемые изменения в закон, разумеется, должны быть «слово в слово». После этого система «Диссернет» научную работу этого соискателя поставила под сомнение. И к выводам системы «Диссернет» отдельные члены диссертационного совета прислушались. Причем соискателю порекомендовали на будущее писать научные статьи с теми же выводами, но другими словами! Такие же рекомендации в другом диссертационном совете дали докторанту уже в части написания монографии, иначе будут трудности в прохождении «Диссернета»! Иными словами, как говорил один политик про Россию: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

Давайте разберемся и договоримся. Задача «Диссернета» выявлять плагиат, выдачу чужих мыслей и идей за свои. Но свои-то мысли и идеи пусть ученый многократно публикует во всех своих публикациях хоть дословно. Это же не плагиат. Более того, с учетом нелюбви современной молодежи к чтению, чем больше раз учеными будут тиражированы умные идеи, тем больше вероятность, что такие идеи кто-то воспримет или хотя бы прочитает.

9. Большой современной проблемой юридической науки является слабое изучение наследия ушедших ученых. Посмотрите, еще совсем недавно с нами работали В.Н. Кудрявцев, О.Е. Кутафин, Д.А. Керимов, С.С. Алексеев,

другие выдающиеся юристы. Но кто внимательно, подробно и конспективно изучал их труды? Кто ловил их мысли и полунамеки по всем отраслям права?

Увы, по нашему мнению, труды ушедших внимательно не изучают. Как правило, к их работам обращаются только в контексте конкретной диссертации или монографии, причем в части касающейся. У нас нет ни института, ни практики изучения наследия ученых-юристов.

В СССР была практика глубокого изучения трудов К. Маркса и В.И. Ленина. Такое изучение, кто бы чего сейчас не утверждал, было полезным. На базе подобного изучения глубоко развивались отдельные философские направления, например, та же диалектика. Еще раз вспомним уже упоминавшегося в монографии Л. Грэхэма, заявившего, что по универсальности и степени разработанности в СССР диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли и является впечатляющим интеллектуальным достижением. Да и никто из философов и юристов, мы уверены, никогда не скажет, что знания трудов К. Маркса и В.И. Ленина были лишними. Плохо было то, что работы К. Маркса и В.И. Ленина рассматривались некритично, односторонне и в контексте с идеологией. А в самом факте глубокого изучения трудов ничего плохого нет.

Нам представляется важным создать практику тщательного изучения учеными юридического наследия. Следует издавать монографии-обзоры по трудам и мыслям выдающихся и просто известных ученых-юристов. Их идеи не должны пропадать. Более того, было бы полезным и важным по работам таких юристов подготавливать диссертационные исследования: кандидатские и докторские. Но если дореволюционные ученые хоть и не часто, но попадают в орбиту внимания диссертантов, то более-менее современные – практически никогда. Тем самым мы обедняем сами себя. А ведь работы недавно ушедших ближе к современному состоянию науки и практики.

Мы специально оговоримся, что подлежат тщательному изучению работы не только всемирно признанных ученых и академиков. В каждой из

юридических наук традиционно имеется два-три наиболее авторитетных специалиста, профессора, классика. И их труды и идеи крайне важны для той отрасли права, которой они посвятили свои изыскания. А работы выдающихся юристов надо изучать само собой.

Полагаем, что задачу серьезного и полного изучения трудов ушедших ученых должен решать Институт государства и права РАН. Не так давно в 2016 году этим институтом под редакцией В.Г. Графского была издана монография, посвященная отдельным российским философам права XX века¹. В исследование попали как дореволюционные, так и некоторые советские ученые. Независимо от того, насколько согласны специалисты с оценкой трудов того или иного философа права, сама по себе задумка вызывает всяческую поддержку.

Таким образом, мы выделили девять проблем и упущений современной российской юридической науки. Однако понимаем, что их список, возможно дополнить.

В какой-то степени утешает лишь то, что современная зарубежная юридическая наука тоже испытывает немало проблем. Так, три наших монографии были переведены на иностранные языки и изданы за границей. Поднятые в книгах вопросы, в том числе связанные с упущениями в юридической науке и правовом регулировании, получили отклики от иностранных специалистов. В свою очередь, они поделились своими трудностями, некоторые из которых носят глобальный характер. В первую очередь, это науковедческие трудности, отсутствие единого философского и теоретико-правового подхода к юриспруденции (во многих странах в науке распространены идеи невозможности познания бытия, в том числе правового, отрицание гносеологии, невозможность и ненужность установления объективной истины в судопроизводстве и т.д.).

Надеемся, что каждый ученый на своем месте сделает все, что от него зависит, для разрешения указанных и других, не упомянутых здесь, проблем.

¹ Философия права в России: из опыта XX века / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016.

Нам кажется, что мы достигнем большего, если будем чаще обсуждать имеющиеся проблемы все вместе и договариваться о путях их разрешения.

§ 2. Этические проблемы в юридической науке

О проблеме этики в научных юридических работах писать не хочется, но и не написать нельзя. Тезисно обозначим четыре наиболее серьезные, на наш взгляд, этические проблемы.

Первая. В последнее двадцатилетие стала особо актуальной проблема корректности и этичности ведения научной дискуссии в праве. До едких фраз, граничащих с оскорблением, начали опускаться не только начинающие юристы, но и маститые ученые.

Причем не щадят как современников, так и давно ушедших. Например, академику АН СССР П.Ф. Юдину в одной из недавних работ по философии права достались слова: «дежурный «философ» режима», «спесивый философ», «вороватый страж полезной для властей «истины». При этом рассуждения П.Ф. Юдина характеризуются не иначе как «пустопорожнее жонглирование цитатами из классиков». Вдвойне неприятно, что указанные ругательства употребил не кто-нибудь, а академик В.С. Нерсисянц.¹

Там же есть и слова в отношении других известных юристов. А.Я. Вышинскому достались такие выражения: «одна из гнуснейших фигур всей советской истории», «ловкий, изощренный и бесстыжий холуй вождя и тоталитарной системы» и т.д. В заключении В.С. Нерсисянц пришел к выводу, что: «“Органы НКВД”, таким образом, помогли Вышинскому, Аржанову и многим другим “правильно” понять марксизм-ленинизм и благодаря этому вскоре стать академиками и член-корреспондентами. Справедливей было бы, конечно, “академиками” признать и соответствующие “органы” за их большой вклад в просвещение идеологических “кадров”»².

Подобные выражения сейчас можно увидеть в немалом количестве юридических работ. Например, недавно И.Ю. Козлихин на чтениях,

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 355.

² Там же: С. 363-364.

посвященных философии права (!), назвал того же А.Я. Вышинского «отъявленным негодяем».¹ «Лакеем беса» назвал А.Я. Вышинского опять же в работе по философии права (!) Л.С. Мамут.² И дополнил в его адрес личностные характеристики: «аморальность, разложение нравственности, конъюнктурщина, попадание в тон, держание носа по ветру».³ В той же книге В.Г. Графский обозвал А.Я. Вышинского «погромщик-прокурор».⁴

Изложенное наглядно показывает, что обозначенная нами проблема этики научной дискуссии давно назрела и перезрела.

Сначала давайте определимся: высказывания В.С. Нерсисянца – это оскорбления или нет? Очевидно, что да. Если это оскорбления, то за них по законодательству практически всех стран мира установлена ответственность. Иными словами, если бы подобные высказывания адресовывались в адрес живых людей, то ответственности не избежать. При этом в советском и российском уголовном праве за оскорбления еще недавно существовала даже уголовная ответственность. Поэтому даже не верится, что такие высказывания исходят от юристов.

Следующий вопрос: где эти высказывания содержатся. Ответ поразителен: в научной и учебной литературе! Однако научная и учебная литература – не бульварная пресса. Мы настаиваем на том, что в науке нет места оскорблениям, унижениям, снисходительности, пренебрежению. Это принципиально не допустимо и совсем не этично.

Помимо того, спор в научной литературе должен вестись в пределах науки. Можно и нужно стараться объективно оценить позицию того или

¹ Козлихин И.Ю. Общая теория, интегральная юриспруденция или энциклопедия права? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013. С. 9.

² Мамут Л.С. Евгений Брониславович Пашуканис // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 164.

³ Мамут Л.С. Феномен Вышинского // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 49.

⁴ Графский В.Г. Философия права в России: разнообразие предмета изучения. Преемственность и новизна // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2016. С. 10.

иного ученого по именно научным вопросам. При этом их политическая карьера, личная жизнь, нравственные, безнравственные поступки и прочее в предмет науки не входят. Если, например, в философской литературе изучают Пьера Абеляра, то его рассуждения интересуют именно как философа, теолога, одного из основоположников концептуализма. Всем известная печальная история Абеляра и Элоизы имеет значение только с точки зрения формирования и последующего изменения взглядов Абеляра. Но в философской литературе не требуется давать субъективные эмоциональные оценки правильности или неправильности поведения Абеляра по отношению к Элоизе и последующего наказания Абеляра. Для подобных оценок существуют газеты, популярные журналы, телепередачи, а не научная литература. Впрочем, в публицистических программах слышать подобные высказывания тоже не хочется.

В своей книге В.С. Нерсисянц приводил очерки о многих философах разного времени. Однако он воздерживался от оскорблений в адрес, например, Аристотеля, считавшего раба (человека!) вещью. Зато своих недавно ушедших современников оскорблял. Допустима ли такая позиция как ученого и как человека?

Двум богам, как известно, одновременно служить нельзя. Нельзя призывать к свободе, правовой культуре, равенству, плюрализму мнений (!) и одновременно употреблять оскорбительные слова в адрес своих коллег за то, что их суждения (пусть даже ошибочные!) не совпадают с собственными измышлениями. Если конкретные люди неприятны лично, то наука не имеет к этому никакого отношения.

Требования к этике дискуссии имеют особую актуальность потому, что некрасивые, оскорбительные выражения ученых в адрес друг друга попали в учебную юридическую литературу. Приведенные и аналогичные цитаты встречаются не где-нибудь, а в учебниках, в том числе по теории государства и права, философии права - предметах по определению чистых, возвышенных, свободных от грязи и житейской суесть. Именно такой

философия права видится нам. Использование В.С. Нерсисянцем и другими учеными подобных выражений противоречит духу науки, нарушает этику дискуссии. Красота философской мысли тает. Всем известное выражение Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже!» звучит сильнее чем десятки оскорблений, но при этом оно отменно корректно и красиво.

Следующий вопрос: в отношении кого употреблены оскорбительные выражения? На совещании, проведенном в 1938 году по вопросам науки советского государства и права, которое так «красочно» описал В.С. Нерсисянц, кроме Вышинского присутствовали и выступали М.А. Аржанов, П.Ф. Юдин, С.А. Голунский, М.С. Строгович. Все они стали член-корреспондентами Академии наук СССР.¹

Давайте кратко рассмотрим их биографии и вклад в науку. М.С. Строгович – один из общепризнанных советских ученых. Крупный специалист в области теории государства и права. В 1940 году М.С. Строговичем совместно с С.А. Голунским изданы один из первых советских учебников «Теория государства и права», по которому обучались несколько поколений юристов². Еще более М.С. Строгович известен как специалист по уголовному процессу и прокурорскому надзору.³ Его двухтомный «Курс уголовного процесса» навсегда и абсолютно справедливо вошел в историю как классический научно-учебный труд.⁴

Его соавтор по учебнику С.А. Голунский, помимо вклада в теорию права, справедливо считается одним из пионеров отечественной

¹ Юдин Павел Федорович был избран и академиком АН СССР.

² Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940.

³ См., напр.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955; Строгович М.С. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / Под ред. М. С. Строговича, Г. Н. Александрова. М., 1959 и др.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968-1970.

криминалистики. Он является автором первых отечественных учебных и научных работ по криминалистике¹.

М.А. Аржанов – известный теоретик права, несомненно, оставивший след в общей теории права².

П.Ф. Юдин юристом никогда не был. Вместе с тем, как советский философ был известен всему миру. П.Ф. Юдин руководил институтом философии АН СССР. Основные труды П.Ф. Юдина были посвящены истории марксистской философии, проблемам диалектического и исторического материализма, теории научного коммунизма³. Эти труды известны и за рубежом.

Интересны ли работы этих ученых сегодня? Конечно. Уголовно-процессуальные и криминалистические работы совсем не потеряли актуальности. Работы по теории права и философии с позиций сегодняшнего дня во многом кажутся спорными. Но их тоже необходимо изучать, хотя бы для сравнения с современной философией и современным правом. Без прошлого, как известно, понять настоящее и заглянуть в будущее невозможно. При этом не вызывает сомнений, что каждый из перечисленных авторов был крупным ученым.

Зачем же писать, что член-корреспондентами они стали благодаря органам НКВД, которые помогли им «“«правильно” понять марксизм-ленинизм и благодаря этому вскоре стать академиками и член-корреспондентами»».

Отдельно остановимся на А.Я. Вышинском. Мы вовсе не хотим защищать или как-то оценивать эту политическую фигуру в данной работе. В

¹ См., напр: *Голунский С.А.* Техника и методика расследования преступлений. М., 1934; *Голунский С.А.* Осмотр места преступления. М., 1936; *Голунский С.А.* Криминалистическая методика. М., 1939; *Криминалистика*. М., 1959.

² См., напр.: *Аржанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С.* Теория государства и права. М., 1949; *Аржанов М.А.* Государство и право в их соотношении. М., 1960.

³ См., напр.: *Юдин П.Ф.* Материалистическое и религиозное мировоззрение, М., 1930; *Юдин П.Ф.* Кто такие "национал-социалисты"?, Свердловск, 1942; *Юдин П.Ф.* От социализма к коммунизму. М., 1962.

книгах **по философии права** ученых необходимо оценивать именно как ученых, а не как прокуроров, министров, общественных деятелей. А.Я. Вышинский, как к нему не относись, объективно был широко известным ученым – теоретиком права и процессуалистом, – академиком АН СССР, директором Института государства и права. Он был сторонником нормативного (скорее даже узконормативного) понимания права. Его работы ныне подвергаются критике, во многом справедливой, но это не зачеркивает как факта самих работ, так и их научного значения.

Нормативный (если хотите, узконормативный) подход к праву объективно имел место в истории права. У этого подхода, как впрочем и у любого другого, имелись недостатки. Эти недостатки надо выявлять, анализировать, но не оскорблять ученых. Жаль, что именно сейчас, при свободе слова, стали забывать об этике научной дискуссии, культуре, человечности. А потом пишем о нигилизме, отсутствии правовой культуры и удивляемся, откуда это берется? И одновременно один академик в адрес других академиков пишет слова: «Ловкий изощренный и бесстыжий холуй», «спесивый философ» и пр. Причем где пишет - в учебнике! Причем по философии права!

Сейчас в вузах учатся и выпускаются студенты, выросшие в России в период свободы слова и мнения. Задача преподавателей и учебников обеспечить гармоничное развитие этого поколения. Важным шагом в направлении такого развития является возможность студентов получать объективные знания, быть свободными в выборе мировоззрения. Философия, в том числе философия права является основой для формирования мировоззрения. Такая основа должна быть цельной, крепкой и чистой.

Наверное, не надо доказывать то, что обучение имеет и воспитательную функцию. Задача юридических вузов заключается не только в том, чтобы дать студентам соответствующие знания, но и воспитать их в духе соблюдения законов, уважения к правам и свободам каждого человека, любви к Родине и людям. Насколько выяснение отношений между учеными в

учебниках способствует воспитанию юристов? Чему же в таком случае мы научим студентов?

Впрочем, сейчас проблема этики ведения дискуссии актуальна не только для юридических дисциплин, но и для всех наук в целом. Т.Г. Лешкевич, говоря о проблемах науки, верно подметила, что очень часто ученые значительно преувеличивают свой личный вклад в науку, сравнивая свою деятельность с деятельностью своих коллег, что порождает массу проблем, обнаруживаемых в проведении научной полемики, и влечет нарушение научной корректности и научной этики.¹

Для работ о праве такое положение по понятным причинам особенно не приятно.

Дорогие коллеги! Давайте уважать друг друга и наших читателей!

Отдельно отметим, что мы с уважением относимся к вкладу В.С. Нерсисянца в юридическую науку. Поэтому читать в трудах этого ученого оскорбительные, пренебрежительные и крайне субъективные высказывания по отношению к другим специалистам особенно неприятно.

Вторая. Открыв конспект лекций по философии права, изданный в 2009 году на Украине (в Харькове), мы с удивлением прочитали, что **«украинский правовой менталитет формировался в процессе постоянной борьбы нашего народа за свою государственность, культуру, язык, религию (выделено нами –С.З., В.С.), а российский – под влиянием сильного абсолютистского государства»².** Далее авторы цитируемого учебного пособия выделили несколько черт украинского национального характера, к которым, в том числе, отнесли следующее: **«Индивидуализм и стремление к свободе – негативное отношение к сильной власти как таковой, что граничит с анархизмом; крайним проявлением индивидуализма является такая черта как замкнутость, вытекающая из достаточно трагической истории украинского народа, который постоянно пытались поработить**

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки. М., 2005. С. 203.

² Философия права: Конспект лекций / Под ред. О.Г. Данильяна. Харьков, 2009. С. 157.

другие государства»¹. В том же духе в книге имеется еще несколько абзацев. Авторами приведенных строк являются достаточно известный в России философ права С.И. Максимов и менее известный М.П. Колесников.

Вначале зададимся вопросом, какие государства имеют в виду авторы, которые постоянно «стремятся поработить Украину»? Судя по содержанию данной книги, к таким государствам относится в том числе Советский Союз и Россия. То есть, по мнению авторов, находясь в Киевской Руси, царскодержавной России и СССР несчастные украинцы всегда были поработены, но боролись за свою веру, независимость, государственность?

А затем вернемся к непосредственно философии. Думаем, нет смысла тратить слова на то, чтобы убеждать читателей в нечестности процитированного украинского конспекта лекций (обратим внимание хотя бы на словосочетание «Киевская Русь»).

Но почему подобные высказывания появляются именно в литературе по философии права? К сожалению, ответ тоже ясен. Современной украинской власти нужно философское обоснование того, что русские и украинцы – два совершенно разных народа, которых ничего не объединяет. Философское (высшее из научных) обоснование того, что Киевской Руси не было, а также не было того, что Советским Союзом большую часть его существования правили выходцы из Украины (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, К.У. Черненко) и их команды.

Иными словами, власть желает опираться на философию и философию права при проведении своей политики. А роль философии права в данном случае сводится к «обслуживанию» власти в ее грязных делах.

Такая политика с опорой в первую очередь на философию и философию права проводится руководителями Украины с 1990-х годов прошлого века по настоящий день, то есть более двадцати лет. При этом процитированный конспект лекций выпущен на русском языке, чтобы запутать молодое русскоговорящее поколение, не заставшее Советского Союза и единого

¹ Там же: С. 158.

русско-украинского народа. А учебник по философии права аналогичного содержания выпущен в тех же целях уже на украинском языке¹. Результатом такого обмана и запутывания стала гражданская война, случившаяся на Украине в 2014 г. и продолжавшаяся по сей день.

С сожалением задумаемся о том, что в рассуждениях о миссии и значении философии права возможно есть лукавство? Ведь в России философия права всегда обслуживала власть предрежащих. Например, известный религиозный философ Феофан Прокопович в угоду Петру I и монархии обосновал цезаропапизм; в более поздний период Б.Н. Чичерин философски обосновывал необходимость различия политических прав для различных общественных классов; угодные власти философские рассуждения затем встречались в советское время, имеются и теперь.

Может быть роль философии права по отношению к юридическим наукам на самом деле сводится именно к философскому обоснованию того права, которое выгодно правящей власти? А само право действительно всего лишь социальный институт по обеспечению интересов правящего (господствующего, руководящего и пр.) класса. И не надо «копья ломать», выдумывая особую идею права? Так думать, конечно, не хочется, хотя вопрос о том, может ли право существовать без властвующей идеологии, философами решался неоднозначно.

Мы, авторы этих строк, стали обладателями богатой юридической библиотеки, в том числе досоветского и советского периода. Ставя советские и постсоветские книги рядом, невольно поражаешься тому, насколько менялись взгляды одних и тех же ученых на право, государство, политических руководителей. Причем обращает внимание интересная деталь. Если ученый ретиво и беззастенчиво хвалил советский строй, к месту и не очень ссылаясь на советских вождей, то именно он в 1990-е годы начинал

¹ Філософія права: Підручник / За ред. О.Г. Данильяна. Харків, 2009. С. 183-184 и др.

яростно и беспардонно этот строй ругать. Здесь тоже кроется серьезная этическая проблема современной науки.

В советское время все работы по юриспруденции (и не только) обязательно должны были иметь ссылки на К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и находящегося у власти Генерального секретаря ЦК КПСС. Однако отметим, что даже в такое непростое время ученые поступали по-разному. Кто-то сослался, а далее писал о науке. Но были и другие, которые выдумали поразительные похвалы, от чего потом быстро отказались и начали давать новые, уже резко негативные оценки современной истории и праву.

Эти процессы хорошо подметил Д.А. Керимов. Нельзя умолчать об одном грустном обстоятельстве, - пишет ученый, - в последнее время некоторые представители науки сочли за моду переписывать нашу историю, в том числе и историю права, зачастую извращая ее. И в этом неблагоприятном деле, к сожалению, активное участие принимают и отдельные юристы. Например, один из них в 1963 г. писал: «Социалистическому строю органически чужды произвол и беззаконие»; в 1972 г.: «Социалистическое право всем своим содержанием, принципами, «нутром»... является фактором морали и культуры»; в 1981 г.: «Социалистическое право – это первое в истории юридических систем Право трудящихся – Право с большой буквы, отвечающее многовековым чаяниям человечества...» Но самое поразительное состоит в том, что цитированный автор буквально через небольшой промежуток времени утверждает прямо противоположное. В 1995 г. он отмечает, что: «... общество в его глубинных устоях, подавленных беззаконием и несправедливостью, отреагировало на ужасающую действительность, подало сигнал о том, что путь, по которому нужно идти, чтобы вырваться из пучины тоталитаризма и двинуться к правовому гражданскому обществу, - это путь права и законности»; что юридической науке нужны покаяние и очищение, понимание и недвусмысленное признание того, что советская правовая наука служила тоталитарной системе...»; в 1997 г. «советское право представлено как реальность уродливо-страшная по своему существу и своим

последствиям». И подобного рода высказывания сопровождаются аналогичной апологетикой теперь уже по отношению к современному российскому режиму... Не следует упускать из виду, что наука - не должность; она безразлично к рангам, титулам и званиям, не терпит высокомерия, лжи и угодничества.¹

Если мы хотим заниматься подлинной философией и философией права, то, во-первых, всегда надо быть честным, избегать конъюнктуры, чинопочитания.

Кроме того, надо служить истине, всегда стремиться к получению истинных знаний, избегать подходов, что истина не достижима, не писать все что угодно.

И наконец, принципиально относиться к заведомой нечестности в угоду властей.

Пока отмечаем характерную для философии права и права этическую проблему: попытки философского обоснования нечетности в угоду правящей власти.

Третьей этической проблемой, актуальной для правовых наук, является проблема плагиата. Всем очевидно, что в правоведении ученый начинает научную работу не с нуля, а на базе уже имеющихся научных трудов. Ознакомление с ними и обозначение их результатов является своеобразной «точкой отсчета», водоразделом, отделяющим уже известное от нового, которое собирается «привнести» автор. Вместе с тем, встречаются и факты «заимствования» научных мыслей для последующей выдачи их за свои. Наверное, не мало специалистов сталкивалось с подобными фактами.

Особенно распространились такие случаи среди студенчества из-за Интернета. Проведенный нами беглый анализ имеющегося в сети показал, что в ней в доступности находятся дипломы на практически любую правовую тему. В нашей преподавательской практике уже собрано достаточно фактов, когда студенты приносят полностью скачанные из

¹ Керимов Д.А. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 1. М., 2007. С. XXIX-XXX.

Интернета работы. Но опубликованные в Интернете труды могут использоваться и наверное используются нечистоплотными авторами для своих диссертаций и монографий. В Интернете ведь немало полностью опубликованных научных работ.

Кстати об Интернете. Ученые «в возрасте» традиционно не очень хорошо знакомы с Интернетом, электронной перепиской и электронным опубликованием научных работ. Это поколение традиционно доверяет книгам. Однако сейчас появилась и стала распространенной практика опубликования своих работ (как литературных, так и научных) в Интернете. Причем такая практика в настоящее время по ряду позиций является выгодной. Так, не надо пробиваться в редакции, не надо ждать, когда опубликуют книгу. Не надо думать о тираже. Достаточно всего лишь «выложить» книгу в Интернете и с ней ознакомятся те, кому интересно ее содержание. При этом ознакомиться с электронным изданием имеет возможность значительно большее количество людей, чем с печатным. Кроме того, появились электронные научные (в том числе юридические) журналы и странички.

Надо также учитывать, что, по приведенным в печати данным изучения общественного мнения, поколение россиян в возрасте до двадцати пяти лет и моложе уже не любят читать печатные книги, а все информацию получают из Интернета в электронном виде. Даже классику уже читают на миникомпьютерах.

В ходе работы над данной монографией мы провели опрос 700 юристов различных российских компаний. Было установлено, что 647 из них по спорным вопросам толкования и применения законодательства в первую очередь ориентируется на электронные базы данных, комментарии законодательства, размещенные в электронных сетях и поисковых системах. Проведенные опросы 500 магистров, аспирантов и адъюнктов показали, что 474 человека из них при подготовке научных работ также в первую очередь ориентируются на публикации в Интернете.

И здесь возникнет правовая проблема – проблема авторства научных трудов. Определить, кто из людей первым в Интернете опубликовал свою мысль не всегда возможно. Весьма вероятно, что ученые в перспективе могут столкнуться с массовым нарушением авторских прав. При этом подтвердить авторство на свои работы тем, кто издавался в основном в Интернете, будет не просто.

Кроме того специалистам, работающим на компьютерах, надо учитывать следующее. Как правило, находящиеся дома или на кафедре стационарные компьютеры подключены к сети Интернет. Через Интернет совсем не трудно похитить все содержимое компьютера. То есть, заинтересованное лицо может скачать все Ваши записи себе и пока Вы будете продолжать над ними трудиться опубликует их под своим именем либо как-то иначе воспользуется вашими трудами. Хищения через компьютерную сеть сейчас достаточно распространены. Правда, похитителей в основном интересуют другие сведения: номера счетов, пароли к электронным картам и др. Факты хищений научных юридических трудов нам не известны. Однако мы не исключаем, что появятся хищения и научных трудов через сеть Интернет. Поэтому в ряде государственных организаций запрещено составлять секретные документы на компьютерах, подключенных к Интернету.

В принципе, работать на компьютере, подключенном к Интернету, это все равно что писать формулы на своем заборе – увидеть что написано при желании может почти каждый.

В настоящее время юриспруденция не достаточно готова к защите авторских прав научных работ, опубликованных в электронном виде. Видимо юридическому сообществу необходимо выработать какие-то рекомендации по защите авторских прав ученых.

Подчеркнем, что очень важно не потворствовать плагиату. Например, вскрыл плагиат главный редактор «ваковского» журнала «Наркоконтроль» А.В. Федоров: его статью почти полностью переписал и издал от своего

имени, без ссылок на фактического автора, один молодой соискатель. Было написано письмо в вуз, где издана статья. Вскоре оттуда получили ответ, из которого следовало, что указанный соискатель «при написании статьи не руководствовался позицией использования трудов других авторов с целью выдачи их за свои и не собирался заниматься плагиатом научных исследований. При этом разъясняется право автора, считающего, что его права были нарушены, обратиться с соответствующим иском в суд».¹ Иными словами, вместо того, чтобы ученому совету вуза провести разбирательство, установить факт произошедшего и осудить молодого ученого, ректорат вуза дал понять, что расследовать указанный факт он не будет. То есть, у нарушителя, совершившего плагиат, появился прецедент безнаказанности.

Как справедливо заметил В.С. Степин, в идеале научное сообщество всегда должно отторгать исследователей, уличенных в умышленном плагиате или преднамеренной фальсификации научных результатов в угоду каким-либо житейским благам. К этому идеалу ближе всего стоят сообщества математиков и естествоиспытателей, но у гуманитариев, например, ... санкции к исследователям, отклоняющимся от идеалов научной честности, значительно смягчены.²

Четвертое. Важным вопросом является и финансовое обеспечение ученых. Т. Парсонс особо отмечал необходимость адекватных взаимообменов с обществом, позволяющих людям научных профессий обеспечивать свою жизнь за счет только своих профессиональных занятий.³ Для юриспруденции эта проблема вдвойне актуальна. Во-первых, материальное обеспечение профессорско-преподавательского состава юридических вузов оставляет желать лучшего. То же самое относится и к научным учреждениям. То есть, у ученых не всегда есть возможность жить

¹ Федоров А.В. О статье Согомонова Д.К. «К вопросу об объекте «переродившейся» контрабанды» // Ученые записки СПб филиала РТА. 2013. № 1 (45). С. 105.

² Степин В. С. Философия науки... С. 118.

³ Лешкевич Т.Г. Философия науки. М., 2005. С. 203.

только за счет своей научной работы, что заставляет отвлекаться на другую деятельность. Это, разумеется, не позитивно отражается на качестве научных исследований. Кроме того, в самой юриспруденции стала распространенной практика платных публикаций своих научных работ. Помимо этого, защита диссертации тоже влечет определенные затраты. В итоге надо признать, что не все хорошие специалисты имеют возможность проводить нужные им исследования и защищать их. В целом труд ученых-юристов не достаточно финансируется. А сама юриспруденция при этом стала достаточно дорогой наукой, траты на которую могут себе позволить далеко не все.

Такое положение, во-вторых, создает условия, при которых юридическая наука начинает быть уделом элиты. Людям, не имеющим достаточно средств, с каждым годом пробиваться в ученые становится все тяжелее.

Хорошо или плохо то, что правовые науки становятся уделом избранных? Исторический опыт показывает, что когда доступ к науке имеют не все желающие и жаждущие, она начинает скудеть и чахнуть, переходит в режим стагнации. Кроме того, если юридическая наука будет только для избранных, то мы получим ученых, которые будут создавать законодательство «под себя» и «для себя». Однако насколько такое законодательство будет соответствовать слову «право», насколько оно сможет защищать хотя бы основные права всех жителей России, а не только его незначительной части? Исторический опыт опять же убедительно свидетельствует, что в России подобные эксперименты заканчиваются коренной ломкой существующего строя со всеми вытекающими из сего последствиями.

В заключение еще раз отметим, что среди этических проблем правовой науки нами особо выделены четыре: этика научной дискуссии, угодничество власти, плагиат, недостаточность финансирования науки и ученых.

§ 3. Основные науковедческие проблемы юридической науки

В России в конце XX - начале XXI в века интерес к науковедческим проблемам возрос. Изданы фундаментальные работы по философии науки¹. Сейчас стали популярны и распространены наукометрические показатели. Так, уже достаточно вузов, изучая и оценивая эффективность научной деятельности ученых, ориентируются на индекс цитирований трудов.

В юридической науке науковедческие вопросы поднимались всегда. Например, фундаментальными работами, посвященными методологии и социологии юридической науки, стали труды Д.А. Керимова². Серьезные исследования истории права и правоведения проведены В.С. Нерсисянцем и другими специалистами.

Вместе с тем, многие науковедческие вопросы юридической науки нередко рассматривались отдельно друг от друга. Комплексных исследований науковедческих проблем было явно не достаточно. Сейчас, с учетом наблюдающегося плюрализма методологий, введения всевозможных наукометрических индексов, такие исследования особенно важны.

Цель данного параграфа обозначить некоторые особо актуальные науковедческие проблемы юридической науки.

1. Методологическая проблема юридической науки уже неоднократно обозначалась в представленной книге. Здесь мы просто акцентируем внимание на том, что все гуманитарные науки без четкой методологии подвержены кризису и саморазрушению. Причина весьма проста. Все гуманитарные науки, в отличие от естественных, имеют невысокую интерсубъективность. Они достаточно зависимы от конкретных

¹ К ним, в первую очередь, относятся работы В.С. Степина. См., напр.: Философская антропология и философия науки. М., 1992; Философия науки. Общие проблемы. М., 2008.

² См. работы Д.А. Керимова: Философские проблемы права. М., 1972; Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000; Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. Т. 1. Социология права. М., 2001 и др.

исследователей. Кроме того, гуманитарные науки менее верифицируемы. Говоря проще, если яблоко пятьсот лет назад падало вниз, падает вниз сейчас и будет падать вниз дальше, что может всегда подтвердить любой исследователь, то в юридической науке много абстракций и оценочных знаний. Методологическая проблема сейчас, несомненно, является главной из науковедческих проблем юридической науки.

Здесь следует в целом согласиться с мнением И.Л. Честнова, который написал, что теория права сегодня переживает не лучшие времена. И это касается не только отечественной теории государства и права, но и вроде бы более благополучной западной науки о праве. Сложность положения теории права связана прежде всего с мировоззренческим кризисом, спровоцированным постмодернизмом.¹

2. Изложенное выше образует другую науковедческую проблему – зависимость юридических знаний от конкретного исследователя, его субъективных оценок, уровня образованности, идеологии, мировоззрения и т.д., и т.п. Юридическая наука полна противоречивых выводов. Особенно хорошо это заметно в части истории юридической науки. Здесь наблюдается двойная субъективность: субъективность юридических знаний и субъективность исторических знаний, также зависящих от идеологии исследователя, его убеждений и даже эмоций. Например, В.С. Нерсисянц в работах по философии права и истории политических и правовых учений достаточно сдержанно описывает право при рабовладельческом строе, право средних веков (когда допускались и активно применялись пытки, колесования, четвертования, сжигания заживо и пр.), поздние политические режимы, тоже имеющие заметный кровавый след. Но когда доходит до описания советского строя, из страниц буквально выделяются оскорбления, желчь. В результате этот ученый даже пришел к выводу, что в СССР права

¹ Честнов И.Л. Практическая, человекоцентристская юриспруденция – выход из тупика догматизации права // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013. С. 46.

вообще не было – был сплошной тоталитаризм. Как писал В.С. Нерсисянц: «Общественные (в том числе и хозяйственные) отношения регулируются здесь иными (неправовыми) средствами и нормами»¹.

Этот вывод настолько не соответствовал реалиям, что даже С.С. Алексеев, в целом разделявший позднее мировоззрение В.С. Нерсисянца, написал, что такая оценка не точна². В частности, автономное развитие блоков частного и публичного права при социализме выражается в том, что право публичное может подавляться и подменяться внеправовыми методами со стороны государственной власти, а вот право частное так и остается вполне полноценным правом, используемым гражданами и применяемым судами, иными государственными органами, компетентными в частноправовой сфере. Так, институт брака, хотя и претерпевал некоторые технические изменения в советский период исторического развития нашего государства, но все же оставался истинно правовым (а точнее гражданско-правовым) институтом. Граждане СССР вступали в брак, пользовались взаимными правами и обязанностями супругов, расторгали брак, признавали его недействительным и т.п., на основе норм семейного права, в административно-правовым либо судебном порядке. Поэтому все семейные кодексы РСФСР являются законами, более того, законами правовыми, и по сути источниками права.³

Однако работы В.С. Нерсисянца имеют много последователей, которые воспринимают выводы этого ученого как научную данность, пытаются их развить. На базе и таких выводов тоже, юридическая наука движется. Но истинны ли эти знания? И могут ли подобные крайне субъективные выводы В.С. Нерсисянца служить основой для изучения истории государства и права? Отсюда вопрос: в ту ли сторону подчас движется юридическая наука?

¹ *Нерсисянц В.С.* Юриспруденция. Введение в общий курс теории права и государства. М., 1998. С. 20.

² Алексеев С.С. Избранное: Наука права. Общесоциальные проблемы. Публицистика. М., 2003. С. 97, 97.

³ Об этом см.: Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014. С. 38-39.

Вспоминается, что в 1990-е годы в ряде диссертационных советов было крайне трудно защищать исследования, где не было критики советского строя.

В сумме: несомненной серьезной науковедческой проблемой юридической науки является определенная субъективность, подверженность идеологии, мировоззрению, политическому режиму и прочим факторам, в основном - внешним. Зафиксировано много эпизодов, когда под воздействием этих внешних факторов, а вовсе не новых научных достижений в юриспруденции, один и тот же ученый в течение жизни неоднократно менял свою позицию и отношение к праву. Достаточно взглянуть на ранние и поздние работы уважаемого С.С. Алексеева.¹ Таким образом, науковедческой проблемой для юридической науки является не просто зависимость знаний от конкретного исследователя, а еще и от эпохи проведения ученым своих исследований.

Надо сказать, что молодые специалисты данную проблемы решают, правда весьма своеобразным способом. Так, нередко можно услышать выражение: не важно, какая у тебя работа, важно, кто у тебя научный руководитель. К сожалению, такое выражение во многом верно. От статуса и авторитетности научного руководителя в юридической науке зависит многое.

Но на самом деле сие означает заведомую зависимость молодых исследователей от мнения научных руководителей, которое может быть крайне субъективным. А также означает и зависимость науки от своих «авторитетов», от их мнения, идеологии, но не всегда от деперсонифицированных знаний.

Увы, наука о праве, как и любая гуманитарная наука, достаточно субъективна. Она имеет своих авторитетов и весьма редко подвергает ревизии имеющиеся знания. Во многом это как раз связано с тем, что многие

¹ См., напр.: Алексеев С.С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962; Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах. Свердловск, 1972—1973; Правовое государство — судьба социализма. М., 1988; Уроки: Тяжкий путь России к праву. М., 1997; Философия права: История и современность, проблемы, тенденции, перспективы. М., 1999.

авторитеты не допускают расходящееся с его рассуждениями мнение в широкую научную дискуссию. Эмпирических измерений, имеющих объективный характер, в гуманитарных науках очень мало. Такие обстоятельства усиливают роль научного руководителя. Чем более он авторитетен, тем больше шансов на защиту, публикацию книги и даже статьи.

В идеале знания должны быть деперсонифицированы, однако юридические науки не могут этого полностью обеспечить. Это, во-первых, дает возможность, для нечестности, а во-вторых, снижает темп развития науки.

3. Науковедческой проблемой, ставшей достаточно распространенной в гуманитарных науках, стало смешение монографий, учебных пособий и учебников. Для юридической науки указанное особенно актуально. Встречается, что учебник или учебное пособие подготовлены как монография, фактически представляют собой самостоятельное исследование или несколько обобщенных исследований. В то же время содержание некоторых монографий носит описательный характер, в ней отсутствует постановка вопросов, исследовательская часть, обоснованный вывод. Создается впечатление, что как будто кто-то специально смешал понятия, чтобы всех запутать.

Научно-исследовательские работы тоже следует более-менее четко разграничивать на теоретические, прикладные исследования и научные разработки. Теоретическое исследование связано с совершенствованием и развитием понятийно-категориального аппарата юридической науки и направлено всестороннее познание объективной реальности, в первую очередь выяснение ее существенных связей и закономерностей;¹ прикладные исследования — это исследования, направленные на решение конкретных социально-практических проблем юридической науки; научные разработки — разрешения научных проблем, связанных с созданием новых методик,

¹ от диалектики в познании не уйти.

рекомендаций, применением новых форм закона и т.д. параллельно с совершенствованием существующих. К таким работам недопустимы одинаковые требования по внедрению их результатов в практическую юридическую деятельность¹.

В Советском Союзе проблема смешения монографий, учебников и учебных пособий тоже была. Но она была не науковедческая, а связывалась с другими причинами. Как вспоминал известный криминалист Р.С. Белкин, всесоюзное издательство «юридическая литература» не могло «переварить» всех желающих издать монографии юристов. Поэтому многие криминалисты издавали свои монографии под видом учебных пособий.² Сейчас данная проблема уже стала науковедческой.

4. Фундаментальные исследования юридической практики требуют многих лет. Поэтому начинать их надо намного ранее того периода, когда возникает необходимость в осуществлении очередных закономерных преобразований системы гражданского, уголовного, административного судопроизводства. Только при таком условии можно будет вовремя и на надлежащем уровне подготовить научно-обоснованные рекомендации и разработки для внедрения результатов в законотворческую и судебную практику. Предлагаемые рекомендации и разработки должны подвергаться всестороннему обсуждению в научном сообществе, широкой юридической общественности, практиков.³

Однако опыт показывает, что в российской жизни все происходит с точностью до наоборот. Многолетних исследований юридической практики проводится крайне мало. А кардинальные изменения в законодательство, как

¹ Указанная науковедческая проблема применительно к науке уголовно-процессуального права хорошо освещена А.В. Волеводзом. См.: О действенности внедрения достижений уголовно-процессуальной науки в практику уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 360-370.

² См.: Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М. 1999.

³ Об этом см.: Волеводз А.Г. Уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2. С. 164-172.

правило, осуществляются стихийно, быстро и все равно с опозданием. При этом обсуждение законопроектов в широкой юридической общественности не осуществляется. Практикующие юристы ставятся перед фактом новых изменений и к ним, естественно, не готовы.

Таким образом, юридическая наука по объективным и субъективным причинам не своевременно реагирует на изменения законодательства, практику его применения, а в целом - не в полной мере выполняет свою функцию.

И здесь надо признаться, что весьма небольшое количество научных учреждений готово проводить длительные многолетние исследования. У специалистов нет стремления его проводить в том числе потому, что они затратны, не всегда благодарны с точки зрения использования результатов и не имеют быстрой по времени отдачи в виде, например, ученой степени, признания и пр.

Одним из возможных путей решения указанной проблемы является отдельное хорошее финансирование многолетних правовых исследований.

5. Проблема наукометрии в юридической науке. Как известно, наукометрические данные в последнее десятилетие стали активно применяться в науке для различного рода отчетности научных учреждений, самих ученых, а также оценки их научной деятельности за определенный срок. Наиболее распространены различные индексы цитирования, в основе которых лежат статистические научные методы.

На настоящем этапе указанные методы слегка потеснили давно апробированные на практике метод комиссионной экспертной оценки работ ученого, а также метод рецензирования его отдельных трудов.

В юридической науке наукометрические оценки ученых становятся все более распространенными. Появились весьма интересные книги по юридической наукометрии.¹ Некоторые отдельные юридические науки пытаются разработать свою наукометрию. Возможно, что увлечение

¹ См.: Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М. 2012.

наукометрией было бы менее сильным, если бы в ряде вузов за более высокие индексы цитирования не стали выплачивать большую заработную плату.

Однако зависимость оплаты является не единственной причиной современного увлечения наукометрией. Практика рецензирования, как известно, всегда субъективна и имеет все связанные с субъективизмом недостатки. Это обусловило необходимость поиска интерсубъективных деперсонифицированных методов оценки ученых.

Ориентация на востребованность трудов ученых через количество цитирований его работ показала на первоначальном этапе достаточно привлекательной.

Вместе с тем, активно применяемая ныне практика оценки через индекс Хирша и другие индексы цитирования тоже не свободна от серьезных замечаний, в том числе от субъективизма. Например, главные редакторы научных журналов при решении о публикации могут отдавать предпочтения авторам, делающим ссылки на их работы. И, соответственно, наоборот.

Есть и другая сторона. Цитирование автора не дает оценку его работе. Просто учитывается, что на работу специалиста сослались. Поэтому достаточно написать в какой-либо книге или статье глупость либо высказать мнение, не соответствующее закону – и эту работу будут критиковать, то есть на нее ссылаться. Получится, что при негативной оценке и критикуемости самой работы, индекс ее цитирования будет высоким!

В индексе цитирования большое значение играет популярность самого права. Так, специалисты по судебно-экспертной деятельности при важности их трудов для конкретной юридической науки всегда будут иметь меньший индекс чем специалисты по гражданскому праву. Более того, специалисты по теории государства и права по определению будут иметь в целом более высокие рейтинги, ибо любое серьезное научное исследование начинается с теоретико-правовой базы.

Надо учитывать и то, что интерес к некоторым отраслям права то возрастает, то угасает. Например, сейчас вряд ли кого-либо заинтересуют работы по колхозному праву, хотя ранее они были достаточно популярны. Как оценивать труды ученых, разрабатывавших подобное право?

То же относится и к работам отдельных ученых. Так, ранее ссылок на труды известных русских дореволюционных юристов было немного. Сейчас, наоборот, стало популярно ссылаться не на современников, а на работы русских правоведов XIX- начала XX века. Есть и яркие индивидуальности, интерес к трудам которых то практически гаснет, то ярко возгорается. К таким, например, относятся труды русского религиозного философа права И.А. Ильина, основателя психологической концепции права Л.И. Петражицкого.

Индексы цитирований несвободны от субъективизма и потому, что в России есть странный обычай – к месту и нет ссылаться на руководство страны, руководство министерств и ведомств и пр. Если считать объективно и полностью все, что издано в России за XX век, то наибольший индекс цитирования будет у К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. На них в советское время ссылались во всех научных работах. То же, в той или иной степени сохранилось и по сей день. В системе МВД, например, есть мода ссылаться на выступления Министра внутренних дел. В ряде вузов обязательно ссылаются на труды его ректора (или декана юрфака).

Говоря о различных индексах цитирования необходимо учитывать и «разнокалиберность» юридических журналов. Например, журналы «Государство и право», «Правоведение», «Юридическая наука: история и современность», «Библиотека криминалиста. Научный журнал» по статусу и популярности трудно сравнить с каким-либо региональным изданием. Статьи в названных журналах по определению заставляют обратить внимание на ученого. А если у специалиста нет возможности опубликоваться в популярном журнале? Его индекс цитирования, независимо от качества работ, не будет высоким. Правда есть и обратная сторона, частично

опровергающая изложенный выше тезис. В России издается определенное количество юридических журналов по очень «узким» проблемам, интересующих относительно небольшое количество специалистов. К таким, например, относятся уважаемые журналы «Оперативник (сыщик)» и «Наркоконтроль». Специалисты, интересующиеся освещаемыми в этих журналах проблемами, постоянно публикуются именно в этих изданиях, спорят друг с другом, ссылаются друг на друга, повышая тем самым свой индекс и индекс оппонентов. В сумме: и журнал имеет неплохой рейтинг, и ученые увеличивают количество цитирований друг друга, хотя на самом деле многие дискуссии уже идут то что называется «по кругу».

Теперь непосредственно в отношении наиболее распространенного и популярного сейчас индекса Хирша.

О существовании индекса Хирша и электронной библиотеки РИНЦ мы узнали несколько лет назад. Тогда же зарегистрировались и «привязали» многие из «непривязанных» публикаций.

Какие «плюсы» мы получили с регистрацией в РИНЦ? Их несколько.

Во-первых, сразу получаешь информацию о том, кто тебя цитирует и в каком контексте. Сразу видны положительные моменты работы - если хвалят, или негативные - если справедливо критикуют (что, увы, встречается). Сразу понятно, какие моменты в работе изложены недостаточно аргументированно, какие фрагменты требуют пояснений. То есть, значительно убыстрилась обратная связь от читателей к автору.

Во-вторых, хорошо видна география ссылок. В частности видно, в каком регионе работа оказалась недоступна читателю.

В-третьих, появилась возможность ознакомиться со многими неизвестными ранее работами, причем в достаточно короткое время.

В-четвертых, стало видно, кто их коллег по научному цеху над чем работает, кто что написал и как к его трудам отнеслись другие ученые.

Существование этих плюсов уже полностью оправдывает существование РИНЦ и индекса Хирша. Иной вопрос, как относиться к значению этого

индекса? Конечно, иметь высокий индекс Хирша очень приятно. Однако значение индекса Хирша нельзя преувеличивать и оценивать труды ученого только на его основе (к сожалению, такое стало встречаться в современной России).

В настоящее время у нас достаточно неплохие показатели по индексу Хирша. Так, на 1 ноября 2018 года В.П. Сальников и С.И. Захарцев по названному индексу уверенно входят в десятку наиболее цитируемых всех юристов России (по состоянию на указанную дату в электронной библиотеке РИНЦ было зарегистрировано 38500 ученых). Мы специально обратили внимание на наши показатели индекса Хирша потому, чтобы иметь моральное право критиковать его недостатки и не быть обвиненными коллегами в том, что индекс не нравится неудачникам. Напротив, имея высокий индекс Хирша, мы тем не менее, видим в нем и существенные недостатки.

Во-первых, как отмечалось выше, значение индекса Хирша далеко не всегда объективно.

Самый примитивный способ поднятия индекса: напишите в двадцати публикациях какую-нибудь резонансную глупость, например, что в оперативной работы полиции необходимо разрешить пытки. Уверяем, что на все двадцать статей будет очень много критических откликов. Но индекс-то поползет вверх. Ведь строго по индексу не видно, хвалят Вас или ругают. Такой прием применил один уголовно-процессуалист, издавший оскорбительную статью в отношении криминалистов и криминалистики, ее каких-то «грехах» и т.д. Его жестко и справедливо раскритиковали. Однако в результате он получил популярность и по индексу Хирша стал входить в первые пятьдесят наиболее цитируемых ученых. Известные процессуалисты первые, хотя и с запозданием, раскусили эту хитрость и стали избегать ссылаться на данного ученого. Мы последуем их примеру.

Другой примитивный пример: ссылки на электронные публикации в других электронных публикациях. Как мы понимаем, нет гарантии, что это сам автор под чужими данными без устали ссылается сам на себя.

Наверное, есть и более хитрые способы.

Во-вторых, за индексом надо постоянно следить, постоянно «привязывать» свои публикации. Если этого не делать, то многие работы окажутся «непривязанными», что значительно обеднит индекс.

В-третьих, много трудов известных, но уже ушедших ученых не имеется в библиотеке и их некому прикрепить. Более того, ушедших ученых даже некому зарегистрировать. Например, во взятой нами для примера криминалистике, не зарегистрированы в РИНЦ такие известные ученые как А.И. Винберг, Р.С. Белкин, И.А. Возгрин и др. Тоже касается и многих других наук, в том числе не юридических. Так, нам не удалось найти среди зарегистрированных ученых несколько выдающихся физиков, в том числе лауреатов Нобелевской премии.

Наконец, четвертое и самое главное – этический аспект. Насколько этично и корректно измерять методом цитирований вклад ученых в науку? Правильно ли в принципе заниматься таким измерением? В культурологии удалось избежать сравнений: кого из композиторов – Чайковского или Глинку – цитируют больше. В искусствознании, насколько нам известно, математически не сравнивают между собой вклад в искусство Айвазовского и Репина. Более того, неоднократно поднимался вопрос о том, насколько возможны наукометрические оценки в гуманитарных науках, в том числе юриспруденции?

Если такие оценки и возможны, то, во-первых, не между собой (это не этично), а, во-вторых, оценки должны быть комплексными. Учитываться должно не только цитирование, но и известность в России, известность за рубежом, количество монографий, их рецензируемость, популярность, использование в учебном процессе вузов и т.д. Но и эти комплексные оценки могут ничего не дать. Как можно даже теоретически сравнить, кто из наших

выдающихся советских юристов – В.Н. Кудрявцев, Д.А. Керимов или С.С. Алексеев – внесли большой вклад в правоведение? Также нельзя - невозможно - сравнить и вклад дореволюционных юристов. Но ведь их немало.

То же относится и к современным специалистам: как известным, так и не очень. Поэтому мы совершенно не согласны с предложением уважаемого А.Ю. Шумилова, что индекс Хирша надо учитывать при представлении к почетным званиям (если показатель большой), либо применять «организационные выводы» (если показатель маленький).¹

В журнале «Оперативник (Сыщик)» А.Ю. Шумилов предложил новый индекс – индекс научной индивидуальности. Считать этот индекс указанный автор предложил по формуле:

$$\text{НИ-индекс} = \frac{(M+C)}{2} - \text{КС}$$

Где:

- НИ-индекс – индекс научной индивидуальности;
- М – количество ссылок на самую цитированную индивидуально написанную монографию;
- С – количество ссылок на самую цитированную индивидуально написанную статью;
- КС – количество ссылок посредством самоцитирования.²

Отдавая должное стремлению А.Ю. Шумилова разработать качественный наукометрический показатель, тезисно хотим внимание на серьезные недостатки его предложения.

Начнем с того, что этот индекс научной индивидуальности также привязан к механическому сложению ссылок, независимо от того, положительные они или отрицательные, а также независимо от того, честным или не вполне честным путем они получены.

Кроме того, учитывая индекс научной индивидуальности, А.Ю. Шумилов предлагает не считать учебники и учебные пособия. Однако надо понимать, что в гуманитарных науках, в том числе юриспруденции, имеется

¹ См.: Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М., 2012. С. 175-180.

² Шумилов А.Ю. Новый индекс «научной индивидуальности» и некоторые другие индексы цитирования в отечественной юридической науке // Оперативник (сыщик). 2015. № 3 (44). С. 58-64.

смешение научной и учебной литературы. На это мы не раз обращали внимание¹.

Помимо этого, А.Ю. Шумилов совершенно необоснованно предлагает оценивать только индивидуальные монографии. Но почему нельзя писать и работать в соавторстве? При таком подходе даже всемирно известные ученые – например, создатели атомного оружия или космонавтики – несмотря на выдающиеся достижения не смогут претендовать по данному индексу на научную индивидуальность. Что уж говорить об ученых, чьи заслуги в науке куда скромнее, например, об авторах этих строк? Лично мы любим писать в соавторстве. Каждый из соавторов, одновременно, является редактором и критиком друг друга. В результате, как нам кажется, монографии, учебники и даже статьи становятся точнее, весомее, интереснее.

И наконец, опять же этический вопрос – сравнение по данному индексу ученых между собой.

Мы не раз жестко, но справедливо критиковали увлечения различными индексами.² И получили поддержку специалистов. Например, Н.А. Боброва написала, что С.И. Захарцев и В.П. Сальников первыми проанализировали как плюсы, так и минусы новой наукометрии в виде индекса Хирша, а также две возникающие крайности: либо возведение индекса в фетиш, либо призыв к полному отказу от наукометрических и рейтинговых оценок.³

С другой стороны, наукометрия уже заявила о претензиях именно на научность своих знаний. Научный прогресс остановить невозможно. Более того, невозможно остановить процесс приращения научной информации независимо от ее качества. Поэтому, судя по всему, наукометрия в том или

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. *Философия. Философия права. Юридическая наука.* М., 2015. С. 158.

² Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке // *Юридическая наука: история и современность.* 2015. №1. С.189-197; Захарцев С.И., Сальников В.П. Индексы цитирования и наукометрия: плюсы и минусы // *Библиотека уголовного права и криминологии.* 2016. №2 (14). С.180-185; Захарцев С.И., Сальников В.П. *Философия. Философия права. Юридическая наука.* М., 2015.

³ Боброва Н.А. О вреде современных критериев оценки научной деятельности вузов: общетеоретический анализ // *Образование и право.* 2018. № 8. С. 165.

ином виде будет развиваться дальше. Отсюда перед наукой, философией науки и философией появляется большая науковедческая проблема – выработать объективную шкалу оценки научного труда.

Решая поставленную проблему надо учитывать несколько вопросов.

Во-первых, научность, научная обоснованность рейтингов и индексов цитирований. Именно научная составляющая индексов, с учетом множества принципиальных недостатков, пока кажется сомнительной, не до конца продуманной, не учитывающей даже поливариативность жизни и науки.

Во-вторых, что дают многочисленные рейтинги и индексы непосредственно для науки? Пока напрашивается вывод, что ничего не дают. Можно быть выдающимся ученым, имеющим низкий, если не нулевой индекс. Более того, как уже писалось, отдельные выдающиеся ученые в системах учета цитирований даже не зарегистрированы.

В-третьих, проблемы науки не связаны с индексом цитирования. Глобальные проблемы, стоящие перед наукой, увы, другие. Организационные проблемы в науке тоже другие. Например, проблема внедрения, воплощения результатов работы ученых в жизнь с индексом цитирования никак не связана.

Представляется, что разрешение указанных вопросов будет ключевым значением для развития наукометрии и ее подвида – юридической наукометрии.

Если брать практический аспект, что пока предлагаем применять и рецензирование, и индексы цитирования, и другие оценки в комплексе, избегая при этом сравнения ученых между собой.

Мы для оценки ученого, признаемся, всегда особое внимание уделяли двум моментам.

Первый: что нового сказал или сделал ученый в науке. Имеется в виду: открыл (или первым сформулировал) новые науки, новые направления в науке, новые теории. Сюда же относятся случаи, когда ученый значительно развил в теоретическом или практическом плане уже имеющуюся науку.

Например, удачно сформулировал фундаментальные понятия и подходы, ставшие в результате его трудов общепризнанными.

Второй: сколько книг ученый написал. По нашему мнению, статьи – это все-таки не полный научный труд. Если в статье, допустим, высказывается какая-либо гениальная, уникальная идея, то логично посвятить ей монографию, да и не одну. Статья, будем объективны, небольшое по объему произведение, не позволяющее раскрыть все стороны высказанной идеи или предложения. Для глубокой проработки идей существуют книги.

При этом очень важно, где и каким тиражом книги изданы. Сейчас нередки случаи, что книги выпускают при небольшом учебном заведении тиражом 50-100 экземпляров. Такие книги, конечно, не становятся известными широкой научной аудитории. И высказанные в них идеи либо умирают, либо впоследствии публикуются автором или его последователями уже в более солидных изданиях другим тиражом. В абсолютном большинстве случаев, польза от издания книги тиражом 50 экземпляров невелика.

Мы бы предложили ко всем рейтингам, индексам и иным наукометрическим показателям прилагать в виде справки развернутые ответы хотя бы по двум изложенным выше вопросам. И тогда многое сразу станет очевидно.

Надо сказать, что в советское время имелись работы, в которых затрагивались науковедческие проблемы юридической науки. Такие исследования в основном проводились специалистами теории государства и права и ряда отраслевых юридических наук. Однако минусом этих работ было то, что они главным образом рассматривали науковедческие проблемы правоведения как бы внутри самого правоведения. Но чтобы быть более объективным, необходимо подняться «над» юридической наукой и посмотреть на имеющиеся проблемы «сверху» и «со стороны». Для таких оценок и исследований как раз нужны философия и философия права.

Мы специально обращаем внимание на эту несложную истину потому, что философию права, как уже отмечалось, подчас пытаются свести к изучению только «идеи права», «смысла права», забывая о науковедческой - подлинно философской - составляющей этой научной дисциплины.

В целом науковедение сейчас представляет собой быстро развивающееся философское направление. И вполне возможно, что специалисты в этой области знаний порадуют нас достижениями, которые позитивно отразятся на юридической науке.

§ 4. Проблемы юридического образования на современном этапе

Юридическое образование в России сейчас переживает непростой период. Это во многом связано с затеянной в начале 1990-х годов реформой образования, которая несмотря на смену президентов, министров образования и органов власти в целом, стала перманентной. Расхожая фраза о трудностях жизни в эпоху перемен для юридического образования актуальна как никогда. Выделим некоторые проблемные вопросы получения в наше время юридического образования.

1. Читателям этой книги, конечно, не надо объяснять важность получения полноценного качественного юридического образования, а также какие последствия могут наступить, если следователь, прокурор и т.д. будет осуществлять свою правовую деятельность, не зная основ права и законодательства.

Врачи, давно осознав опасность получения некачественного медицинского образования, не позволяют получать его заочно. Юридическое образование, тем не менее, заочно по-прежнему можно получать.

Мы относимся к числу ученых, неоднократно выступавших против заочного юридического образования. Однако наши призывы, как и призывы других специалистов пока остались совсем не востребованными. Напротив, получить высшее юридическое образование по-прежнему очень просто.

С 1990-х годов в Российской Федерации возник спрос на юридическое образование. Спрос, как известно, рождает предложения. В России в названный период открылось сотни юридических вузов и факультетов. Большинство институтов и университетов посчитали необходимым иметь в своем составе юридический факультет. Конечно, такой всплеск резко отрицательно отразился на качестве образования.

Причем для людей, уже имеющих высшее образование, предусмотрены значительные и ничем не оправданные льготы по получению диплома

юристов. Юридическое образование им можно не просто получить заочно, но и в более короткий срок.

Одним словом, такая политика государства четко показала, что юридическое образование, в отличие, например, от медицинского, - образование, если так можно выразиться «второго сорта».

Дальнейшая реформа российского образования привела к частичному переходу на западные стандарты образования. В частности, мы перешли на двухзвенное образование «бакалавр-магистр», вместо привычной и понятной системы, когда выпускался «специалист». Возникает вопрос: почему кто-то считает, что западное образование лучше? Наш опыт общения с иностранцами (от школьников до профессоров) дает возможность сделать совершенно обратный вывод – советско-российское образование гораздо лучше, чем заграничное. В ходе общения с коллегами из иностранных государств даже самые жесткие противники России и то признавали, что российское образование, как минимум, не хуже иностранного. Для чего мы стали копировать их систему? Дипломы престижных российских вузов на Западе воспринимались. Российские известные ученые без проблем устраивались преподавать в лучшие заграничные университеты. И при этом никого не интересовало, что у русского доктора наук и профессора специальности «магистра» никогда не было.

Мы, тем не менее, западную двухзвенную систему высшего образования (бакалавр-магистр) переняли. Но что произошло дальше? Далее специальность магистра права разрешили получать людям, не имеющим специальности бакалавра права. В итоге, как справедливо написал А.В. Федоров, - практика показала, что в магистратуру по юридическим специальностям поступает значительное число лиц, получивших высшее образование по иным специальностям (зоологи, геологи, инженеры и т.д.). Не имея базового юридического образования (а магистратура такого образования не дает), образно говоря, не умея летать, они сразу начинают заниматься по программе «высшего пилотажа». Невозможно представить,

чтобы человек, не имеющий базового медицинского образования, стал проходить подготовку, например, по проведению операций на сердце. Почему такого нет в медицине? Потому что готовятся профессионалы, в руках которых находятся жизнь и здоровье людей. А почему такое возможно в юриспруденции? Ведь от юристов не в меньшей степени, чем от медиков только в иной сфере, зависят жизнь и здоровье граждан, должная защита их прав и свобод, нормальное функционирование государства в целом.¹

А если добавить то, что магистратура открыта в непрофильном вузе (кораблестроительном, экономическом, инженерно-механическом и пр.), то стоит ли удивляться тому, какие у нас встречаются юристы? Дальше эти «юристы» консультируют людей, в результате чего люди остаются без имущества, должниками. Другие привлекают к ответственности невиновных – без злого умысла, просто не хватило знаний разобраться в деле и т.д. и т.п.

О том же в принципе сказал И.Ю. Козлихин. Происходящие в образовательной сфере процессы трудно назвать реформой образования, ибо реформа – это по крайней мере система целенаправленных действий, направленных на улучшение чего-либо. Мне не посчастливилось встретить кого-нибудь из коллег, который в одобрение происходящему констатировал бы: вот было неправильно и плохо, а теперь стало правильное и лучше. Во-первых, переход на двухуровневую систему бакалавриат-магистратура разрушил прежнюю пятилетнюю систему образования, которая при всех своих возможных недостатках очень неплохо себя зарекомендовала. Теперь же прежнее образование усекли до четырех лет. В этом, может быть, не было бы ничего страшного. Четырехлетнее образование было в советских знаменитых юридических институтах: Свердловском, Саратовском и Харьковском. Но современное четырехлетнее образование – это не стройная система институтского образования советских времен, а что-то хаотическое.

¹ Федоров А.В. О статье Марищак В.М. и Паршина О.Д. «Современные тенденции развития института уголовной ответственности за контрабанду» и магистратуре по направлению «юриспруденция» // Ученые записки СПб филиала РТА. 2014. № 1 (49). С. 272-275.

Все свелось, по сути, к сокращению курсов и даже исключению некоторых из них. Двухлетняя магистратура, которая, казалось могла бы восполнить возникшие проблемы в действительности ничего не восполняет, поскольку в магистратуру принимаются не только бакалавры-юристы, но и специалисты других направлений бакалавриата. Причем закончившие магистратуру получают право преподавания в юридических вузах. Нелепость такого положения очевидна.¹

Юридическое образование тем самым теряет свой статус. А статус весьма высок. Ибо многократно встречались и встречаются ситуации, когда экономисты, инженеры, историки, военные и даже врачи хотят иметь высшее юридическое образование. При этом юристов, желающих получить диплом инженера или военного, гораздо меньше.

В завершение скажем, что большое количество юридических вузов и факультетов, вопреки наивным ожиданиям некоторых оптимистов, принесло не повышение, а понижение качества образования. Надо обязательно продолжить проведение аттестаций юридических вузов и факультетов на предмет способности их подготовки профессиональных юристов.

2. Следующим вопросом стала возможность/невозможность защищать диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук лицу, не имеющему высшего юридического образования. Парадоксально, но в России длительное время разрешалось защищать диссертации по юридическим наукам лицам, не имеющим высшего юридического образования. Хорошими ли были такие работы? Сомневаемся. Такие защиты не способствовали авторитету юридической науки. Положительные исключения, наверное, были, но именно исключения. Только в 2011 г. Правительство России обратило внимание на эту не вполне нормальную

¹ Козлихин И.Ю. Общая теория, интегральная юриспруденция или энциклопедия права? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013. С. 11.

ситуацию.¹ Решение правительства вызвало, как ни странно, много протестных высказываний. Что ж, иметь высшее юридическое образование в России престижно, а кандидатом или доктором юридических наук быть еще более престижно.

3. Ориентированная на практику западная юриспруденция в основном «выпекает» из студентов узкопрофильных специалистов. Современный капиталистический мир, где, скажем мягко, значительно влияние экономики, тоже ждет узкопрофильных, но уже готовых к самостоятельной работе выпускников вузов.

Советско-российское образование, напротив, было ориентировано на подготовку широкопрофильных юристов с хорошей теоретической базой. Такая же система применялась в СССР при подготовке практически любых специалистов: инженеров, врачей и т.д. Какая система лучше – не знаем. Опыт показывает, что хорошие специалисты при любой системе тянутся к знаниям и развитию. Узкопрофильные специалисты на основе имеющихся знаний стараются глубже постичь теорию. Широкопрофильные специалисты стремятся глубоко изучить один-два или более направления. Недаром говорится, что любой теоретик права должен хорошо знать как минимум две отрасли права.

Опасность состоит в том, что западная система образования себя никогда не разрушает. Мы же хотим все имеющееся вначале разрушить и только затем на руинах что-то построить (или опять же скопировать с Запада). Так вот уже сейчас ученые совершенно справедливо ставят вопрос о том, если мы отказываемся от привычной нам системы образования, то тогда кому, на каком курсе и в каком объеме надо преподавать фундаментальные юридические дисциплины: философию права; теорию государства и права, историю государства и права, историю политических и правовых учений?

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 475 г. «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 74» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 26. ст. 3799.

Четкого ответа на этот вопрос не имеется. В результате не исключено то, что по ходу наших «реформ» мы откажемся или почти откажемся от базовых правовых дисциплин, будем выпускать стряпчих, потеряем школу преподавания. Но в этом случае мы рано или поздно, а скорее – рано, потеряем само право.

Причем «реформируя», «дореформируя» и «перереформируя» мы постоянно наступаем на одни и те же грабли: вместо того, чтобы ценить и развивать то, что у нас есть, нас тянет посыпать свою голову пеплом, все разрушить, а затем задуматься над известным вопросом: что делать дальше.

При том, что на этот вопрос в части юридического образования давно дан хороший и четкий ответ. С.С. Алексеев и В.Ф. Яковлев писали, что важно сосредоточиться не столько на приобретении множества конкретных знаний, сколько на овладении фундаментальными положениями науки о государстве и праве, которые позволили бы видеть специалисту закономерности их развития, глубоко осмыслить задачи своей деятельности, обнаруживать выдвигаемые жизнью проблемы и находить пути их решения, постоянно пополнять свои знания и самостоятельно повышать уровень профессиональной подготовки.¹ Именно на такой основе следует строить познания каких-либо конкретных отраслей права.

Такой подход, на наш взгляд, особенно важен и полезен в современных условиях, когда в результате перманентного роста количества законов уже невозможно даже с помощью электронных поисковых систем обозреть весь массив нормативных правовых актов. Тем более невозможно включить их в систему образования для глубокого изучения. И даже не серьезно говорить об их изучении в рамках бакалавриата. Высшее юридическое образование должно обучить пониманию права, системы права, закономерностей его развития, роли государства, права и конкретного юриста в обществе,

¹ Цит. по: Захаров В.В. Современная модель отечественного юридического образования: традиции и новации // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013. С. 154.

выработать навык самостоятельной работы по изучению права и его верному толкованию, научить правильно применять нормы права. Далее все зависит от самого человека. Хорошо высвечивая указанную проблему И.Л. Честнов в принципе верно подметил, что нередко работодатели встречают выпускников юридических вузов страны фразой: «Все, чему вас учили в вузе – забудьте, а сейчас старшие товарищи расскажут, как надо работать»¹. Однако! Имея широкое базовое юридическое образование, стремление познать право и умение самостоятельной работы большинству выпускников вузов освоить конкретные нормы не составило труда!

В развитие указанной фразы расскажем об исследовании, которое было проведено нами. Было опрошено 500 выпускников российских юридических вузов и факультетов со стажем работы не менее одного года.

Были заданы вопросы:

- Доволен ли был Ваш работодатель качеством Ваших юридических знаний при поступлении на работу?

- Как вы сами оцениваете Ваши знания сразу после поступления на работу?

- Помогло ли Вам знание теоретико-правовых дисциплин в работе по применению конкретных норм права.

Были получены такие ответы:

373 человека ответили, что работодатель не был доволен качеством юридических знаний. Как правило, не хватало знаний по практике применения конкретных норм права, навыка составлять юридические документы.

347 человек ответили, что не были удовлетворены своими юридическими знаниями после поступления на работу. Вместе с тем, 128 человек ответили, что в целом были удовлетворены знаниями. И отмечали,

¹ Честнов И.Л. Практическая, человекоцентристская юриспруденция – выход из тупика догматизации права // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013. С. 48.

что многие юристы в фирмах, где им пришлось трудиться, за годы работы стали «ремесленниками», то есть хорошо знали очень небольшое количество правовых норм и практику их применения. Однако не знали (или забыли) другое законодательство и подчас обращались с несложными вопросами по тем отраслям права, с которым не были связаны по работе. Остальные опрошенные воздержались.

И, наконец, интересны ответы на третий вопрос. 466 человек ответили, что в работе по применению конкретных норм права, им очень помогло знание теоретико-правовых дисциплин и широкий юридический кругозор.

Комментируя ответы, некоторые опрошенные признавались, что нередко на работе их пытались подталкивать на совершение незаконных (а подчас и преступных!) действий (просили найти способ уклонения от уплаты налогов, проконсультировать по обману кредитора, помочь запутать следствие по уголовному делу или оспорить собранные им доказательства и т.д.). И именно осознание себя как юриста, понимание предназначения своей работы и ответственности за свои действия, останавливало их от совершения противоправных действий. Все это результат добротного базового юридического образования!

Показательно, что в досоветское и советское время предпочитали не брать на оперативную работу в спецслужбы лиц, имеющих высшее юридическое образование. Это обусловлено тем, что фундаментальное юридическое образование, полученное сразу после школьной скамьи, как правило, вырабатывает правосознание, основанное на неукоснительном соблюдении закона. Но, примитивно говоря, трудно представить разведчика, строго руководствующегося правилами: не обманывай, не укради и т.п. И не каждый юрист мог через полученные с молодости установки «переступить».

Таким образом, фундаментальные теоретико-правовые знания должны быть у каждого, считающего себя юристом.

4. К актуальным проблемам преподавания следует отнести и вопрос о том, что преподавать студентам в качестве фундаментальной науки о праве:

теорию государства и права, энциклопедию права, интегральную теорию права или что-то иное.

Этот вопрос не новый для права и высшего юридического образования России. Его активно обсуждали в конце XIX века. Обсуждения закончились тем, что от идеи энциклопедии права отказались.¹ Весь XX век российские юристы познавали сущность права, обходясь без «энциклопедии». На наш взгляд, такой процесс познания был успешен. Для чего науку под четким и понятным названием «теория государства и права» переименовывать? Ответить на этот вопрос мы не смогли. Возможно, что сторонники энциклопедии права искренне верят, что так будет лучше, а может быть мотивом является желание «оставить след в науке», которое на поверку является ни чем иным как гордыней.

По крайней мере аргументы сторонников энциклопедии права нам показались малоубедительными. А главное, опять же, даже если кто-то искренне хочет изобрести что-то лучшее, то не стоит в одночасье отказываться от того, что было. Уж что-что, но качество преподавания базовых теоретических юридических дисциплин в СССР, несомненно, было одним из самых высоких в мире. Однако, если за реформы в этой части взяться «по-русски», то, боюсь, все будет как всегда: от теории государства и прав мы откажемся, а новое будет хуже. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в 2008 году вышла весьма интересная книга под названием «Энциклопедия права», включающая разделы о догме права, социологии права и философии права². Если ее писать как монографию, исследовав науковедческие вопросы, при этом доказав, что право надо преподавать как энциклопедию, то это великолепно. Однако книгу написали как учебное пособие. У студентов, купивших книгу, возникла путаница. Такая же путаница возникла у преподавателей. Кто в итоге пострадал? Престиж юридической науки и авторитет преподавателей. Не удивительно,

¹ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2004. С. 33-34.

² См.: Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. СПб., 2008.

что, как стало известно, в ряде вузов эту действительно интересную книгу преподаватели подчеркнуто не рекомендуют в качестве учебной литературы, так как предмета под названием «энциклопедия права» в вузе нет.

Для полнокровного высшего образования, по нашему мнению, нужна философия как основа основ, теория государства и права и философия права, как философско-специализированная наука, связующая философию и теорию права.

5. Еще одним современным увлечением стало тестирование на зачетах, экзаменах, проверочных работах. В юридических науках, это, увы, опять является шагом не вперед, а назад. Применение тестирования может приносить плоды в естественных науках. В гуманитарных это не просто не полезно, а вредно. Все гуманитарии должны на высоком уровне владеть русским языком, уметь четко изложить свои мысли. Для юриста четкость и точность изложения мыслей – его хлеб. Такому умению учатся, в том числе, во время зачетов и экзаменов. Это не единственный аргумент. Надо учитывать, что юридическая наука содержит в себе множество взаимоисключающих подходов к тем или иным явлениям. Например: к праву, государству, закону и т.д., и т.п. Как правильно ответить на попавшийся нам на глаза вопрос теста: что такое право? Оно ведь может пониматься законодателем как мера свободы, равенства и справедливости, как воля господствующего класса, возведенная в закон, как психическое явление, как тождество закона и т.д. Откуда студенту известно, какого мировоззрения придерживается преподаватель либо лицо, будущее проверять ответы? Помимо изложенного надо понимать, что тестирование учит не думать, аргументировать и доказывать, что важно для юриспруденции, а методом исключения отгадывать ответ. Однако такие «отгадки» для практической работы, с учетом многообразия жизненных ситуаций, крайне вредны.

6. Проблемой, не связанной с реформой юридического образования, но непосредственно связанной с преподаванием, является традиционная и

перманентная дискуссия о том, сколько в юридической науке отраслей права. Этот вопрос в разных вузах решается совершенно по-разному. Соответственно по-разному и преподается. Более того, из-за имеющейся неопределенности в одних вузах стараются преподавать каждого из множества отраслей «по чуть-чуть», а в других вузах преподавание некоторых отраслей практически отсутствует. Например, не везде преподается прокурорский надзор и оперативно-розыскная деятельность. Проблема даже не в том, действительно ли являются отраслями права взятые для примера прокурорско-надзорное и оперативно-розыскное законодательство, а в другом. Ведь оперативно-розыскное законодательство, чуть ли единственное, закрепляет ограничения прав человека на тайну личной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, разрешает и регламентирует негласное обследование жилища, автомашины, рабочего кабинета, разрешает собирать информацию о состоянии здоровья, имущественном и материальном благосостоянии, друзьях и знакомых. Иными словами, регламентирует и разрешает полностью вторгаться в личную жизнь и естественные права человека.¹ Прокурорско-надзорное законодательство, напротив, является важнейшим инструментом по защите прав человека.

На наши вопросы о том, почему указанные дисциплины не преподаются либо преподаются в режиме «трех занятий» говорится, что это не отрасли права, а упор в обучении в испрашиваемом вузе (факультете) делается на подробное изучение именно отраслей права.

А в итоге молодые юристы не всегда имеют четкое представление даже о системе права. При этом сейчас распространены две крайности. Одни выпускники вузов называют не более десяти существующих в России отраслей права (уголовное, административное, гражданское и соответствующие виды процессуального права, к которым добавляют

¹ См.: *Теория оперативно-розыскной деятельности* / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006.

конституционное, семейное и (редко) еще один – два вида отраслей прав). Либо наоборот: перечисляются всевозможные виды отраслей прав, в том числе космическое, компьютерное и т.д., и т.п. Самое интересное, что такой же разнобой и субъективизм встречается в учебной юридической литературе. Там вместе с общепризнанными отраслями права, встречается наименование либо недавно сформированных, либо сформированность которых вообще вызывает сомнения.

Мы уверены, что данная книга главным образом попадет к специалистам, которые дискуссии о количестве отраслей права хорошо знают. Повторять эти дискуссии не будем. Целью написанного является показать необходимость и важность прийти, наконец, по указанном вопросу «к единому знаменателю».

В контексте этого нам очень понравилось предложение С.С. Алексеева о классификации отраслей права и в соответствии с классификацией выделения соответствующих отраслей.

Ученый подразделяет отрасли права на три основных звена:

«1) *профилирующие, базовые отрасли*, охватывающие главные правовые режимы; причем из них нужно выделить и поставить над всей системой отраслей действительно базовую отрасль всей системы — конституционное право; затем три материальные отрасли — гражданское, административное, уголовное право, соответствующие им процессуальные отрасли — гражданское процессуальное, административно-процессуальное, уголовно-процессуальное право;

2) *специальные отрасли*, где правовые режимы модифицированы, приспособлены к особым сферам жизни общества: трудовое право, земельное право, финансовое право, право социального обеспечения, семейное право, уголовно-исполнительное право;

3) *комплексные отрасли*, для которых характерно соединение разнородных институтов профилирующих специальностей и отраслей:

торговое право, право прокурорского надзора, морское право, природоохрнительное право».¹

Нам кажется, что на данном этапе развития науки процесс познания отраслей права через их классификацию вполне приемлем. В связи с этим, предлагаем в учебной литературе и преподавании права базироваться на предложенной классификации С.С. Алексеева.

Мы выделили несколько проблем преподавания юридических дисциплин в современной России. Очень важно не замалчивать их, а выявлять, критиковать, объединять усилия в их исправлении.

В завершении приведем цитату Д.А. Керимова о том, каким должно быть юридическое образование. Ученый пишет, что смысл юридического образования не столько в «копилке» многочисленных и разнообразных сведений и знаний, сколько в приобретении навыков критического мышления, в способности общения фактов правовой жизни и одновременно конкретно-практических решений соответствующих юридически значимых дел, в их строгой логичности и доказательности. Юридическое образование преследует цель не только постичь сложные правовые явления и процессы, но и заронить в души обучающихся «священный огонь» в творческом дерзании и смелых новациях, открывающих новые горизонты правовой теории и практики.

Для достижения этой цели необходимо знание не только фундаментальных «догм» юриспруденции, но и в определенной мере владение данными иных наук, имеющих в той или иной степени отношение к постоянно возникающим правовым проблемам. Ведь именно на «стыках» двух или нескольких наук рождаются наиболее плодотворные и перспективные идеи, теории, концепции. Уместно в этой связи напомнить, что юридическое образование в России изначально и традиционно было органически связано с целым комплексом иных отраслей знания и прежде всего с философией,

¹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 45–46.

социологией, этикой и психологией. Русский юрист обязан был обладать широтой взглядов, высокой культурой и нравственностью, быть энциклопедистом, знать своеобразие психологического характера своего народа, национальных обычаев, традиций развития. Эти устои должны быть реализованы и современным юридическим образованием.¹

¹ Керимов Д.А. Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. М., 2007. С.ХХІ.

§ 5. Основные проблемы современной юридической практики

Юридическая практика, казалось бы, далека от философии и философии права. Расхожее выражение: философия не нужна там, где надо работать, она нужна там, где рассуждают о работе.

Однако именно из практики применения правовых норм черпается вера в право, правосознание, нормальный уклад жизни общества. И напротив, практика может перевернуть отношение к праву, тогда появляются правовой нигилизм, увеличивается количество правонарушений, общественное бытие перестает быть здоровым.

Кроме того, ряд практических вопросов уже давно вышли за рамки осмысления практиков, а по своей значимости достигли не только теоретико-правового, но и философского уровня.

Некоторые из таких глобальных вопросов мы осветим в данном параграфе.

Первой проблемой является излишняя формализация норм процессуального права, заурядная тягомотина ведения даже простых правовых дел. Это положение, естественно, неудобно участникам правоотношений. Люди не хотят связываться с правом, поскольку в нем «затаскают по судам», заставят являться в неудобное время, многократно повторять одни и те же слова, выступать публично по неприятным поводам.

Но если обычным гражданам для участия в судопроизводстве требуется отпрашиваться с работы, терпеть другие неудобства, то для юридических клерков, даже со стороны государства, это и есть работа. И свою работу они часто выполняют не ради результата, а ради самой работы, самого процесса. Результат им не особенно нужен. И создается впечатление, что он совсем не нужен государству.

Мы можем уверенно констатировать то, что право по-прежнему движется в сторону усиления формализма. Это касается и российского права,

которое мы традиционно критикуем, и права развитых иностранных государств, в котором количество нормативных правовых актов уже давно превысило уровень их изучения, даже если на это потратить всю жизнь. В праве все больше и больше формализации юридических действий, пошаговой регламентации шагов и маленьких шажочков. Соответственно, в процессе все более мелких нарушений, которые, раз нарушена процессуальная процедура, можно трактовать как действительно нарушение закона с соответствующими выводами. В ряде государств подчас уже невозможно провести какой-либо процесс, не нарушив какую-либо формальность! Более того, юридическая наука, о чем мы писали, по-прежнему развивается в сторону детализации всех процессуальных действий, научные работы пестрят предложениями по регламентации всего, что можно регламентировать.

Однако надо хорошо понимать то, на что также не раз обращалось нами внимание: не так страшен закон как его толкование и толкователи. Ведь далеко не всегда норму права можно идеально написать, а кроме того, ее не всегда можно точно понять. В результате возникают самые разные толкования простых и по сути не очень-то обязательных для регламентации действий. Такое толкование приводит подчас к губительным последствиям.

В подтверждение своих слов приведем два парадоксальных примера: один из англо-сансонского права, другой из нашего российского.

В Англии оправдали лицо, признававшееся в совершении преступления из-за того, что обвинитель не успел к судебному заседанию. Английский судья, строго соблюдающий формальности состязательного процесса, начал заседание в положенное время и установил, что сторона защиты присутствует, а стороны обвинения нет. Из этого он сделал формально правильный вывод, что если некому обвинять, то нет и обвинения, выслушал сторону защиты и вынес оправдательный приговор. Эта история наделала много шума потому, что обществу стало не ясно, а для нужно

судопроизводство? Для соблюдения формальностей или для достижения высшей справедливости, охраны прав и здоровья граждан, защиты людей?

Еще более дикий случай произошел в России.

Его, чтобы было понятно, опишем чуть подробнее. Ранее российский УПК хотя и имел недостатки, то по сравнению с его нынешней редакцией был достаточно понятен. Ранее по УПК РФ, при выявлении преступления по факту его совершения возбуждалось уголовное дело, затем устанавливалось лицо его совершившее, которому в рамках этого же возбужденного уголовного дела предъявлялось обвинение и после расследования дело направлялось в суд. Если в ходе расследования выявлялось, что обвиняемый действовал не один, а в составе группы, то другим соучастникам тоже предъявлялось обвинение в рамках одного и того же уголовного дела. Каких-либо вопросов по применению указанных норм у стороны обвинения, стороны защиты и у суда не возникало.

Невнятность и заформализованность требований современного УПК привело практику к тому, что уголовное дело, направленное в суд, должно возбуждаться не по факту, а в отношении конкретного лица, иначе, мол, нарушаются его права на защиту. Поэтому теперь после возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления, после установления лица, совершившего преступление, стало необходимым возбуждать еще одно уголовное дело уже в отношении преступника. Уголовные дела затем соединяются в одно производство и направляются в суд¹.

Теперь само дело. В городе М. по факту изнасилования девочки возбудили уголовное дело. Маньяка, совершившего преступление нашли, в отношении него возбудили уголовное дело, которое соединили с возбужденным ранее. В ходе расследования было установлено, что маньяк действовал с сообщником. Его тоже нашли и в рамках соединенного уголовного дела сообщнику предъявили обвинение. В суде первой инстанции

¹ Так, кстати, улучшается статистика органов предварительного следствия, поскольку как бы расследованных и направленных в суд уголовных дела становится больше.

оба маньяка под тяжестью собранных доказательств были признаны виновными, им назначено строгое наказание.

Однако Верховный Суд Российской Федерации приговор пересмотрел. В его решении отмечалось, что в отношении второго маньяка отдельного уголовного дела не возбуждалось. То есть, строго формально, ему предъявляли обвинение и собирали изобличающие доказательства без наличия в отношении него уголовного дела. А значит, формально, все собранные в отношении второго маньяка доказательства не имеют юридической силы! Второй маньяк был оправдан!

Это при том, что нормы УПК в данном вопросе не четки, в них нет однозначного понимаемого требования возбуждать отдельные уголовные дела в отношении всех соучастников.

Восторжествовало ли право и правосудие в приведенных примерах? Сомнительно.

В итоге действительно получается, что на практике право не для законности и справедливости, а для юристов и их формальностей. У практических работников подчас банально отсутствует понимание права, смысла права, предназначения своей работы. Отсюда оправдания убийц и маньяков за несоблюдение формальных процедур, не влияющих на самом деле на несоблюдение прав подсудимых. Нам вспоминается, когда один из судей, вынося оправдательный приговор из-за несоблюдения действительно имевшего место нарушения закона, говорил: «Конечно, имевшееся несоблюдение закона, я мог бы устранить в ходе судебного разбирательства. Ведь понятно, что подсудимый виновен. Однако я специально вынес оправдательный приговор, чтобы потом следователю влетело, чтобы он научился работать!» Однако следователей такими методами работать не научишь хотя бы потому, что часть из них тоже выполняют работу не ради результата, а ради самой работы.

Отсюда возникает серьезный теоретико-правовой и даже философско-правовой вопрос о пределах правового регулирования, а также об истинных целях правовой работы, судопроизводства.

Другой вопрос связан с истиной в праве. Ранее в досоветское время в правовых спорах считалось непреложным правилом установление объективной истины. Этот порядок сохранила и советская правовая эпоха. На этом постулате были выращены все поколения русских юристов.

Однако с реформами и катаклизмами, произошедшими в России в конце XX – начале XXI века, в российском законодательстве произошли глобальные преобразования. Их глобальность во многом связана и с тем, что из ГПК, АПК и УПК Российской Федерации исчезло требование устанавливать объективную истину. Она стала заменяться конвенциональной, договорной и прочими «юридическими» истинами.

Вместе с тем, законодатель как всегда спешил и не отредактировал правовые нормы настолько, чтобы они имели однозначное толкование. В результате противоречия законов практику стало сильно лихорадить, специалисты по отраслевым юридическим наукам и по теории права во мнениях разделились. Вопрос тем самым поднялся на новый, уже философский уровень. Требуется заново оценить, что есть объективная истина, возможно ли ее установление и следует ли ее устанавливать в правовых спорах.

В философии под истиной понимают знание, объективно отражающее реальную действительность. Истину можно также определить как соответствие мыслей действительности. Эти определения отражают две характерные черты истины: *объективность* и *конкретность*. Под объективной истиной понимается адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизводящее познаваемый объект так, как он существует сам по себе, вне сознания. Субъективной истины нет, как нет знаний, которые были бы верны для одного человека, но ошибочны для всех остальных. Конкретность истины — это отражение в знании определенных связей и

взаимодействий, присущих изучаемым явлениям в зависимости от условий, места и времени их существования. Абстрактной истины, пригодной на все случаи жизни, не существует. Истина всегда конкретна¹.

Процессуальное право России всегда было нацелено на достижение именно объективной истины.

Необходимости установления объективной истины, несомненно, способствовало развитие диалектического метода познания. В философии диалектическое учение о возможности установления объективной истины было направляющим для всей юридической мысли. Во многих западных странах², напротив, устанавливая объективную истину было не принято. В определенной степени, это тоже было связано с философией. В названных странах не было ощутимого господства диалектики и основанной на ней теории познания. В философии и культуре таких стран, о чем уже писалось, были достаточно распространены другие теории познания, в том числе о невозможности установления объективной истины. При таких обстоятельствах на Западе «родилось» нечто, получившее название «юридическая истина». Указанное понятие имеет мало что общего с объективной истиной в философском смысле. Она связана с решением суда, вынесенным по конкретному делу. И такое решение, вынесенное с соблюдением всех необходимых процедур, считается не просто законным, но и истинным!

Фактическая истинность юридической истины условна. Она может совпадать с объективной истиной, а может и не совпадать. В реальности юридическая истина представляет собой некую условную единицу оценки справедливости правосудия. Юридическую истину можно назвать своеобразным плодом, результатом договоренностей, принятых в обществе в части правосудия.

¹ *Философия* / Под ред. В. П. Сальникова. СПб, 1999. С. 285–286.

² В первую очередь, в Англии, США и других странах с англо-саксонской системой права.

Изложенное иллюстрирует влияние культуры и ментальности Запада на право. Западное общество прагматично. Им выгодно быстро и однозначно разрешать споры, нежели чем «копаться» в нюансах дела. Общество привыкло к тому, что оптимальнее принимать решения по правовому прецеденту, чем заново исследовать все доказательства для поиска этой неведомой «справедливости». Кроме того, для Запада всегда имела особое значение экономика. Возлагать судебные затраты на стороны дела – практика, складывавшаяся за рубежом столетиями. Затраты не только связанные непосредственно с судопроизводством, но и затраты, направленные на собирание доказательств. Суд, по сложившейся там практике не должен искать доказательства и доказывать. Он выступает арбитром и лишь оценивает доказательства, на собирание которых стороны понесли затраты, подчас значительные. Помимо этого, фактор быстроты правосудия имеет как психологическую, так и опять же экономическую важность. Плюс к этому, конечно, устанавливать юридическую истину проще, чем объективную. Принять решение о том, кто лучше доказал правоту проще, чем подробно разбираться в деле.

В результате западное общество действительно привыкло к тому, что кто привел лучшие аргументы, тот и прав с точки зрения суда. А кто прав – за тем и юридическая истина. И не важно, что на самом деле эта истина вовсе не истина, а фикция, ширма. И.Л. Честнов приводит интересные результаты исследований, проведенных юристами США. Он пишет, что «реалисты» США уже в 30-е годы XX века показали зависимость решений, принимаемых судьей, от его (судьи) культуры (воспитания в северных штатах или южных), расы, конфессии, возраста, пола, а также подсознательного образа сторон – участников судебного процесса, а сторонники «школы критических

правовых исследований» в 70-80-е годы XX века – от политических и идеологических предпочтений, а также социально-экономического статуса¹.

В целом любой судебный процесс – деятельность познавательная. Можно ли с точки зрения познания считать юридическую истину истиной? Очевидно, что нет. С философской точки зрения юридическая истина – это вообще не истина. Слово «истина» в исследуемом словосочетании, наверное, было выбрано из корректности к правосудию. Юридическую истину еще нередко называют: формальной истиной, конвенциональной истиной, судебной истиной, договорной истиной. Применяемые в данном случае как синонимы слова: формальная, конвенциональная, судебная, договорная – тоже, видимо, были выбраны для того, чтобы подчеркнуть ложность и некорректность употребления термина «истина» в таких случаях.

Никакой «юридической истины» на самом деле не бывает. Бывают истинные знания, то есть истина, правда и неистинные знания, то есть – ложные, неточные, неверные. Когда говорится «юридическая истина», то имеется в виду просто **судебное решение**, показавшееся наиболее подходящим для конкретной ситуации. Если же законодателю важно именно слово «истина», то мы для избежания путаницы предлагали употреблять термин **«условная истина»²**, то есть знание, которое можно считать соответствующим действительности (верным, точным) только с установленной долей допущения. Термин «условная истина» показывает и подчеркивает условность и возможную неточность таящихся за ним знаний. Правда законодатель наше предложение пока не воспринял.

В настоящее время в результате проведенных реформ в арбитражном и гражданском судопроизводстве предлагается устанавливать не объективную, а юридическую (условную) истину. При этом принцип установления такой

¹ Честнов И.Л. Критерии современного правопонимания // Философия права в России: история и современность: мат-лы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М., 2009. С. 258.

² См.: Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб, 2011; Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. № 2012. № 9. С. 146-152.

истины трактуется как нормативно-руководящее начало гражданского процессуального права, в соответствии с которым движение судебного процесса ... должно идти в направлении использования всех предусмотренных гражданско-процессуальными нормами средств для **достоверного, а в случае невозможности или предусмотренной законом нецелесообразности – вероятного установления обстоятельств (выделено мной – С.З.),** имеющих значение для правильного разрешения дела по существу¹.

Такой подход, периодически встречающийся в современной процессуальной литературе, справедливо критикуется авторитетными учеными. Так, М.К. Треушников пишет, что утверждения авторов, отвергающих достижение истины как цели правосудия, построены на абстрактных и формальных суждениях. За основу для рассуждений берется отсутствие в ГПК РФ указания на обязанность суда принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела. Действительно, – указывает автор, – изменилась концепция ГПК РФ с точки зрения действия принципа состязательности как механизма достижения истины, но не отказа от этой цели правосудия. Наоборот, в новых ГПК и АПК расширен набор видов доказательств, детализированы правила оценки доказательств, введен регламент участия специалиста в процессе, сохранены ранее существовавшие гарантии проверки законности и обоснованности судебных актов². Также думают и другие специалисты³.

Утверждения ряда авторов о том, что по современному гражданскому процессуальному и арбитражному праву России перед судами не ставится цель достижения истины, и суды не достигают этой цели, расходятся с объективными показателями судебной статистики. Таковыми являются

¹ См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. М., 2013. С. 137.

² Треушников М.К. Судебные доказательства. М. 2005. С. 12.

³ См. напр. работы: Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000; Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. М., 2003.

результаты деятельности судов в апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Отмена судебных актов данными инстанциями, как правило, свидетельствует о судебной ошибке и недостижении судом первой инстанции истины¹. Так было и в досоветское время. Например, известный русский юрист Е.В. Васьковский писал, что цель доказывания – установить, что утверждение тяжущегося истинно².

И тем более объективную истину необходимо устанавливать в уголовно-процессуальном праве, также пострадавшем от реформ. О необходимости установления объективной истины в уголовном судопроизводстве писали практически все авторитетные дореволюционные специалисты: И. Я. Фойницкий, С. И. Викторовский, В. К. Случевский и др.³ Например, И.Я. Фойницкий писал, что истина – высший закон правосудия, стремлением к ней должны быть проникнуты все его меры. Указанная позиция была поддержана и в советское время. Так, М. С. Строгович указывал, что истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть объективная истина...Это полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц.⁴

УПК РФ не воспроизвел этих положений. Ученые, причастные к подготовке нового закона, объясняли это тем, что требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела якобы несовместимо с положенным в основу УПК РФ принципом состязательности, а также с особой ролью суда, призванного в качестве арбитра, не вставая ни

¹ Треушников М.К. Указанное сочинение. С. 15.

² См.: Васьковский Е.В. Гражданский процесс: Хрестоматия / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2005. С. 362.

³ См., напр.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996; Викторовский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. М., 2008.

⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 132.

на одну ни на другую сторону, разрешать спор между обвинением и защитой.¹

Однако и при таких сумбурных требованиях УПК РФ, при его противоречивости цель установления объективной истины по делу, даже не будучи ясно и четко регламентированной, по-прежнему является гарантией законности. Развивая указанную мысль, К. Ф. Гуценко отметил, что исключение из уголовно-процессуального законодательства упоминания истины и некоторых гарантирующих ее достижение положений не может само по себе «ликвидировать» объективные, не зависящие от законодателя закономерности познания. Именно поэтому законодатель вынужден был в УПК РФ предусмотреть ряд процессуальных правил, направляющих предварительное расследование и судебное разбирательство в русло, которое, в конечном счете, должно приводить к установлению по каждому уголовному делу именно того, что издавна называется истиной, правдой. К правилам такого рода относятся, к примеру: предписания, определяющие предмет доказывания, который полно и всесторонне охватывает круг обстоятельств, необходимых для правильного разрешения уголовного дела; четкие требования, предъявляемые к существу и процессуальной форме доказательств; обязанность соответствующих органов и должностных лиц выносить решения по внутреннему убеждению, основанному на совокупности относимых, допустимых, достоверных доказательств.²

Приведенные доводы свидетельствуют о том, что довлеющий в современном УПК РФ принцип состязательности вполне сочетается с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Что касается суда, выступающего, по мнению авторов современного УПК РФ, лишь в качестве не устанавливающего объективную истину рефери, следует обратить внимание на точку зрения С. А. Шейфера. По его мнению, с такой конструкцией нельзя согласиться по ряду причин, и

¹ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2009. С. 37–38.

² Гуценко К. Ф. Уголовный процесс. С. 206.

прежде всего ввиду бесспорности требования о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Это требование, вкуче с определением обоснованности приговора как соответствия фактическим обстоятельствам дела, означает, что, вынося обвинительный приговор, суд должен быть убежден в правильности своего вывода о виновности подсудимого, т. е. должен руководствоваться не формальной, а материальной, объективной истиной. Предложенная конструкция основана также на ошибочной трактовке роли в состязательном процессе суда, будто бы полностью отстраненного от установления фактических обстоятельств дела. Суд, оставаясь субъектом доказывания и будучи объективным и беспристрастным арбитром, вправе, однако, собирать доказательства для того, чтобы проверить доказательства, уже представленные ему, либо прояснить то или иное неясное обстоятельство.¹

Действительно, раскрытие многих преступлений — это сложная и трудоемкая работа, с которой не всегда удастся справиться следователю. К тому же иногда складывается неблагоприятная для установления истины обстановка: отсутствие информационно насыщенных следов, оставленных событием, их уничтожение вследствие природных явлений или непонимания их значения гражданами и т.п. Но объективные трудности раскрытия преступлений вовсе не означают принципиальной невозможности установить истину по уголовному делу. Против такой возможности не говорит и то, что многие громкие преступления остаются нераскрытыми до сего дня. Возможность познания истины вопреки трудностям, стоящим на этом пути, — это проявление философского принципа познаваемости мира. Иная позиция означает переход на позиции агностицизма, с чем невозможно согласиться. Да и практика раскрытия тяжких преступлений, которые в течение долгих лет оставались нераскрытыми, подтверждает эту закономерность.²

¹ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. С. 46–47.

² Там же. С. 44–45.

Такую же позицию всегда отстаивали и мы, помня афоризм известного древнеримского юриста Минуция: истина идет навстречу тому, кто ее ищет.¹

Полностью соглашаясь со специалистами в части необходимости отыскания объективной истины по уголовным делам, добавим еще несколько соображений.

1. Отсутствие необходимости отыскания объективной истины в значительной степени осложнит выявление и доказывание фактов привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновных и вынесения заведомо неправильных приговоров. Можно ли в принципе говорить о заведомой невиновности лица либо о заведомо неправильном приговоре, если признать, что объективно установить виновность не представляется возможным?

2. Если принципа всесторонности, полноты и объективности расследования, как считают некоторые процессуалисты, не может быть в современном УПК РФ, то, судя по всему, уголовное судопроизводство видится им односторонним, неполным и необъективным процессом. Однако кому такое судопроизводство нужно? Очевидно, что в нем не будут заинтересованы ни потерпевшие, ни обвиняемые.

Наиболее остро указанную проблему понимают сотрудники следствия, оперативных подразделений, прокуратуры. Они помнят о происходивших в России в 1930–1940-х годах массовых репрессиях, когда отыскивать объективную истину формально требовалось, но на самом деле ее отыскание не поощрялось. Поэтому абсолютное большинство практиков признает: чтобы избежать повторения беззаконий, устанавливать объективную истину необходимо.

Парадоксально то, что ученые, ратующие за формальную, а не объективную истину, прежде как правило боролись за расширение прав

¹ См.: *Захарцев С.И.* Доказывание, доказательства, виды доказательств // Уголовно-процессуальное право / Под ред. *В.И. Ролина*. СПб., 2004. С. 159-160; *Захарцев С.И., Чабукиани О.А.* Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. СПб., 2010.

обвиняемых. Теперь же их усилия закладывают в уголовное судопроизводство фундамент для беззакония в отношении обвиняемых: следовательно, расследуя дело, будет все равно, виновен обвиняемый или нет; прокурор, поддерживая обвинение, будет безразличен к его содержанию; суд, не стремясь установить истину, но доверяя прокурору, вынесет невиновному обвинительный приговор.

В 2008-2009 гг. нами проведен опрос 500 оперативных сотрудников со стажем работы более одного года¹. 477 (95,4 %) из них считают необходимым устанавливать именно объективную истину.

Правда, на вопрос о том, всегда ли удастся установить объективную истину в ходе оперативно-розыскной деятельности, получены следующие ответы:

— 367 человек (73,4 %) заявили, что истина устанавливается в 3/4 случаев;

— 102 человека (20,4 %) указали, что истина устанавливается в 2/3 случаев;

— 31 человек (6 %) воздержался.²

В 2016-2018 годах мы провели аналогичное исследование, опросив уже 1000 оперативных сотрудников. Были получены схожие результаты.

3. Уже не только в научных публикациях, но и на практике приходится сталкиваться с удивительным мнением: если следователь видит невиновность обвиняемого, он все равно должен направить уголовное дело в суд для получения оправдательного приговора. Это аргументируется тем, что вынесение оправдательного приговора провозглашает лицо невиновным в совершении преступления, а постановление о прекращении дела вопрос о виновности обвиняемого полностью не снимает. Но ведь если устанавливать

¹ См.: *Захарцев С.И.* Наука оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2011. С. 214-215.

² Следует уточнить, что под неустановлением истины здесь подразумеваются нераскрытые преступления, а не реализация дел в отношении невиновных.

объективную истину суд не должен, то он при указанных обстоятельствах может вынести как оправдательный, так и обвинительный приговор.

Таким образом, нам представляется, что ранее сформированный в России подход к обязательному установлению именно объективной истины приемлем и необходим для судопроизводства. При этом исповедуемый в ряде стран принцип установления юридической истины в силу своей неоднозначности неоднократно попадал под критику причем иностранных специалистов.

Как уже отмечалось, в 2010 г. в Институте государства и права РАН состоялись пятые философско-правовые чтения памяти В.С. Нерсисянца по теме «Стандарты научности юридической теории». Участники чтений, к стандартам научности юриспруденции относят в том числе требование истинности.¹ То есть, для юридической науки правоведы тоже требуют установления объективности, истинности, правды. Иначе собственно и не может быть, ибо при отсутствии истинности в науке сама наука теряет смысл.

Но остается загадкой, почему, признавая возможность и необходимость установления истины в правовой науке, некоторые правоведы не считают необходимым достижения истины в правоприменении? Таким специалистам следует попытаться «подняться» над своими сугубо практическими знаниями, оценить сущность правоведения и правоприменения, начать изучать (или глубже изучить) философия права. Можно обратить внимание и на хорошие слова В.Д. Зорькина: «Я думаю, призвание философии права и носителей ее заключается в том, чтобы, не отрываясь от народа, доносить ему идеи, которые ведут к праву, ведут к истине»².

¹ *Графский В.Г.* Точку ставить рано: вместо заключения // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2011. С. 159.

² *Зорькин В.Д.* Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. С. 45.

Мы считаем необходимым устанавливать в судопроизводстве объективную истину. Юридическая истина с точки зрения теории познания истиной не является.

Третья проблема из практики, требующая философско-правовых размышлений. Она заключается в том, что в своей практической деятельности юристы нередко работают против права, против справедливости, а в угоду конкретных лиц.

В этом тоже казалось бы понятном вопросе кроется серьезная философская проблема. Ведь молодые люди после школьной скамьи поступают в университеты постигать право явно не имея цели защищать маньяков, оправдывать хищения, обманывать людей, подсказывать, как совершать преступления и не попадаться, пользоваться несовершенством законов. Речь в данном случае идет как об адвокатах, так и, даже в большей степени, о юристах фирм и организаций, юрисконсультрах.

Почему они, изучавшие право и в своей абсолютной массе стремившиеся знать и соблюдать законы, работают против права, против справедливости? В первую очередь, примитивно рассуждая, они руководствуются материальным аспектом.

Но мы хотим поставить вопрос чуть о другом. Ведь если врач, перестает лечить и более того начинает подсказывать, как залечить человека до смерти – он становится преступником. Если экономист, познав все тонкости экономики, начинает советовать как незаметно воровать, он тоже становится преступником. Инженер, который начинает подсказывать, как избегать соблюдение технологий и не попадаться, является правонарушителем и т.д.

Юрист (адвокат, юрисконсульт, юрист в компании) - чуть ли не единственная профессия, фактически подразумевающая, что он будет подсказывать, как нарушать закон и избегать за это ответственности. И такие юристы – парадоксально!- вроде бы нужны обществу.

Причем, действия указанных врачей, экономистов, инженеров, строго осуждаются моралью. Кроме того, им будет сказано, вас же учили лечить,

строить, изобретать, экономить и т.д., а вы, выучившись, стали заниматься деятельностью против своей профессии, изменили своей профессии. Но в отношении юристов так не говорят. Более того, если юрист сможет вывернуть противозаконное дело в свою пользу – он в глазах общества является ... хорошим специалистом!

В чем причина таких удивительных поворотов нашего бытия? В специфике профессии юриста, которые, оказывается нужны не только для соблюдения закона, но и для борьбы с ним?! В несовершенстве общества? В приоритете материальных ценностей над духовными? В слабостях людей? Либо в самом бытии – противоречивой, многофакторной данности? Полно ответить на заданные вопросы не может ни одна из наук, только философия.

В помощь тем, кто займется указанной проблемой, мы провели исследование. Опросили 600 первокурсников юридических факультетов и вузов, 600 третьекурсников и 600 выпускников. Им был задан вопрос: «Будете ли Вы, выучившись на юриста, помогать правонарушителям и преступникам избежать ответственности, защищать правонарушителей в суде, консультировать о том, как обойти закон?»

- 479 первокурсников ответили – не будут. Сказали, что будут 98 человек. Остальные воздержались.

- 337 третьекурсников ответили – не будут. Готовность защищать беззаконие выразили 181 человек. 82 студента воздержалось.

- 288 выпускников заявили, что не будут. 247 выпускников сказали, что будут защищать и помогать даже преступникам. 65 – воздержалось.

Если опросить уже практикующих юристов, то не удивимся, если выяснится, что абсолютное большинство из них будет готово помогать преступникам. При этом почти все юристы хотя бы раз консультировали друзей, знакомых, родственников о том, как обойти требование закона.

Четверная проблема: коррупция в правоохранительной сфере.

Коррупция в правоохранительных органах является не только российским феноменом. От указанного зла страдают люди и в других

государствах, подтверждением чему являются многие иностранные публикации. Например, известный французский писатель Стендаль в начале XIX века написал: «Правосудие было почти всегда продажно».¹

О коррупции в последнее время написано много научных и публицистических книг, проведено масса исследований. Такие работы содержательны, достаточно подробно вскрывают сущность данной проблемы. Но ощутимого движения в сторону улучшения не наблюдается. И причина не в том, что научные рекомендации не реализуются на практике. Большинство стран, в части борьбы с коррупцией в правовой сфере, учитывает мнение ученых.

Главная причина в том, что большинство научных исследований проявления коррупции в правоохранительной сфере проводятся как бы «снизу вверх». Они отталкиваются от конкретных случаев проявления такой коррупции.

По нашему мнению, коррупция в юридической практике вообще и в России в частности, давно требуют философского и философско-правового изучения. Такое изучение в первом приближении дает безрадостные выводы.

Ибо в юридической сфере, в правоприменении для коррупции все готово. Так:

- не требуется устанавливать объективную истину. Соответственно, любое решение – честное или нет! - подходит, лишь бы такое решение было обосновано.

- в законах очень много формализма, что создает трудности в их полном соблюдении, чем можно воспользоваться и обвинить противоположную сторону в нарушении закона.

- юристы уже со студенческой скамьи готовы изучают право, чтобы зарабатывать на этом знании деньги, независимо от того, справедливость они защищают или несправедливость.

¹ Энциклопедия афоризмов. М., 2003. С. 439.

- профессиональная деформация правосознания сотрудников правоохранительных органов.

В результате: коррумпированный, берущий взятку за незаконное решение судья, при высокой юридической квалификации, может умело развернуть дело в необходимую ему сторону. И крайне трудно доказать, что им двигал коррупционный мотив. Тем более, что во многих странах действуют ограничения на проведение в отношении судей оперативно-розыскных мероприятий.¹

Изложенное касается не только России, но и практически всех стран. И не только судей, но и следователей, дознавателей, прокуроров. В каждой стране грамотный юрист способен истолковать дело так, что перевернет его смысл.

Полагаем, что не решив изложенные в данной главе глобальные проблемы, эффективно бороться с коррупцией в правоохранительной сфере практически не возможно.

Пятая проблема, характерна для России – в России невысок авторитет судебной власти. Люди пока медленно привыкают к суду, как к способу разрешения конфликта, спора, уяснения, кто прав. Но и в тех случаях, когда по спору судебное решение вынесено, оно не имеет такого авторитета как на Западе. Нередко считается, что судья помог выиграть спор не бескорыстно (русская поговорка «что мне законы, были б судьи знакомы») или судья, извините, глуп и в законах не разбирается. Весомого авторитета в российском обществе суды еще не набрали.

В правовом государстве суды, как известно, занимают особое положение. Ведь именно к ним обращаются при возникновении споров и конфликтов. В России этого пока не наблюдается.

Неавторитетность суда хорошо показывает в том числе неразвитость в России Третейских судов. Как известно, предприниматели, особенно

¹ Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2003.

состоявшиеся бизнесмены всего мира, традиционно решают вопросы в третейских судах, поскольку там можно участвовать в выборе своих судей. В России известные бизнесмены для разрешения конфликтов выбирают английское право, английские третейские суды!

Думается, что во многом этому потворствует правовой нигилизм значительной части российского населения. Однако невысокий авторитет современной судебной системы России связан и с другими причинами, на которые мы не раз указывали.¹

Надо дополнить, что в России сейчас низок авторитет права как такового. Мы провели исследование, в ходе которого респонденты наиболее часто называли две причины низкого авторитета права:

- много норм российского права неприменяемы, потому что их невозможно исполнить;
- нормы права постоянно меняются, причем на диаметрально противоположные требования.

Шестая проблема вытекает из пятой. XX век многие ученые считают веком компьютеризации и электроники. Начало XXI века показывает, что компьютеризация и электроника продолжают активно проникать и развивать различные сферы человеческого бытия, в том числе и право.

И действительно, еще каких-нибудь тридцать лет назад в советском праве было невозможно представить не то что функционирование, а даже понятие электронного документа. Или правовое регулирование договорных отношений, расчеты по которым осуществляются с помощью компьютера, по интернету, на банковскую пластиковую карту и т.д., и т.п. Одним словом электроника наступает.

Не удивительно, что сейчас начинает ставиться вопрос об использовании электроники и компьютеров в осуществлении правосудия. И даже предлагается создать электронного судью (робота) с электронным

¹ См., напр: *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

интеллектом, наполненным знаниями правовой теории и судебной практики. По мнению авторов этой идеи, указанный робот заменит судей и будет рассматривать судебные дела, в том числе выносить приговоры по уголовным делам!

К очевидным плюсам создания такого робота его сторонники относят объективность и беспристрастность рассмотрения уголовных дел. Робот, естественно, не будет подвержен коррупции, на него невозможно оказать административное и иное давление, будет соблюдено равенство сторон, он будет выносить решение строго на основании материалов дела. То есть, в вынесении приговоров будет полностью исключен так называемый «человеческий фактор».

В США уже сделаны определенные шаги в направлении исключения человека из отправления правосудия. Так, в некоторых штатах выпущены подробные юридические таблицы, в которых исходя из судебной практики указывается, какой точно срок или штраф получит человек при совершении того или иного конкретного деяния: например, украл такой-то предмет – получи три месяца тюрьмы, а украл другой – один год.

У значительного числа специалистов такой подход, тем не менее, вызвал серьезные возражения, что ничуть не смутило сторонников электронного судьи. По мнению последних, многие юристы пока не готовы принять судью-робота психологически, также как ранее не были готовы принять электронный документ, электронные деньги и пр.

Изучая споры юристов нам стало очевидно, что эти дискуссии как по известной поговорке – «Два юриста, но три мнения» - ни к чему не приведут. Все закончится взаимными упреками, пока органы власти нередко под эмоциональным настроем или по мотиву «важности внедрения в Россию западных практик» примут конкретное решение, которое, увы, может оказаться не до конца продуманным.

В то же время, создание судьи-робота может совершить переворот в правовом бытии и правовой системе. Поэтому для оценки «плюсов» и

«минусов» таких событий важны не только сугубо юридические аргументы, но и взвешенный анализ изложенного с точки зрения философии и философии права.

Именно философия (дословно с древне-греческого — любовь к мудрости) и философы должны играть определяющее значение во взвешенном подходе к решению данного вопроса.

И здесь есть о чем поговорить. Как известно, каждый русский человек ждет от права справедливости. Это одна из важнейших черт правовой ментальности всех народов России. Иначе - без справедливости! — зачем нужно право?! Причем справедливость всегда понимается широко. Она учитывает многие факторы и не всегда, в чем парадокс, идет в ногу с законом! Например, в результате теракта потерявший ребенка отец сам нашел и убил террориста. С точки зрения Уголовного кодекса действия родителя должны быть квалифицированы как умышленное убийство, да еще из мести, с особой жестокостью и возможно другимиотягчающими обстоятельствами. Но в России такой родитель, мы уверены, получит оправдательный приговор!

Робот будет судить именно с позиции юридической истины, причем без справедливости и без сострадания. Он не в состоянии чувствовать, соболезновать, переживать. Электронный мозг будет просто рассматривать юридический факт и выносить формальное решение. Он не будет рассматривать личности подсудимого и потерпевшего. А ведь их изучение в контексте с содеянным имеет подчас важнейшее значение для вынесения справедливого приговора.

Применение роботов лишит еще одного важнейшего принципа уголовного правосудия — гуманизма. Человек со своей судьбой и жизнью для правосудия перестанет существовать. А ведь данный принцип, в идеале, должен лежать в основе любого процессуального действия. Конечно, на практике до идеала бывает достаточно далеко. Однако в головах и

следователей, и прокуроров, и судей этот принцип все равно имеется. Они понимают, что напротив них тоже находятся люди.

С юридической стороны изложенное показывает то, что применение робота фактически полужачеркнет субъективную сторону преступления. Он в силу понятных причин не сможет оценить степень вины соучастников преступления, не сможет понять мотивы и цели преступников (а может и вовсе не преступников, а лишь лиц, выполнивших объективную сторону преступления). Сколько столетий прошло с того момента, когда человечество отказалось от объективного вменения и доросло в своем развитии до того, чтобы осознать важность вины для определения состава преступления. Сколько трудов философов и юристов было положено на то, чтобы разъяснить необходимость обязательного установления виновности в содеянном. Всегда ли робот сможет понять: виновен человек или нет? А если мы признаем очевидный факт того, что оценить субъективную сторону робот может не всегда, то это является фундаментальной причиной для невозможности внедрения практики вынесения электронным устройством приговоров. И названная причина, соответственно, полностью перечеркивает все аргументы сторонников робота-судьи.

А как быть в случаях самооговора? В нашей практике встречались случаи, когда люди по тем или иным причинам признавались в совершении различных преступлений, которых на самом деле не совершали. И даже оговаривали себя по убийствам – «расстрельным» на тот момент статьям! Люди не просто признавались в присутствии адвокатов, но достаточно подробно описывали место и обстоятельства совершения преступления (сейчас подробные описания преступлений можно найти в газетах и Интернете), называли каких-то вымышленных заказчиков и т.д. Но несмотря на это, естественно, не знали многих деталей и нюансов, в связи с чем обвинения от них были отведены. Но чаще всего факты самооговора вскрывались именно в суде. С роботом-судьей в описанных случаях все будет просто: человек признавался в присутствии адвокатов, описывал

события преступления, подтверждал свои показания при выезде на место преступления, в отношении него имелись другие доказательства - чистейший обвинительный приговор.

А если, что тоже к сожалению бывает на практике, оперативники или следователи угрозами, шантажом или другими преступными действиями вынудили человека признать свою вину в преступлении, которого он не совершал, «взять преступление на себя»? Раньше такое беззаконие могли хоть как-то остановить прокуратура и суд. После уголовно-процессуальных реформ полномочия прокуратуры по надзору за следствием были значительно урезаны, но оставался суд. С введением робота-судьи значение суда при рассмотрении подобных дел нивелируется.

Одной из задач суда является проверка и оценка законности получения следствием доказательств. И немало случаев, когда именно в суде вскрывается, что в ходе следствия в отношении подсудимого, пусть даже действительно совершившего преступление, оперативными сотрудниками применялось насилие. Выявить указанные факты робот-судья, конечно, тоже не сможет.

Использование робота сведет на нет и казалось бы незыблемое правило уголовного правосудия - предоставление подсудимому последнего слова. Для робота-судьи при рассмотрении дела сущность последнего слова, разумеется, иметь не будет.

Изложенное объективно показывает, что введение роботов-судей подрывает основы права.

Одним из главных аргументов сторонников судьи-робота заключается в том, что он будет судить честно и беспристрастно, тем самым изначально не допустит преступные действия судьи-человека (коррупцию, субъективность и т.д.). Но ведь на самом деле это не совсем так. Надо помнить, что введение робота и электронного мозга может породить и наверняка породит вал компьютерных преступлений, которых раньше просто не могло быть. Как ни защищай электронику, всегда найдется какой-нибудь

хакер или умелец, способный ее вскрыть и перепрограммировать робота. Что тогда? Появятся необоснованные и преступные приговоры. И что важно – виновных не будет, все жалобы на правосудие адресуйте роботу.

Более того, при указанной ситуации будут подвержены коррупции специалисты, обслуживающие электронику и робота. При этом они, как правило, не юристы, но фактически именно от этих работников будет зависеть правосудие. А ведь над ними есть начальники и еще более высокие начальники. Согласимся: никто не прорабатывал процессуальный статус этих специалистов, правовую защиту и т.д. Трудно ли такому специалисту манипулировать роботом, при этом не оставляя видимых следов? А электронные следы еще не достаточно изучены криминалистикой, они спорны и всегда сомнительны.

Иными словами, от человеческого фактора уйти все равно не получится.

Да и, объективно, мало ли какой сбой может произойти в электронике. Но ведь результатом такого сбоя может быть поломанная человеческая жизнь.

Таким образом, «роботизация» уголовного правосудия является не «плюсом», а «минусом».

Мы имеем большой опыт как позитивного, так и негативного взаимодействия с судьями, хорошо знаем сильные и слабые стороны судейского корпуса, в том числе профессиональную деформацию судей.

И тем не менее, по нашему убеждению, вершить правосудие по уголовным делам должен человек-судья. Этот судья должен находиться в четко определенных правовых рамках, его действия должны быть строго регламентированы и публичны, должна быть реальная возможность их обжалования. Но это должна быть не машина, а именно человек, имеющий помимо соответствующей юридической квалификации душу, сердце, честь, человеколюбие.

ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

Заканчивать работу по философии и праву всегда труднее, чем ее начинать. Стоит только закончить освещать все вопросы и как бы реализовать замысел книги, так сразу же становится очевидным, что написано далеко не все, хочется вновь писать, дополнять, уточнять и т.д. Этим движет как стремление быть лучше понятым, так и глубина поднятых вопросов.

Поэтому мы заканчиваем представленную книгу не только повторением выводов, но и, одновременно, формулированием прогнозов развития философии и права, правового регулирования, правовой реальности.

Если кратко акцентировать внимание на сделанных выводах, то мы призываем ученых не отказываться от цели познания бытия, исходить из принципиальной возможности такого познания. Соответственно, не имеет смысла отказываться от диалектики как от универсального метода познания, объективно наиболее разработанного как в философии, так и в науке.

Мы полагаем, что увлечение постпозитивизмом, постмодернизмом, как и большинством подобных учений, относительно быстро закончится. Люди в целом и ученые особенно всегда стремились и стремятся к познанию мира - истинному познанию, к знаниям. При таких обстоятельствах наука и философия науки должны стремиться к монизму. На монизме во всем мире построено практически все среднее образование и большая часть высшего образования. Люди во всем мире в школах и колледжах изучают как данность одинаковые физические законы, химические формулы, исторические и социальные процессы и т.д. Отказ от монизма, нивелирование значения научных знаний как познающих истину, на деле означают разрушение системы образования, чего, конечно, не допустит ни одно государство.

Но если наука все равно будет стремиться к большей определенности и точности понятий, предметов, бытия, то философия скорее всего проблему

однозначного понимания чего-либо не решит никогда. Эта проблема, как верная спутница философских изысканий, всегда будет находиться рядом.

На фоне мировой нестабильности все государства будут стремиться развивать науку и ставить перед ней все более амбициозные задачи. Такие задачи будут касаться получения новых и, несомненно, *истинных* знаний о человеке, природе, обществе, строении мира. Цели получения новых знаний имеют как гуманный, так и антигуманный характер, направленный на обогащение конкретных лиц и государств, усиление их могущества. Опыт убедительно показывает, что человечество, сформировавшееся в государства, не может долго созидать. Оно стремится к обогащению, поглощению других, что всегда приводит к разрушению и, по большому счету, самоликвидации. Надо объективно признать, что человечество постоянно всю свою жизнь занимается уничтожением друг друга. При этом, увы, исторический опыт убедительно показывает, что человечество не становится добрее, мудрее и заботливее даже по отношению к самому себе.

В настоящее время человечеством накоплено множество глобальных смертоносных для Земли проблем (угроза атомной войны и применения иного оружия массового поражения, перенаселение, нехватка энергоресурсов, экология и т.д.). Мы уверены, что, к сожалению, в перспективе какая-либо из названных угроз для жизни реализуется. Изложенное дает возможность выдвинуть гипотезу катаклизмов и круговорота человеческой жизни на Земле. Ее сущность в том, что человечество своими действиями достигает определенного рубежа, после которого оно не в состоянии в полном составе находиться на планете. В результате достижения рубежа происходят катастрофы или катаклизмы, затрагивающие (умертвляющие) абсолютно большую часть населения планеты. После чего оставшиеся в живых после катаклизмов люди начинают новую жизнь. Эта жизнь, вполне вероятно, начнется практически с нуля, так как во время катастроф несомненно теряется значительный багаж накопленных человечеством знаний, достижений, пропадает жизненный

опыт. Но решаются проблемы с перенаселением, восстанавливается экология, энергоресурсы и т.д. Далее человечество развивается, вновь достигает перенаселения, нарушает экологию, изобретает смертоносные виды вооружений, воюет, в процессе своей деятельности достигает нового рубежа, происходит катаклизм и затем - новый виток жизни, очищенный от многих изобретенных технологий, опыта, знаний. Правда, выразим надежду, что такой виток наступит не скоро.

Важнейшим направлением философской мысли является философия права. Философия права – это философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, прaksiологии права, правосознания. Философия права является главной связующей между философией и правом, правовыми науками.

Мы полагаем, что на разных этапах человеческого существования право в различном виде зарождалось как минимум трижды. Первый: с появлением на Земле человека и его сознания, в котором, как мы считаем, заложено стремление к праву, необходимость права. Второй: с появлением первого государства и рождением исходящего от него позитивного права. Третий: с зарождением обычаев, получивших со временем и с учетом ментальности, культуры, развития отдельных обществ, статуса правовых обычаев и норм права.

Мы отрицаем внеземное и внечеловеческое происхождение права. По нашему мнению, право есть социальное явление, неразрывно связанное с бытием и человеком. Право – это бриллиант: яркий, красивый, блестящий. Однако самый твердый и имеющий 57 граней. Как только в изучении права ученые откроют примерно такое же количество его граней (сильные и слабые стороны права, противоречия и изъяны, возможности права и пределы этих возможностей и т.п.), откроется и сущность этого сложнейшего социального явления.

Традиционно большинство юристов и философов, исследуя право, рассматривают его под углом той концепции, которой отдают предпочтение сами. Главным минусом таких попыток является отсутствие всеохватываемости, разносторонности изучения права и его проявлений, то есть отсутствие компрехендного подхода. Основываясь на диалектическом методе познания, предметом компрехендной теории права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Нам – основоположникам компрехендной теории права – особенно приятно, что это теория находит все больше сторонников и становится все более популярной.

На основе проведенных исследований нами выработаны основные критерии *правового прогресса*. К ним, в частности, относятся:

- достижение справедливости в правовых решениях, защищенность человека правом;
- понятность нормативно-правовых актов, простота их изложения;
- четкий правовой механизм реализации норм;
- уровень правосознания и правовой культуры, уровень доверия к праву;
- наличие разумного баланса между интересами личности, общества и государства.

Проведенные исследования дают нам возможность обратить внимание на некоторые *закономерности сущности права*. Право проявляет положительные и отрицательные закономерности. Положительные всем известны, но важно помнить и закономерности, имеющие или могущие иметь отрицательные последствия:

- зависимость права от внешних факторов (экономики, политики и т.д.).
- зависимость права от лица (лиц), издающих правовые нормы, в том числе от самодурства этих лиц.

- не всецелую направленность норм права на установление объективной истины и справедливости.

- не направленность на полное равноправие среди людей.

В конце XX века перед человечеством появились новые глобальные проблемы, касающиеся, во-первых, его телесной природы и, во-вторых, воздействие на человека через информационное пространство. Их опасность надо как можно быстрее осознать и разработать конкретные правовые механизмы разрешения названных проблем.

В работе мы традиционно провели исследования, посвященные правосознанию, правовому нигилизму и профессиональной деформации сознания. На основе результаты этих исследований мы предложили несколько мер по преодолению и уменьшению правового нигилизма российского населения. По нашему мнению, такими мерами должны быть:

- усиление ответственности за совершение правонарушений;
- обучение основам права в школе;
- распространение ювенальной юстиции;
- направление внутренней политики на повышение уровня благосостояния людей.

В предыдущих работах мы неоднократно писали о необходимости пересмотра подходов к профессиональной деформации правосознания. Наши предложения были услышаны в научной среде. Продолжая развивать указанную тему, в данной работе мы обосновали несколько наиболее часто встречающихся типов профессиональной деформации профессорско-преподавательского состава юридических вузов. При этом мы разделили типы профессиональной деформации по категориям деформированных личностей, к первой отнеся известных ученых-педагогов, а ко второй - не состоявшихся и не ставших известными ученых-педагогов. Кроме того, сформулировали типы профессиональной деформации правосознания, которые имеют отношение к обеим категориям.

У известных ученых-педагогов, мы выделили следующие типы:

- Болезненное самолюбие, самолюбование;
- крайний субъективизм;
- недоверие к молодости, молодым ученым.
- неэтичность поведения по отношению к коллегам и младшим коллегам.

У не ставших известными ученых-педагогов мы выделили такие типы профессиональной деформации сознания:

- боязнь собственного мнения;
- конъюнктуру;
- плагиат.

Общими типами профессиональной деформации ученых-юристов являются:

- желание «оставить след в юридической науке» любым способом;
- коррупция;
- обучение незаконным действиям.

Кроме того, в ходе исследования уточнены разработанные нами ранее новые типы профессиональной деформации правосознания практических работников правоохранительных органов.

Нами проведены достаточно масштабные исследования юридической науки и практики, что позволило сформулировать общие проблемы научных работ по юриспруденции, этические проблемы в правовой науке, основные науковедческие проблемы юридической науки, проблемы современного юридического образования и основные проблемы юридической практики.

К общим проблемам научных работ по юриспруденции мы отнесли:

- в значительной части монографических работах, в основном по отраслевым юридическим наукам, теряется связь с философией права;
- научные выводы медленно реализуются или вообще не реализуются законодателем;
- в научных работах по юриспруденции практически никогда не учитывается и не прогнозируется экономический эффект от полученных результатов и сформулированных предложений;

- также не учитываются политический эффект, социальный эффект и т.д.;
- искусственное усложнение науки;
- неверное и заведомо неверное толкование права;
- имеется малое количество оригинальных авторских работ, выпущенных за последнее десятилетие;
- россияне, в том числе юристы, стали заметно меньше читать;
- недостаточное изучение трудов и идей ушедших ученых.

Нами особо выделены четыре *этические проблемы* в современной правовой науке:

- этика научной дискуссии;
- угодничество власти;
- плагиат;
- недостаточность финансирования науки и ученых.

К *основным науковедческим проблемам* юридической науки мы отнесли:

- методологию науки;
- зависимость юридических знаний от конкретного исследователя, его субъективных оценок, уровня образованности, идеологии, мировоззрения и т.д.;
- смешение монографий, учебных пособий и учебников;
- отставание юридической науки от практики применения законодательства;
- проблему наукометрии в юридической науке.

Проблемы современного юридического образования в России, связанные с его реформированием, многократно попадали под критику всех: от профессоров до студентов. Мы тоже провели соответствующие исследования и выделили несколько проблем. В частности:

- возможность получать диплом магистра права людям, имеющим степень бакалавра не по юридическим специальностям;
- ориентация на подготовку «узкопрофильных» юристов;

- вопрос о том, что преподавать студентам в качестве фундаментальной науки о праве: теорию государства и права, энциклопедию права, интегральную теорию права или что-то иное;
- неоправданное увлечение тестированием вместо ответов преподавателю;
- перманентная и не решенная проблема количества в юридической науке отраслей права;

К основным проблемам юридической практики мы отнесли:

- излишнюю формализацию норм процессуального права, заурядную тягомотину ведения даже простых правовых дел;
- необходимость установления в праве объективной истины;
- осуществление многими юристами своей деятельности в угоду конкретных лиц, против права, против справедливости и истины;
- коррупцию в правоохранительной сфере.
- невысокий авторитет в России судебной власти.

Какими будут право, правовое бытие в XXI веке и дальше? Позволим себе сделать несколько прогнозов.

1. Мы ожидаем сближения философии и права. Право нуждается в философии. В свою очередь философия через право может выступать определенным регулятором общественных отношений, быстрее и эффективнее развивать и реализовывать философские идеи, еще более привнести в право гуманности и справедливости. Иными словами: постановка и обсуждение идей – удел философии, реализация идей и придание им правового смысла – право.

Философы будут больше стремиться к праву и частичной интеграции с юристами. Этому способствует то, что право обретает в жизни людей все большую роль.

2. В самом праве получит распространение электронный документ. Мы уже привыкли к электронным платежным документам, оценили возможность идентификации человека по платежной карте. Все движется к созданию

индивидуальных электронных чипов и карт, содержащих полную информацию о человеке. Наличие таких чипов может иметь положительные и отрицательные стороны. Основным из отрицательных нам видится в возможном полном контроле со стороны государства за человеком (чипы, скорее всего, позволят следить за перемещениями, платежами, личной жизнью и т.д.). Кроме того, могут увеличиться риски мошенничества. В то же время, для законопослушных людей введение электронного документа (может быть даже единого), может снять проблемы с регистрацией прав, оформлением множества бумажных документов, получением различных разрешений, паспортов, водительских удостоверений и т.д. Вполне вероятно, что многие необходимые документы в перспективе можно будет получать через собственный компьютер без тяготы, стояния в очередях и пр.

Мы уверены, что будет наблюдаться постепенный отказ от бумажного документооборота. Иной вопрос, на какой носитель информации его заменят?

3. Вполне допускаем, что постепенно будет внедряться практика проведения судебных слушаний в режиме телеконференции. Опыт проведения международных совещаний с использованием телеконференций уже есть. Если будут разработаны и приняты соответствующие процедуры, обеспечивающие соблюдение процессуальных прав при производстве слушаний в режиме телеконференций, то это значительно облегчит и ускорит процесс судебного разбирательства.

4. Мы уверены, что в XXI веке нас ждут новые научные открытия, которые значительно изменят мир и бытие. Такие открытия потребуют правовой оценки и правового регулирования применения результатов этих открытий.

То есть, скорее всего, интересной работы у ученых в области юридических наук прибавится.

5. На протяжении многих столетий Российская Федерация два раза в век тяжело воюет. Надеемся, что в текущем веке Россия войны избежит. Однако

со стопроцентной уверенностью говорим о продолжении вооруженных конфликтов между государствами. Это обуславливает развитие и совершенствование международного права. Борьба за мир заставит государства вступать в коалиции, а также сближаться в правовом пространстве.

Возможно, что с учетом развития коммуникаций, активно разовьется международное частное право, международное административное право, международное трудовое право. Ранее это было невозможно из-за неразвитости коммуникаций между государствами. Наблюдающийся век высоких технологий эту проблему снял.

В завершение хотим поблагодарить за прочтение этой книги. Мы пытались писать ее достаточно доступным языком и по-возможности разъяснять трудные для восприятия понятия. Надеемся на доброжелательные отклики и конструктивную критику.

ЛИТЕРАТУРА

Авакьян С.А. Конституционное право России: В 2 т. М., 2007.

Автономова Н.С. Философские и методологические проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977.

Адлер А. Лекции по аналитической психологии. М., 1996.

Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы.

Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб., 2013.

Александров А.С., Фролов С. А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств, Нижний Новгород, 2011.

Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 2005.

Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Под ред. *В.А. Томсинова*. М., 2008.

Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 2005.

Алексеев С.С. Избранное: Наука права. Общесоциальные проблемы. Публицистика. М., 2003.

Алексеев С.С. Проблемы теории права: В 2 т. Свердловск, 1972—1973;

Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.

Алексеев С. С. Философия права. М., 1998.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (экспериментальная психология). СПб., 2000.

Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. М., 2003.

Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993.

Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания / Отв. ред. *Н. К. Вахтомин.* М., 1979.

Аникин П. П., Балыбердин А. Л., Вус М. А., Гусев В. С., Рябчук В. Н., Федоров А. В. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации. СПб., 2003.

Антонов И.А., Горленко В.А., Н.Н. Михайлов, И.Л. Третьяков. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы. СПб., 2006.

Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001.

Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. М., 1960.

Аржанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1949.

Арзамасов Ю.Г., Баранов В.М., Варламова Н.В., Веденеев Ю.А., Веденеев Ю.А., Головкин Р.Б., Головина А.А., Гончаров И.В., Графский В.Г., Гревцов Ю.И., Гук П.А., Давыдова М.Л., Дудко И.Г., Захарцев С.И., Исаков В.Б., Кирдяшова Е.В., Колоколов Н.А., Комаров С.А., Корнев А.В., Курза Н.В. и др. Теория государства и права в науке, образовании, практике / Пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М., 2016.

Аристотель. Сочинения: В 4-х т. М., 1975-1981.

Арон Р. Мнимый марксизм. М. 1993.

Атмажитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности. М., 2003.

Баев О.Я. Избранные работы: В 2-х т. Воронеж, 2011.

Барихин А.Б. Большой энциклопедический словарь. М., 2005.

Бастрыкин А. И. Криминалистика. СПб., 2003.

Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.

Бачинин В. А., Сальников В. П. Причинность как философско-правовая проблема. СПб., 2002.

Баиляр Г. Новый рационализм. М., 1989.

- Бедняков Д. И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
- Белкин Р. С.* Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997.
- Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. М. 1999.
- Белкин А. Р.* Теория доказывания. М., 1999.
- Белоусов А. В.* Процессуальное оформление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001.
- Бельсон Я.М.* Россия в Интерполе / Под общ. ред. *С.Ф. Зыбина*. СПб., 1994.
- Беляев Н. А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986.
- Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1998.
- Берман Г.* Вера и закон: примирение прав и религии. М., 1999.
- Берман Дж. Гарольд.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е издание. – М. 1998.
- Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М., 2008.
- Бехтерева Н.П.* Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л., 1974.
- Бехтерева Н.П.* Здоровый и больной мозг человека. Л., 1980.
- Бехтерева Н.П.* О мозге человека. СПб., 1994.
- Бибихин В.В.* Введение в философию права. М., 2005.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995.
- Блосфельд Г.Э.* «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных / Под ред. *В.А. Томсинова*. М. 2006.
- Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г.* Правовое государство: реальность, мечты, будущее / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 1999.
- Бондарь Н.С.* Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Саратов, 1997.

Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М., 2013.

Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000

Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999.

Будущее фундаментальной науки. Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы / Под ред. *А.А. Крушанова, Е.А. Мамчур*. М., 2011.

Бурданова В. С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003.

Бухаров Н. Н., Захарцев С. И., Рохлин В. И., Федоров А. В., Шахматов А. В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности / Под ред. *В. П. Сальникова*. СПб., 2005.

Варламова Н.В. Современный российский федерализм: конституционная модель и политико-правовая динамика. М., 2001.

Вартанян Г.А., Петров Е.С. Эмоции и поведение. Л., 1989.

Васильев А.А. Концепция правового воспитания в контексте консервативной правовой доктрины России // Юридическое образование и наука. 2012. № 3 С. 11-14.

Васьковский Е.В. Гражданский процесс / Под ред. *М.К. Треушников*. М., 2005.

Вдовин Ю.И. Защита прав граждан при внедрении системы оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи. СПб., 2000.

Великие мыслители Запада. М., 1998.

Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2009.

Викторовский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997;

Винниченко Н. А., Захарцев С. И., Рохлин В. И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под ред. *В. П. Сальникова*. СПб., 2004.

Витгенштейн Л. Избранные философские работы. М., 1994.

Вобликов А.Б. Органы внутренних дел в системе политической власти. М., 1999.

Водько Н. П. Характеристика организованной преступности. М., 2001.

Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы, теория, библиография. СПб., 2003.

Волеводз А.Г., Соловьев А.Б. Международный розыск, арест, конфискация и передача иностранным государствам денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также вещественных доказательств по уголовным делам. М., 2007.

Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов-на-Дону, 1999.

Всемирная энциклопедия. Философия XX век / Под ред. *А.А. Грицанова, М.А. Можейко, Т.Г. Румянцевой, С.Ю. Солодовникова, О.В. Терещенко.* Мн, 2002.

Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997.

Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980.

Гармаев Ю.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве. М., 2005.

Гасымов Н.Г. Международный розыск обвиняемых преступников. М., 2003.

Гегель. Наука логики. СПб., 1997.

Гегель. Политические произведения. М., 1978.

Гегель. Феноменология Духа. Философия истории. М., 2007.

Гегель. Философия права. М., 1990.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М., 1970.

Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике. М., 1992.

Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.А., Сальников М.В. Российское право V-XIX вв (исторические зарисовки) / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002.

Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940.

Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. М., 1934.

Гольбах П.-А. Избранные произведения в двух томах. М., 1963.

Горяинов К. К., Кваша Ю. И., Сурков К. В. Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности. М., 1997.

Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь, 2011.

Гражданское общество: история и современность/ Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. СПб., 1996.

Графский В. Г. и др. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2010.

Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. СПб., 2008.

Гриб В. Г. Противодействие организованной преступности. М., 2001.

Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. М., 2005.

Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (Правовое обеспечение, организация, методика). М., 1994.

Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.

Гуревич П.С. Философская антропология. М., 1997.

Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995.

Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998.

Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М., 1987.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994.

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.

Гуценко К. Ф. Уголовный процесс. М., 2005.

Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002.

Гуцериев Х. С., Сальников В. П., Степашин С. В., Федоров В. П., Худяк А. И. Человек и правоохранительная деятельность / Под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2000.

Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996.

Долгов К.М. От Киркегора до Камю. Философия. Эстетика. Культура. М., 1991.

Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009.

Дубягин Ю.П., Дубягина О.П. Проблемы розыска без вести пропавших. М., 2003.

Евстратиков Б. М., Захарцев С. И., Медведев В. Н., Сальников В. П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи. СПб., 2005.

Егоришин В.М. Милиция. Полиция. Шерифат. СПб., 1994.

Егоришин В. М. Проблемы обеспечения экономической безопасности современной России. СПб., 1998.

Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности. М., 2001.

Ермолович Г.П. Полиция. Общество. Преступность в США. СПб., 2008.

Ершов Ю.Г. Философия права. Екатеринбург. 1995.

Ефремов А. М. Обеспечение прав и свобод личности в оперативно-розыскной деятельности. Иркутск, 2000.

Журин С. И. Практика и теория использования детекторов лжи. М., 2004.

Зарубин А., Вагин В. Репутация — капитал личности. М., 2007.

Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011.

Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

Захарцев С.И. Філософія і теорія права / Передмова О.М. Ключева. Харків, 2015.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26.

Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева. М., 2017.

Землянов В. М. Своя контрразведка. Мн., 2002.

Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. Волгоград, 2002.

Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991.

Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007.

Зотов А.Ф. Современная западная философия. М., 2002.

Иванов О.Е. Самосознание как основа метафизики. Опыт философской пропедевтики. СПб., 1995.

Иванов И. И. Криминалистическая превенция (генезис, теоретические и методологические основы, перспективы развития в сфере нового уголовно-процессуального законодательства) / Под ред. И. А. Возгрина. СПб., 2003.

Иванов И. И. Предупреждение преступлений. СПб., 2005.

Игнащенков Ю.Ю. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: Правовые вопросы. СПб., 2005.

Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. М., 2013.

Ильин И.А. Теория государства и права / Под ред. и с предисловием *В.А. Томсинова*. М., 2003.

Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1962.

Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В., Петросян Л.К., Черняева А.В. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Под общ. ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 2012.

Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права. СПб., 2017.

История информатики и философия информационной реальности / Под ред. *В.М. Юсупова и В.П. Котенко*. М., 2007.

История полиции России / Под ред. *В. М. Курицына*. М., 1998.

История современной зарубежной философии: компаративистский подход. СПб., 1997.

История спецслужб России / Сост. *С. Шумов, А. Андреев*. М., 2004.

История философии права. СПб., 1998.

Камышанский В.П. О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. 2010. № 2.

Кандыба В. М. Криминальный гипноз: Примеры технологии криминального психовоздействия: В 2 т. СПб., 2001.

Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1963.

Карнап П. Философские основания физики. Введение в философию науки. М., 1971.

Карпец И. И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994.

Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности. М., 2014.

Керимов А.Д. Сильное государство. М., 2009.

Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. М., 2011.

- Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000
- Керимов Д.А.* Избранные произведения в 3-х томах. М., 2007.
- Керимов Д.А.* Проблемы общей теории права и государства: В 3 т. М., 2001.
- Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М., 1972;
- Керимов Д. А.* Законодательная техника. М., 1998.
- Кипнис Н. М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995.
- Китаев Н.Н.* Неправосудные приговоры. СПб, 2006.
- Кларк Р.* Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля М., 2002.
- Клеандров М.И.* Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя. М., 2004.
- Ключевский В. О.* Русская история. СПб., 2009.
- Козлихин И. Ю.* Избранные труды. СПб, 2012.
- Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1995.
- Козловский А.Ю.* Теоретико-правовые основы оперативно-розыскной деятельности таможенных органов Российской Федерации. М., 2011.
- Колесников А.С.* Философия Бертрانا Рассела. Л., 1991.
- Колядин А.М.* Субъектность политического класса и его социальная значимость. СПб., 2015.
- Комаров С. А., Малько А. В.* Теория государства и права. М., 2001.
- Кондрат И.Н.* Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. М., 2014.
- Концепции развития российского законодательства /* Под ред. и с предисл. *Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова.* М., 2010.

Корневский Ю. В., Токарева М. Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. М., 2000.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. 2004.

Корнев А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX- начало XX в.). М., 2003.

Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. М., 2016.

Корольков А.А. Духовная антропология. СПб., 2005.

Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб., 1998.

Корольков А.А. Философия права как компонент русской культуры // Философия права. 2000. № 1. С. 57.

Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиция // История философии права / Авторы-составители: *А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников.* СПб., 1998.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004.

Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.

Кошелев С.М. Теория государства и права. СПб., 2007.

Криминология / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 1999.

Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999.

Кропачев Н. М., Прохоров В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность. СПб., 2000.

Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.

Крючков В. А. Личность и власть. М., 2004.

Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1976.

Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005.

- Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002.
- Кузнецов Э.В.* Философия права в России. СПб, 1989.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
- Кутлуниин А.Г.* Немецкая философия жизни. Иркутск, 1986.
- Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии. М., 2008.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
- Лапаева В.В.* Типы правопонимания, правовая теория и практика. М., 2012.
- Лебедев С. А.* Философия науки. Словарь основных терминов. М., 2004.
- Лебедев С. А., Ильин В. В., Лазарев Ф. В., Лесков Л. В.* Введение в историю и философию науки. М., 2007.
- Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- Лейбин В.М.* Психоанализ и философия неотрейдизма. М., 1977.
- Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011.
- Лекарь А. Г.* Профилактика преступлений. М., 1972.
- Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
- Лешкевич Т.Г.* Философия науки. М., 2005.
- Ливиниц Р.З.* Современная теория права. М., 1992.
- Лобанов С.Д.* Бытие и реальность. М., 1999.
- Локосов В.В. Шульц В.Л.* Основания консолидации российского общества (социологические аспекты). М., 2008.
- Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930.
- Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1994.
- Лукич Р.* Методология права. М., 1981.
- Лукьянов В.П., Очердько В.П., Сальников В.П., Соболев И.А.* Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ. СПб., 2003.

- Лурье Ф.М.* Политический сыск в России. 1649-1917. М., 2006.
- Лысенко В.В.* Полиция и нравственность. СПб., 1996.
- Макаревич Э. Ф.* Политический сыск. Истории, судьбы, версии. М., 2002.
- Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.
- Макуев Р.Х.* Теория государства и права. М., 2010.
- Малахов В.П.* Философия права. Идеи и предложения. М., 2008.
- Малько А.В., Мазуренко А.П.* Правотворческая политика России: история и современность. М., 2014.
- Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.
- Мамий М.Р.* Судебный контроль и прокурорский надзор как гарантии законности. Ростов-на-Дону, 2007.
- Мамут Л.С., Варламова Н.В., Лаптева Л.Е., Пахалов М.Ю., Дождев Д.В., Ефремова Н.Н.* Правовое общение. Постановка проблемы. М., 2012.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения в 50-ти томах. 2-е изд. 1956 – 1981
- Маркушин А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность. М., 2012.
- Марченко М. Н., Дерябина Е. М.* Правовая система Европейского Союза. М., 2012.
- Минин А. Я., Попов В. И., Кудин В. А.* Практика и порядок проведения тайных действий против организованной преступности в США. М., 1999.
- Министры внутренних дел Российского государства (1802-2002г.г.)* / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002.
- Михайлов В.И.* Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. Правовое регулирование, уголовная ответственность, оперативно-розыскные мероприятия и международное сотрудничество. СПб., 2002.
- Молчанов В.И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1998.

Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. Стадия предварительного расследования. М., 1996.

Моторный И. Д. Современный терроризм и оценка диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов. М., 2004.

Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. М., 2006.

Назирова А.Э. Философия науки. СПб., 2009.

Назмутдинов В.Б. Политико-правовые воззрения евразийцев в российской государственности XX в.: дис... канд. юр. наук. М., 2012.

Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2014.

Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2002.

Нерсисянц В.С. История идей правовой государственности. М., 1993;

Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений. М., 2005.

Нерсисянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998.

Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011.

Ницше Ф. Сочинения в двух томах. М., 1990.

Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004.

Новиков С. А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом. СПб., 2008.

Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. М., 2007.

Общая теория прав человека / Под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996.

Общая теория права и государства. М. 2010.

Общая теория права / Под ред. К. В. Бабаева. Н. Новгород, 1993

Овчинский А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность / Под ред. В. И. Попова. М., 2002.

Овчинский В. С. Криминология и биотехнология. М., 2005.

Оганян К. М. Философия человека. СПб., 2010.

Огородников В.П. Познание необходимости: детерминизм как принцип научного мировоззрения. М., 1985.

Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982.

Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб., 1999.

Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Государство, общество, личность: Проблемы совместимости / Под ред. *Ромашова Р.А., Нижник Н.С.* М., 2005.

Организация и методика прокурорского надзора за соблюдением законности при приеме, регистрации, проверке и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях / Под общ. ред. *В. И. Рохлина*. СПб., 2004.

Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт. М., 2004.

Осипкин В. Н. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью. СПб., 2003.

Основы гуманитарного знания / Под ред. *К.К. Колина*. М., 2017.

Осокина Г.Л. Гражданский процесс. М., 2013.

Отческая Т.И., Володина Д.В. Актуальные вопросы юридической ответственности судей в Российской Федерации. Новокузнецк, 2012.

Пернацкий В.И. Философия политики и права. М., 2013.

Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / Науч. ред. *Е.В. Тимошина*. СПб, 2010.

Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998.

Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2008.

Победкин А.В. Гарантии независимости или корпоративные привилегии? // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 1 (16). С. 115-126.

Победкин А.В. От внеправовой действительности к правовому нигилизму (концептуальные методологические подходы к оценке состояния законности в России) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 4 (4). С. 109-122;

Победкин А.В. Теория уголовно-процессуального доказывания – научная фикция? По поводу дифференциации процессуальной формы досудебного

производства // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 31-36.

Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс / Под ред. В. Н. Григорьева. М., 2004.

Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.

Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А Измерения прогресса. М., 2010.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

Права человека и современное государственно-правовое развитие / Отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. М., 2007.

Практика уголовного сыска / Под ред. А. И. Алексеева. М., 1999.

Примаков Е. М. Мир после 11 сентября. М., 2002.

Проблемы теории права и государства / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 1999.

Прокурорский надзор / Под ред. Ю. Е. Винокурова. М., 2001.

Радько Т.Н. Теория функций права. М., 2014.

Рассел Б. История западной философии: В 2 т. М., 1993.

Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. Н. Новгород, 1998.

Рикер П. Герменевтика и психоанализ: Религия и вера. М., 1996.

Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. М., 1990.

Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 161-169.

Романовская В.Б. Репрессивные органы в России в XX веке / Под ред. В.П. Сальникова. Нижний Новгород, 1996.

Романовский Г. В. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001.

Ромашов Р.А. Конституционное государство: История, современность, перспективы развития. Красноярск, 1997.

Ромашов Р. А., Оль П. А., Сальников М. В. Основы теории государства и права. СПб., 2002.

Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. СПб., 2015.

Ронин Р. Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съема информации: Практическое пособие. Мн., 2003.

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

Рорти, Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

Российский прокурорский надзор / Под ред. А. Я. Сухарева. М., 2001.

Россинская Е. Р. Криминалистика. Вопросы и ответы. М., 1999.

Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб., 2003.

Рохлин В. И., Захарцев С. И., Миронов М. А., Стуканов А. П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под ред. В. И. Рохлина. СПб., 2007.

Рузавин Г. И. Методология научного познания. М., 2009.

Румянцева Т.Г. Агрессия. Проблемы и поиски в западной философии и науке. Мн, 1991.

Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985.

Рыжаков А. П. Собираение (проверка) доказательств. Показание как средство доказывания. М., 2007.

Савенко А.И., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. 2012. № 7. С. 7-16.

Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. 2012. № 1(41). С. 14-34.

Садчикова П.И. Психология и логика чувств. Саратов, 2000.

Сальников В. П., Гуцериев Х. С., Федоров В. П., Худяк А. И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. СПб., 1996.

Сальников В. П., Сандулов Ю. А., Гуцериев Х. С., Кальной И. И. Философия для аспирантов / Под ред. И. И. Кального. СПб., 2001.

Сальников В. П., Степашин С. В., Хабибулина Н. Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002.

Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибуллин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. СПб., 2001.

Сальников В.П. Институционализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. 2013. № 1. С. 13-15.

Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С.153-156.

Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 174-192.

Саррацин Т. Германия: Самоликвидация. М. 2013.

Сартр Ж.П. Проблема метода. М., 1994.

Сафонов И. И. Организация раскрытия и расследования терроризма / Под ред. А. С. Подшибякина. М., 2004.

Седова Г. И., Степанов В. В. Дознание: функции и организация деятельности. М., 2003.

Сергеев А.П. Жилищное право. М., 2008.

Сидоров С.А., Честнов И.Л. Механизм правового регулирования в системе социального контроля. СПб., 2014.

Сильнов М. А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств (досудебные стадии). М., 2001.

Синилов Г. К. Введение в оперативно-розыскную психологию. М., 2006.

Синюков В.Н. Юридическое образование в контексте российский правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 31-42.

Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. М., 2008.

Смирнов М. П. Оперативно-розыскная деятельность (криминальной) уголовной полиции зарубежных стран. М., 1995.

Современная западная философия / Под общ. ред. *Т.Г. Румянцевой*. Мн., 2009.

Соловьев А. Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М., 2006.

Сорокин В. Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.

Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001.

Спиноза Б. Сочинения: В 2-х т. СПб., 1999.

Ставцев С.Н. Введение в философию Хайдеггера. СПб., 2000.

Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права / Отв. ред. *В.Г. Графский*. М., 2011.

Статкус В. Ф., Жидких А. А. Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современное состояние, перспективы / Под ред. *В. А. Алферова*. М., 2000.

Степанов А. А., Шананин М. Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве следственных действий. СПб., 2005.

Степаншин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). СПб., 1994.

Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2008.

Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992

Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.

Строгович М.С. Избранные труды. М., 1990.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. М., 1968-1970.

Сурков К. В. Принципы полицейской разведки. СПб., 1995.

Сырых В.М. Логические основания общей теории права. М., 2000.

Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2009.

Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006.

Тетерин Б. С., Трошкин Е. З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М., 1999.

Тихомиров Ю.А., Шахрай С.М. Риск и право. М., 2012.

Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997.

Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М., 1997.

Толмосов В.И., Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса. Самара, 2003.

Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.

Томсинов В.А. История русской и политической правовой мысли. X-XIII века. М., 2003.

Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. М., 1998.

Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005.

Тузова Т.М. Специфика философской рефлексии. Мн, 2001.

Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.

Уголовный процесс / Под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2004.

Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) / Под ред. Э.К. Кутуева. СПб., 2019.

Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М. К. Треушниковой. М., 2005.

Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.

Федюнин А.Е. Процессуально-правовые проблемы использования технических средств в раскрытии и расследовании преступлений/ Под общ. и науч. ред. *Щерба С.П.* Саратов, 2006.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М, 2007.

Философия и методология науки / Под ред. *В. И. Купцова.* М., 1996.

Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. *В.В. Миронова и Ю.Н. Солониной.* М., 2010.

Философия права: В 2 т. / Отв. ред. *М.Н. Марченко.* М., 2014.

Философия права в России: из опыта XX века / Отв. ред. *В.Г. Графский.* М., 2016.

Философия / Под ред. *В. П. Сальникова.* СПб., 1999.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996.

Фомушкин А. А. Голос и речь раскрывают криминальные тайны: о применении психолингвистических познаний в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2003.

Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

Хабибуллин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути и их решения // Журнал российского права. 2007. № 2.

Хабибуллин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. М., 2008.

Хабибуллин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. М., 2011.

Хабибуллин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. 2012. №8. С. 7-13.

Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: Теория и практика. М., 1998.

Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной Конституции. М., 2007.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997.

Холодный Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М., 2000.

Хропанюк В. Н. Теория государства и права / Под ред. *В. Г. Стрекозова*. М., 1995.

Цуканов В. В., Шумилов А. Ю. Гласная помощь граждан России пограничной полиции как общая проблема административного, военного и оперативно-розыскного права. М., 2008.

Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014.

Чельшева О. В. Гносеологические основы криминалистики / Под ред. И. А. Возгина. СПб., 2003.

Черепанов С.К. Философия неопределенности: неопределенность и парадоксы. Новосибирск, 2004.

Чистое учение о праве Ганса Кельзена / Отв. ред. *Кудрявцев В.Н., Разумович Н.Н.* М., 1988.

Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.

Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005.

Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2010

Чувилев А. А. Оперативно-розыскное право. М., 1999.

Шарихин А.Е. Новая парадигма оперативно-розыскной деятельности и ее роль в обеспечении экономической безопасности России. М., 2007.

Шароградский В.И. Диалектика становления философской системы марксизма. Л., 1987.

Шахрай С.М. Глобализация в современном мире / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 2004.

Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты. СПб., 2004.

Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы / Под ред. *В.П. Сальникова*. СПб., 2005.

Швырёв В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988.

Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2009.

Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981.

Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб, 1999.

Шестакова С. Д. Метод российского уголовно-процессуального права: от инквизиционности к состязательности / Под общ. ред. *В. П. Сальникова*. СПб., 2003.

Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001.

Шестов Л. Избранные сочинения. М., 1993.

Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М. 2012.

Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука Российской Федерации: в 3 т. М., 2013.

Щерба С. П. Применение на предварительном следствии Федерального закона о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых. М., 1997.

Эбзеев Б.С. Личность и государство в России. М., 2007.

Экимов А. И. Коркунов / Отв. ред. *В. Д. Зорькин*. М., 1983.

Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980.

Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания / Отв. ред. *В.Г. Графский*. М., 2013.

Энштейн А. Физика и реальность. М., 1965.

Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011.

Юдин П.Ф. Кто такие "национал-социалисты"? Свердловск, 1942.

Яковлев В.Ф. Избранные труды. В 2. т. М., 2012.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.